

Е. К. Куварова

**ТИПОЛОГИЯ РУССКОГО
ЭПИСТОЛЯРНОГО
ВОКАТИВА**

Е. К. Куварова

**ТИПОЛОГИЯ РУССКОГО
ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА**

Монография

Днепропетровск
«Новая идеология»
2014

УДК 811.161.1'38
ББК 81.411.2-55
К 88

*Рекомендовано к печати Учёным советом
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
Протокол № 3 от 25 сентября 2014 года*

Рецензенты:

В. В. Зирка, доктор филологических наук, профессор Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля

Т. С. Пристайко, доктор филологических наук, профессор Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

Куварова Е. К.

К 88 Типология русского эпистолярного вокатива : Монография / Е. К. Куварова. – Днепропетровск : Новая идеология, 2014. – 380 с.

ISBN 978-617-7068-23-4

В предлагаемой монографии описан русский эпистолярный вокатив, обобщающий различные способы указания адресата в письменном послании. Проанализированы три основных аспекта вокативной адресации: структурный, типологический и стилистический. Особое внимание при этом уделено классификации обращений-апеллятивов, малоизученным средствам установления и поддержания контакта между коммуникантами, таким, в частности, как опосредованная адресация и поливокатив, а также ресурсу и динамике вокативных образований. Исследование выполнено на материале свыше 20 тысяч писем адресантов разных профессий и разного социального статуса (в основном интеллигенции), живших и писавших свои письма в XVIII–XX столетиях, в эпоху, когда письмо становится самым массовым и распространённым видом речевого творчества практически всех слоёв русского общества.

Для лингвистов, занимающихся проблемами изучения эпистолярики, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей высших учебных заведений.

УДК 811.161.1'38
ББК 81.411.2-55

ISBN 978-617-7068-23-4

© Е. К. Куварова, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Начала эпистолярки, наряду с риторикой как наукой о красноречии, формируются ещё в античные времена. Переписка между людьми возникала в самых разных культурах, и древнейшие письма, по мнению историка В. А. Сметанина, могли быть написаны ещё 2400–2200 лет до н. э. Из самых же ранних сохранившихся и дошедших до нас писем античности известны письма Исократ, Платона, Аристотеля [Сметанин 1970, с. 7]. Исследователи эпистолярки отмечают, что с древности сохранилась значительная по объёму и разнообразная по содержанию эпистолярная литература, которая вместе с подлинной перепиской частного характера даёт образцы сочинений философско-этического, литературно-критического, автобиографического характера, причём многие из них были обращены к широкому читателю [Миллер 1967, с. 5–6]. Было замечено, в частности, что «Письма к Луцилию» Сенеки представляли собой небольшие философско-литературные этюды на различные этические темы; письма Платона давали образцы автобиографического рассказа; письма Плиния Младшего к друзьям отчасти напоминают дневник впечатлений, отчасти посвящены вопросам современной ему литературы, риторики, литературной критики [Античная эпистолография, с. 32, 81, 116–122]. Несмотря на то, что письма Сенеки или Плиния Младшего подлинные, сами авторы объединяли их в сборники и подвергали литературной обработке с намерением опубликовать. В Древней Греции возникла эпистолярная дидактика и псевдоисторическая эпистолярная литература. Универсальность же эпистолярной формы, которая давала возможность вложить в неё практически любое содержание, сделала письмо документом, причём тем его видом, который дал начало самым разным жанрам и видам текстов: от мемуаров и дневников до художественной прозы.

Ещё в античности начала складываться и теория эпистолярного стиля, давались определения писем и рекомендации по их написанию. Древнегреческий ритор и философ Деметрий, в частности, определял письмо как сжатое выражение дружеского расположения и рассказ о простых вещах простыми словами и полагал, что письма отличаются

от других текстов прежде всего своей тематикой: ни софизмы, например, ни рассуждения о природе не могут быть предметом письма. В отношении писем античный ритор как раз и использовал термин «эпистолярный стиль», указывая, что этот стиль существует в двух разновидностях: изящный и простой, а выбор между ними следует осуществлять в зависимости от того, какому лицу письмо обращено. При этом подчёркивается, что письмо составляется заранее и поэтому требует более тщательной отделанности, чем реплика в устном диалоге. Древнегреческие теоретики стиля отметили ещё один признак, который, по их мнению, отличает собственно письмо от других видов письменной речи, – его свойство отражать и запечатлевать характер адресанта [Деметрий 1978, с. 273–274]. Деметрием и его последователями были выделены самые разные типы писем (письмо «дружеское», «рекомендательное», «порицательное», «бранное», «утешительное», «укоризненное», «увещательное», «угрожающее», «насмешливое», «хвалебное», «советоподательное», «просительное», «вопрошательное», «обвинительное», «защитительное», «поздравительное», «благодарственное» и др.), число которых достигало сорока и более [Аверинцев 1981, с. 10].

Широко развиваться эпистолярное творчество начинает, по сути дела, в Византии. По наблюдениям исследователя византийской эпистографии Т. В. Поповой, большинство эпистолярных сочинений этого времени – письма вполне реальных лиц, написанные по тому или иному конкретному поводу, однако ориентация на возможность ознакомления с такими письмами довольно широкого круга людей требовала того, чтобы писались они как художественные произведения, с соблюдением определенных правил, или законов эпистолярного жанра [Попова 1974, с. 181–182]. Специализируется эпистолярика в средние века, хотя активную переписку тогда вели главным образом монастыри и духовенство. Развитие ремёсел и торговли обусловило расширение деловой переписки и создание купеческой почты. Коммуникативный ареал эпистолы быстро расширялся, количество писем и людей, ведущих переписку, постоянно увеличивалось, чему объективно сопутствовала демократизация, а в известной степени и вульгаризация жанра. Если же говорить об эпистолярном материале применительно к русскоязычной действительности, то самая общая картина здесь, исходя из известных и доступных нам публикаций писем, такова.

До XVIII столетия перепиской занимается очень узкий круг лиц, и публикаций собственно писем немного. О. В. Зуева, исследуя стиль древнерусских эпистолярных текстов, рассматривает в качестве эпистолярного наследия Руси XI–XVII веков различные в жанрово-стилистическом отношении документы: новгородские берестяные грамоты, учительные послания церковных иерархов, полемические письма образованнейших представителей своей эпохи, бытовые помещичьи грамотки, частную царскую и хозяйственную монастырскую переписку [Зуева 2007б, с. 137]. Соотносить переписку того времени с какими-то канонами, а тем более с рекомендациями античных философов, оснований очень мало. Как известно, в Древней Руси не существовало теории письма и теории литературы в виде определённого комплекса правил и рекомендаций, а преемственность эстетических традиций осуществлялась благодаря ориентации писателей, да и всех, кто по роду своих занятий был связан с созданием текстов того или иного типа, на набор произведений, которые считались образцовыми [Буланин 1989, с. 188]. Традиция соблюдения целого ряда требований к оформлению и стилю писем передавалась через письмовники – сборники посланий, содержавшие образцы литературно украшенных писем разного содержания, а также формулы вежливости, необходимые для написания частных и деловых писем [Дёмин 1963]. Древнерусские письмовники регламентировали преимущественно сферу деловой переписки; с XVIII века появляются также руководства по написанию частных писем, самым известным из которых стал «Письмовник» Н. Г. Курганова, выдержавший с 1769 по 1837 год одиннадцать изданий и включавший, помимо образцов писем, сведения по русской грамматике, а также исторические и бытовые анекдоты, собранные под названием «Краткие замысловатые повести» [Баранов 1989, с. 25]. Письмовники сохраняли популярность в XIX и даже в начале XX века, поскольку они способствовали распространению этикетных и этических норм, ненавязчиво советовали, как придать надлежащую форму своим эмоциям и выразить их в приемлемой для культуры форме [Артемьева 1993, с. 78].

В XVIII столетии с письмом как речевым творчеством связана довольно большая часть русского общества, главным образом, правда, чиновничество и дворянство. Имеются в достаточном для исследования количестве и публикации писем выдающихся личностей этого времени, в частности правителей Петра I, Екатерины II, государственных деятелей и полководцев Б. П. Шереметева, Г. А. Потемкина,

П. А. Румянцева, А. В. Суворова, писателей и учёных М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, М. Н. Муравьёва, Г. Р. Державина, Н. И. Новикова и др. Соотнесение писем, написанных в восемнадцатом веке, с рекомендациями идеологов античной, классической эпистолярки тоже весьма проблематично. В отдельных своих параметрах эти письма, конечно, соответствуют определённым нормам эпистолярного стиля, но далеко не всегда и главным образом только в обрамляющих содержание посланий компонентах. Следует отметить, что в России XVIII века значительная часть переписки велась на французском языке, и даже многие письма на русском языке содержат большие иноязычные вкрапления, при этом «нередко элементы французской эпистолярной нормы «калькировались» и встраивались в русскоязычные письма, создаваемые в соответствии с русским эпистолярным этикетом» [Атанасова-Соколова 2006].

XIX век, который стал эпохой расцвета эпистолярной литературы [Горнфельд 1907], наполнен перепиской весьма разнообразного характера – от частных писем представителей самых широких слоёв общества (интеллигенция, купечество, мещане, рабочие и крестьяне, получившие хотя бы начальное образование) до писем как художественных произведений и их фрагментов. И если в письмах образованной части населения ещё имеет место соблюдение норм классической эпистолярки, то основная масса адресантов этим нормам не следует, хотя бы уже потому, что с ними не знакома. В XIX веке начинается и публикация писем, и в первую очередь предметом общественного интереса становятся письма царствующих особ. Так, в период 1848–1896 гг. Археографической комиссией, созданной при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, были изданы пять томов «Писем русских государей и других особ царского семейства» [Письма русских государей... 1848, 1861, 1862, 1896]. В Одессе в 1849 году с подлинников, хранившихся в библиотеке М. С. Воронцова, опубликованы письма царевича Алексея к Петру I [Письма царевича Алексея Петровича... 1849]. В Санкт-Петербурге в это же время издаётся переписка сподвижника Петра I графа Шереметева [Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева 1879]. В процессе подготовки этих и других подобных изданий постепенно вырабатываются и принципы публикации эпистолярного наследия, способы комментирования и документирования писем.

В XX столетии письмо – это всеобщий жанр речевого творчества русскоязычного населения целого ряда как уже ушедших в прошлое, так и нынешних государств. Писали и получали письма практически все жители огромной территории с многомиллионным населением. Публикация писем замечательных людей стала обычной практикой, и всем была предоставлена возможность ознакомиться с эпистолярным наследием многих выдающихся личностей: государственных деятелей, писателей, учёных, спортсменов и т. п. Появилась возможность изучить это наследие не только в плане удовлетворения вполне естественного интереса к уникальному человеку, но и с установкой на изучение письма как документа особого рода с присущими ему признаками, дифференциальными и недифференциальными, документа, так или иначе противопоставленного устной (естественной) коммуникации.

Не случайно поэтому в XX веке возобновляется научный интерес к теории и практике письма. Изучение писем сначала осуществляется в русле риторики, затем продолжается в связи с развитием теории стиля и жанра в литературоведении [Бахтин 1986, с. 250–253]. Ю. Н. Тынянов показал, что в течение XVIII века письмо из бытового документа стало литературным фактом, и отметил огромное значение эпистолярной литературы XIX века в литературной эволюции [Тынянов 1977, с. 263–265]. В филологических изысканиях В. В. Сиповского, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, Н. Я. Эйдельмана, Т. Г. Цявловской и других учёных переписка известных мастеров слова неоднократно привлекалась в качестве материала исследования, позволяющего установить биографические и литературные связи русских поэтов и писателей.

В настоящее время существует обширная библиография научных работ, посвящённых письмам самого разнообразного ареала, времени и характера: древних египтян, вавилонян, ассирийцев, письмам античного мира, Средневековья и Нового времени [Сметанин 1980, с. 13–18]. Опубликованы многие тома писем выдающихся деятелей культуры, политиков, учёных, что сделало доступным для изучения большой корпус текстов данного типа. В научный обиход вошёл термин «эпистография», который филологами трактуется как «литература писем», а историками используется как название специальной дисциплины, изучающей письма в качестве исторического источника. Письма рассматриваются в разных аспектах: филологи исследуют их главным образом как литературный жанр, историки – как документ

определённой эпохи и источник сведений о ней. Обсуждаются также вопросы воспроизведения эпистолярных текстов в печати, их комментирования, датировки, сохранения и передачи особенностей языка автора [Принципы издания эпистолярных текстов 1964].

Довольно большое количество уже имеющейся литературы по эпистолярике, в том числе и литературы, ставшей научной классикой [Малаховский 1937; Модзалевский 1937; Томашевский 1927], постоянно дополняется новыми и новыми исследованиями. Намечается, как нам кажется, даже тенденция увеличения указанного дополнения, и не только потому, что резко возрос объём публикуемых писем в связи, надо полагать, с тем, что в последние десятилетия несколько ниже стала планка социальной значимости личности и её общественной ценности, а соответственно и расширился круг адресантов, претендующих по собственной или чьей-то воле на некий след в истории, но и потому, что письмо как средство общения, всё больше демократизируясь, стало приобретать новые формы своего субстанционального воплощения, связанные, в частности, с использованием электронной почты. Правда, в связи с появлением новых технических средств коммуникации учёные неоднократно высказывали опасения относительно будущего традиционной переписки [Коцюбинська 2009, с. 99]. Развитие электронных средств коммуникации ещё несколько лет назад давало основания для пессимистических прогнозов в отношении перспектив эпистолярного общения, которое стало казаться неким анахронизмом, обречённым на быстрое отмирание. Рассуждая об этом, исследователь украинского писательского эпистолярия В. И. Кузьменко выносит в заглавие своей статьи вопрос-альтернативу: «Дифірамб чи епітафія жанрові?» [Кузьменко 1997]. Симптоматично в этом плане и название статьи И. Г. Гуляковой, в которой обосновывается тезис о том, что письмо в его традиционном виде уходит, – «Конец жанра», хотя автор статьи высказывает в то же время и предположение, что этот факт не означает полное вытеснение письма, а, возможно, лишь видоизменение, мутацию, приспособление к новым техническим условиям [Гулякова 2002]. Действительно, новые каналы передачи информации рождают новые жанровые формы, в которые облекается эта информация, и сегодня появляются уже исследования писем, функционирующих в рамках виртуального дискурса, исследования, свидетельствующие о том, что эпистолярный жанр во всём своём многообразии заново рождается на наших глазах, а электронные письма будут служить такими же документами эпохи,

как и эпистолярный прошлого [Чеснокова 2012, с. 229–231]. Некоторые зарубежные учёные даже считают возможным соотносить мгновенный обмен сообщениями в социальных сетях, чате или по электронной почте с логикой развёртывания эпистолярного романа, видя в современных формах электронной коммуникации развитие традиционного жанра [Song 2011].

В последние десятилетия письма стали предметом исследования лингвистов, которые рассматривают на материале эпистолярных текстов функционирование фразеологизмов [Ганжа 2010; Фалина 2000; Фесенко 2009], неологизмов [Климова 1970а], перифразы [Гусева 2003; Комарова 1990, 1991], иноязычных слов [Шульга 2012]; изучают семантико-синтаксические категории речи [Телеки 2007], проблемы билингвизма [Блинохватова 2005]; анализируют структуру и единицы эпистолярного текста [Павлик 2005б], жанровые разновидности эпистолярных текстов [Виноградова 1991; Суровцева 2006]; письма исследуются в аспекте исторической стилистики [Глухих 2008б; Зуева 2009; Ленець 1989; Руднева 2010], лингвокультурологии [Майборода 2010], теории речевого общения [Кабанова 2004]. Значительное количество самых разнообразных изысканий в данной области позволяет, как нам кажется, говорить о формировании **эпистолярники** как филологической дисциплины, объектом изучения которой являются письма, функционирующие в разных сферах общения: обиходно-бытовой, официально-деловой, в художественном тексте, в средствах массовой информации. Статус эпистолярники как дисциплины филологической, объединяющей проблематику и методы лингвистики и литературоведения, подтверждается тем фактом, что на эпистолярном материале защищаются диссертации по разным филологическим специальностям: русский язык [Кирьянова 2007а; Кокунина 2005; Руднева 2010; Фалина 2000; и др.], русская литература [Дмитриева 1986; Логунова 1999; Соломонова 1983 и др.], украинский язык [Братаніч 2004; Ветрова 2004; Найрулін 2006; Черкез 2008 и др.], украинская литература [Заболотна 2005; Кузьменко 1999; Курило 2006; Мазоха 2007; Ткачівський 1997], германские языки [Бусоргина 2006; Чигридова 2004; Шеметова 2002], теория языка [Блинохватова 2005; Крюков 2001; Сибирякова 2010], общее языкознание [Пазинич 2001б], теория литературы [Морозова 2007; Рогинская 2002]. Исследователи эпистолярника отмечают, что письма привлекают внимание учёных как лингвистический и как литературоведческий феномен, а интеграция разных подходов при выявлении специфики эпистолярника весьма резуль-

тативна и расширяет возможности исследования [Фесенко 2008б, с. 141].

Термин *эпистолярика* в таком случае, подобно ряду других лингвистических терминов (грамматика, графика, фразеология, риторика), может употребляться в двух значениях: 1) совокупность писем как речевых произведений; 2) комплексная филологическая дисциплина, синтезирующая методы лингвистики и литературоведения и исследующая письма. Термину *эпистолярика* в первом значении близок термин *эпистолярный*, однако последняя лексема чаще употребляется для обозначения совокупности писем, принадлежащих одному адресату или объединённых временем их создания: *эпистолярный Пушкина, эпистолярный Чехова, эпистолярный конца XVIII века* и т. п. Словарь современной лингвистики, составленный А. А. Загнитко, ограничивает применение термина *эпистолярный* социокультурным и аксиологическим критериями: «Епістолярій (лат. epistola від грецьк. epistolē ← epistello – посилаю, відсилаю – листи, послання, звернення письменників, громадських і культурних діячів, що мають художню, публіцистичну та пізнавальну цінність» [Загнітко 2012, с. 267]. Н. В. Лёткина рассматривает эпистолярный как «переписку, изначально задуманную как художественная или публицистическая проза, предполагающая широкий круг читателей» [Лёткина 2008, с. 21]. Мы же обозначаем термином *эпистолярика* всю совокупность созданных в разное время писем независимо от степени их художественной ценности или значимости как документального источника.

Целесообразность употребления лексемы *эпистолярика* во втором значении, при наличии интернационального термина *эпистолюграфия* (он употребляется в польском, немецком и других языках, см., например, [Sykutris 1931; Winniczuk 1952]), история которого уходит в средневековье, связана с тем, что в русском языке термин *эпистолюграфия* закрепился за вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей письма как исторический источник. Правда, один из авторитетных исследователей эпистолярного наследия В. А. Сметанин предложил в качестве названия этой области исторической науки термин *эпистолюлогия*, с тем чтобы использовать слово *эпистолюграфия* для обозначения собственно переписки, эпистолярной литературы, писем, литературы посланий [Сметанин 1979, с. 59]. Во всяком случае, словари лингвистических терминов не фиксируют лексемы *эпистолюлогия* и *эпистолюграфия*, а их использование в филологии, на наш взгляд, нежелательно, поскольку создаст междисциплинарную омо-

нимию терминов. Лексема *эпистолярника* в этом плане вполне нейтральна, а модель, по которой она образована от адъектива *эпистолярный* с суффиксом *-ик(а)*, продуктивна при образовании лингвистических терминов подобного рода: фонетика, ономастика и др.

Филологическое исследование писем началось в русистике работами Ю. И. Айхенвальда, Е. А. Ляцкого, В. В. Сиповского [Левкович 1984], Б. В. Томашевского [Томашевский 1927], Н. Л. Степанова [Степанов 1966б], посвященными эпистолярному наследию А. С. Пушкина. Вслед за тем предметом изучения становятся письма целого ряда писателей и литературных критиков: К. Н. Батюшкова [Фридман 1965], В. Г. Белинского [Соломонова 1983], П. А. Вяземского [Фонштейн 1983], Ф. М. Достоевского [Шевцова 2004], Н. В. Станкевича [Матвеева 2004], Д. И. Фонвизина [Бухаркин 1980], А. П. Чехова [Малахова 1977] и мн. др. Письма рассматриваются как ценный источник сведений об этических, эстетических, политических взглядах писателя, как документ исторического, биографического и творческого характера. Внимание учёных к эпистолярному творчеству писателей связано с тем, что письма дают представление о процессе формирования индивидуального стиля, поскольку зачастую именно они являются той творческой лабораторией, в которой писатель оттачивает своё мастерство, как не раз было отмечено в филологических изысканиях [Бубликова 2013; Винокур 1991; Ильинская 1946]. Е. А. Маймин, рассматривая дружескую переписку А. С. Пушкина с точки зрения стилистики, показал, что письма были для Пушкина школой стиля, своеобразным опытным полем, пробным камнем языкового творчества, а язык писем во многих отношениях опережал язык его художественных произведений [Маймин 1962, с. 78, 81].

Изучается использование эпистолярной формы в творчестве классиков русской литературы [Баршт 1982; Гурвич-Лищинер 1964; Дмитриева 1986; Елина 1981]; письмо осмысливается как форма существования целого ряда литературных жанров: эпистолярного романа [Рогинская 2002], эпистолярной новеллы [Ташлыков 2001], документально-психологической прозы [Емельянов 2010]. Утверждается взгляд на эпистолярное творчество как особый литературный жанр [Степанов 1966а; Тодд 1994]; исследуется связь между развитием прозы в разные периоды и традициями эпистолярного жанра [Бухаркин 1982; Лазарчук 1977; Логунова 1999]. В 50-60-е годы XX века, когда разворачивается широкая публикация переписки выдающихся людей,

и в первую очередь писателей, особенно актуальными становятся проблемы текстологии, которые становятся предметом обсуждения в ряде научных работ [Ефременко 1964; Кошелев 2002; Михайлов 1964; Розанова 1965 и др.].

Начало систематического изучения писем в лингвистическом аспекте связано с решением проблем функциональной стилистики и лингвостилистическими исследованиями. Выясняя понятие «функциональный стиль» и описывая систему стилей современного русского языка, лингвисты, естественно, столкнулись с вопросом о правомерности квалификации языка эпистолярных текстов в качестве особого функционального стиля. Хотя выделение эпистолярного стиля имеет давнюю традицию, восходящую к античной риторике, а в отечественной лингвистике об эпистолярном стиле писал ещё М. В. Ломоносов, оказалось, что однозначное решение вопроса о стилистическом статусе эпистолярного пока невозможно в силу того, в частности, что проблема выделения и классификации функциональных стилей сегодня остаётся одной из наиболее дискуссионных в лингвистике, а подходы к определению стиля и жанра многообразны. Подробный обзор существующих точек зрения на жанрово-стилистическую природу эпистолярного был сделан в монографиях Н. И. Белуновой [Белунова 2000б, с. 22–33] и О. П. Фесенко [Фесенко 2008а, с. 6–21]. Несмотря на существование в современной лингвистике полярных точек зрения: от трактовки переписки как эпистолярного стиля [Антоненко 2006; Ганжа 2010, с. 9–10; Ефимов 1969, с. 20; Кецба 1974; Потоцкая 1974, с. 36; Седова 1985; Щерба 1957, с. 119] до категорического отрицания возможности объединить разнообразные по своим целевым установкам письма в составе эпистолярного стиля [Белунова 2000б, с. 23; Булах 1982; Фесенко 2008б, с. 134; Цыцарина 1989, с. 107–108], – «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» содержит толкование обоих терминов: и *эпистолярный жанр*, и *эпистолярный стиль* [Протопопова 2006а, 2006б], с той, однако, оговоркой, что оснований для выделения эпистолярного стиля в качестве функционального нет, поскольку не существует ни отдельной сферы общения, ни вида деятельности, которые бы обусловили стилевые отличия переписки, противопоставляющие её другим функциональным стилям. При этом исследователи типологически различных писем (дружеских, деловых) неоднократно указывали на межстилевой характер эпистолярных текстов [Белунова 2000а, с. 78; Глухих 2008а, с. 22; Павлик 2005а]. О. П. Билецкая усматривает межстилевой

характер письма, с одной стороны, в том, что письма способны проникать во все сферы коммуникации: обиходно-бытовую, научную, публицистическую, официально-деловую, письмо может быть также типом текста художественной прозы, образуя, таким образом наибольшую «коммуникативную парадигму», а с другой стороны, широко распространены письма, представляющие собой гибридные явления, сплав разностилевых элементов [Билецкая 1985, с. 96–101].

Трактовка эпистолярия как особого речевого жанра, обладающего единством содержательных, структурных и речевых свойств, обоснованная в докторской диссертации Н. А. Ковалёвой, кажется нам наиболее убедительной. Исследователи рассматривают эпистолярный как вторичную речевую форму синкретичного типа, включающую в свой состав первичные жанры (приветствие, просьба, благодарность, пожелание, приказ и т. д.) [Ковалёва 2002, с. 9–10; Лёткина 2008, с. 24], как своего рода гипержанр [Фесенко 2008б, с. 141]. Первичные речевые жанры, функционирующие в эпистолярном дискурсе, образуют парадигму, объединяющую жанры императивного, информативного, оценочного, этикетного типов [Курьянович 2001, с. 56–63, с. 114], причём в числе этикетных речевых жанров называется и такой речевой жанр, как «начальное обращение».

Понимание жанра как формы реализации того или иного функционального стиля даёт учёным основания для выделения различных эпистолярных жанров, таких, в частности, как деловые письма, письма-беседы, письма-пародии, письма-юморески, письма-дневники [Малахова 1977, с. 315], «письма вождю» [Суровцева 2006]. При этом отдельные группы писем распределяются между разными функционально-стилистическими вариантами языкового кода, например, открытые письма рассматриваются как публицистический жанр [Карасёв 1962], частные письма писателя – как художественно-документальный жанр [Тутаева 2010] и т. д. А. Н. Гвоздев характеризовал деловую переписку как официальный стиль, дружескую переписку – как интимно-ласковый стиль, а некоторые тексты, такие как письмо Белинского к Гоголю, относил к публицистическому стилю [Гвоздев 1955, с. 29–34]. В качестве особой функционально-стилевой разновидности эпистолярного жанра квалифицировано электронное письмо, стремительно преобразующее всю речевую систему эпистолярной коммуникации [Курьянович 2008]. Предложена типология писем, в основе которой лежит сфера их функционирования и соответственно стилистическая принадлежность: письма делятся на официально-деловые, про-

фессионально ориентированные (в русле научного стиля), публицистические, художественные и частные неофициальные письма, представляющие собой в стилистическом отношении синтез элементов различных функциональных стилей [Белунова 1995, с. 78]. Отмечая, что в разных видах писем актуализируются различные стилевые подсистемы языка, А. В. Курьянович предлагает рассматривать письмо как «устойчивый в узусе жанр, который функционирует в разных сферах бытования языка, сохраняя свои инвариантные признаки» [Курьянович 2010а, с. 87].

Наличие целого ряда структурно-семантических особенностей, присущих письмам независимо от сферы их функционирования и жанрово-стилистической принадлежности, послужило аргументом для рассмотрения писем как особого типа текста [Нижникова 1991, с. 3–4] и обусловило изучение эпистолярия в свете теории текста, в частности выяснение текстообразующих факторов и реализации текстовых категорий в эпистолярном тексте [Гусева 2006; Паперно 1974]. Было научно обосновано выделение основных подвидов типа текста «письмо»: письма как самостоятельного текста, лежащего в основе эпистолярной коммуникации, и как художественного эпистолярного инклюзива, т. е. композиционной части иного текста, служащей для изображения письменного общения персонажей художественного произведения [Кустова 1998].

Многообразие коммуникативных потребностей людей, обслуживаемых письмом, и, как следствие, широкая жанрово-стилевая вариативность данного типа текста обусловили существование целого ряда классификаций писем, базирующихся на разных основаниях. Первые типологии писем, известные ещё с античных времён, опирались на содержание писем и коммуникативную цель их автора. В соответствии с названными признаками выделялись, например, рекомендательные, порицательные, увещательные, просительные, защитительные, благодарственные и т. п. письма. Тематические классификации лежали также в основе разного рода письмовников, широко востребованных в русской культуре XVIII–XIX вв. [Фесенко 2008а, с. 31].

А. А. Акишина и Н. И. Формановская классифицируют письма по их функционально-коммуникативным свойствам, различая при этом три вида писем: 1) деловое письмо, направленное от имени одной организации (учреждения) к другой организации; 2) частное официальное письмо – корреспонденция частного лица и организации или письма частных лиц, знакомых или поддерживающих официальные

отношения, и 3) частное неофициальное письмо – письма хорошо знакомых корреспондентов, поддерживающих неофициальные отношения [Акишина 1981, с. 3–4].

Н. А. Ковалёва опираясь на признак сферы функционирования, разграничивает два основных типа русского письма: частное и литературное – и далее различает следующие виды частного письма: а) дружеское (литературно-дружеское и дружески-деловое); б) семейное; в) салонное; г) частно-деловое [Ковалёва 2002, с. 11].

Н. В. Доминенко противопоставляет по способу создания реальные и фиктивные, или художественные, письма, а наряду с ними выделяет официально-деловые, неофициальные (частные) и публицистические письма [Доминенко 2003, с. 154].

На основании функционально-стилистических признаков Л. Н. Кецба выделяет два основных подстиля в рамках эпистолярного стиля: личная переписка с разновидностями интимно-бытовых и литературных писем и официально-деловая переписка с разновидностями коммерческих и дипломатических писем [Кецба 1974, с. 170].

По мнению С. В. Антоненко, эпистолярный стиль включает жанр собственно письма, жанр письма писателей и литературный жанр (стилизованное письмо); внутри каждого из этих жанров исследователь выделяет поджанры: частное официальное и частное неофициальное письмо [Антоненко 2000, с. 18–19].

Л. В. Нижникова, отмечая стилевую гетерогенность множества эпистолярных текстов, указывает две исторически исходные сферы эпистолярной коммуникации: частное и деловое письмо [Нижникова 1991, с. 4]. С ними могут быть соотнесены два типа эпистолярной коммуникации: деловой и регулярный, соответствующие двум типам непосредственного общения [Радзієвська 1998, с. 116].

Распространяя обоснованное В. И. Карасиком [Карасик 2000] противопоставление статусно-ориентированных и персонально-ориентированных текстов на тексты эпистолярные, Н. Ю. Бусоргина подразделяет письма на две группы: институциональные (официальные, деловые) и персональные (личные), в свою очередь делящиеся на жанровые разновидности, и отмечает, что между ними нет четко очерченной границы: ряд жанровых разновидностей писем характеризуется наличием как институциональных, так и персональных аспектов [Бусоргина 2006, с. 5]. Такое переплетение свойственных регулярному и деловому типам общения интенций, а следовательно, и соответствующих языковых средств организации эпистолярного текста,

формирует, по определению Т. В. Радзиевской, своеобразный «диффузный узус общения» [Радзіевська 1998, с. 139]. Принадлежность писем к институциональному типу дискурса не позволяет, тем не менее, установить их однородность в функционально-стилистическом плане, и, выделяя, например, открытые письма как один из видов институционального дискурса, И. А. Чеснокова классифицирует их по цели создания, социальному статусу авторов, типу адресата [Чеснокова 2011, с. 102].

Нередко одни и те же корреспонденты оказываются связанными не только деловыми, служебными, но и дружескими или родственными отношениями. В этом случае институциональный или персональный характер дискурса обычно маркируется в самом начале письма обращением, задающим тональность общения. Так, в официальных письмах Екатерины II Г. А. Потёмкину адресат именуется: *Господин Генерал-Порутчик!*; *Господин подполковник полку Преображенского* [ЕП, с. 13, 15], а в интимной переписке тот же самый адресат – это *Голубчик мой, Гришенька мой дорогой; Миленький; Батинька; Милая милушечка Гришенька; Душа моя; Красавец мой миленький, на которого ни единый король непохож; Душенька; Миленький голубчик и безценный дружочек* [ЕП, с. 13, 14, 19, 21, 23, 29, 32] и т. п. Однако деловые и личные отношения корреспондентов бывают переплетены настолько тесно, что их письма невозможно однозначно определить как частные или как деловые, и это обстоятельство обуславливает синкретизм институционального и личностного в письме. Более того, иногда адресант прибегает к намеренной деинституализации дискурса в частно-деловом письме, что может рассматриваться как коммуникативная стратегия, способствующая достижению вполне прагматических целей участников эпистолярного общения.

А. В. Курьянович характеризует эпистолярный дискурс XX – начала XXI веков как полифункциональный, синкретичный в стилевом отношении, объединяющий такие жанрово-стилистические типы, как эпистолярно-литературный, эпистолярно-научный, эпистолярно-публицистический, эпистолярно-деловой и др. [Курьянович 2013б, с. 28–33].

Классификация деловых писем, составляющих особую подсистему в корпусе эпистолярных текстов, предложена М. Ю. Рогожиным, который выделяет до 30 видов писем, в частности письма-просьбы, письма-сообщения, письма-запросы, письма-заявления, письма-подтверждения, гарантийные письма, презентационные письма, со-

проводительные письма и др. [Рогожин 2009, с. 12]. Некоторые виды таких документов: приглашения и ответы на них, благодарственные письма и письма-оценки, извинительные письма – могут быть охарактеризованы как рутинные письма. Они, как правило, десемантизированы и имеют некоторые признаки ритуальности [Зарецкая 2002, с. 321]. Деловые письма исследуются в различных аспектах: лингвостилистическом [Федюрко 2002; Нгуен Тхи Бик Лан 2006], коммуникативно-прагматическом [Сыщиков 2001; Фэн Хунмэй 2006; Чигридова 1999], когнитивном [Исупова 2003; Сыщиков 2000]. Кроме того, выходят в свет многочисленные пособия прескриптивного характера, адресованные специалистам в самых разных областях и имеющие целью повысить культуру делового общения [Веселов 1990; Кирсанова 2006; Назаренко 2008; Самуэльян 1997] и др.

В круг проблем эпистоляррики входят и вопросы, связанные с этикетом русского письма. На основе анализа деловых и частных писем создано учебное пособие с описанием основных композиционных и смысловых частей письма и стереотипных выражений, использование которых в различных ситуациях регулируется нормами речевого этикета [Акишина 1981]. Эпистолярный этикет и соответствующие компоненты структурной организации письма изучаются в сопоставительном [Бетузия 1984; Зуева 2007а; Кимпалу 2009; Стрелец 2009, 2012], ономастическом [Кыштымова 2008], и диахроническом аспектах [Акимова 2009; Артемьева 1993; Глинкина 1985; Катаржина 2001; Фалина 2007, 2008]. Стандартизованные этикетные формулы рассматриваются как дискурсивные единицы эпистолярной речи [Павлик 2005б], как реализация социальной категории вежливости [Телеки 2007].

Новый аспект изучения эпистолярных текстов открылся в связи с введением в лингвистический обиход термина «языковая личность» и развёртыванием соответствующих исследований. Было установлено, что тексты, различные по своей жанрово-стилистической природе, в разной мере значимы для репрезентации личности их автора, и особенно благоприятным полигоном для исследования языковой личности во всём богатстве её проявлений являются универсальные жанры, не прикрепленные к той или иной сфере речевой деятельности, к числу которых относится и письмо [Гиндин 1989, с. 64]. Объектом целого ряда исследований становится элитарная языковая личность, принципы её описания [Глинкина 1996] и способы её репрезентации в эпистолярных текстах представителей русского образованного дворянст-

ва середины XVIII – первой половины XIX века [Барсукова 2007], учёных Ю. М. Лотмана [Парсамова 2004], В. И. Вернадского [Курьянович 2010б], поэтов и писателей М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака [Сулейманова 2009], литературного критика В. Я. Курбатова и писателя, драматурга и сценариста А. М. Борщаговского [Гулякова 2007] и др. На материале писем в качестве компонентов авторской концептосферы исследуются такие единицы, как концепт [Величко 2012], речевой жанр [Курьянович 2006]. Среди разнообразных качеств языковой личности особое внимание уделяется лингвокреативности, которая проявляется в языковой игре и других способах творческого использования языковых единиц [Величко 2007; Кыштымова 2008].

В настоящее время, таким образом, письмо начинает интересовать филологов не только как речевая среда функционирования различных лингвистических фигур, источник сведений биографического характера о его авторе или форма художественного повествования, но и как средство и канал коммуникации, изучение которого способствует выяснению закономерностей межличностного взаимодействия и способов эффективного речевого воздействия на адресата [Белунова 2000в; Кабанова 2004; Кирьянова 2007б; Курьянович 2012б; Невська 2012]. Коммуникация в культурном пространстве представляет собой диалог, причём, по справедливому утверждению Л. Н. Синельниковой, «диалогичность лежит в основе мышления, в определении иерархии ценностей, в формировании этических категорий, типологизирующих человеческое общение» [Синельникова 2005, с. 252]. В качестве доминантной категории текста письма, и в частности письма дружеского, рассматривается диалогизация, которая реализуется системой языковых средств, в том числе обращением и подписью адресанта [Белунова 2000б, с. 111]. Изучаются способы развёртывания эпистолярного диалога и особенности его вербальной реализации [Белова 2005; Кокучина 2005; Омарова 2004], речевые стратегии реализации различных коммуникативных интенций [Курьянович 2009; Маринин 1996; Морозова 1999; Шеметова 2002], фактор адресата в переписке, в частности в переписке дипломатической [Пазинич 2001а].

Письмо в контексте культуры существует в разных ипостасях, и целый ряд из них характеризует в своей монографии «Листи і люди» М. Х. Коцюбинская: письмо как документ, письмо как творчество, письмо как автопортрет, эпистолярное alter ego художника, письмо как эпистолярная панорама своего времени, письмо как художественный феномен [Коцюбинська 2009]. Объектом современных лингвистических исследований является письмо как феномен культуры, как форма коммуникации, как средство и канал коммуникации, как способ творческого использования языковых единиц, как форма художественного повествования, как источник сведений биографического характера о его авторе или форма художественного повествования, как средство и канал коммуникации, изучение которого способствует выяснению закономерностей межличностного взаимодействия и способов эффективного речевого воздействия на адресата.

тических исследований являются следующие ипостаси письма: 1. Средство дистанционного общения, зачастую предпочитаемое, а в определённых коммуникативных ситуациях вынужденное и единственно возможное; 2. Послание (в том числе официальное, деловое, специальное); 3. Акт волеизъявления, один из способов осуществления того или иного коммуникативного задания адресату (информирование, запрос, ответ, повеление, эмоциональная разрядка и т. п.); 4. Речевое произведение, в том числе и художественное; 5. Документ (жалоба, донос, иск, завещание и т. п.). Общее для всех этих ипостасей – то, что, во-первых, письмо является графической субституцией естественной (устной) коммуникации с вытекающими из этого последствиями, и в частности необходимостью в той или иной степени смоделировать и восполнить теряемую при переходе от устного общения к письменному информацию; во-вторых, наличие прямой или опосредованной (косвенной) адресации, хотя и необязательное при этом обозначение адресата самим адресантом, как и необязательное, но общепринятое обозначение автора письма; в-третьих, ориентация на дистанционное общение, не требующее обязательного присутствия коммуникантов в одном месте и в одно время. При этом материальная субстанция письма может в принципе варьироваться (криптография, звуковое письмо, электронная почта и т. д.), что не меняет его существа как некоего послания.

В последнее время появляются научные работы обобщающего характера, посвящённые теоретическим вопросам изучения эпистолярия в современной лингвистике [Курьянович 2013а]. Обозначая основные исследовательские векторы в этой сфере, Н. А. Калёнова выделяет следующие аспекты изучения текстов частного письма: литературоведческий, текстологический, собственно лингвистический, стилистический, коммуникативный, социолингвистический, культурологический [Калёнова 2012, с. 97–99]. Перспективы изучения писем в рамках эпистоляртики связаны с наличием целого ряда нерешённых проблем в данной области, к числу которых относится необходимость упорядочения соответствующей терминологии, вопрос о жанрово-стилистическом статусе эпистолярия, коммуникативно-прагматические аспекты эпистолярного общения, выяснение места писем в системе письменных документов и установление дифференциальных признаков письма, исследование структуры письма как речевого произведения и другие.

Поскольку одним из характерных признаков письма является его **адресованность конкретному получателю**, что справедливо и для любого речеповеденческого действия [Арутюнова 1999, с. 643], эта адресованность, как правило, находит своё выражение в тексте послания, а значит, не мог быть обойдён вниманием лингвистов и вопрос о языковых средствах адресации письма. В качестве одной из типичных этикетных единиц, наиболее регулярно употребляемых для указания адресата, внимание исследователей эпистоляррики привлекают обращения, причём в первую очередь обращения нестандартные, окказиональные, индивидуально-авторские [Журавлёва 2005; Сулейманова 2009]. Изучается структура эпистолярного обращения [Серый 1976], его стилистические функции [Захарова 1988; Климова 1970б], лексико-синтаксические особенности обращения в дружеском письме [Черняева 2008]. Однако глубоких исследований обобщающего характера в этом плане, на наш взгляд, очень мало, а собственно обращением языковые средства установления контакта при письменном общении отнюдь не исчерпываются, причём формы указания адресата в письме имеют свою специфику по сравнению с устным общением в условиях непосредственного контакта. Прямое обращение может быть и в письме, и при визуальном контакте людей, но косвенная адресация типа *г-ну Волкову; жителям Заречного района; декану исторического факультета* и т. п. присутствует только при письменной коммуникации. Непосредственное общение зачастую обходится без обращения к собеседнику: при встрече можно просто кивнуть или ограничиться стандартной формулой приветствия *Здравствуйте! Добрый день! Привет!* и т. п., а в письме, напротив, желательно прямо или косвенно обозначить адресата, при необязательности формулы приветствия. Нередко автор письма использует и формы опосредованной адресации в конструкциях такого рода: *Обнимаю свою дорогую Танюшу; Целую моё солнышко; Всё время думаю о моей маленькой дочурке*. Все эти разнообразные средства указания адресата в письме мы объединяем термином **эпистолярный вокатив**.

Конкретные речевые образования, манифестирующие вокатив в тексте письма, широко варьируются. Какие-то из этих лингвистических фигур привязаны к определённой исторической эпохе, к социальному укладу общества, к установившимся традициям (*Ваше превосходительство, Милостивый Государь, Господин, Товарищи*), а какие-то универсальны и проходят в письмах одного адресанта через десятилетия, а то, если обратиться к адресантам, жившим в разное

время, и через века. Универсальны, например, обращения по имени или по имени и отчеству без детерминантов (*Маша, Пётр Сергеевич*) или с детерминантами (*милая Маша, дорогой Пётр Сергеевич*), да и детерминанты при этом могут носить не только неофициальный, дружеский характер, как в только что приведенных примерах, но и характер сугубо официальный, этикетный (*любезнейшая Мария, глубокоуважаемый Пётр Сергеевич*).

Формулы *дорогой / милый + имя, дорогой / милый + имя и отчество* зафиксированы во множестве обследованных нами частных писем практически всех адресантов конца восемнадцатого – начала двадцать первого веков. Многие из адресантов обращаются к этим формулам на протяжении всей своей жизни, причём в письмах разным адресатам. Анна Ахматова, например, использует эти формулы в письмах С. В. Штейну (февраль 1907 г.), Н. С. Гумилёву (июль 1914 г.), Г. И. Чулкову (июль 1914 г. и март 1930 г.), Н. И. Харджиеву (1932 г.), О. Э. Мандельштаму (1935 г.), В. Я. Виленкину (февраль 1962 г.), Д. Е. Максиму (январь 1963 г.), А. Т. Твардовскому (январь 1965 г.) [Ахматова, с. 343–348].

Сопутствующие указанным антропонимам детерминанты часто меняют свою стилистику с развитием в ту или иную сторону отношений между лицами, ведущими систематическую переписку. Так, А. П. Чехов в своём ответе 16 ноября 1898 года на первое письмо М. Горького использует официальное обращение *Многоуважаемый Алексей Максимович*, точно такое его обращение к Горькому и в письме от 3 декабря того же года [Чехов, т. 12, с. 235, 241]. А вот год спустя: *дорогой Алексей Максимович; драгоценный Алексей Максимович; милый Алексей Максимович* [Чехов, т. 12, с. 247, 291, 335], далее снова *драгоценный* [Чехов, т. 12, с. 347], *дорогой* [Чехов, т. 12, с. 366, 447, 449, 450, 452] и с ещё большим постоянством – *милый* [Чехов, т. 12, с. 375, 379, 385, 409, 411, 412, 414, 417, 447]. Есть просто *Алексей Максимович* [Чехов, т. 12, с. 254], есть у него и письма к Горькому вообще без вокатива или какой-то иной формы обращения [Чехов, т. 12, с. 291].

Вокатив как композиционная часть письма также допускает варьирование в довольно широких границах. Он может встречаться в письме единожды в качестве элемента эпистолярной рамки, как часть зачина, предшествующая информационной части письма; вокатив, употреблённый один раз, может также находиться в любом месте информационной части или даже в концовке письма, в составе заключи-

тельной этикетной формулы; вокатив в письме бывает употреблён дважды, в зачине и в концовке, композиционно образуя рамку текста; наконец, нередки случаи многократного обращения автора к своему адресату в одном и том же письме. При этом вокатив может иметь неизменный лексико-грамматический состав в пределах одного текста, а может и значительно модифицироваться, представляя собой целый комплекс адресующих номинаций. Изучение структурных типов эпистолярного вокатива, его прагматики и стилистических свойств, построение типологии эпистолярного вокатива является актуальной и пока не решённой лингвистической проблемой, которую мы и попытались решить в нашем исследовании. Исследование строится на обширном языковом материале: к анализу привлекалось около двадцати тысяч опубликованных писем писателей, поэтов, художников, композиторов, издателей, государственных деятелей, полководцев, дипломатов, политиков, а также представителей других социальных групп, и неопубликованные письма из семейных архивов частных лиц, предоставленные нам на условиях анонимности.

ГЛАВА I

ПИСЬМО КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Письмо в системе письменных документов

Одной из наиболее актуальных проблем для специалистов, которые занимаются изданием эпистолярного наследия, является проблема формирования корпуса текстов, которые квалифицируются как письма. В связи с этим, анализируя эпистолярное наследие, многие учёные отмечают, что даже в академических изданиях нередко в тома писем включаются самые разные документы и материалы, зачастую не подходящие, по мнению Л. Н. Смирновой, под определение эпистолярного жанра, такие, например, как обращения к издателям, письма в редакцию, разного рода прошения, деловые распоряжения и т. п. [Смирнова 1964, с. 239–240]. Е. И. Прохоров, неоднократно осуществлявший подготовку к публикации художественных произведений и других текстов, принадлежащих писателям, обращает внимание на то, что не всегда возможно установить чёткую границу между письмом в стихах и дружеским посланием как жанром лирической поэзии, а также между письмом и официальным документом. Отмечает учёный и тот факт, что письмо, в котором писатель анализирует явления современной ему литературы, давая оценки сюжету, композиции, стилю, нередко воспринимается как критическая статья, поэтому вопрос о границах жанра эпистолярия, по его мнению, остается открытым, и в издательской практике иногда бывает чрезвычайно трудно определить, где следует печатать тот или иной документ, даже если он имеет все формальные элементы письма: указание адресата, места написания, даты, обращение и т. п., – среди художественных произведений, критических статей или в томах писем [Прохоров 1964, с. 17]. В этом плане показателен следующий факт: составители полного собрания сочинений В. Г. Белинского, изданного в 1953–1959 гг., не включили в 12-й том, где опубликованы письма 1841–1848 гг., текст, известный как зальцбургское письмо Белинского к Гоголю от 15 июля 1847 года, хотя он был отправлен адресату и номинируется

именно как письмо. Это открытое письмо, которое уже современниками было воспринято как политический документ, опубликовано в X томе собрания сочинений, среди литературно-критических статей и рецензий [Белинский, т. X, с. 212–220]. В состав издания, озаглавленного «Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову», включены, наряду с письмами, расписки в получении денег [ПХ, с. 47, 48, 66, 177, 250 и др.]. В тринадцатом томе полного собрания сочинений В. В. Маяковского вместе с письмами публикуются заявления, записки, телеграммы, доверенности [Маяковский, с. 7–138] – и подобные примеры многочисленны.

Не случайно одной из актуальных задач лингвистики всё ещё остаётся определение самого понятия *письмо*, формирование дифференциальных признаков, которые позволят квалифицировать заданные документы как принадлежащие или не принадлежащие к разряду эпистолярных текстов. Дефиниции письма многообразны, но они, как правило, неоднозначно и не в полной мере раскрывают сущность определяемого понятия. В словарях современного русского языка слову *письмо* ставится в соответствие несколько значений, причём в качестве первого, базового номинативного значения даётся определение письма как системы графических знаков для передачи информации, и только какие-то последующие значения этого слова связываются с письмом как посланием. Так, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» мы читаем: «**Письмо** – ... 4. Текст, посылаемый, передаваемый кому-либо с целью сообщения о чём-либо, изложения своих мыслей, выражения своих чувств. ◇ Директивное, инструктивное, циркулярное и т. п. письмо. ◇ Роман, повесть и т. п. в письмах. ◇ Возмутительное, прелестное письмо. || Соответствующее почтовое отправление. 5. Официальный документ (преимущественно денежный); письменное долговое обязательство» [БАС, т. 9, с. 1246–1247]. Кстати, «Словарь русского языка» в 4-х томах объединяет эти значения в одном лексико-семантическом варианте, выделяя письмо как официальный документ лишь в качестве оттенка значения: «**Письмо** – ...3. Бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление. || Сам такой текст. || Официальный, обычно денежный документ» [МАС, т. 3, с. 127].

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой значение слова *письмо* как послания ставит на первое место и объясняет это слово следующим образом: «1. Написанный

текст, посылаемый для сообщения чего-н. кому-н.» [Ожегов, с. 519]. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова читаем: «**Письмо** – ...4. Написанный текст, передаваемый, посылаемый кому-л. для какого-л. сообщения (обычно упакованный в обёртку, конверт)» [БТС, с. 834].

Уже первая из приведенных дефиниций полностью отвечает самому общему нашему представлению о письме как речевом произведении. Она понятна и вполне, на наш взгляд, может быть принята как рабочее определение исследуемого нами объекта даже без указания того, что письмо – это бумага или почтовое отправление. Письмо при этом имеет, как правило, своего конкретного автора, иногда коллективного, и является результатом интеллектуальной деятельности адресанта, продуктом его творчества, а соответственно его речевым произведением.

Интересно, что дефиниция украинского эквивалента лексемы *письмо* – слова *лист* – в «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» фиксирует в качестве смыслового оттенка «письменное обращение к лицу или лицам, рассчитанное на широкое распространение», что указывает на возможность обращаться с помощью письма к множеству адресатов, изначальную ориентированность автора письма на его опубликование: «**Лист** – ...2. Писаний текст, назначений для повідомлення про що-небудь, для спілкування з кимсь на відстані, а також відповідна поштова кореспонденція. || Писане звертання до особи чи осіб, розраховане на широке розповсюдження. 3. Офіційний, грошовий або інший документ. || Документ для записування яких-небудь відомостей» [ВТС, с. 615].

Какого-то одного из признаков, названных в приведённых выше дефинициях, недостаточно для того, чтобы чётко обозначить, что такое письмо, и противопоставить собственно письмо другим видам письменных документов. Например, если речь идёт о почтовом отправлении, то письмом можно назвать и конверт, содержащий не текст, а, скажем, рисунок или фотографию. Письмо может и не быть официальным или денежным документом. Носителем текста не обязательно является бумага: ранее в этом качестве использовались различные материалы от папируса и бересты до пергамента, а в настоящее время корреспондентам всё чаще приходится иметь дело с электронными средствами передачи информации. Снять многозначность слова *письмо* в этом отношении отчасти позволило бы использование термина *эпистолярный текст*, как это у Н. Ю. Бусоргиной [Бусоргина

2006], Н. В. Глухих [Глухих 2008б], О. В. Зуевой [Зуева 2007б, 2009], Т. Н. Кабановой [Кабанова 2004], С. И. Комаровой [Комарова 1991], Н. В. Лёткиной [Лёткина 2006, 2008] и других учёных, но и в этом случае необходимо разграничение соответствующих объектов, отношение между которыми, по-видимому, можно сопоставить с антиномией «документ» – «документный текст», которую исследовал С. П. Кушнерук в связи с проблемами экспертной практики: противопоставление документа как объекта документоведения и документного текста как объекта лингвистики [Кушнерук 2008, с. 204]. И если в качестве объекта исследования мы будем рассматривать эпистолярный текст, то нужно выяснить, чем он отличается от текста неэпистолярного, что не менее, как нам кажется, проблематично, чем поиск дифференциальных признаков для собственно письма. При этом в отношении письма как речевого произведения вполне правомерным является употребление обоих терминов, а вот замена термина *эпистолярный текст* лексемой *письмо* не всегда возможна, поскольку к эпистолярному стилю относят не только письма, но и телеграммы, записки, поздравительные открытки, памятные надписи на книгах и фотографиях, дневниковые записи [Седова 1985, с. 60], а также путевые заметки, мемуары, которые, как и письма, ярко характеризуют личность автора и не всегда предназначены для публикации [Ленець 2007, с. 181]. Следовательно, все эти виды текстов могут быть квалифицированы как эпистолярные, однако не всё из перечисленного выше можно назвать письмом.

И ещё одно обстоятельство. В дефиниции, данной в «Словаре современного русского литературного языка», в качестве различного признака письма названа коммуникативная цель: сообщение о чём-либо, изложение своих мыслей, выражение своих чувств, – однако всё это содержится в самых разных видах текстов: газетных статьях, дневниках, мемуарах и т. д. Признак «написанный» применительно к тексту письма тоже нерелевантен: текст не обязательно бывает написан, существует и так называемое звуковое письмо; а если говорить о написании как процессе порождения текста, то письмо может быть и копией, воспроизведением чужого текста. Посылать можно, как уже отмечалось, не только письма, но и документы, научные статьи, художественные тексты; с другой стороны, даже неотправленное письмо всё же остаётся письмом.

В словарях лингвистических терминов [см., напр.: Ахманова, с. 323; ЛЭС, с. 375; Розенталь, с. 207; Русский язык, с. 205; Столярова

2003, с. 87], как и в словарях энциклопедических [БСЭ, т. 19, с. 517; СЭС, с. 1003], вообще нет толкования слова *письмо* как послания. Они указывают только одно значение термина «письмо», интерпретируя его как знаковую систему фиксации речи, позволяющую передавать сообщение на расстоянии и закреплять её во времени, и тем самым не берут на себя ответственность за определение письма ни как документа, ни как речевого произведения. Возникает парадоксальная ситуация: в лингвистической литературе дискутируется вопрос о том, какой термин более корректен в отношении писем: эпистолярный стиль, эпистолярный жанр, эпистолярная форма или эпистолярная манера и т. д. – при этом не определяется сам предмет обсуждения и не маркируется соответствующий термин.

Весьма разнообразные, а зачастую и противоречивые дефиниции письма встречаются в специальной литературе, и это обусловлено не только разными методологическими установками исследователей писем, но и жанрово-стилистической неоднородностью того, что квалифицируется в качестве эпистолярных текстов. Е. И. Прохоров, в частности, говорит об узком и широком понимании термина *письмо*. В широком смысле письмо может быть и литературно-художественным, и критико-публицистическим произведением, и деловым документом. Письмо в узком смысле слова – это документ частного письменного общения лиц. Ограничивая предмет рассмотрения последним типом текстов, автор определяет письма как «письменные личные обращения автора к отдельным лицам или коллективам лиц, с обычным присутствием типично эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и т. п.) и предполагающие необходимость ответа (или сами являющиеся ответом)», и отмечает, что письмо «пишется обычно в свободной форме, в нем могут обсуждаться как личные, так и общественные вопросы, но оно не рассчитывается на опубликование или ознакомление с ним иных лиц, кроме тех, кому оно адресовано» [Прохоров 1964, с. 19]. Далее учёный делает оговорку, что названные им признаки не всегда присутствуют в каждом письме: немало писем писалось без обращений, без дат или без подписей; письма, адресованные одному человеку, читал гораздо больший круг лиц; личные письма попадали в печать даже при жизни автора и т. п. Всё это он рассматривает лишь как исключения из общего правила.

Однако думается, что число таких текстов слишком велико, чтобы считать их исключением, да и провести чёткую границу между частными письмами и другими их видами едва ли возможно. Ещё в

отношении фиктивных писем (по сути эпистолярной беллетристики), которые появились в поздней греческой прозе, было отмечено, что каноны жанра и риторические требования к письмам соблюдены в них столь строго, что фиктивность их установлена лишь в результате кропотливых исследований содержания, лексики и стиля, выполненных в XIX и XX вв. [Фрейберг 1967, с. 162–163]. Со временем в литературе сформировался большой пласт текстов, сочетающих в разных пропорциях черты реальных и фиктивных писем. Сохраняя в той или иной мере формальные признаки письма, эти тексты, которые можно назвать квазиэпистолярикой, являются по сути либо художественной прозой, как, например, «Роман в девяти письмах» Ф. М. Достоевского и «Письма к тётенке» М. Е. Салтыкова-Щедрина, либо путевыми очерками («Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола, «Письма об Испании» В. П. Боткина), философским трудом («Письма без адреса» Г. В. Плеханова), дневником-воспоминаниями («Кукха. Розановы письма» А. М. Ремизова) и т. д. Такие тексты могут создаваться как литературное произведение, но могут иметь и более сложный генезис, как, например, «Письма из-за границы» П. В. Анненкова, первые из которых не предназначались для печати, а были адресованы В. Г. Белинскому как частные письма. Белинский высоко оценил их и опубликовал в «Отечественных записках», после чего автор продолжал цикл своих корреспонденций в жанре репортажа уже с установкой на публикацию [Конобеевская 1983, с. 453–455].

В отношении квазиэпистолярики не всегда легко бывает установить реальный или фиктивный характер писем. Так обстоит дело, например, с эпистолярно-публицистическим циклом «Письма из Сибири» М. С. Лунина. Это письма декабриста к сестре, Е. С. Уваровой, отобранные, обработанные и подготовленные самим Луниным для распространения и последующей публикации, которая стала возможной только после смерти автора. Основой литературного произведения являются реальные письма декабриста, однако автор работал над циклом в течение нескольких лет, внося изменения в текст, иногда добавляя письма полностью фиктивные, никогда не отправлявшиеся сестре. Известны несколько редакций «Писем из Сибири», представленных рядом отличающихся друг от друга автографов или авторитетных списков, при этом исследователи отмечают, что редакция состояла не столько в текстуальной авторской правке, сколько в изменениях набора писем и их композиции [Желвакова 1988, с. 362–363].

Даже после кропотливой текстологической работы, проделанной составителями при подготовке «Писем» к публикации, не всегда возможно однозначно установить в каждом конкретном случае соотношение в письме реального и фиктивного.

И это, повторимся, только один класс писем, наряду с которым широко распространены и другие документы, имеющие признаки письма или квалифицируемые в качестве письма (например, литературные послания; коммерческие рекламные тексты, отправляемые по почте; письмо как элемент подросткового фольклора в контексте девичьих альбомов с пожеланиями и т. д.), но их анализ – тема особого исследования. Что же касается рассматриваемых нами посланий, то вполне логичными представляются следующие заключения.

Относительно содержания письма всё очевидно. Подобно отдельному предложению с его установкой на цель высказывания письмо может быть ориентировано на выполнение любого коммуникативного задания: что-то сообщать, о чём-то спрашивать, содержать прямой императив, состоять из оптативных конструкций и даже иметь характер респонсивного, по терминологии И. И. Меньшикова [Меньшиков 2010], предложения, т. е. быть той или иной письменной реакцией на полученный вопрос. При этом и предмет обсуждения в письме, что тоже очевидно, может быть каким угодно. Поэтому вполне объяснимо то, что существующие в специальной лингвистической литературе определения письма, рассматриваемого не просто как почтовое отправление, а как эпистолярный текст, условно говоря, выносят за скобки содержание и при этом включают указание на те или иные формальные его признаки. Так, О. В. Зуева определяет эпистолярные тексты как «произведения письменной речи, созданные с целью осуществления дистантного общения в различных сферах межличностных отношений и потому неизбежно грамматически и прагматически ориентированные на второе лицо – конкретного адресата, обладающие стереотипной композицией, реализующие систему принятых в данное время и данным коллективом коммуникативных формул» [Зуева 2007б, с. 137]. У Н. А. Ковалёвой читаем: «Эпистолярный – завершённый по структуре и смыслу композит, самостоятельная текстовая организация, обладающая связностью и цельностью и характеризующаяся конструктивной рамочностью – пространственно-временной ориентацией; обращением к адресату и подписью адресанта; преамбульно-резюмирующей структурой содержания» [Ковалёва, 2002, с. 7–8].

Нетрудно заметить, что, какой бы аспект исследования писем ни был наиболее значимым для авторов приведённых выше дефиниций, в качестве одного из главных дифференциальных признаков письма они называют особую структурную организацию, наличие целого комплекса обязательных элементов, к которым, в частности, относятся дата и место написания, обращение к адресату, подпись адресанта, особые коммуникативные формулы, принятые в данное время и в данном языковом коллективе.

Изначально существовавшая связь между письмом как разновидностью текста и письменностью отражается во взаимосвязи лексико-семантических вариантов, объединённых в русском языке лексемой *письмо*. Выясняя сущность письма как системы начертательных знаков, В. А. Истрин подчёркивает, что эта форма коммуникации генетически возникает как дополнительное к звуковой речи средство общения, служащее сначала преимущественно для передачи речи на большие расстояния и для закрепления ее во времени [Истрин 1965, с. 25]. И если такое понятие, как письменная речь, лингвистами терминологизировано, должны быть, по-видимому, терминологически как-то обозначены и основные виды такой речи, тем более самый, как было отмечено, распространённый из них – собственно письмо как послание и документ. Письмо как вид текста также обеспечивает передачу информации во времени и пространстве: обычно к письмам обращаются в том случае, если коммуниканты разделены расстоянием, исключающим возможность непосредственного общения. В форме письма как послания и как документа речь закрепляется и во времени, когда письмо является официальным документом и фиксирует состояние дел в определённый отрезок времени, а также в тех случаях, когда письмо создаётся в расчёте на то, что оно будет прочитано адресатом позднее. В принципе любое письмо, как официальное, так и частное, может служить документом, свидетельствующим о людях и событиях эпохи, в которую оно было создано, и использоваться как документ в практике судебного расследования, экспертизы, научного изучения и т. п.

Толкование письма как некоего официального (или неофициального) документа не противоречит нашему представлению о графических средствах коммуникации, в том числе и посредством собственно писем или иных форм кем-то получаемой либо кому-то отправляемой информации, тем более что и сам документ может быть определён как материальный объект, содержащий информацию в зафиксиро-

рованном виде и специально предназначенный для её передачи во времени и пространстве, причём носителем информации может быть бумага, перфокарта, фотоплёнка и т. д., а документ может содержать не только текст, но и изображение, звуковую информацию [БСЭ, т. 8, с. 403]. Документ в более узком смысле – это любой записанный на материальном носителе осмысленный текст, который обладает определённой логической завершённостью и содержит сведения о его источнике и/или создателе [Чёрный 1975, с. 209]. И. И. Меньшиков, definiруя документ как «любой материальный объект, доступный его адресату и содержащий информацию, определяющую поведение адресата и/или поведение и статус обладателя этого объекта», подчёркивает обязательную прагматическую ориентированность документа [Меньшиков 2013а, с. 364], в том числе и письма. При этом в определённых коммуникативных ситуациях, например при работе с архивным материалом или при изучении эпистолярного наследия той или иной исторической личности, письмо квалифицируется в качестве именно документа. Вопрос лишь в том, какое место письмо занимает в системе различного рода документов и какова его в этом плане специфика.

В доступных нам общих и специальных лексикографических изданиях, включая «Краткий словарь видов и разновидностей документов» [Краткий словарь... 1974] и словарь-справочник «Термины и понятия лингвистики» [Жеребило 2011], мы зафиксировали номинанты более двухсот письменных посланий, с которыми нам довольно часто приходится сталкиваться и которые, наряду с собственно письмом, следует, с нашей точки зрения, квалифицировать в качестве документов. Вот перечень соответствующих номинантов, представляющей собой, разумеется, открытое множество, причём не только в силу того, что что-то могло остаться нами незамеченным, но и потому, что приведенный перечень в любое время может быть дополнен какими-то вновь появляющимися в силу тех или иных потребностей общества документов:

абонемент, авизо, автобиография, автограф, автореферат, адрес, аккредитив, акт, алфавит, альбом, анкета, аннотация, анонимка, аттестат, афиша, баланс (сводный), билет, биография, больничный лист, бюджет, бюллетень, ведомость, вексель, вердикт, визитная карточка, верительная грамота, вкладыш, воззвание, вопросник, вывеска, грамота, график, дарственная, дарственная надпись, декларация, диплом, диссертация, директива, дневник, доверенность,

договор, доклад, докладная записка, документ, донесение, донос, жалоба, журнал, завещание, задание, заказ, заключение, закон, законопроект, заметка, записка, запись, запрос, заявка, заявление, извещение, инструкция, интервью, история болезни, кадастр, карта, карточка, квитанция, книга, книжка, кодекс, коммюнике, конвенция, конносамент, конспект, конституция, контракт, лист (исполнительный), листовка, лицензия, личное дело, лозунг, мандат, манифест, мемуары, меню, надпись, наказ, накладная, направление, наряд, наставление, некролог, номенклатура, нота, обзор, обращение, обязательство, объявление, объяснительная записка, описание, опись, определение (суда), ордер, отзыв, открытка, отношение, отчёт, пакт, патент, перевод, перечень, петиция, **письмо**, плакат, план, повестка, подзаконный акт, поздравление, показания, полис (страховой), положение, поручение, посвящение, послание, постановление, правила, предписание, представление, прейскурант, призыв, приказ, приказание, присяга, программа, проект, произведение (художественное, СМИ и др.), прокламация, пропуск, протокол, прошение, путёвка, разнарядка, рапорт, расписание, расписка, распоряжение, расценка, расчёт, регламент, реестр, резолюция, реклама, рекламация, рекомендация, реляция, реферат, рецензия, рецепт, решение, свидетельство, сводка, сертификат, смета, соглашение, сообщение, спецификация, список, справка, справочник, статья, стенограмма, счёт, табель, таблица, талон, тариф, телеграмма, тезисы, трактат, транспарант, требование, уведомление, удостоверение, указ, указание, указатель, ультиматум, условия (технические), устав, учётная личная карточка, фактура, формуляр, характеристика, ценник, ценная бумага, циркуляр, чек, этикетка, ярлык.

Не всё, разумеется, из приведенного перечня прямо или косвенно соотносится с собственно письмом как речевым произведением, т. е. результатом определённого рода творчества, посланием, ориентированным на потенциального читателя, но и при этом какие-то компоненты приведенного множества достаточно чётко противопоставлены друг другу, не имея практически ничего общего ни в оформлении, ни в характере содержания (*билет, завещание, расписание, рецепт*), у каких-то очень много общего (*счёт, чек и квитанция или ценник, этикетка и ярлык*), какие-то, и в частности *записка, послание, открытка, телеграмма* и др., на первый взгляд, вообще мало чем различаются и друг от друга и от письма, даже если говорить об объёме соответствующих документов. Причём многие из этих документов прямо или

косвенно соотносятся с собственно письмом как посланием. И вот лишь небольшая часть такого рода документов с лексикографически закреплёнными в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [МАС] их лексическими номинациями:

Акт – ... протокол, запись о каком-л. юридическом факте [МАС, т. 1, с. 30];

Воззвание – Устное или письменное обращение к массам [МАС, т. 1, с. 200];

Доклад – Официальное устное или письменное сообщение начальству, вышестоящему лицу о служебном деле [МАС, т. 1, с. 419];

Документ – Деловая бумага... Письменное удостоверение... [МАС, т. 1, с. 421];

Записка – 1. Листок бумаги, содержащий короткое письмо, вопрос, объявление и т. п. 2. Краткое письменное изложение какого-л. дела, сообщение о чём-л. в официальной форме [МАС, т. 1, с. 556];

Запись – То, что является письменной передачей, изложением чего-л. [МАС, т. 1, с. 556];

Запрос – Официальное обращение с требованием, просьбой... [МАС, т. 1, с. 561];

Заявление – Просьба о чём-л., изложенная письменно... [МАС, т. 1, с. 599];

Извещение – Документ, содержащий сообщение о чём-л., уведомление [МАС, т. 1, с. 638];

Инструкция – Руководящие указания, свод правил... [МАС, т. 1, с. 670];

Листовка – Печатный, рукописный и т. п. листок агитационно-политического или информационного характера [МАС, т. 2, с. 187];

Обращение – Просьба, призыв, речь, обращённые к кому-л., к чему-л.; воззвание [МАС, т. 2, с. 563];

Объявление – Сообщение, извещение о чём-л., доводимое до всеобщего сведения, помещённое где-л. для широкого ознакомления [МАС, т. 2, с. 580];

Открытка – Специальная почтовая карточка для открытого письма [МАС, т. 2, с. 684];

Отношение – Деловая бумага, посылаемая официальному лицу, учреждению [МАС, т. 2, с. 694];

Отчёт – Официальное письменное или устное сообщение ответственному лицу, организации и т.п. о своей работе... [МАС, т. 2, с. 722];

Памятка – Свод кратких наставлений, правил, кратких сведений о чём-л. ... Запись того, что нужно помнить [МАС, т. 3, с. 15];

Письмо – Бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление // Сам такой текст // Официальный, обычно денежный документ [МАС, т. 3, с. 127];

Повестка – Краткое письменное извещение о вызове куда-л. [МАС, т. 3, с. 158];

Послание – 1. Письменное обращение к кому-л., письмо // Официальное письменное обращение государственного или общественного деятеля (или организации) к другому деятелю (или другой организации) по какому-л. важному вопросу [МАС, т. 3, с. 315];

Предписание – Официальное распоряжение, а также бумага с таким распоряжением [МАС, т. 3, с. 368];

Приказ – Официальное распоряжение органа власти, руководителя учреждения, ... // ... войскового начальника подчинённым... // Бумага, на которой изложено распоряжение [МАС, т. 3, с. 413];

Репорт – Устный или письменный официальный доклад... [МАС, т. 3, с. 640];

Резолюция – Письменное заключение, распоряжение должностного лица на деловой бумаге [МАС, т. 3, с. 700];

Свидетельство – Официальный документ, удостоверяющий какой-л. факт, имеющий юридическое значение, либо право лица на что-л. [МАС, т. 4, с. 49];

Справка – Документ с краткими сведениями, данными о ком-, чём-л. [МАС, т. 4, с. 231–232];

Телеграмма – Сообщение, передаваемое по телеграфу, а также бланк с таким сообщением [МАС, т. 4, с. 347];

Уведомление – Письменное или устное сообщение, извещение о чём-л. [МАС, т. 4, с. 448].

Отметим сразу, что в определённой коммуникативной ситуации большинство из приведенных, а равно и многих других видов сообщения может быть реализовано, даже если на это и не указано в словаре, как в устной, так и в письменной форме (запрос, инструкция, обращение, приказ и др.), но рассматриваем мы их только как письменные произведения, так или иначе соотносимые, на что было указано выше, с самым универсальным из них – собственно письмом как посланием, функционально-прагматическая ориентация которого может оказаться идентичной ориентации любого документа приведенно-

го списка. При этом, однако, ни один другой документ, если он не является каким-то аналогом письма или его субститутотом, не обладает всем набором коммуникативных функций письма, что следует даже из номинаций этих документов: *заявление, инструкция, объявление, отчёт, предписание, справка* и т. п.

Дефиниции названий документов в приведенном списке дают основания говорить о том, что письмо и послание очень близки, и соответствующие лексемы как синонимичные приложимы к большому корпусу текстов; телеграмма принципиально отличается от письма только каналом передачи; схожи и документы, квалифицируемые как письмо и записка. Основной их различительный признак – объём (записка – это краткое письмо), однако, думается, установить чёткую границу между ними, да ещё и выраженную в количественном измерении, крайне затруднительно.

Каждому из перечисленных нами документов, если убрать тавтологию, можно поставить в соответствие определённый комплекс как формальных, так и функционально-содержательных параметров, характеризующих этот документ и определяющих его назначение и сферу компетенции. Каждое из приведенных письменных произведений, как правило, предназначено для включения в него определённого множества тех или иных семантических категорий, определённого содержания. И вряд ли при работе с каким-то набором этих документов следует объединять в одну их тематическую или функционально детерминированную группу такие, скажем, письменные произведения, как воззвание и извещение, листовка и отчёт, запрос и предписание, справка и телеграмма, приказ и уведомление и т. д. Где-то при квалификации типа документа превалирует форма (анкета, вывеска, счёт и др.), где-то существенно только содержание (запись, памятка, резолюция и др.), где-то значимо в равной мере то и другое (заявление, протокол, свидетельство и др.). Но только письмо представляет собой такой документ, содержательные и формальные параметры которого при всей их значимости, в том числе и как системы дифференциальных признаков соответствующего документа, являются не столько его необходимой, сколько лишь возможной, потенциальной характеристикой, однако и полный комплекс таких параметров может быть поставлен в соответствие только письму.

Формальные параметры письма по-разному сочетаются между собой, в том числе и с редукцией какого-то из них, и соответствующих комбинаций может быть очень много, поэтому мы приведём

только наиболее частые образцы структурирования и лишь одного класса письменных посланий – от лица к лицу, которые обычно квалифицируются как реальные письма. При этом на содержании как обязательном компоненте соответствующих письменных сообщений, включаемых в структуру собственно письма, акцентировать внимание мы не будем, поскольку оно, являясь в сущности тем, ради чего и формируется письмо, практически ничем не регламентировано и может быть вынесено за скобки. Итак, документ, квалифицируемый в повседневном быту в качестве письма от одного лица к другому, может быть оформлен и структурирован следующим образом:

1. Отправленное адресату послание со всеми традиционно сопутствующими его содержанию компонентами: а) указанием места и времени, б) обращением к адресату, которое может быть вынесено в отдельную строку, но может быть и в тексте послания, в) заключительной этикетной формулой в самых разных выражениях, г) указанием отправителя в той или иной форме с титулом или без него, с подписью или без неё, включая расширение в виде, например, д) постскриптума:

Игорь Северянин – Л. Н. Афанасьеву
1911 г., VIII, 11

«Дылицы»

Дорогой Леонид Николаевич.

Мы вскоре уезжаем: холодно, сыро, хулиганно. Мама жалуется на все, – первый признак скорого отъезда. Я не спорю: жить в продувной даче нельзя: у мамы здоровье слабое. 14-го или 15-го авг<уста> мы ожидаем Вас, помня Ваше обещание – быть третий раз. 15-го я жду и Антонова.

Следующее воскресенье, вероятно, проведем уже в Петербурге. Целую Вас, жму руку. Мама шлет душевный привет.

Любящий Игорь

P. S. Новую брошюру передам лично [Северянин, с. 69].

2. То же, что и предыдущее, но без любого из сопутствующих содержанию компонентов, в том числе и без всех указанных. Примеры:

а) И. Э. Бабель – Т. В. Кашириной (Ивановой)

Мой адрес – Киев, гостин<ица> «Континенталь».

Поездка была тяжелой. Тяжкие московские «впечатления» и ожидание киевских привели к тому, что в вагоне у меня разразилась жесточайшая мигрень с рвотой, невыносимой головной болью, слабо-

стью и проч. Невеселая была поездка. Теперь оправился. Старик очень плох.

Осмотрюсь – напишу подробнее.

И. Б.

К. I/III–27 [Бабель, с. 132].

Нет обращения, заключительной этикетной формулы и постскриптума.

б) В. Хлебников – А. Белому

«Серебряный голубь» покоряет меня, и я посылаю Вам дар своей земли.

Из стана осады в стан осаждаемых летают не только отравленные стрелы, но и вести дружбы и уважения.

Хлебников [Хлебников, с. 143].

Нет указания места и времени, обращения, заключительной этикетной формулы и постскриптума.

в) А. В. Суворов – Г. А. Потёмкину

На радость печаль! Сидору Игнатьевичу отдаём последний долг [Суворов, с. 160].

Ни одного сопутствующего содержанию письма компонента.

3. Послание, не включающее в себя сопутствующих содержанию письма его структурных компонентов, которое квалифицируется обычно как записка, например:

М. А. Булгаков – П. Н. Зайцеву

*Телефон Вересаева? 2-60-28. Но телефон мне не поможет...
Туман... Туман...*

Существует ли загробный мир?

Завтра, может быть, дадут денег... [Булгаков, с. 162].

Такие послания типичны при обмене краткими сообщениями при общении в ситуации, когда разговор невозможен (во время лекций или иных мероприятий в аудиториях, при наличии подслушивающей аппаратуры и т. п.). Вот ещё один пример.

М. А. Булгаков – В. Г. Сахновскому

Секретно. Срочно.

В 3³/₄ дня я венчаюсь в Заксе. Отпустите меня через 10 минут.

Из пояснения Е. С. Булгаковой к записке понятно, что М. А. Булгаков написал её на заседании во МХАТе и передал В. Г. Сахновскому [Булгаков, с. 353].

Формальные параметры письма как документа и послания – это довольно обширный комплекс обрамляющих собственно текст письма вербальных конструкций, как нормативно специфических только для

письма (*Искренне Ваш; До следующего письма; P. S. и т. п.*), так и свойственных другим документам, текст которых сопровождается, например, подписью, в том числе и подписью типа *Оргкомитет*, или, скажем, подписью и указанием на место и время обнаружения документа, как это имеет место в приказах самого разного уровня. Собственно же письмо в своих конструктивных параметрах уникально, и уникально не только в характере этих параметров, полный комплект которых соотносится только с письмом, но и в их комбинаторике. Так, в качестве письма можно квалифицировать, скажем, записку, переданную одним студентом другому во время лекций. Она не исключает чего-либо наподобие *аудитория 1209, 13.00; Танюша!; Твой В.*, а также что-нибудь вроде: *Да, забыл сказать, что...* А вот, например, в приказ по университету вряд ли можно включить обращение к какому-то конкретному лицу, и уж заведомо невозможно заключить его словами типа *Ваш покорный слуга* и постскриптумом. Квалифицировать такой документ и ему подобные в качестве писем нельзя.

К письму можно приложить практически любые формальные характеристики, присущие как некоему речевому произведению, каковым оно фактически и является, так и тому или иному документу, в качестве которого письмо начинает функционировать, как только становится объектом исследования. Только у письма, в свою очередь, возможна и очень часто фактически имеет место редукция любого из его конструктивных параметров, в том числе и их полная редукция.

1.2. Конструктивные параметры письма, их комбинаторика и функциональная значимость

При устном общении коммуниканты используют массу невербальных способов как для установления контакта, так и для акцентации определённых отношений между ними, в том числе и способов, явно не демонстрируемых (жест, мимика, взгляд, касание рукой и т. п.). В письменном послании всего этого нет, и поэтому оно сопровождается, как правило, какими-то сопутствующими основному содержанию письма словесными конструкциями, своего рода лингвистическими фигурами, которые по своей сути предназначены смоделировать ситуацию живого общения. Фигуры эти чаще всего носят формальный характер, но именно они определяют специфику письма как жанра и как средства коммуникации.

На общие формальные (внешние) характеристики письма, такие, в частности, как дата, место, откуда письмо направляется, приветствие, обращение, слова прощания, просьбы, пожелания, приписки, указывают многие учёные [Акимова 2009; Акишина 1981, с. 4; Курьянович 2001, с. 183; Лёткина 2006, с. 49; Пазинич 2001б, с. 7–8; Прохоров 1964, с. 19; Реут 2005, с. 116 и др.], однако полный комплекс специфических характеристик письма, отличающих его от других письменных посланий, даже если и отвлечься от содержания письма, схематизировать, по-видимому, невозможно. Уже приветствие в письме произвольно по своей форме, а, скажем, обращение к адресату может быть многократным и располагаться в любом месте текста, разрушая тем самым его общепринятую структуру. При этом не все параметры письма в равной мере существенны как жанрообразующие его составляющие. Так, Н. Бетузия отмечает, что в русском деловом письме приветствие вообще отсутствует [Бетузия, с. 84], а значит, нет оснований включать его в систему дифференциальных признаков письма. Поэтому из множества различного рода признаков и характеристик письма мы считаем лингвистически значимыми и требующими специального исследования только его конструктивные параметры, т. е. параметры, формирующие композицию письма и функционирующие либо в полном своём комплекте, либо в редуцированном.

В качестве конструктивных параметров письма (КПП) мы квалифицируем обозначенную адресантом (собственноручно написанную или лично продиктованную) и сопутствующую основному содержанию соответствующего письменного послания информацию, определяющую жанр этого послания и его внешние атрибуты. Такие параметры представляют собой, как правило, тот или иной комплекс речевых фигур, канонизированных эпистолярной традицией и связанных с условиями коммуникации, социальным статусом адресанта и адресата, их личностными и деловыми отношениями, с интенсивностью переписки между ними, общим назначением письма, с какими-то устремлениями и волеизъявлением адресата. Указанный комплекс в своих конкретных составляющих жёстко не регламентирован и может быть самым разным. Однако достаточно чётко просматривается четыре его основных типа, условно квалифицированных нами как стандартный комплект, расширенный, редуцированный и комплект расширенно-редуцированный.

Компоненты **стандартного комплекта КПП** определены сугубо статистически и представлены следующими четырьмя параметрами:

- Выходные данные (время и место написания).
- Адресация (указание адресата, и в частности обращение к нему).
- Заключительная этикетная формула, завершающая письмо (фигура прощания).
- Подпись (указание адресанта).

Например, в письме А. Ф. Кони Л. Н. Толстому выходные данные *1902.VII.1. Майоренгов*; обращение *Дорогой, сердечно любимый Лев Николаевич*; заключительная этикетная формула и подпись, предвзяемая ею: *Душевно Вам преданный А. Кони* [Кони, с. 186].

Именно этот комплект КПП в письме М. И. Цветаевой Н. П. Гронскому, которое мы приведём полностью:

Мёдон, 18го окт. 1930 г.

Милый Н. П.

(Так Царица писала Саблину)

Вот листок для France et Monde. Если думаете зайти ко мне в понедельник, заходите не позже 6^{ми}, ибо уезжаю.

Если же не можете – во вторник утром.

Сердечный привет.

МЦ. [Цветаева, Гронский, с. 189].

Указанный комплект конструктивных параметров с некоторыми частными модификациями мы зафиксировали в письмах практически всех адресантов и самого различного назначения: А. С. Пушкин – В. В. Измайлову, А. Х. Бенкендорфу, А. А. Ананьину [Пушкин, с. 213, 224, 433] и др.; Л. Н. Толстой – Н. Н. Ге, С. Т. Семёнову, Л. Н. Андрееву [Толстой, т. 18, с. 121–122, 227] и др.; А. Блок – В. П. Веригиной, З. Н. Гиппиус, В. А. Брюсову [Блок, с. 166, 182, 183] и др. Выходные данные могут при этом быть обозначены не в начале, а в конце письма, как это имеет, например, место у А. Ф. Кони в письмах А. С. Суворину и П. П. Гайдебурову [Кони, с. 211, 314], а также в письме Д. Н. Мамина-Сибиряка своей матери [Мамин-Сибиряк, с. 347] и мн. др.

Расширенный комплект КПП – это стандартный комплект, дополненный ещё какими-то сопутствующими основному тексту письма конструктивными его параметрами. Варианты расширения:

1. Дополнительная адресация:

а) неоднократное обращение к одному и тому же адресату, например, в начале письма Л. Н. Толстого А. А. Коргановой: *Милостивая государыня Анна Авессаломовна...* – и в его заключении: *уважаемая Анна Авессаломовна* [Толстой, т. 18, с. 323–324];

б) обращение к разным адресатам в разных частях одного и того же письма. Так, К. Г. Паустовский в одном из своих писем сначала обращается к жене: *Танюша, родная моя, радость моя*, далее ещё раз к ней же: *Целую тебя, светлая моя, очень-очень*; потом к сыну: *Алёшка!* – и дальше: *Целую тебя, мой мальчик*; затем к дочери: *Галка, прелесть моя* – и снова: *Целую тебя, моя девочка* [Паустовский, с. 320–322];

в) совмещение прямого обращения с опосредованной адресацией, например, в письме С. А. Есенина сначала адресат указан опосредованно: *Качалову*, затем обращение к нему: *Дорогой Василий Иванович* [Есенин, с. 208]; то же в письме М. Горького: *Павлу Максиму*. *Читайте больше, дружище...* [Горький, т. 29, с. 155]; в начале другого письма: *Товарищу Б. Полевому* – и в конце: *Но – учиться надо, товарищ, учиться!* [Горький, т. 30, с. 60–62] и т. п.;

г) несобственно обращение, т. е. вставленное в письмо риторическое обращение не к адресату, а к какому-то иному лицу или предмету. Примеры:

Н. В. Гоголь в письме М. А. Максимовичу, выражая своё отношение к народным песням, вводит в это письмо обращение *Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю!* [Гоголь, с. 309]. С. А. Есенин в письме Г. А. Панфилову, рассуждая о жизни, использует риторические обращения в таком контексте: *Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути злоеущие раны. Богач, погляди вокруг тебя* [Есенин, с. 101]. Подобное и в его письме А. М. Сахарову: *Развейтесь, кони! Неси, мой ящик! Матушка, пожалей своего бедного сына!* [Есенин, с. 159].

2. Приветствие самого различного характера. Примеры:

Здравствуйте! (А. П. Чехов – А. С. Суворину [Чехов, т. 11, с. 462]);

С приездом! (А. П. Чехов – А. С. Суворину [Чехов, т. 11, с. 369]);

Христос воскрес! (А. М. Горький – А. П. Чехову [Горький, т. 28, с. 73]);

Здравствуйте на Западе (А. И. Герцен – И. С. Аксакову [Герцен, с. 457]);

Мир и мне прощение, мой дорогой Евгений Петрович! (И. И. Горбачевский – Е. А. Оболенскому [Горбачевский, с. 221]);

Добрый день или вечер, дорогая моя семья! (А. П. Григоренко – семье [Письма героев обороны Киева, с. 59]);

Добрый год, Юрий Павлович! (Р. Г. Баранцев – Ю. П. Лунькину [Баранцев, с. 68]) и др.

3. Постскрипtum (маркированный, т. е. обозначенный буквами *P. S.*, или немаркированный, специально не обозначенный; один или несколько) как часть текста письма, расположенная после подписи адресанта, если таковая имеется, или сопутствующая основному содержанию письма. Пример такого расширения – в письме Н. А. Некрасова А. Н. Островскому:

31 янв(аря) 1866. СПб.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я на Ваше письмо не отвечал, потому что дожидался, чем кончатся мои многострадальные похождения по начальству. Теперь могу сказать, что «Современник» в наступившем году авось не умрет! 1-ая книга выйдет через неделю. Вторую выдадим в феврале же. Очень рад, что Вы работаете. Кабы Вы успели на 3-ью книжку?

Весь Ваш

Н. Некрасов.

P. S. Деньги брату Вашему уплачены [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 40].

Один маркированный постскрипtum в письмах А. И. Герцена И. С. Тургеневу [Герцен, с. 463–464], Н. А. Некрасова М. С. Каханову [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 30], М. И. Цветаевой Н. П. Гронскому [Цветаева, Гронский, с. 193].

Один немаркированный постскрипtum в письмах А. И. Герцена Н. Х. Кетчеру [Герцен, с. 280–283] и В. Г. Белинскому [Герцен, с. 309–310], Н. А. Некрасова Г. С. Буткевичу [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 47], М. И. Цветаевой Н. П. Гронскому [Цветаева, Гронский, с. 191].

Три постскриптума в письме А. И. Герцена Н. А. Захарьиной, из которых маркирован только второй, а после третьего адресант снова подписывается [Герцен, с. 240–241].

4. Указание адресату (*вскрыть после..., для..., очень важно, перепечатывать запрещено, копию не снимать* и т. п.). Так, в письме разведчика Н. И. Кузнецова, написанном перед выполнением ответственного задания, содержится указание: *Прочитать только после моей гибели* [ГПП, с. 305]. Ещё примеры:

Между нами (А. С. Пушкин – П. А. Вяземскому [Пушкин, с. 378]);

Читай одна (Л. Н. Толстой – М. Л. Толстой [Толстой, т. 18, с. 208]);

Пожалуйста, полученные письма уничтожай (И. И. Горбачевский – Е. П. Оболенскому [Горбачевский, с. 132]);
Письмо это уничтожь (Л. Н. Толстой – С. А. Толстой [Толстой, т. 18, с. 213]);
Письмо сожги – а руку пожми (А. И. Герцен – И. С. Тургеневу (несколько экстравагантно) [Герцен, с. 467]);
Этот листок только тебе (В. Г. Короленко – супруге [Короленко, с. 571]);
Прочитай внимательно (И. А. Бунин – Ю. А. Бунину [Бунин, т. 11, с. 275]);
Читайте папа и мама только (Б. Л. Пастернак – родителям [Пастернак, т. 7, с. 292]);
Конфиденциально (К. И. Чуковский – Е. И. Замятину [Чуковский, т. 14, с. 511]).

Подобного рода указание бывает адресовано также ретранслятору – лицу или учреждению, доставляющему соответствующее послание, особенно если это деловое письмо (*лично, важно, секретно, курьером, шифром, срочно, без копии, копия такому-то* и т. п.). Например, в посланиях И. В. Сталина руководителям стран антигитлеровской коалиции, наряду с общей квалификацией некоторых из них как личных или секретных, есть ещё и специальные указания типа *совершенно секретно; секретно и лично; лично, строго секретно* [ППСМ, т. 1, с. 56, 208; т. 2, с. 204]. Другие пометки такого рода, специфические для письма и очень интересные: *Немедленно; Шифром* [Сталин и Каганович, с. 38, 122].

5. Дополнительная информация для адресата, которая предваряет информационную часть письма и обеспечивает необходимую для её восприятия пресуппозицию:

Дубликат (Пётр I – Р. Х. Боуру [Пётр I, с. 35]);
Пишу Andante (М. П. Мусоргский – М. А. Балакиреву [Мусоргский, с. 38]);
Копия послана Эренбургу (О. Э. Мандельштам – М. А. Волошину [Мандельштам, с. 26]);
[Nota bene] Дело с бурым углем расширяется (В. В. Дубянский – В. И. Вернадскому [Вернадский, ч. 1, с. 145]);
Очень важное (П. И. Зайцев – В. И. Вернадскому [Вернадский, ч. 1, с. 178]);
Болен. Пишу лёжа. Простите почерк и стиль (К. И. Чуковский – Р. Н. Ломоносовой [Чуковский, т. 14, с. 618]);

Письма твоего, конечно, не сжѣг, а поцеловал, не боясь никакого гриппа. Да от тебя, – бояться! (И. С. Шмелёв – О. А. Бредиус-Субботиной [Шмелев, т. 1, с. 299]).

6. Обозначение письма, обычно открытого, или указание на его характер как послания. Примеры:

Письмо графу Л. Н. Толстому (А. М. Горький – Л. Н. Толстому [Горький, т. 28, с. 357]);

Ответ Аристиду Прателю (А. М. Горький – Аристиду Прателю [Горький, т. 29, с. 153]);

Меморандум (И. В. Сталин – У. Черчиллю [ППСМ, т. 1, с. 58]);

Письмо «вне абонемента» (И. Северянин – А. Д. Барановой [Северянин, с. 148]);

Письмо в редакцию (М. А. Булгаков – Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей [Булгаков, с. 211]);

Ответ Игорю Дедкову (увы, уже вослед) (В. П. Астафьев – И. А. Дедкову [Астафьев, с. 618]).

Редуцированный комплект – это такой набор КПП, в котором отсутствует какой-либо один или несколько параметров стандартного комплекта, т. е. опущены любые его компоненты, в любом количестве и в любом сочетании, вплоть до их полной редукции. Так, в письме А. И. Герцена Н. А. Захарьиной от 2 марта 1838 г. есть только подпись: *А. Г.* [Герцен, с. 283–284]. В письме А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 21 апреля 1820 г. тоже только подпись *Пушкин*, Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. – подпись *Пушкин* и выходные данные *27 июня*; те же, но иначе оформленные параметры (*А. П.* и *четверг*) в его письме М. П. Погодину [Пушкин, с. 15–16, 37–38, 294], а, скажем, в письмах А. С. Пушкина Н. В. Гоголю, А. И. Тургеневу и Н. Н. Пушкиной [Пушкин, с. 484, 513, 579] вообще нет ни одного из конструктивных параметров стандартного комплекта.

Расширенно-редуцированный комплект – это самая распространённая комбинация конструктивных параметров письма, комбинация, к тому же ничем по существу не регламентирующая адресанта. Очевидно, что расширение и редукция стандартного комплекта конструктивных параметров письма не исключают друг друга, и самым частым образованием такого рода является постскрипtum в письме без выходных параметров, как это имеет место, например, в письмах М. Ю. Лермонтова С. А. Бахметевой, М. А. Лопухиной, А. М. Верещагиной [Лермонтов, с. 541–543, 550–552, 559–561] и др., в

которых опущены выходные данные (редукция), но есть постскрип-тум (расширение).

В письме с какими-то опущенными его параметрами могут, естественно, быть указания как адресату, так и ретранслятору. Например, в указанном выше письме Н. И. Кузнецова нет адресации и приветствия. Нет обращения при наличии приветствия в упомянутых выше письмах А. П. Чехова А. С. Суворину. В письме А. И. Герцена Н. П. Огарёву отсутствуют адресация, заключительная этикетная формула и подпись, но есть маркированный постскрип-тум и постскрип-тум немаркированный, которому предшествует такая информация: *Перед обедом. Воскресенье* [Герцен, с. 529–530].

В письме М. П. Мусоргского В. В. Стасову нет заключительной этикетной формулы и подписи, но есть выходные параметры: *Vas. ostr. 5-я линия № 10. 14 окт. 75*, начальное обращение: *Дорогой мой généralissime*, а кроме того – расширение в виде дополнительной адресации, которая представляет собой в одном случае обращение к адресату: *дорогой мой и, сдается мне, единственный меня сознающий généralissime*, а в другом случае риторическое обращение к самому себе: *Ну, стало быть, Мусорянин, за работу!* [Мусоргский, с. 210–211].

А вот как совмещены расширение и редукция в письме В. И. Ленина М. А. Савельеву. Выходных данных нет. Далее опосредованная адресация и две ремарки: *Для Ветрова* и *Спешное*. Затем обращение *Дорогой коллега!* Заключительной этикетной формулы нет. Подпись *В. Ил.* и, наконец, после подписи немаркированный, но озаглавленный постскрип-тум *Опечатка*, в котором адресату предписывается устранить опечатки в январской книжке «Просвещение» [Ленин, т. 48, с. 165–166].

Уникальность конструктивной организации письма, как уже было отмечено выше, заключается не только в своеобразии комплекса его жанрообразующих параметров, но и в том, что, с одной стороны, только письму этот комплекс может быть поставлен в полном объёме, с другой же стороны, как это ни парадоксально, только в письме могут быть опущены любые компоненты такого комплекса вплоть до полной его редукции. И если ограничиться стандартным комплектом КПП, т. е. только четырьмя самыми, на наш взгляд, существенными конструктивными и в то же время жанрообразующими параметрами письма, такими как 1) выходные данные, 2) адресация, и в частности обращение, 3) заключительная этикетная формула, так или иначе завершающая послание, 4) подпись адресанта, и обозначить наличие

соответствующего параметра знаком «+», а его отсутствие знаком «-», последовательно расположив эти параметры в соответствии с их номерами, то теоретически мы получим 16 вариантов возможной сочетаемости наших КПП:

1. + + + +	2. - + + +	3. + - + +	4. + + - +
5. + + + -	6. - - + +	7. + - - +	8. + + - -
9. - + - +	10. - + + -	11. + - + -	12. - - - +
13. + - - -	14. - + - -	15. - - + -	16. - - - -

Заметим сразу же, что все шестнадцать вариантов достаточно регулярно, хотя и с разной частотой, представлены в реальной переписке самых разных коммуникантов, и в обследованных нами письмах мы зафиксировали:

1. Ф. И. Тютчев – М. И. Жихареву: *С.-Петербург. 30 ноября 1863. ... Милостивый государь ... С истинным уважением пребываю вашим покорным слугой ... Ф. Тютчев* [Тютчев, с. 444].

2. А. М. Горький – Д. Н. Овсяннику-Куликовскому: **нет** ... *Уважаемый Дмитрий Николаевич ... Желаю всего доброго ... А. Пешков* [Горький, т. 29, с. 251–252].

3. Н. В. Гоголь – К. И. Маркову: *Четверг ... нет ... Искренне благодарный за ваши заметки ... Н. Гоголь* [Гоголь, с. 433–434].

4. Г. А. Астахов – В. П. Потёмкину: *12 мая 1939 г. ... Уважаемый Владимир Петрович ... нет ... Астахов* [ГК, т. 1, с. 457–458].

5. С. А. Есенин – М. И. Лившиц: *20/X. Тифлис (в конце письма) ... Милая Рита ... Целую и обнимаю Вас. 1-й Жене привет, 2-й Жене привет и 3-й Жене привет ... нет* [Есенин, с. 181–182].

6. Н. А. Некрасов – А. Н. Островскому: **нет** ... **нет** ... *Прощайте пока ... Некрасов* [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 50].

7. А. А. Фадеев – Воениздат: *30. III. 54 г. (в конце письма) ... нет ... нет ... А. Фадеев* [Фадеев, с. 492–495].

8. А. С. Пушкин – С. А. Соболевскому: *Москва, 9 сентября ... Любезный Сергей Александрович ... нет ... нет ...* [Пушкин, с. 513].

9. С. А. Есенин – А. Б. Кусикову: **нет** ... *Сандро ... нет ... Есенин* [Есенин, с. 154].

10. С. А. Есенин – Г. А. Панфилову: **нет** ... *Дорогой Гриша ... Пока и до свидания ... нет* [Есенин, с. 94–96].

11. А. И. Герцен – И. С. Тургеневу: *28 ок. Orsett house. ... нет ... Прощай ... нет* [Герцен, с. 472].

12. Л. Н. Толстой – П. И. Бирюкову: **нет** ... **нет** ... **нет** ... *Л. Толстой* [Л. Н. Толстой, т. 18, с. 45].

13. А. С. Пушкин – И. С. Деспоту-Зеновичу: *8 августа 1824* (в конце письма) ... **нет** ... **нет** ... **нет** [Пушкин, с. 99].

14. А. М. Горький – Л. Н. Андрееву: **нет** ... *Леонид* ... **нет** ... **нет** [Горький, т. 29, с. 234–236].

15. А. И. Герцен – Н. П. Огареву: **нет** ... **нет** ... *Прощай* ... **нет** [Герцен, с. 537].

16. А. И. Герцен – сыну: **нет** ... **нет** ... **нет** ... **нет** [Герцен, с. 457].

На парадигматическом уровне, в общей системе конструктивных параметров письма ни один из них, в том числе и адресация, как это следует из приведенных конструктов, никаких предпочтений не имеет. Другое дело – функциональная нагрузка каждого из этих параметров как жанрообразующих характеристик письма, степень их обусловленности способом коммуникации, частота редукции и связанные с ней «потери» стилистического и прагматического характера. И здесь каждый параметр по-своему уникален и в то же время весьма разнообразен. Остановимся кратко на каждом из них.

Выходные данные письма являются, безусловно, его специфическим, жанрообразующим параметром. Во всяком случае, трудно себе представить, что при естественном устном общении один из коммуникантов своему приветствию собеседнику предположит указание на место и/или время общения с ним. В то же время именно этот параметр в письме чаще всего редуцируется, поскольку, надо полагать, считается многими адресантами малозначимым и даже избыточным при наличии каких-то внешних, например на конверте, атрибуций письменного послания. В подавляющем большинстве из обследованных нами писем А. М. Горького, например, этого параметра вообще нет. Однако, по нашим наблюдениям, во многих письмах, принадлежащих самым разным авторам, место и время так или иначе обозначены и составляют ядро хронотопа создания текста, выделяемого Н. В. Глухих в качестве одной из трёх составляющих текстового хронотопа эпистолярия, наряду с хронотопом прочтения текста и хронотопами возможных трансформаций текста [Глухих 2008б, с. 24]. Указание места и времени выполняет фатическую функцию, обеспечивая адекватное представление ситуации общения адресату и тем самым способствуя установлению и поддержанию контакта между коммуникантами. Сложился и своего рода стереотип, в соответствии с которым автор письма маркирует своё положение в момент его написания, называя населённый пункт и дату (число, месяц и год), например *Пол-*

тава, 30 июля 79 г. [Мусоргский, с. 258], 3 февраля 1858. С.П.Б. [Анненков, кн. 1, с. 68], *Витебск*, 30.VI 912 [Письма В. И. Вернадского..., с. 47], хотя часто обозначается только один из параметров хронотопа. В некоторых случаях место и время прописываются в начале письма, как, например, у И. Д. Якушкина [Якушкин, с. 201–207, 210–236 и др.], или в конце письма, как это нередко у К. И. Чуковского [Чуковский, т. 15, с. 87–90, 95, 102–103 и др.], а иногда образуют вместе с обращением и подписью автора своего рода двойную рамку вокруг основного текста, как в одном из писем М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву:

Среда.

Дорогой Милый,

«текст письма»

Душою преданный Вам

Модест.

Р. С. Китоша поехал в Славянку, он завтра будет, просил Вас расцеловать. Мой поклон Софье Ивановне с семейством.

7-го января 1859 года [Мусоргский, с. 17].

Компонент выходных данных, называющийся **место** написания письма, обычно представлен одним ойконимом, однако адресант может прибегать и к более детальной локализации своего местопребывания: *Из деревни Танцов* [Петр I, с. 74], *Село Ундол под Володимером* [Суворов, с. 100], *г. Клин, Моск. губ.* [Чайковский, с. 494], *Оллила, Финляндия* [Письма В. И. Вернадского..., с. 8]. Довольно часто это обычный адрес: *Петербург, Васильевский остров, 14 линия, 45* [Письма В. И. Вернадского..., с. 30].

Есть и своего рода экзотика. В тех случаях, когда адресант находится в пути, скажем во время экспедиции или военных действий, он может указывать с разной степенью точности расстояние до ближайшего населённого пункта или положение относительно него: *С Площевицкой подставы, отъехав ото Пскова 63 версты* [Петр I, с. 6], *Близ Нови Боско* [Суворов, с. 347], *За Челябинском* [Письма В. И. Вернадского..., с. 69].

Ойконим может быть замещён в ряде случаев какой-то иной маркировкой места написания письма. Это названия самых разных географических объектов: рек, гор, каналов, бродов, кос, урочищ и т. п.: *На Кагальнике у Песчаного брода* [Суворов, с. 88], *На Кагальнике повыше устья Ельбузды* [Суворов, с. 89], *У Днепровского Лимана (Буг – Ингул) Николаев* [Мусоргский, с. 260], *В море* [Чайковский, с. 353], *Горная щель, близ Ялты* [Письма В. И. Вернадского..., с. 82].

В зависимости от ситуации и условий общения адресант указывает место своего нахождения в армии, военном лагере, крепости, обозе, в очаге военных действий, хотя такого рода обозначение обычно сопровождается и какой-либо топонимической привязкой: *Из лагору от реки Черной Напы* [Петр I, с. 111], *В марше при Ангалы* [Суворов, с. 90].

Некоторые письма содержат упоминание об учреждении, организации, предприятии, транспортном средстве, где создан текст, или же о человеке, с которым связано место написания: *Пишу с служебного поприща* [Мусоргский, с. 223], *На пароходе «Владимир»* [Чайковский, с. 379], *Ц<арское> С<ело>, дача Эбермана* [Анненский, с. 473]. Отсылка к известному, по-видимому, обоим корреспондентам лицу зачастую включает в себя эмоциональную оценку ситуации: *Баден-Баден и конечно у милейшей вдовы Анстетт* [Анненков, кн. 1, с. 239].

Не менее разнообразны и способы обозначения **времени** создания письма. Обычно это собственно дата, однако адресант может также указывать день недели, время (астрономическое и суточное), систему исчисления времени (новый стиль, старый стиль), точку отсчёта (от Рождества Христова и др.), например: *Ч. 16 сентября 1787 г. Кинбурн. Полночь* [Суворов, с. 114], *20-го сент. 1859 года, 10½ часов (вечера)* [Мусоргский, с. 21]. Некоторые авторы не просто выносят индекс места и времени в отдельную строку перед или после текста письма, но используют и особые графические средства его оформления, как это делает, например, П. В. Анненков:

<u>Чирьково</u>	октября,	<u>Генваря 1853</u>
12		26 ^{го}

или:

4 ноября
Чирьково, Симб. губ. [Анненков, кн. 1, с. 9, 10, 15].

В некоторых случаях обозначение времени адресантом производится через указание на православные праздники: *День св. Ольги 1909* [Анненский, с. 487], *30 мая 1911. Духов день* [Блок, с. 341], причём подобная маркировка не просто выделяет значимость такого дня, но иногда и напоминает адресату о связанных с этим днём событиях в жизни автора письма, скажем, о дне его именин: *76 г. 15 июня. День св. Модеста* [Мусоргский, с. 232].

Описание обстоятельств написания письма, сопровождающее указание места и времени, отчасти восполняет для адресата недоста-

точность информации о ситуации общения при отсутствии визуального контакта. Скажем, А. Блок в одном из писем не просто указывает время суток, но и характеризует его: *Ночь (белая)* [Блок, с. 186]; П. Анненков сообщает о погоде: *12^{co} июня 30° жара* [Анненков, кн. 1, с. 26]; М. Мусоргский отмечает редкий случай прохождения Венеры перед солнечным диском, который петербуржцы могли наблюдать в ноябре 1874 года: *27 ноября 1874 г. Венера гуляет по солнцу* [Мусоргский, с. 190]. П. И. Чайковский предваряет письмо к сестре указанием на послеобеденное время и деталью, характеризующей предшествующие события: *10 марта 1861 г. После обеда. (За обедом была солянка и корюшка)* [Чайковский, с. 3].

Нередко выходные данные письма, как мы видим, указаны неточно, однако приблизительность в обозначении времени в письме бывает, надо думать, и намеренной, причём такая намеренная небрежность, которую демонстрирует адресант, становится средством его самохарактеристики и даже, говоря современным языком, имиджевым ходом, к какому любил прибегать, например, М. П. Мусоргский, отмечая в письме: *Середа, какое-то число июня 74*, или в начале другого письма: *Какое-то число сент. 75 г.*, а после текста: *Говорят, 3 окт. 75 г.* [Мусоргский, с. 185, 208–210].

Выбор языковых средств репрезентации временных и пространственных параметров эпистолярной коммуникации в письме обусловлен не только объективными факторами, но и субъективными, связанными с языковыми предпочтениями автора писем, формирующими его идиостиль.

Адресант иногда включает в состав рассматриваемого КПП оценочную лексику, модальные слова, частицы, детерминанты, выражающие различные модальные значения, например: *13 октября (нехорошее число для начала)* [Чехов, т. 11, с. 369], *Клин (всё ещё), 28 августа* [Чайковский, с. 517], *С 22 на 23 июля, конечно, далеко за полночь* [Мусоргский, с. 151]. Здесь возможна даже языковая игра, пример которой находим в одном из писем, датированном своеобразным ребусом:

Творник 19 яма.

213   312

[Мусоргский, с. 98].

Расшифровка ребуса, предполагающая перестановку букв в порядке, соответствующем указанным под ними цифрам, даёт дату: вторник 19 мая.

Функциональная значимость такого КПП, как выходные данные письма, не ограничивается его прямым назначением. Выполняет этот параметр и ряд других очень важных при письменном общении функций: информационную (описание событий, сопутствующих эпистолярной коммуникации), эмотивную (эмоциональная оценка ситуации общения), поэтическую (языковая игра, текстовые реминисценции).

Заключительная этикетная формула письма не во всех своих формах является специфическим параметром эпистолярного жанра. Не менее регулярно она в таком, скажем, оформлении, как *Всего доброго* или *До встречи*, функционирует и при устном общении. Но и стилистически, и прагматически в письме она более значима. Это одна из лингвистических фигур эпистолярного речевого этикета, сигнализирующая завершение текстового общения.

Заключительная этикетная формула, как и любой иной КПП, непосредственно не связана с содержанием письма и часто даже отделяется от основной его части графически абзацным отступом, как это имеет, например, место в следующем письме Н. А. Некрасова Я. К. Гроту:

*Милостивый государь
Яков Карлович.*

Я только что узнал, что г. Верховенский не внес должных им Обществу 200 р<уб>. своевременно. Вследствие моего ручательства этот долг падает на меня, почему и препровождаю эти 200 р<уб>. к Вам.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Н. Некрасов. [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 125].

Такого рода речевым оборотом может, по-видимому, заканчиваться и любое другое послание, и только за ним идёт собственно подпись.

Среди лингвистов нет единой точки зрения на положение этикетных формул в системе языковых единиц. Н. И. Формановская, например, решая вопрос о грамматической природе единиц речевого этикета, предлагает рассматривать их в системе синтаксических единиц как фразеологизированные предложения, устойчивые в синтаксической форме и постоянные в лексической представленности [Формановская 1982, с. 30]. В. Е. Гольдин пишет, что типичная формула речевого этикета «представляет собою знак-текст, соотнесенный с соответствующей ему социально типизированной ситуацией общения,

компоненты которой не получают в составе формулы отдельных обозначений» [Гольдин 1987, с. 85]. По мнению Л. И. Мацько и Л. В. Кравец, лингвокоммуникативные формулы реализуются в единицах лексического (укр. *Дякую, Добридень*), фразеологического (*Ни пуха, ни пера*) и частично морфологического уровней (употребление местоимённых и глагольных форм уважительного множественного числа) [Мацько 2007, с. 139]. Н. С. Голикова и И. С. Попова предлагают расширить этот перечень фразеологизированными синтаксическими сочетаниями – словосочетаниями и предложениями, которые употребляются как функционально целостные образования, но компоненты которых семантически ещё «не срослись» [Голикова 2009, с. 23], такими, как *Добрый вечер! Благодарю Вас за письмо* и др.

Следует отметить, что эпистолярный этикет, будучи частью общего речевого этикета, который обычно рассматривается как принятые в том или ином обществе правила речевого поведения [Формановская 1989, с. 48–49], имеет и свои особенности, которые становятся объектом лингвистического исследования. Рассматривая, например, речевые формулы, функционирующие в украинской дипломатической переписке, О. М. Мацько различает номинативные и предикативные формулы речевого этикета. К последним, в частности, относятся композиционные речевые формулы (начальные и заключительные) [Мацько 2001, с. 7–15].

Как показывает языковой материал, охватывающий переписку разных корреспондентов XVIII–XX веков, заключительная этикетная формула в письме, как правило, представляет собой высказывание, построенное по определённой модели с использованием языковых клише, принятых в обществе в данный период времени. Например, в XVIII веке было принято предварять подпись апеллятивом, указывающим на более низкое социальное положение адресанта по отношению к адресату, в сочетании с притяжательным местоимением *ваш* или титулованием адресата в соответствии с Табелью о рангах. Эта формула могла осложняться обращением к адресату. По модели: (обращение) + именование адресата в родительном падеже / притяжательное местоимение *ваш* + именование адресанта в именительном падеже + подпись – построены этикетные высказывания: *Вашего превосходительства, милостивого государя, всепокорнейший и нижайший слуга Александр Сумароков* [ПРП, с. 76], *Повергая себя к Освященнейшим стопам Всемилостивейшая Государыня! Вашего Императорского Величества всеподданнейший Граф Александр Суворов*

Рымникский [Суворов, с. 252], *Я остаюсь с искреннейшим почтением и преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга Михайло Муравьев* [ПРП, с. 292] и многие другие. Как видим, лексическое наполнение модели варьируется достаточно широко в зависимости от условий коммуникации.

Структура заключительных этикетных формул весьма разнообразна, и стандартные языковые клише типа *Прощайте! До свидания; Целую; Жму руку* или хотя бы самое элементарное и ни к чему не обязывающее *Ваш; Преданный Вам* и т. п. составляют ядерную часть эпистолярных формул, завершающих письмо. Они могут распространяться и широко варьироваться в структурном и лексическом плане, и вот примеры из писем только одного автора – П. В. Анненкова, и только этикетные формулы, построенные на основе базового клише *Прощайте*. Заключительная этикетная формула реализуется:

а) базовой формулой прощания: *Прощайте!* [Анненков, кн. 1, с. 17];

б) одной предикативной зоной: *Затем прощайте; Прощайте покамест* [Анненков, кн. 1, с. 78, 68];

в) предикативной зоной с обращением: *Прощайте, друг мой; Прощайте, мой любезнейший; Покамест, прощайте, друг* [Анненков, кн. 1, с. 10, 42, 73];

г) несколькими предикативными зонами в рамках простого предложения: *Покамест прощайте и пишете по-прежнему ко мне; Полюбуйтесь нами и прощайте* [Анненков, кн. 1, с. 26, 178];

д) несколькими предикативными зонами в рамках сложного предложения: *Теперь прощайте и ещё раз благодарю; [Анненков, кн. 1, с. 96], Скажите это нашим приятелям и Марье Александровне, а затем я буду ждать Вашего письма с нетерпением дружбы – и прощайте* [Анненков, кн. 1, с. 98];

е) сверхфразовым единством, в котором базовая формула прощания может предшествовать какой-то другой этикетной формуле или следовать за ней: *Затем прощайте. Кланяюсь Тютчевым. Весь Ваш П. Анненков* [Анненков, кн. 1, с. 11]; *Вдумайтесь в это и прощайте. Поклонитесь Боткину* [Анненков, кн. 1, с. 62], *Жена Вам кланяется. Прощайте* [Анненков, кн. 1, с. 113].

Как и при устном общении, прощание в письме, как правило, не бывает внезапным и предваряется типичными для письма содержательными компонентами, такими, как поздравления, пожелания, приветы родным и знакомым, просьбы писать чаще и т. п., например: *Я*

надеюсь получить от Вас известие здесь и буду ожидать его. **Прощайте.** П. Анненков [Анненков, кн. 1, с. 57].

Формула прощания, как мы видим, не обязательно завершает текст письма. Она может и начинать заключительную часть послания, включающую названные выше компоненты: **Прощайте.** Я теперь занят только одним – добраться до Берлина и перехватить вас на дороге. **Спешите отвечать мне** [Анненков, кн. 1, с. 69]. Бывает и так, что, попрощавшись, адресант продолжает содержательную часть письма, как это, например, делает А. И. Герцен в письме Н. П. Огареву: **Прощай.** Лугин<ин> поступил, как мальчишка, – не отвечал мне насчет 500 фр<анков> С<ерно>-С<оловьевича> – Ковал<евский> здесь и нигде не показывается – на мой вопрос, «зачем он здесь?» он отвечал: «По делам». В Ницце – дела (далее следует описание домашних дел, восхищение климатом Ниццы, а в конце письма нет ни каких-либо формул этикета, ни подписи) [Герцен, с. 523].

Заключительная этикетная формула – очень гибкая фигура. Она может расчленяться на несколько этикетных формул, порядок которых, а также их структурное оформление и лексическое наполнение не является жёстким и может меняться. И тем не менее, если эта формула всё же присутствует в письме, она чётко выделяется из всех прочих составляющих заключительной части исследуемого нами речевого произведения и является одним из функционально и лингвистически значимых его компонентов. Чаще всего заключительная этикетная формула в письме предшествует подписи и может входить в синтаксическую конструкцию с именем адресанта: *Сердцем Ваш А. Пешков* [Горький, т. 28, с. 102]; *Вполне Вам преданный Н. Некрасов* [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 114]; *Твой В. Белинский* [Белинский, т. 11, с. 420]. Функциональная близость заключительной этикетной формулы и подписи проявляется не только в их синтагматике, но и в том, что формула вежливости может в некоторых случаях заменять подпись, как, например, в письмах Н. И. Пирогова жене, многие из которых он подписывал просто *Твой* [Севастопольскія письма..., с. 160, 162, 163, 167, 168 и др.].

Подпись – тот КПП письма, который характеризуется, пожалуй, максимальной облигаторностью, поскольку анонимность письма противоречит сложившимся конвенциям общения. Естественно, что подпись может отсутствовать в записках, переданных лично, когда адресант легко устанавливается визуально. Подпись в конце письма пред-

ставляет собой имя или аналог имени адресанта с автографом-рописью или без него, а иногда только автограф без имени. Имя адресанта – это антропоним в каком-либо из его вариантов:

- а) имя (полное, гипокористическое, деминутив): *Михаил* [Булгаков, с. 28]; *Боря* [Переписка Б. Пастернака, с. 34]; *Твой Лёсик* [ПГ, т. 1, с. 63];
- б) фамилия: *Булгаков* [Булгаков, с. 297]; *Каплер* [Каплер, с. 281];
- в) имя (возможно, инициал) и фамилия: *Михаил Булгаков* [Булгаков, с. 215]; *А. Пешков* [Горький, т. 28, с. 9];
- г) имя (инициал) и отчество: *Ваш А. Максимыч* [ПГ, т. 1, с. 39];
- д) имя, отчество и фамилия: *Михаил Афанасьевич Булгаков* [Булгаков, с. 164];
- е) инициалы: *Ал.*; *А.*; *А. П.* [Горький, т. 28, с. 154, 156, 210]; *МЦ.* [Цветаева, т. 6, с. 149];
- ж) псевдоним: *М. Горький* [Горький, т. 30, с. 214]; *А. Чехонте* [Чехов, т. 11, с. 42];
- з) прозвище: *Мак* [Булгаков, с. 296]; *Ваша Мадлена Трусикова-Ненадёжная* [Булгаков, с. 298]; *Твой Шар* [Каплер, с. 282].

Имя собственное может сопровождаться социальным или каким-то иным его атрибутом: *Профессор Василий Кирилов сын Тредиаковский* [ПРП, с. 53]; *Граф Александр Суворов-Рымникский* [Суворов, с. 343]; *Твой брат Михаил* [Булгаков, с. 17]; *нижегородский мещанин Алексей Максимов Пешков* [ПГ, т. 1, с. 34]; *Твой муж товарищ Каплер*; *Твой вечный человеческий раб Васька* [Каплер, с. 281, 282].

Номинативная конструкция с антропонимом нередко включает в себя не только этикетную формулу (что было показано выше), но и другие зависимые компоненты: *Всё та же Катя*; *По поручению участников т-ва «Знание», искренно уважающий Вас К. Пятницкий* [ПГ, т. 1, с. 65, 136]. Сопровождать имя адресанта может вставная конструкция: *Ваш Евг. Замятин. (Он же Фока)*; *Ваш М. Булгаков (бывший драматург, а ныне режиссер МХТ)* [Булгаков, с. 251, 295] – и даже определительное предложение: *А. Пешков, который не скоро ещё издохнет, да!»* [ПГ, т. 1, с. 189].

Автор письма может обозначить себя и без имени, указав, например, на свой статус, должность или профессию, иногда с самоиронией: *Профессор ЛГУ и ДВГУ. Доктор, лауреат и вообще* [Баранцев, с. 378], использовать шутовское описательное именование: *Старый авантюрист*; *Владелец питерской квартиры* [Баранцев, с. 378; 388];

Командировочный человек; Твой безымянный человек и любитель; Один полунинтеллигент [Каплер, с. 282, 287, 290].

Наконец, **адресация письма**. Это самая значимая и менее всего предсказуемая – в смысле множества её форм – категория. Персонафицированность эпистолярной коммуникации обуславливает использование в письмах широкого спектра субъектоориентирующих средств, характерное, как указывает С. П. Кушнерук, не только для текстов официально-деловых документов, к которым относятся деловые письма, но и для личных писем [Кушнерук 2008, с. 206–207]. К таким средствам относится, в частности, указание субъектов взаимодействия: адресанта и адресата письма. Наряду с обозначением адресата на конверте, в котором письмо, как правило, пересылается, зачин письма обычно включает обращение к адресату, и именно личное обращение считают тем литературным приёмом, который определяет композицию и стиль послания и позволяет квалифицировать, например, текст публицистического открытого письма Л. Н. Толстого «Не могу молчать», именно как письмо, а не статью или что-либо другое [Карасев 1962, с. 46]. Обращение в письме ориентировано на получателя текста и допускает широкий выбор способа его номинации. Осуществляя этот выбор, адресант может назвать адресата по имени или использовать другой антропоним, а также обозначить профессию, должность, чин, звание своего корреспондента, обратиться к нему с использованием титулов и титулований, указать на родственные отношения и т. д. Характер номинации адресата в обращении указывает на значимые для автора письма стороны личности его корреспондента, задавая общению определённую тональность: нейтральную, официальную, непринуждённую, дружескую и др.

Рассматривая в качестве одного из основных условий успешной коммуникации учёт «фактора адресата», Н. Д. Арутюнова подчёркивает, что каждый из участников речевого акта вступает в общение не как глобальная личность, а как личность, параметризованная в определённом своём аспекте, амплуа или функции [Арутюнова 1981, с. 357–358]. Автор текста обращается к адресату, ориентируясь на существенные в данной ситуации параметры его личности, при этом во избежание коммуникативной неудачи сам адресат должен адекватно воспринимать ситуацию общения, в частности ту социальную роль или функцию, которая отводится ему отправителем сообщения. В условиях дистантной коммуникации, опосредованной письмом, важно обозначить соответствующие координаты общения уже в начале акта

взаимодействия, и эту функцию берёт на себя инициальное обращение, которое используется для параметризации образа адресата, ориентируя получателя письма в ситуации общения, и выполняет в тексте проспективную функцию, направляя внимание адресата на определённые аспекты коммуникативной ситуации.

Обращение в начале письма и подпись в конце репрезентируют один и тот же по сути объект – участника эпистолярной коммуникации, поочередно исполняющего роли адресанта и адресата, что и определяет изоморфизм рамочных элементов письма. Обращение так же, как подпись, включает имя адресата в той или иной форме или его аналог. Подобно тому, как подпись обычно сопровождается этикетной формулой, адресующему обращению часто предшествует регулятив *голубушка, друг, господин, товарищ* и т. п. или детерминант типа *дорогой, милый, уважаемый: Товарищ Воронов, Господин Михалков, Уважаемый Николай Иванович*. На исключительную функциональную значимость в письме приветствия (включая обращение) и подписи как элементов, наиболее очевидно регулирующих степень близости между коммуникантами, указывает исследователь английской переписки XIX века К. Паттерсон [Patterson 2000].

В числе факторов, влияющих как на выбор способа номинации адресата, так и на характер подписи и сопутствующей этикетной формулы, существенную роль играют отношения между участниками коммуникации, что определяет коррелятивность зачина и концовки письма. В письмах А. П. Сумарокова обращению к императрице *Всемилоостивейшая государыня* соответствует этикетная формула *Вашего Императорского Величества всенижайший и всеподданнейший раб* [ПРП, с. 94, 101–102, 110–112]; тогда как обращаясь к другим адресатам: *Милостивый государь*, тот же автор именуется *нижайшим и покорнейшим слугою* или *всепокорнейшим слугою* [ПРП, с. 90–92, 95, 112 и др.]. А. В. Суворов в письмах обращается к Г. А. Потёмкину: *Светлейший Князь, Милостивый Государь!*, а подписывается: *Вашей Светлости нижайший слуга* [Суворов, с. 120–123 и др.]; в письмах же, адресованных титулованным особам не столь высокого ранга, как Потёмкин, обращению-регулятиву *Милостивый государь* обычно соответствует подпись *покорный (покорнейший) слуга Александр Суворов* [Суворов, с. 120, 126, 190 и др.]; обращаясь в частных неофициальных письмах к дочери: *Любезная Наташа!* или *Милая моя Суворочка!*, тот же адресант называет себя: *Отец твой Александр Суворов* [Суворов, с. 122, 131]. Этикетные формулы исторически изменчивы, однако

данная зависимость сохраняется и спустя полтора столетия. В частных письмах М. А. Булгакова обращениям, включающим детерминанты *милый, дорогой*, соответствует в подписи этикетное *твой* или *ваши*: *Твой Михаил, Твой М. Булгаков, Ваши М. Булгаков* [Булгаков, с. 53–55, 258–259, 320 и др.]; в частно-деловых письмах к А. Н. Тихонову и А. М. Горькому писатель обращается: *Уважаемый Александр Николаевич!, Многоуважаемый Алексей Максимович!* а подписывается: *Уважающий Вас М. Булгаков* [Булгаков, с. 264, 364–365]. Та же закономерность наблюдается в письмах В. В. Маяковского: обращаясь к Л. Ю. Брик *Дорогой мой, родной и милый Кашалотик* или *Дорогой, милый, родной и любимый Кис*, поэт и себя обозначает прозвищем или даже рисунком: *Весь твой Шен; Любящий родную Кису и весь твой* (рисунок) [ЛН, с. 137, 108]. В письмах, адресованных К. И. Чуковскому и журналисту Н. Ф. Чужаку-Насимовичу, В. Маяковский сопровождает обращение только одним детерминантом: *Дорогой Корней Иванович...; Дорогой Чужак!* – и подпись вполне официальна: *Влад. Маяковский* или *Маяковский* [ЛН, с. 185–186, 191–192].

Каждый из указанных выше конструктивных параметров письма имеет своё прямое функциональное назначение, которое в силу тех или иных причин может быть нереализованным и даже не востребуемым. Но, если всё же речь идёт о контактоустанавливающей функции письма, она обязательно реализуется уже самим фактом его написания. И самый естественный и распространённый, самый эффективный способ установления контакта адресанта со своим адресатом – это, безусловно, некое обозначение этого адресата, некая его фиксация с помощью той или иной лингвистической фигуры, которая может оказаться не только собственно обращением как определённой грамматической категорией, но и каким-то иным речевым образованием, функционально аналогичным обращению в самых разных структурных вариациях этой грамматической категории, речевым образованием, которое мы квалифицируем в качестве эпистолярного вокатива и на описание которого ориентирована предлагаемая монография.

Сначала, однако, о характере и причинах редукции рассмотренных нами конструктивных параметров письма как одной из основных особенностей собственно письма и как документа, и как речевого произведения.

1.3. Редукция конструктивных параметров письма – объективный фактор эпистолярной коммуникации

С письмом как документом и как субститутотом устного общения обычно связывают определённые правила его оформления, комплекс формальных компонентов, обрамляющих основное содержание послания и выступающих в качестве дифференциальных признаков письма. Однако ни один из этих признаков, в частности указанных выше, не является абсолютным, обязательно наличествующим параметром именно письменного сообщения, хотя, как минимум, два из них: выходные данные письма и подпись – практически не сопутствуют устному высказыванию, а в письме, восполняя отсутствующую визуальную и аудиоинформацию о собеседнике, приобретают ритуальный характер, когда в такой информации нет особой необходимости. Таким образом, самое, на наш взгляд, яркое и в то же время парадоксальное отличие письма от всех других документов заключается, как уже было отмечено, в том, что, с одной стороны, только письмо в принципе может содержать в себе, а зачастую и реально содержит **все** сопутствующие посланию его формальные параметры: выходные данные, обращение к адресату, заключительную формулу вежливости, имя адресанта, указание на специфику послания и/или постскриптум – и при этом не озаглавливаясь словом *письмо*. С другой же стороны, только письмо в своей обрамляющей части может быть как угодно редуцировано, вплоть до нуля, и даже не содержать, оставаясь письмом, ни одного из формальных параметров этого документа.

Никакой другой документ не варьирует так свободно, как письмо, свои формальные параметры. И, не вдаваясь в подробности, укажем только, что вряд ли мы среагируем, скажем, на повестку, если она и номинирована, но в ней так или иначе не указаны адресат и адресант. Эти же, как минимум, параметры нужно указать и в заявлении, а, например, для справки абсолютно необходима дата её выдачи. С другой стороны, вывеска, например, у входа в здание университета наверняка не будет содержать обращения к каким-то конкретным лицам; перед подписью ректора в приказе по университету мы не найдём слов типа *Готовый к услугам* или *Ваш*; резолюция не предполагает постскриптума, маркированного или немаркированного; любой указатель функционирует без выходных данных, как, впрочем, и каких-то иных сопутствующих письму параметров и т. д.

Письмо, таким образом, даже не имея, условно говоря, самоназвания, объективно противопоставлено всем другим письменным речевым произведениям как документам, и противопоставление это носит динамический характер, проявляя себя в комплексе формальных параметров, которые, сопутствуя письму в принципе, могут быть реализованы как в полном своём комплекте, так и с редукцией отдельных из них, но могут и вообще не обрамлять текст собственно письма, что, однако, не меняет его жанровую принадлежность. В этом и проявляется двойственная природа письма, которое, будучи (или имея возможность стать) документом, тяготеет к формализации структуры текста, но, являясь в то же время речевым произведением, допускает высокую степень произвольности своего построения. Редукция может подвергаться любой из основных конструктивных параметров письма, но с разной степенью регулярности. Подпись в том или ином её виде (антропоним в одном из его вариантов или росчерк), как правило, в письме присутствует, потому что анонимные послания противоречат сложившимся конвенциям общения. Указание времени и места может быть опущено в тексте письма, поскольку, во-первых, соответствующая информация легко восстанавливается по штемпелю на конверте, а во-вторых, не всегда имеет принципиальное значение для адресата. А вот редукция заключительной этикетной формулы письма и обращения осуществляется при вполне определённых обстоятельствах, сопутствующих эпистолярной коммуникации, и имеет в силу этого прагматическое значение для получателя послания. Поэтому мы более подробно и рассмотрим редукцию именно этих конструктивных параметров письма.

1.3.1. Редукция заключительной этикетной формулы письма

Практика речевого общения людей за многие века выработала разнообразные коды, формы и средства коммуникации, а в отдельных сферах человеческой деятельности (военная, дипломатическая, административная) коммуникативный процесс сопровождается довольно жёсткой регламентацией. Но даже в таких областях, как, например, непринуждённое бытовое общение, предоставляющее человеку наибольшую, казалось бы, свободу в выборе языковых и паралингвистических средств, некоторые фазы этого процесса регулируются конвенциями, то есть «неписаными, но ясно сознаваемыми социализированной личностью нормативными типами и моделями речевого пове-

дения» [Колтунова 2004, с. 101], и в первую очередь это касается начала и окончания акта коммуникации. В письме, которое является графическим субститутом устного сообщения, этикетной ритуализации подверглись главным образом вводная и заключительная части, оформляющие «вхождение» коммуникантов в ситуацию общения и «выход» из неё, что выражается в выработке общепринятых способов обращения, а также в использовании особых эпистолярных формул: *С уважением...*, *Преданный Вам...*, *Всегда Ваш..*, *Жму руку*, *Прощай(те)* и т. п.

Значительная часть рассмотренных нами писем, принадлежащих самым разным корреспондентам и репрезентирующих эпистолярное общение достаточно большого временного периода XVIII–XX вв., содержит в себе заключительную формулу вежливости – фигуру прощания, которая является этикетным знаком, реализующим основные функции ритуалов, выделенные К. Лоренцом и описанные Н. И. Формановской применительно к этикетному речевому поведению: снятие агрессии, обозначение «своих» и отторжение «чужих» [Формановская 2002, с. 183]. Первая из этих функций проявляется в том, что заключительная формула обычно демонстрирует (иногда даже в гиперболизированном виде) признанное, доброжелательное отношение автора письма к адресату, провоцируя его изъяснить ответные чувства и запуская механизм психологической проекции таким, например, образом: *В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше вашего любезного здравия, остаюсь навсегда с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын Михайло Муравьев* [ПРП, с. 263]. Эту же функцию выполняют перформативы типа *Обнимаю*, *Целую*, *Жму руку*.

Функции обозначения «своих» и отторжения «чужих» заключительные формулы письма совмещают, так или иначе регулируя коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. Аналогично выбору форм Ты- или Вы-общения предваряющее подпись адресатное местоимение *Твой* или *Ваш* маркирует более или менее близкие отношения между коммуникантами, в то время как формулы *С уважением...* или *Уважающий Вас...*, скорее, предназначены для того, чтобы удержать адресата на некотором расстоянии, в русле стратегии «негативной вежливости», или вежливости дистанцирования [Кастлер 2004]. Таким образом, в условиях дистантного общения заключительная формула письма вербализует ситуативно значимую информацию,

которая при непосредственном общении передаётся большей частью неязыковыми средствами.

Актуальность такой информации для участников общения особенно высока в тех случаях, когда существует некоторая неопределённость в специфике данного коммуникативного акта. Скажем, противопоставление частной и деловой переписки нередко оказывается весьма условным, в одном письме могут затрагиваться как деловые вопросы, так и проблемы личного характера, в связи с чем выделяется значительный пласт частно-деловых писем, адресант и адресат которых – частные лица, но обсуждают вопросы, связанные со своим бизнесом или профессиональной деятельностью. В письмах такого рода заключительная формула вежливости, как правило, нужна: например, в томе, содержащем около трёхсот писем художников П. М. Третьякову, зафиксировано всего лишь менее десяти случаев её отсутствия [ПХ, с. 70, 123, 127, 133–135, 144, 147, 222]. В современном пособии по написанию деловых писем отмечается, что заключительная формула вежливости может отсутствовать в официальных письмах, но почти всегда «подытоживает» письма, текст которых носит отчасти личный характер (например, письмо-благодарность), приглушая официальный тон в конце послания [Рогожин 2009, с. 37]. Градация степени официальности послания характеризует и письма, отправленные какой-либо организации, но адресованные конкретному лицу. Несмотря на деловой характер, такие письма нередко заканчиваются этикетной формулой. Скажем, в письме М. Горького редактору газеты «Русское слово» присутствует как обращение *Гражданин редактор*, так и заключительная формула вежливости: *Приветствую* [Горький, т. 29, с. 381]. То же самое в письме М. А. Булгакова издательству «С. Фишер-Ферлаг», которое начинается обращением к директору издательства: *Многоуважаемый г. Марил!*, а завершается этикетным *Примите уверения в моем уважении* [Булгаков, с. 372].

Заключительная этикетная формула способствует снятию неопределённости в отношениях между коммуникантами при их формально равной субъектности. Так, в письмах Петра I, реализующих межгосударственные контакты, когда субъектность адресата высока в силу того, что он представляет суверенное государство, Пётр обращается к нему как к потенциальному союзнику, и заключительная этикетная формула сигнализирует об установке адресанта на сближение и контактное взаимодействие. Письмо коронному великому гетману Адаму-Николаю Сенявскому Пётр завершает этикетной формулой: *В чем,*

вашу милость обнадежа, пребывая при сем к вам всегда в приязни нашей склонный Петр; подобного же рода этикетные знаки и в его письме князю Франциску Леопольду Ракочи: *И пребываем при сем светлости вашей склонный приятель П(етр)*; в письме герцогу Брауншвейг-Люнебургскому Антону-Ульриху: *Пребываю при желании всякого саможелаемого благополучия вашей высококняжесей светлости дружесбно охотный Петр* [Петр I, с. 44, 47, 142].

Релевантность экспликации коммуникативной дистанции при межличностном общении снижается в тех случаях, когда исключительно высокий социальный статус адресанта делает невозможным сколько-нибудь ощутимое сближение с ним, а вместе с тем и заключительная этикетная формула письма становится функционально избыточной. Она регулярно подвергается редукции в письмах Петра I своим подданным, сколь бы ни был высок статус адресата (князю В. В. Долгорукому [Петр I, с. 5, 14, 37], генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину [Петр I, с. 6, 16, 25, 49], царевичу Алексею Петровичу [Петр I, с. 15, 20, 39], графу Б. П. Шереметеву [Петр I, с. 17, 22, 23, 28, 141], князю А. Д. Меншикову [Петр I, с. 17, 34, 52], князю Ф. Ю. Ромодановскому [Петр I, с. 22, 48], князю М. П. Гагарину [Петр I, с. 34, 57] и многим другим). Редукция заключительной этикетной формулы, обусловленная высоким социальным статусом адресанта, реализует вежливость дистанцирования и отмечается при таких формах организации общества, когда роль социальной иерархии в отношениях людей ничем не вуалируется, а место каждого на сословно-иерархической лестнице достаточно чётко обозначено.

Интересно, что стремление сохранить дистанцию в общении бывает свойственно и участнику коммуникации, занимающему низшую ступень в социальной иерархии, чем его адресат. Известно несколько писем М. А. Булгакова, в которых он обращался к И. В. Сталину с различными просьбами: разрешить ему выехать за границу, смягчить участь драматурга Н. Р. Эрдмана и т. п. Положение опального литератора, каким был в это время Булгаков, и Генерального секретаря ЦК ВКП(б), который в 1930-е годы уже сосредоточил в своих руках власть в огромной стране, несопоставимо. Начав письмо вполне стандартным и нейтрально-вежливым *Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!* или *Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович*, можно ли завершить текст чем-нибудь столь же стандартным типа: *С уважением Булгаков?* Любые изъявления уважения и преданности могут быть интерпретированы как попытка лести, отказ от своих этиче-

ских и творческих принципов. И Булгаков каждый раз заканчивает свои письма только подписью, без каких бы то ни было этикетных знаков [Булгаков, с. 309, 439, 607].

Наличие или отсутствие в эпистолярном тексте заключительной этикетной формулы связано также со степенью официальности общения, а следовательно, и с содержанием и стилистическими характеристиками письменного документа. Авторы одного из современных пособий по ведению деловой переписки, рекомендуя придерживаться нейтрального тона, сухости и строгости в изложении, предостерегают от увлечения чрезмерной вежливостью [Кирсанова 2006, с. 29]. Как было отмечено выше, даже в пределах деловой переписки эпистолярные тексты отличаются мерой официальности, с чем связано, в частности, противопоставление служебных писем, т. е. писем государственных организаций, предприятий и учреждений, и деловых писем – писем негосударственных организаций, предприятий и учреждений. Превалирование личных или деловых отношений выражается и в характере адресации письма, в том, обращено оно к конкретному человеку, группе людей или неперсонифицированному адресату: организации или учреждению. В последнем случае заключительная этикетная формула, как правило, отсутствует, и соответствующие примеры можно наблюдать в письмах В. К. Третьяковского в Канцелярию Академии наук [ПРП, с. 58, 60, 61] и в Канцелярию Морского шляхетного кадетского корпуса [ПРП, с. 61], в письмах А. П. Сумарокова в Канцелярию Академии наук [ПРП, с. 85, 86, 114] и в Каширскую воеводскую канцелярию [ПРП, с. 160], в письмах М. А. Булгакова Правительству СССР и в Коллегию ОГПУ [Булгаков, с. 287, 290], в письмах А. А. Фадеева в Управление по охране авторских прав и в редакцию международного литературного журнала «Де Ким» [Фадеев, с. 359, 562] и т. д.

Заключительная формула вежливости обычно регулирует межличностное взаимодействие, отношения между двумя конкретными людьми, поэтому вполне естественно, что в открытых письмах, адресат которых неизвестен автору заранее, а также в письмах, имеющих коллективного адресата или коллективного адресанта, она тоже подвергается редукции, как, например, в открытом письме М. А. Булгакова, направленном во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей для опубликования, в его же письме в редакцию «Жизни замечательных людей» [Булгаков, с. 211–213, 400], а также в обращении И. В. Сталина к членам и кандидатам Политбюро ЦК

А. А. Жданову, Н. И. Бухарину, А. И. Стецкому или в письме И. В. Сталина и В. М. Молотова Н. И. Бухарину [Советское руководство, с. 295, 111].

Отказ от использования общепринятых этикетных средств бывает связан не только с высокой степенью официальности письма, как это показано выше, но и, напротив, с абсолютно неофициальным, даже интимным характером переписки, когда соблюдение требований этикета, скорее, создаёт некую нежелательную дистанцию между коммуникантами. Большая часть писем и записок Екатерины II Г. А. Потёмкину, написанных в 1774–1775 гг., то есть в разгар любовного романа между ними, не содержит ни подписи, ни этикетных формул, что, впрочем, может быть связано ещё и с конспиративными соображениями [ЕП, с. 9–88]. Вот пример такого письма:

Голубчик, душа моя. Каков ты, пришли сказать, каков. Я домой пришла, и буде я тебе надобна, как и не сомневаюсь, то вели сказать, сударушка. Душа не на месте, что неможешь. Естьли теперь мне прийти нельзя, то когда можно будет, дай знать [ЕП, с. 48].

В то же время письма Екатерины II Г. А. Потёмкину более позднего периода нередко заканчиваются заключительной этикетной формулой, например: *Прощай, мой милый друг* [ЕП, с. 152]; *Прощай, желаю тебе щастливого пути. Саша тебе кланяется* [ЕП, с. 164]; *Прощай, будь здоров и весел и имей во всем успех* [ЕП, с. 165]; *Прощай, мой друг сердечный, Бог с тобою* [ЕП, с. 182]; *Прощай, мой любезный друг, Бога молю, да возстановит твое здоровье, мне столь нужное, скорее* [ЕП, с. 186].

На выбор способа установления и прерывания вербального контакта оказывает влияние и такой фактор, как эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма. Гнев, негодование, обида и другие отрицательные эмоции, испытываемые по отношению к адресату, нередко побуждают автора письма нарушить этикетные правила, что выражается, в частности, в редукции инициального вокатива, заключительной формулы вежливости, а иногда и обоих рамочных элементов письма. Так, например, отсутствует заключительная этикетная формула в гневном письме М. Горького Л. Н. Толстому, в котором Горький в 1905 году выразил своё резкое несогласие с нравственно-религиозной проповедью Толстого о спасительности личного совершенствования и отказе от идеи борьбы людей за свои права, – в письме, которое, правда, так и не было ни доставлено адресату, ни напечатано. Полемический пафос письма достигает своего апогея в конце его,

когда М. Горький, обращаясь к Л. Толстому, пишет о «хищниках и паразитах» страны:

И несколько дней они будут повторять Ваши слова, они схватятся за них, как утопающие за солому, и кинут в лицо честных и мужественных людей России тяжёлые и обидные, ликующие и злобные слова:

– Лев Толстой не с вами!

М. Горький [Горький, т. 28, с. 361].

Любая формула вежливости в данном тексте снизила бы накал полемики, что противоречило бы коммуникативной задаче, и Горький завершает письмо только своей подписью.

Нет заключительной этикетной формулы и в письмах Л. Н. Толстого И. С. Тургеневу, написанных во время конфликта между известными писателями, когда дело чуть не дошло до дуэли [Толстой 1962, с. 110, 112]. При подобных обстоятельствах такое завершение послания, когда под текстом ставится только подпись, сигнализирует не просто о прерывании данного акта коммуникации, но и о готовности к полному разрыву отношений между участниками общения.

Помимо разного рода нюансов, связанных с личными и социальными отношениями между участниками эпистолярной коммуникации, на характер оформления инициальной и завершающей частей послания влияют и ситуативные факторы, в частности такие, как недостаток времени, необходимость быстрого информирования о происходящих событиях. Многие письма Г. А. Потёмкина Екатерине имеют характер оперативных донесений из, выражаясь современным языком, «горячих точек», в которых ему не раз приходилось оказываться. Все рамочные элементы: обращение, подпись, этикетные формулы – подвергаются редукции в письмах, написанных во время конфликта на границе с Китаем, столкновений между православными и униатами в пограничных с Польшей провинциях Малороссии, вооружённого нападения турок и лезгин на жителей Грузии, русско-турецкой войны и т. д. [ЕП, с. 200–202, 294, 335–346, 362, 421 и др.]. То же самое – в письмах А. В. Суворова, которые содержат отчёты, приказы или распоряжения во время Итальянского и Швейцарского походов [Суворов, с. 336, 340, 357], например:

Любезный мой генерал Кейм.

Я отправляюсь в Пиаченцу; иду разбить Макдональда. Возьмите скорее цитадель Туринскую, чтоб я не пел благодарственного молебна прежде Вас [Суворов, с. 340].

В силу того, что письма обслуживают самые разные области деятельности людей, они крайне неоднородны в функционально-стилистическом отношении, что даёт основания многим исследователям отрицать существование эпистолярного стиля как особой разновидности языка и порождает ряд проблем при квалификации того или иного документа в качестве письма или текста какого-либо другого речевого жанра. Как отмечалось выше, существуют эпистолярные тексты, совмещающие признаки письма и научной или литературно-критической статьи, публицистического или художественного произведения, дневника, мемуаров и т. д. Такие тексты нередко утрачивают некоторые структурные признаки письма, в том числе и заключительную этикетную формулу. Например, письмо, которое М. А. Булгаков писал П. С. Попову в течение месяца в несколько приёмов частями, каждая из которых маркирована соответствующей датой, в конечном счёте приняло характер дневника, последняя запись в котором содержит формулы поздравления и благодарности, но подпись *Михаил* уже не сопровождается никакими этикетными знаками [Булгаков, с. 325–329]. Одно из писем А. В. Луначарского М. Горькому, написанное в 1907 году, т. е. в самом начале их деловых и личных контактов, охватывающих почти три десятилетия, посвящено актуальным задачам социал-демократического движения, по стилю напоминает газетную статью и не содержит ни начального обращения, ни подписи, ни соответствующих этикетных формул. [ПГ, т. 1, с. 352–353]. Вот пример письма Г. А. Потёмкина Екатерине II, которое представляет собой по сути короткий рассказ и даже имеет такой атрибут рассказа, как заглавие, но все структурные элементы собственно письма в нём отсутствуют:

Чудесный случай

В городе восемь бим-башей над конницей их, в один день шестеро видели один сон, не зная еще о Белграде Днестровском. В ту ночь, как взят, приснилось, что пришли люди и говорят: "Отдайте Бендеры, когда потребуют, иначе пропадете. Знайте, что и в Царе Граде думают об мире". А потом во всю ночь видели по городу русских.

Они пришли к паше и объявили. И сие так вкоренилось, что при всяком случае, с нашими съезжаючись, спрашивали: есть ли о мире известие. Из сих бим-башей один, который взял Ломбарда. [ЕП, с. 383].

Таким образом, редукция заключительной этикетной формулы письма мотивирована, как правило, следующими связанными с усло-

виями коммуникации факторами: 1) исключительно высокий социальный статус адресанта при иерархических отношениях между участниками общения; 2) степень официальности общения; 3) неопределённость адресата; 4) эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма; 5) синкретический в жанрово-стилистическом отношении характер письма.

Несколько иные факторы определяют причины редукции адресации, в том числе и собственно обращения.

1.3.2. Редукция адресации

Письмо как документ и речевое произведение интегрирует в себе сущность практически всех видов коммуникации, причём как письменной, так и устной. Отсюда, с одной стороны, как уже было отмечено, максимально полный объём сопутствующих письму его формальных конструктивных параметров, с другой стороны, любые варианты их редукции, вплоть до абсолютной, когда адресант не вводит в своё послание ни один из них, в том числе и обращение к своему адресату. При этом тот или иной набор конструктивных параметров письма, и в частности обращение, коррелирует не столько с его содержанием, сколько с условиями общения (неизвестно имя адресата, нет времени на экивоки или, скажем, не на чем писать), с определёнными экстралингвистическими факторами социального главным образом характера (письмо начальнику или важной персоне), с эмоциональным и физическим состоянием адресанта и его отношением к адресату (болен, влюблён, чем-то огорчён или возмущён) и мн. др. И если при этом регулярная редукция или, скажем, модификация отдельных конструктивных параметров письма может быть обусловлена как особенностями личности адресанта и его манерой общения (кто-то, например, вообще не сопровождает своё письмо выходными данными, а кто-то сознательно избегает традиционных заключительных формул типа *с уважением, преданный Вам* и т. п., заменяя их какими-то пожеланиями), так и жанром послания (в сугубо деловых письмах, как правило, нет ветвистых экивоков), то опущение адресации, а тем более различные его вариации – явление спонтанное, а потому и более интересное, требующее особого рассмотрения.

В качестве обращения во многих письмах разных адресантов довольно часто выступает только своего рода контактив, т. е. общее обращение, основная функция которого – установление контакта ме-

жду коммуникантами. Контактив при этом может сопровождаться теми или иными детерминантами, придающими ему определённую коннотацию. Можно встретить просто *товарищ*, *господа* или *гражданин*, без проявления какого бы то ни было отношения автора письма к своим адресатам, как это, например, имеет место в письмах М. Горького [Горький, т. 30, с. 46, 51, 160], П. И. Чайковского [Чайковский, с. 4], И. А. Бунина [Бунин, т. 13, с. 190], но возможны и обращения с этикетным распространителем: *дорогие товарищи* [Н. Островский, с. 399, 401, 402, 407], *дорогой товарищ* [Горький, т. 30, с. 35, 221; Бунин, т. 11, с. 338], *уважаемый товарищ* [Бабель, с. 197; Горький, т. 30, с. 365] – и даже обращения с лично окрашенными детерминантами: *старый, хороший товарищ*; *старый товарищ*; *милый мой товарищ* [Горький, т. 30, с. 12, 289, 353], *милая женщина-товарищ* [Горький, т. 29, с. 467] *госпожа хорошая* [Есенин, с. 164]. Собственно обращение при этом минимизируется не только формально, но и содержательно, поскольку в нём адресат никак не персонифицирован. Может адресант пойти ещё дальше и вообще не называть своего партнёра по письменной коммуникации, и как следствие такого шага адресанта – полная редукция вокатива как конструктивного параметра письма.

Аналогичная ситуация иногда наблюдается и при непосредственном устном общении. В. И. Супрун пишет о том, что в современном русском обществе отсутствие устойчивого употребления нейтральных статусных обращений приводит к тому, что в ситуации, когда адресант не знает или забыл имя и отчество своего собеседника, он вынужден прибегать к **нулевому вокативу**, поскольку любое иное обращение может быть воспринято как ирония или недоброжелательность. В качестве выхода из такого положения сложилось употребление этикетных формул типа *Простите...*, *Извините...*, *Простите, я забыл Ваше имя-отчество* [Супрун 2001]. В письме в подобных случаях имя адресата может быть сокращено до инициалов или другого комплекса звуков, сохранённых памятью адресанта, который обычно вынужден объяснить такое сокращение, как это делает Ф. А. Степун в письме к Р. В. Иванову-Разумнику: *Многоуважаемый Р... В...ч, имени и отчества, простите, не помню, инициалы же запомнились, так как они встречались в биографии Белого* [Встреча с эмиграцией, с. 120].

Редукция обращения в письме – явление достаточно распространённое и чрезвычайно интересное. Это явление имеет место, например, в письмах М. П. Мусоргского [Мусоргский, с. 25, 36, 38–39, 125, 156, 269], П. И. Чайковского [ЧТ, с. 4, 5, 39, 90, 113, 165, 178, 189],

С. А. Есенина [Есенин, с. 96–97, 106–107], Б. Л. Пастернака [Переписка Б. Пастернака, с. 50–51, 59–60, 62–64, 65–67, 70–71, 266–267, 280, 343–347, 355–358], К. Г. Паустовского [Паустовский, с. 14, 16, 36, 84, 87, 89, 96, 104, 126, 258, 297, 307, 340] и др. Соответствующая лингвистическая фигура может присутствовать или отсутствовать без особых, на первый взгляд, формальных оснований для выбора того или иного варианта обращения и в письмах одного адресанта разным лицам, и даже при переписке друг с другом одних и тех же лиц, в том числе и в письмах, касающихся одной и той же ведущей темы, т. е. в письмах, квалифицируемых в качестве деловых и частных, стандартных и относительно свободных, а также благодарственных, приглашительных, подтверждающих, запрашивающих и др. [Стариченок 2008, с. 439]. И вот несколько примеров:

А. В. Суворов может обратиться к Г. А. Потёмкину так: *Светлейший Князь Милостивый Государь!* или *Батюшка Князь Григорий Александрович* [Суворов, с. 156, 148], но может написать ему и без обращения [Суворов, с. 44, 57, 159].

В письмах Л. Н. Толстого А. А. Фету есть *Любезный дяденька; Афанасий Афанасьевич; Любезный друг* [Толстой 1962, с. 234, 259, 272] и т. п., но есть и редукция адресации [Толстой 1962, с. 236, 254, 291 и др.]. Аналогично и в письмах А. А. Фета Л. Н. Толстому есть, скажем, *Дорогой граф*, но есть письма и без обращения к адресату [Толстой 1962, с. 377, 253].

А. М. Горький в письмах А. П. Чехову – *Антон Павлович* и без обращения [Горький, т. 28, 51, с. 76]; в письмах Е. П. Пешковой – *Катеринка* и без обращения [Горький, т. 28, с. 26, 95]; А. В. Луначарскому – *Дорогой Анатолий Васильевич* и без обращения [Горький, т. 29, с. 44].

Наличивает и редуцируется адресация во многих письмах С. А. Есенина, причём к одним и тем же лицам, и в частности в письмах своему товарищу Г. А. Панфилову (*Дорогой Гриша* и отсутствие обращения [Есенин, с. 98, 96]), сестре Екатерине (*Дорогая Екатерина* и без обращения [Есенин, с. 208, 170]). То же самое имеет место и в дипломатической переписке одних и тех же лиц.

Письма с обращением: Я. З. Суриц (посол во Франции) М. М. Литвинову (нарком) – *Дорогой Максим Максимович*; М. М. Литвинов Я. З. Сурицу – *Дорогой Яков Захарович* [Год кризиса, т. 1, с. 54, 72]; Г. А. Астахов (посол в Германии) В. М. Молотову (нарком) – *Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович* [Год кризиса, т. 2,

с. 178] и др. И тут же письма без прямой адресации: Я. З. Суриц – М. М. Литвинову; М. М. Литвинов – Я. З. Сурицу; Г. А. Астахов – М. М. Литвинову; Г. А. Астахов – В. М. Молотову [Год кризиса, т. 1, с. 94, 127, 105; т. 2, с. 108] и др., – письма, в которых адресант никак не обращается к своему даже высокопоставленному адресату, включая патрона.

Казалось бы, никакой системы, и тем не менее некоторые закономерности, так или иначе обуславливающие редукцию обращения при переписке, всё же прослеживаются, даже если не принимать во внимание то обстоятельство, что имя адресата может быть указано не непосредственно в тексте самого письма, а каким-либо иным способом: на конверте, на стандартном бланке, на обратной или свободной от текста стороне послания и т. п. Связаны эти закономерности главным образом с тремя основными, на наш взгляд, условиями письменной коммуникации: 1) её ситуативным динамизмом, 2) эмоциональным состоянием адресанта, 3) характером и степенью определённости как личных, так и социальных отношений между адресантом и адресатом. И здесь, особенно если речь идёт об отношениях между коммуникантами, своя диалектика.

Оперативная переписка, как, скажем, срочное сообщение о результатах какой-либо военной или медицинской операции, а тем более запрос на её разрешение или отмену с возможной дискуссией по этому поводу, да ещё и в недостаточно комфортных условиях (а телефонной связи нет), обычно не сопровождается экивоками вежливости и выражением почтения, а значит, и не требует обязательного обращения ни в исходном послании, ни в ответе на него. Так, в своих донесениях князю Г. А. Потёмкину о ходе военных действий во время русско-турецкой войны А. В. Суворов часто опускает имя адресата. Например:

По жестоком сражении чрез целый день союзными войсками побит Визирь! 5000 на месте, несколько сот пленных, взят обоз, множество военной амуниции, щетных 78 пушек и мортир. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее.

Александр Суворов [Суворов, с. 180].

Ещё пример – открытка, написанная М. А. Булгаковым в поезде:

21 июля, 9^{1/4} вечера

Сменили паровоз, полетели как ветер. Целую ручки за ужин! Наслаждались цыплятами! Ах, какие цыплята! Целую! Бешено трясёт!

М. [Булгаков, с. 639].

Эмоциональное состояние адресанта может нарушить свойственную ему манеру контакта со своим адресатом. Так, при достаточно выраженной педантичности в ведении переписки Л. Н. Толстой может отступить от свойственной ему манеры адресации и опустить вокатив, как это он делает в письме И. С. Тургеневу, написанном в день ссоры этих писателей, грозившей дуэлью между ними, о которой уже говорилось выше, в связи с редукцией заключительной этикетной формулы письма [Толстой, т. 17, с. 232]. Однако редукция обращения в этом письме лишь эпизод, и письмо Л. Н. Толстого тому же адресату с извинениями и отказом от дуэли уже начинается традиционным *Милостивый государь* [Толстой, т. 17, с. 237].

Есть в указанном плане и нечто исключительное, связанное с экспрессивным выражением настоятельной, безотлагательной просьбы. Вот, например, начало письма А. М. Горького издателю И. П. Ладъжникову без какого-либо обращения:

Папирос!

Вот искренний крик моей души!

И такая же концовка – *Папирос!* [Горький, т. 29, с. 27–28].

Включение в это послание чего-нибудь вроде *милостивого государя* стилистически невозможно, а обращение в нём, скажем, по имени-отчеству уберёт или, как минимум, снизит эмоциональный накал (главное – папиросы), а с ним и остроту просьбы.

Характер отношений между адресантом и адресатом, степень их формальной и фактической детерминированности – более тонкое, а в какой-то мере даже противоречивое, но всё же достаточное основание для редукции в письме собственно обращения. И очень показательна в этом плане переписка высших руководителей государств.

В минувшие столетия монархи, например, обычно обращались друг к другу в письмах как к родственникам (зачастую многие из них таковыми и были) даже во время военных действий между их странами. В наши дни часто звучит вокатив *друг*, хотя и не в прямом, надо полагать, значении этого слова. Но были периоды и отчуждённости государств и их руководителей, что, разумеется, осложняло при необходимости общения между ними форму письменного контакта, и в частности характер обращения к адресату. Хорошая, на наш взгляд, иллюстрация такого рода ситуации – это переписка И. В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Второй мировой войны, когда идеологические оппоненты, не прини-

мающие государственный строй друг друга, оказались союзниками в борьбе с фашистской Германией.

В письмах И. В. Сталина руководителям США и Англии вокатива, как правило, нет. Обычный для граждан СССР, в том числе и для адресанта, контактив *товарищ* (с эпитетом или без такового) здесь не подходит. *Милостивый государь* устарело, да и не та стилистика. Обратиться по имени или назвать другом – не те отношения. Остаётся традиционный апеллатив *господин* (в том числе и его графический вариант *г-н*), который должен сопровождаться обязательно именем и/или статусом адресата, а факультативно – ещё и эпитетом типа *уважаемый*. И соответствующие апеллативные вокативы иногда в письмах руководителям Англии и Америки актуализируются: *Господин Президент*; *Уважаемый г-н Президент*; *Уважаемый г-н Рузвельт* [ППСМ, т. 2, с. 13, 253, 188]; *Уважаемый Премьер Черчилль* [ППСМ, т. 1, с. 27]. Рузвельту один раз было адресовано и эмоциональное, не свойственное адресанту обращение *Мой дорогой друг*, и это было в письме с благодарностью за содействие в решении одного вопроса [ППСМ, т. 2, с. 139]. Однако это всё лишь эпизоды, и в подавляющем большинстве своих писем союзникам И. В. Сталин избегает прямого обращения. Из 240 писем премьер-министру Великобритании, опубликованных в цитируемом издании, только в трёх письмах есть прямое обращение, а из 180 писем президенту США обращение отсутствует в 167 письмах. В какой-то мере такую редукцию можно, конечно, обусловить наличием косвенного указания адресата, но главная её причина – это, скорее всего, неопределённость отношений между нашими коммуникантами, а зачастую и отсутствие должного доверия друг другу (Сталина, в частности, к Рузвельту большее, к Черчиллю меньшее), не позволяющее ни стабилизировать формы контакта, ни как-то разнообразить эти формы. И вполне вероятно, что тон такого рода общения был задан У. Черчиллем, первые письма которого в июле – сентябре 1941 года собственно вокатива не содержали, и только в письме от 21.09.41 есть обращение *Уважаемый Премьер Сталин* [ППСМ, т. 1, с. 24], в ответе на которое и Сталин употребил такого же типа вокатив *Уважаемый Премьер Черчилль*. Было ещё *Уважаемый г-н Черчилль* в 1944 году, но это, скорее всего, ответ на обращение Черчилля *Уважаемый Маршал Сталин* [ППСМ, т. 1, с. 265, 267, 264].

И ещё одна иллюстрация корреляции редукции вокатива и характера отношений между адресантом и адресатом – это письма Н. В. Гоголя А. С. Пушкину.

Отношение Гоголя к Пушкину почти трепетное, и такое, скажем, обращение к нему, как *господин Пушкин*, для Гоголя невозможно в силу явной отчуждённости этого клише. *Александр Сергеевич* – тоже официоз. Позволить себе ту или иную формулу дружеского обращения Гоголь, естественно, не решает. Быть навязчивым в своих чувствах, очевидно, не может. Оригинальничать, надо полагать, не хочет. Поэтому без вокатива и сразу к делу. Чувства же Гоголя к своему адресату выражены в конце его писем: *Да хранит вас бог* [Гоголь, с. 291]; *Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично* [Гоголь, с. 325] – с подписью типа *Ваши Гоголь* и *Вечно ваши Гоголь*. И такая стилистика его письма именно Пушкину. При переписке же со своими друзьями и близкими Гоголь, тоже довольно часто опуская адресацию, как, скажем, при переписке с М. П. Погодиным [Гоголь, с. 303, 305, 307, 313, 331, 339, 349], не чуждается в письмах к нему же и выражающего вполне определённые чувства обращения, в том числе обращения с приветствием: *Здравствуй, душа моя; Мой дорогой и милый Погодин; Здравствуй, мой дорогой друг* [Гоголь, с. 325, 330, 334].

В процессе развития и изменения отношений между участниками переписки изменяется и характер адресации в письме, причём на определённом этапе может наблюдаться её полная редукция, как это происходит в некоторых письмах Б. Л. Пастернака М. И. Цветаевой. Переписка между ними длилась с 1922 года по 1935, достигнув апогея в 1926 году и затем постепенно сходя на нет [Переписка Б. Пастернака, с. 299]. В 1926 году в эпистолярный диалог Пастернака и Цветаевой включается Райнер Мария Рильке, который высоко оценил стихи русских поэтов и ощущал своё духовное родство с ними. В конверт с письмом, адресованным М. Цветаевой, Рильке вкладывает и письмо для Б. Пастернака с обещанием прислать ему сборники своих стихов. Цветаева отправила это письмо в Москву не сразу, сопроводив его лишь краткой припиской, где ничего не было сказано ни о её переписке с Рильке, ни о полученных ею по просьбе Пастернака книгах. Пастернак воспринимает это как отсутствие Цветаевой в эпистолярной коммуникации, как, по его выражению, осязательное молчание её руки, повергнувшее его в тоску [Переписка Б. Пастернака, с. 337]. Становится более сдержанной тональность писем поэта, и в частности, отсутствует адресация в письмах Пастернака Цветаевой от 23.05.1926 г., 05.06.1926 г., 07.06.1926 г. [Переписка Б. Пастернака, с. 343–347, 355–357, 357–358]. Лишь после получения ответа от Цветаевой с приложенными ею копиями писем к ней Рильке, в письма

Пастернака возвращается прежняя порывистость и восторженность, а вместе с тем и обращения: *Марина* (10.06.1926 г.), *Мой друг* (13.06.1926 г.), *дорогая подруга* (01.07.1926 г.), *Дорогая Марина* (11.07.1926 г.) [Переписка Б. Пастернака, с. 359, 361, 371, 384].

Здравствуйте без вокатива – особый случай при постоянной переписке хорошо знающих друг друга людей, так обращается, например, А. П. Чехов к А. С. Суворину [Чехов, т. 12, с. 45, 159].

Мы, разумеется, не можем исключить возможность актуализации и иных, в том числе спонтанных типа дефицита бумаги, причин, связанных с особенностями адресации, и в частности с редукцией обращения, однако системный характер, как показывает проанализированный нами материал, несут лишь три сопутствующих письменной коммуникации фактора: форсированная динамика, экспрессия и взаимоотношения коммуникантов. Такой же вывод следует, как говорится, и из логики вещей – объективной значимости указанных факторов в поведении человека и вообще, и в процессе его речевой, включая, естественно, и письменную, деятельности. Отсутствие обращения – это тоже специфика адресации, тоже особенный компонент типологии русского эпистолярного вокатива, к которому мы предметно обратимся в следующей главе.

ГЛАВА II

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ВОКАТИВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА

2.1. Обращение в системе средств речевого контакта

Эпистолярный текст, как, впрочем, и любой другой, создаётся в расчёте на определённого адресата, и обращённость к конкретному человеку или группе людей может быть при этом выражена в тексте самыми разными языковыми средствами. Так, научный текст уже самим употреблением в нём специальной лексики той или иной сферы знаний ориентирован на прочтение людьми, владеющими соответствующей терминологией и имеющими необходимую теоретическую подготовку. Однако язык вырабатывает и специальные средства, которые служат для установления и поддержания контакта между участниками коммуникации в разных сферах общения. Исследуя эти средства, М. С. Скаб обосновывает наличие в языке специфической функциональной сферы апелляции, т. е. совокупности языковых единиц, используемых для установления, поддержания и регулирования речевого контакта между участниками общения, сферы, представляющей собой семантико-грамматический комплекс, состоящий из двух частей: предикатной и предметной [Скаб 2002, с. 7]. В свою очередь, предикатная сфера апелляции в формально-грамматическом аспекте трактуется как повелительное наклонение или императив; предметная же сфера связана с именованием адресата, к которому обращается говорящий, и представлена прежде всего обращением, хотя исследователи отмечают, что наряду с этим говорящими широко используются и другие средства организации направленности речи.

Р. М. Гайсина, изучавшая средства речевого контакта в русском языке, относит к ним все те языковые элементы структуры и состава предложения, которые указывают на наличие воспринимающего речь, в частности обращения, некоторые разряды вводных слов (типа *знаете ли, понимаете ли*), глагольные и местоимённые формы второго лица, интонацию, оформляющую некоторые типы высказываний [Гайсина 1967]. Установлено, что средства организации направленно-

сти речи формируют функционально-семантическую категорию речевого контакта, организованную по принципу поля, в центре которого находится обращение, а периферию покрывают другие средства речевого контакта, в частности косвенная адресация, специальные метатексты, междометия и т. д. [Гольдин 1987, с. 5, 34–64]. Эти языковые средства образуют открытое множество коммуникативных элементов и, вероятно, в свою очередь могут быть дифференцированы по ряду признаков, в том числе и по связи со сферами общения, которые ими обслуживаются. Очевидно, что средства привлечения внимания адресата типа *Извините, пожалуйста!, Эй, ты!, В красной кофточке!, Не могли бы Вы подойти?*, свойственные устному непосредственному общению, совершенно нехарактерны для письменной речи, и в частности эпистолярной коммуникации, поэтому употреблённое в одном из писем А. И. Герцена восклицание *Эй, приезжай!* [Герцен, с. 306] может рассматриваться, скорее всего, как заимствование из подсистемы устной речи в речь письменную. В то же время эпистолярика, столь же древняя, как и само письменное общение людей, выработала свои способы и средства адресации текста.

Самым типичным средством речевого контакта, которым, как правило, начинается текст письма, является обращение, определяемое обычно как «имя в форме Именительного падежа, возможно – с зависимыми от него словоформами, в составе предложения или в относительно независимой позиции при нём, называющее того, кому адресована речь» [Русская грамматика 1990, с. 496]. Дефиниции обращения нередко содержат и указание на его прагматику, например, В. П. Проничев рассматривает обращение как «организованное по законам данного языка название реального или предполагаемого адресата речи, используемое в речевом общении с целью привлечь внимание того лица, к которому речь направлена, вызвать у него определённую реакцию на последовавшее или последующее сообщение или вынудить его к совершению действия, диктуемого разговорной ситуацией» [Проничев 1971, с. 3]. Значимость обращения как формы прямой адресации для эпистолярной коммуникации подчёркивается тем, что, будучи расположенным в инициальной текстовой позиции, оно достаточно регулярно выделяется адресантом в самостоятельное предложение и, как правило, дистанцируется от последующего текста.

Морфологические свойства, синтаксическая природа и прагматический потенциал обращения в русском языке неоднократно становились объектом лингвистического исследования. Ещё

М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» использовал термин *обращение*, отмечая его широкие коммуникативные возможности: «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелевать, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» [Ломоносов 1952, т. 7, с. 266–267].

Дальнейшее изучение обращения шло главным образом в русле грамматических исследований русского языка. Синтаксическая роль обращения трактуется в лингвистической литературе по-разному: обращения рассматриваются как «слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей» [Пешковский 1956, с. 404], как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого» [Русский язык 1979, с. 170]; иногда обращение интерпретируется как член предложения, связанный с ним соотносительной связью [Руднев 1963, с. 249], и даже как именованное односоставное предложение, употреблённое самостоятельно или в составе сложного предложения и соединённое с остальной его частью бессоюзной связью [Проничев 1971, с. 88]. А. С. Попов, развивая идеи А. А. Шахматова, обосновал наличие в русском языке особых вокативных предложений, совмещающих «название лица, к которому направлено высказывание, с передачей самого этого высказывания» [Попов 1958, с. 37]. О. Б. Сиротина включает такие предложения в состав особых синтаксических единиц – коммуникатов, которые не могут функционировать самостоятельно и в процессе общения всегда опираются на контекст и ситуацию [Сиротина 1980, с. 93–94].

Обращение изучается также в аспекте речевого этикета [Гольдин 1978; Копыленко 1971; Луцева 1999; Формановская 1980а, 1980б; Янко-Триницкая 1983]. Предметом лингвистических исследований в разное время становились морфологическая природа обращения [Мизин 1980], его семантические признаки [Лошманова 1975; Райлянова 2001], прагматика [Рыжова 1984], коммуникативные функции. Кроме функции привлечения внимания слушателя, А. М. Пешковский отмечал у обращения также функцию квалификации самого слушателя [Пешковский 1956, с. 407]; А. И. Ефимов выделял наряду со стилистически нейтральными обращения оценочно-характеристические, обладающие ярко выраженной образностью [Ефимов 1961, с. 459–460]. Исследователи неоднократно отмечали, что обращение обозначает не

только адресата высказывания, но и эмоциональное отношение к нему говорящего и выполняет, таким образом, оценочную функцию [Маркелова 1995, с. 79; Литвин 1968; Леонтьев 1981, с. 81]. В. Е. Гольдин в числе основных функций обращения называет функции выделения (номинации), характеристики и социальной регуляции общения, которым соответствует три типа обозначений лиц: номинативы, обозначения-характеристики и регулятивы [Гольдин 1981, с. 81]. По мнению А. Ф. Прияткиной, обращение, первичная функция которого – установление коммуникативного контакта (функция адресации), получает дополнительные, вторичные функции (характеризация и номинация предмета речи), и в силу этого проявляет тенденцию к тому, чтобы от положения вне высказывания перейти на положение его компонента и даже стать его коммуникативным центром [Прияткина 1990, с. 164–170]. Л. П. Рыжова считает, что «обращение как компонент текста (высказывания) реализует все те коммуникативные функции, которые присущи языковой системе в целом и тексту как речевому произведению», и в качестве частного компонента фатической (контактоустанавливающей) функции выделяет вокативную функцию обращения, «(или функцию адресации), сущность которой заключается в привлечении внимания другого лица или побуждении его к совершению некоторого действия» [Рыжова 1981, с. 83–84].

Исследуют учёные и функционирование обращения в эпистолярных текстах. Неоднократно подчёркивалась особая роль начального обращения письма и даже его обязательность в качестве одного из этикетных элементов зачина письма [Белунова 2000б, с. 113; Катаржина 2001]. Была отмечена выразительность начального обращения в тексте дружеского письма и то, что этот композиционный эпистолярный элемент во многом определяет выбор языковых средств текста, его стилистическую окрашенность [Черняева 2008 с. 163]. Акцентируется также связь эпистолярных обращений с идиостилем писателя и характером письма, и в этом плане описывают, например, нестандартные, окказиональные, шутливо-иронические обращения, которые используются как средство языковой игры, что особенно характерно, в частности, для индивидуального стиля А. П. Чехова [Захарова 1988; Кыштымова 2008].

Существуют различные классификации эпистолярных обращений. В самом общем плане обращения по своей структуре делятся на нераспространённые и распространённые, в число последних входят и фразовые обращения [Климова 1970б, с. 127]. Исследуя дружеские

письма русской интеллигенции, А. Б. Черняева распределяет обращения в зависимости от функций, выполняемых ими в письме: коммуникативно-прагматической, оценочной, эмоционально-оценочной, экспрессивной, эстетической, а также рассматривает лексикотематические группы обращений, представленных оценочными метафорическими существительными в конструкциях типа *золото моё, радость моя, южный мой цветок* и т. п. [Черняева 2008, с. 163–168].

К анализу обращений в письмах могут быть применены и более общие принципы их классификации, разработанные на языковом материале не только эпистолярная, но и устной речи, художественных произведений, общения в сети Интернет. В зависимости от места относительно текста различают свободные и несвободные обращения. Н. И. Формановская пишет, что свободным обращениям присуща либо препозиция, либо вообще невключаемость в текст; несвободным – интер- или постпозиция. При этом если свободное обращение служит для установления контакта и реализует апеллятивно-вокативную функцию, то несвободное обращение не может в полной мере выполнять функцию привлечения внимания, поскольку оно (внимание) уже привлечено и беседа идёт [Формановская 2002, с. 86–90].

Актуальным стало рассмотрение обращений с точки зрения их прагматических свойств, их роли в регулировании коммуникативного акта. Давно было замечено, что в разных языках формируются группы слов, специализирующихся в функции обращения. Изучая такую группу слов в русском языке, В. Е. Гольдин противопоставил две группы обращений: адресующие обращения – неспециализированные, т. е. лексические единицы с основной номинативной, дейктической или характеризующей функциями типа *Коля, Иван Иванович, водитель, ты, плакса*, – и обращения-регулятивы, т. е. обозначения лиц, специализировавшиеся в социально-регулятивной функции, «выражающие представления субъектов речи о распределении социальных ролей в конкретных ситуациях общения и побуждающие адресатов к общению в определённой тональности» [Гольдин 1987, с. 93], такие как *старина, браток, голубчик, сударь, товарищ* и т. п. Развивая эту идею учёного, О. А. Луцева делит регулятивы на социальные (сословные, служебно-профессиональные и революционно-социальные) и родственные (возрастные, регулятивы по признаку пола, по признаку места жительства и эмоционально-экспрессивные регулятивы) [Луцева 1999, с. 43–75].

Кроме идеальных регулятивов, В. Е. Гольдин описал и некоторые группы лексем, имеющих переходный характер или характеризующихся функциональной двойственностью, употребляемых в одних случаях в функции адресации, в других – в качестве регулятивов. В частности, он отметил переходные свойства употребляющихся в роли обращения титулов и титулований, (*князь, барон, граф, сиятельство, превосходительство, благородие* и подобные), воинских званий и воинских обращений, обозначений некоторых должностей. Лексические значения таких слов не релятивны, содержат референцию к абсолютным признакам обозначаемых лиц, однако социальные позиции и роли лиц, отражаемые лексическими значениями этих слов, связаны с иерархическими отношениями между членами коллектива, а употребление данных лексем в качестве обращения регламентируется правилами этикета [Гольдин 1987, с. 111–112]. Изучению функционирования этой группы слов посвящена кандидатская диссертация Н. Ю. Буравцовой. Автор называет такие обращения статусными и отмечает, что «в функции статусных обращений выступают слова, выражающие соотносительную позицию человека в социальной стратификации, и слова, обозначающие иерархию в той или иной системе социальных учреждений (например, армейские чины, церковные саны)» [Буравцова 2007, с. 15].

Большое внимание исследованию эпистолярия писателей и в частности вопросам функционирования в письме этикетных единиц уделяется в украинском языкознании. Структурные типы обращений в украинском языке были выделены Н. П. Серым [Серый 1976]. М. М. Телеки и В. Д. Шинкарук рассматривают обращение как синтаксическое языковое средство реализации функционально-семантической категории вежливости и называют основные социальные факторы, определяющие семантические параметры обращения. Такими факторами являются, в частности, ситуация (официальная / неофициальная), социальная принадлежность и социальный статус адресантов, отношения между ними, возраст, тональность коммуникации [Телеки 2007, с. 121]. Э. С. Ветрова, изучавшая обращения в функционально-коммуникативном аспекте, описала такие их разновидности: *ты/Вы*-формы обращений; не прямые обращения, идентифицирующие собеседника как предмет речи и выраженные формой 3-го лица единственного числа; имена собственные; имена нарицательные, среди которых различаются: 1) названия родства и свойства, употреблённые в прямом и переносном значении; 2) названия лиц по

профессии, роду деятельности, должности; 3) названия лиц по их отношениям с другими лицами; 4) общепринятые в обществе наименования, функционирующие как этикетные и 5) квалификативные названия лиц, персонифицированные наименования, которые дают качественную и оценочную характеристику адресата, выражают эмоциональное отношение к нему автора послания [Ветрова 2004, с. 5–10]. Н. М. Журавлёва особо рассматривает индивидуально-авторские и окказиональные гоноративы – этикетные ненормативные лексические образования [Журавлёва 2005].

В современной лингвистической литературе термину *обращение* в качестве синонима ставится иногда в соответствии термин *вокатив* [Маркелова 1995, с. 79; Пань Хэй 2010, с. 202; Розенталь 1985, с. 43 и др.]. Первоначально же термином *вокатив* обозначался звательный падеж, как это было в латинском языке, откуда, собственно, и заимствована эта лексема (до сих пор так трактует *вокатив*, например, В. П. Проничев [Проничев 1971, с. 41] и другие учёные [Мацько 2007, с. 143; Прохоренков 2011, с. 80]). Но уже в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой фактически объединяются два значения (*обращение* и *звательный падеж*): «ВОКАТИВ (звательный падеж, именительный воззвания) ... Формально не включённое в состав предложения слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т. е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий» [Ахманова 1966, с. 83]. Сближает понятия *вокатив* и *обращение* и В. И. Супрун, настаивая на том, что *вокатив* следует трактовать как явление, стоящее вне падежной системы и обусловленное прежде всего синтаксической позицией, поскольку «основное назначение падежа – выражать синтаксические отношения слова к другим словам высказывания, тогда как *обращение* стоит за пределами предложения» [Супрун 2001]. В то же время в качестве одного из дифференциальных признаков *обращения* в русском языке обычно называют морфологическую форму именительного падежа, что зафиксировано как в приведенной выше дефиниции, данной в «Русской грамматике» 1990 г., так и в других источниках, в частности в энциклопедии «Русский язык» [Русский язык 1979, с. 170], а также в более ранних академических грамматиках русского языка, где *обращение* определяется как «распространяющий член предложения, имя в форме им. п., возможно – с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь» [Русская грамматика 1980, т. 2, с. 163].

В последнее время в восточнославянском языкознании снова наметилась тенденция к дифференциации терминов *обращение* и *вокатив* и к распространению термина *вокатив* на более широкий круг лингвистических фактов, нежели форма звательного падежа или обращение как синтаксическая единица, имеющая строго определённые морфологические средства своего выражения. Основанием для таких изменений стало, по-видимому, то, что *вокативная* функция присуща значительно более широкому кругу лингвистических единиц, чем тех, которые традиционно квалифицируются как *обращение*. Ещё А. М. Пешковский отмечал, что обращениями могут быть личные слова (местоимения *ты, вы*) в таких, например, случаях: *Эй, ты! Поди сюда! О ты, чьей памятью кровавой...* (Пушкин) и т. д., однако он склонялся к тому, чтобы признать в рассматриваемых примерах за местоимениями функцию подлежащего [Пешковский 1956, с. 409]. Иной подход к данной проблеме отличает работы современного украинского языковеда М. С. Скаба. Настаивая на безусловной предпочтительности термина «*вокатив*» украинской лексеме «*звертання*», учёный отмечает функционально-семантическую близость форм *номинатива* и *вокатива*, результатом которой стало признание наличия специальных форм *вокатива* (хоть и омонимичных формам *номинатива*) у местоименных существительных и прилагательных, собственно имён прилагательных и причастий, и делает вывод о том, что «*початковою формою займенникових іменників ти, ви, які використовуються виключно з апеляційною метою, є саме форма вокатива, а номінатив у їх парадигмі взагалі відсутній*» [Скаб 2002, с. 22].

Самые разные языковые единицы, функционирующие в качестве *обращения*, В. И. Карасик объединяет в класс *вокативов* и рассматривает их как систему, решая при этом задачу построения парадигмы *вокативности* – динамической модели этого класса. Он характеризует парадигму *вокативности* как нежёсткую, принципиально открытую парадигму, смысловым инвариантом которой является выполнение *апеллятивной* функции (по К. Бюлеру), установление и поддержание контакта между участниками общения, и рассматривает *вокативы* как *вербальную* форму привлечения внимания адресата [Карасик 2002, с. 193–195]. В состав *вокативов* соответственно включаются, наряду с традиционными *обращениями*, *междометия*, *личные местоимения* второго лица и *любые слова*, которые могут быть употреблены в функции *обращения*. Таким образом, *вокативы*, рассматриваемые с коммуникативной точки зрения, реализуют социально-контактную

составляющую высказывания, которая рассматривается учёными в связи и единстве с собственно информативной его составляющей, и осуществляют фатический вариант речевого поведения говорящих [Винокур 2007, с. 108].

В. И. Карасик делит все вокативы на стандартные, составляющие ядро данной группы единиц, и нестандартные – любые слова, которые могут быть употреблены в функции обращения (имена существительные, прилагательные и номинализованные комплексы).

Стандартные вокативы включают два типа единиц, которые В. И. Карасик обозначает как неопределённые и определённые вокативы. К неопределённым вокативам он относит междометия, посредством которых привлекают внимание людей (типа *Эй!*, *Ау!*), и некоторые виды местоимений (*Всем привет!*). Определённые вокативы составляют класс, в который входят титулы, звания, термины родства, личные местоимения второго лица, имена собственные, а также эмоционально-экспрессивные обращения.

Рассматривая стандартные определённые вокативы на материале английского языка, учёный выделяет в их составе четыре класса: статусные, дейктические (местоимения), антропонимические (имена собственные), эмотивные (слова с положительной или отрицательной оценкой типа *дорогая* или *негодяй*) – и отмечает при этом, что важнейшим направлением развёртывания вокативного значения является статусное направление. Статусные вокативы (их предлагается называть также социальными вокативами) распадаются на две группы: общие и специальные. Общие вокативы характеризуются автором как универсальная форма этикетного контакта равных или неравных по статусу людей, как знак общения на социальной дистанции [Карасик 2002, с. 195–196]. В английском языке это обращения типа *Mr.*, *Mrs*, *Sir*, *Miss*, в русском языке этому типу можно, по-видимому, поставить в соответствие лексемы *господин*, *сударь*, *товарищ* и т. п. «Специальные вокативы, – пишет языковед, – приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в сложных автономных общественных образованиях: в армии, в государственных учреждениях (суде, полиции и т. д.), в образовательных и медицинских учреждениях, в церкви. В разных общественных подсистемах действуют разные правила обращения» [Карасик 2002, с. 197]. Эти правила различны в разных этнокультурных сообществах, что определяет и различия соответствующих национально-языковых подсистем. В. И. Карасик здесь же отмечает, что некоторые специальные вокативы развивают двой-

ную вокативную систему: прямую и опосредованную, например, *Государь!* и *Ваше Величество!*, причём обращения в этой системе либо сосуществуют, либо каждое из них имеет свою сферу употребления.

Эпистолярная коммуникация в общих своих чертах, естественно, подчиняется и универсальным закономерностям, сложившимся в этноязыковой общности, и правилам этикета, составляющим часть национальной культуры. Так, например, употребление фамильярного или вежливого местоимения второго лица регулируется сложившимися в языковом коллективе конвенциями и узкоколлективным узусом. Вместе с тем письменная форма общения налагает определённые ограничения на использование языковых средств установления контакта. Скажем, при устном общении и особенно при неожиданной встрече знакомых людей приветствие часто модифицируется в его абсолютно специфичный и, как правило, экспрессивный субститут: *Какими судьбами!* *Сколько лет, сколько зим!* и под. В письменном послании подобные формы приветствия встречаются крайне редко и функционируют в качестве средства стилизации, как, например, в некоторых письмах И. А. Бунина, которые могут начинаться оборотами, характерными для устной речи: *Иванушка, ау! Откликнись, как живёшь?* [Бунин, т. 12, с. 40]; *Федореско, где ты?* [Бунин, т. 12, с. 86], или у К. И. Чуковского: *Милая Мура! Ау!* [Чуковский, т. 15, с. 223]. Обычно же, если письмо и начинается формулой приветствия, то она имеет нейтральную форму: *Здравствуйте!* или *Привет!*

При письменном обращении существенны прежде всего формы установления контакта и указания адресата. Прямое обращение, например, может быть и в письме, и при визуальном контакте людей, но косвенная адресация типа *Директору издательства г-ну Чернову; Членам книжного клуба «Прометей»; декану биологического факультета* и т. п. присутствует только в письме. В свою очередь, обращение в виде вопроса: *Сергей Петрович?* или *Вы водитель этой машины?* – возможно лишь при непосредственном контакте собеседников, и только при непосредственном контакте за таким вопросом может последовать вопрос встречный: *А Вы кто?* или *Что Вы хотите?* Специфичны только для устного общения и обращения типа *Мужчина!* или *Девушка!* без их, правда, детерминации. В то же время вокативы *Милостивый государь* или *Глубокоуважаемый господин главный редактор* употребляются преимущественно в письмах.

Обращение является традиционным элементом зачина письма и в этой текстовой позиции чаще всего представляется самыми разными

лингвистическими фигурами. Вместе с тем эпистолярное обращение, в отличие от обращения устного, имеет ряд таких специфических свойств, которые не позволяют связывать его только с преамбулой письма: существует большое количество писем, в начале которых обращения нет. При этом оно может быть вставлено в середину текста или даже в концовку письма, в состав заключительной этикетной формулы, а иногда и вообще отсутствовать.

В настоящем исследовании термины *обращение* и *вокатив* используются как синонимы, однако в процедурном плане они разводятся. У первого из них при этом мы оставляем его традиционное содержание и сферу функционирования (в том числе и в письмах). В термин же *вокатив* мы вкладываем более широкий смысл и употребляем этот термин применительно только к эпистолярике, конкретизируя его семантику, структуру и стилистику. Как некий конструктивный параметр письма вокатив проявляется в целом ряде самых различных ипостасей, оставаясь при этом одной и той же лингвистической фигурой с ведущей её функцией – адресацией, реализация которой имеет свои особые формы, описываемые в следующем разделе нашей монографии.

2.2. Эпистолярный вокатив как адресация письма

2.2.1. Понятие эпистолярного вокатива

Под вокативом в предлагаемом исследовании понимается собственно обращение в общепринятом толковании этого термина как слова или сочетания слов, называющих лицо (предмет), к которому обращаются с речью [Стариченок 2008, с. 365], а также любая иная лингвистическая фигура, выполняющая функцию обращения или каким-то другим способом устанавливающая или реализующая попытку некоего субъекта установить контакт с объектом коммуникации. Это и традиционные *Мама* или *Иван Иванович*; *Господа* или *Товарищ Волков*. Это и вокативные предложения самой различной природы, и конструкции типа *Там, за дверью* или *Эй, послушай*, собственно обращениями не являющиеся, но контакт устанавливающие и предполагающие какую-то реакцию со стороны тех, кому адресованы эти и подобные им речевые конструкции.

Эпистолярный вокатив – это вокатив, функционирующий в письме, это введенное в письменное послание и закреплённое в нём

речевое образование, с которого начинается, которое сопровождает письменное общение и которое прямо или опосредованно анонсирует характер письма, его прагматику, этику и стилистику. Такое образование как некая лингвистическая фигура в отдельных случаях, скажем при непосредственном обращении автора письма к адресату, может существенно не отличаться от обращения, используемого при устном общении, но в целом оно, как правило, более развёрнуто и конструктивно гораздо разнообразнее, хотя, как уже отмечалось, и не приемлет целого ряда разговорных формул обращения типа *эй ты; кого я вижу; какие люди* и т. п.

Вокатив в письме – это всё то, что связано с авторской персонализацией адресата, непосредственной или опосредованной. Это, разумеется, и прямое обращение типа *Пётр Сергеевич* или *Господа!* (как показано выше, такого рода фигуры исследованы обстоятельно), но и вместе с тем любая иная фигура, с помощью которой автор письма называет своего адресата. Эта фигура может быть и начинающей письмо опосредованной адресацией (*К Кисе* [ЛН, с. 141]; *Председателю Законодательного собрания Пермской области Сапиро Евгению Сауловичу* [Астафьев, с. 605]), но может быть подобна и той, к которой часто прибегают участники различного рода дискуссий, когда вместо конструкции с формальным обращением типа *Александр Иванович, повторите, пожалуйста, свой вопрос* используется, например, такая фраза: *Не мог бы Александр Иванович повторить свой вопрос?*, – где есть вокатив, но отсутствует собственно обращение. В письме такого рода конструкции, (скажем, *Целую и обнимаю жену мою необыкновенную* [Чехов, т. 12, с. 448]) часто употребляются в заключительной его части. Есть в адресации писем и многое другое, чему лингвистами ещё не было уделено достаточного внимания

Говоря об адресации того или иного письменного послания, мы, как уже было сказано, имеем в виду не технический его адрес, который либо написан, скажем, на конверте, либо задан тем или иным способом курьеру или какому-то механическому устройству, рассылающему сообщения, а только то, что обозначено непосредственно в тексте самого письма его автором и, как правило, предназначено только адресату. Именно такого рода адресацию мы и квалифицируем как эпистолярный вокатив, некую лингвистическую фигуру со своими лингвистическими и экстралингвистическими параметрами, значимыми и функционально, и коммуникативно.

Вокатив в письме – далеко не то же самое, что вокатив при устном общении, идёт ли речь о первом контакте или постоянном общении, о незнакомом, малознакомом или близком человеке, к которому обращается адресант, об одном лице или о коллективе и т. д. При устном общении собственно вокатив менее ритуален, чем само приветствие, и контактоустанавливающая функция здесь может ограничиться словами *Здравствуйте; Добрый вечер; Привет* и т. п. В письме же менее ритуально и часто вообще опускается именно приветствие. Адресант обычно ограничивается антропонимом или апеллятивом, в том числе и образуемой ими вокативной конструкцией типа *уважаемый господин Волков*, в которую приветствие и вкладывается.

Устное общение – повседневный и более частый, чем письменное, процесс коммуникации, тем более при установлении первого контакта с тем или иным лицом, пусть даже и случайным. Поэтому вокатив здесь зачастую не детерминирован и выражается общими лингвистическими фигурами типа *Молодой человек; Девушка; Дяденька; реже Сударыня; Товарищи* и т. п. В письме такого рода фигуры не приняты, и к ним прибегают лишь в каких-то особых случаях, и в частности тогда, когда письмо заведомо адресуется любому, кому оно в принципе может попасть. Например:

Дорогой товарищ!

Если ты найдёшь это письмо, когда я буду мёртв, ты должен знать правду... Я долго отстреливался, мы держали рубеж до последнего патрона. Много истребили немцев. Отстоять рубеж не удалось. Сейчас я лежу раненный в ногу. <...>

*Я прошу тебя, **товарищ**, напиши письмо моему отцу и семье. Я был в плену в Румынии два с половиной года и, несмотря на то, что, выйдя из лагеря, имел тяжёлые увечья, после освобождения из плена домой не пошёл... Домой я писал, из дому ответа не получил. Там отец, мать, жена и два сына, ждут, небось, чтоб вернулся. Их адрес такой: Горьковская область, Ветлужский район, Галкинский сельсовет. Несмелову Михаилу Антоновичу.*

Вот и всё. Желаю счастливо закончить войну и не попасть в такое несчастье, как я.

Прощай, друг!

Несмелов Павел М.

21.1 – 45 з. [ГПГ, с. 459–460].

К подобным формам вокатива, как известно, прибегали в своё время терпящие кораблекрушение, вкладывая послание в бутылку, которую затем бросали в море.

Персонафицированный и функционально маркированный вокатив при обращении к хорошо знакомому лицу при устном общении может быть, как уже отмечалось, выражен неприемлемыми для письма как эпистолы конструкциями *Какие люди! Кого я вижу!* и т. п. С другой стороны, и в письмах часто фигурируют нехарактерные для устного общения развёрнутые вокативные конструкции, представляющие собой комбинации антропонимов и апеллятивов (скажем, *Милостивый Государь мой, дядюшка, Князь Василий Иванович* [Фельдмаршал Румянцев, с. 221]), а также клише типа *Милостивый государь*, тем более тогда, когда эта фигура не связана с собственно адресацией, как это имеет, например, место в первых двух из «Писем без адреса» Г. В. Плеханова [Плеханов, т. 1, с. 3, 37].

Наиболее, пожалуй, характерное для развёрнутого эпистолярного вокатива и первое, что может броситься в глаза, – это его неординарность как синтаксической конструкции, представляющей собой самое разнообразное сочетание антропонимов и апеллятивной лексики, детерминированной, в свою очередь, различными, в том числе и аппозитивными, определениями. И, связывая адресацию письма с эпистолярным вокативом как способом установления и поддержания контакта коммуникантов, можем говорить и о вокативе как любой форме адресации, и о вокативной конструкции как вокативе развёрнутом, представляющем собой некую синтаксическую конструкцию. Уточнить же приведенное выше толкование эпистолярного вокатива как лингвистической фигуры мы можем, предложив такую его дефиницию:

Эпистолярный вокатив – это прямое или опосредованное указание автором письма адресата, которому направляется соответствующее послание и с которым адресант в той или иной форме устанавливает контакт.

2.2.2. Вокативная конструкция

Вокативная конструкция – это частный вид вокатива, т. е. вокатив, а соответственно и эпистолярный вокатив, состоящий из нескольких компонентов, в качестве которых могут быть детерминанты к собственно обращению (*милая мама; дорогой мой и незабвенный Иван*

Иванович; уважаемые товарищи; Федя, друг ты мой милый), обращения к нескольким лицам с детерминантами и без них (*дамы и господа; брат мой, сестра и милая мамочка*), обращения с указанным с помощью апеллятивов социальным или иным статусом называемого лица и тоже с детерминантами или без таковых (*уважаемый господин редактор; товарищ полковник*) и, наконец, самые различные комбинации антропонима и сопутствующих ему апеллятивов, акцентирующих или приписывающих те или иные особенности и качества лица, к которому обращаются. Вот, например, обращение А. В. Суворова к Г. А. Потёмкину (орфография современная):

Высокородный и превосходительный г. генерал-майор и кавалер государь мой [Суворов, с. 26].

А вот вокативная конструкция в одном письме М. П. Мусоргского сразу трём адресатам: приятелю композитора П. А. Наумову, его сыну и невестке:

Дорогая Тётя, милейший Папхен и Сергушек прекрасный, здравствуйте... [Мусоргский, с. 258].

Вокативная конструкция может быть **элементарной**, состоящей из двух компонентов: собственно обращения, в том числе и апеллятивного, и какого-либо к нему детерминанта или аппозитива (*милый Федя; многоуважаемый Сергей Петрович; дорогие товарищи; господин редактор* и т. п.), – **развёрнутой**, построенной более чем из двух компонентов, представляющих собой в целом некоторую синтаксическую конструкцию (*милый мой Федя; многоуважаемый и горячо мною почитаемый господин главный редактор*) и **расчленённой**, включающей в себя комплекс обращений к двум и более адресатам, каждое из которых в свою очередь может быть как элементарной (*братец Федя и сестрица Машенька*), так и развёрнутой конструкцией (*дорогой мой князь Пётр Андреевич и милая княгиня Анна Фёдоровна; дорогие домашние хозяйки и их домашние хозяева* [Бабель, с. 291]), а также и одиночным вокативом (*дамы и господа*).

Элементарные вокативные конструкции в структурном плане стереотипны, а вот в качестве компонентов развёрнутой вокативной конструкции в принципе могут выступать различные комбинации антропонимов и апеллятивов, причём во многих случаях в произвольном их порядке и с самой разной прагматической ориентацией, с разным, как это отмечалось многими исследователями эпистолярики, функциональным назначением [Ветрова 2004, с. 4–10; Климова 1970б, с. 129; Черняева 2008, с. 99–136]. Ведущими же функциями компонен-

тов развёрнутого вокатива являются, как это нам представляется, следующие три:

1. Установление контакта (*Милостивый Государь Василий Андреевич* [Тютчев, с. 378], *Голубчик наш Прокопий Герасимович* [Мусоргский, с. 273], *Дорогой товарищ Александр* [Н. Островский, с. 422]). Такого рода вокативные конструкции включают в себя компоненты, которые мы назвали бы контактивами, рассматривая при этом контактив как сугубо функциональное понятие. Контактивы могут быть общими, не предполагающими какой-либо дифференциации адресатов (*Дорогая товарищ Васева* [Фадеев, с. 543], *Уважаемая госпожа Рейнгардт* [Булгаков, с. 505], *Милые девушки Мария и Марина* [Н. Островский, с. 411]), и ориентированными, употребляемыми при общении с ограниченным кругом лиц некоторого социума (*Голубушка Вы моя, дорогая барыня* [Мусоргский, с. 192], *Дорогой мой, любимый, славный братушка Митя* [Н. Островский, с. 348], *друг мой, друг далёкий* [Бунин, т. 14, с. 18], *Олюшка, дорогая моя сестра* [Переписка Б. Пастернака, с. 75]), *Дорогой коллега Михаил Михайлович* [Глазунов, с. 369].

2. Выражение адресантом своего отношения к адресату (*мои милые, родные мои папаша и мамаша, которых так много люблю и почитаю я во глубине души моей* [Добролюбов, с. 36], *Друг мой, Оля, сердце моё родное, дивная моя* [Шмелёв, т. 3, с. 45], *злой, недобрый мой Оболенский* [Горбачевский, с. 137], *коварный, ветренный, но все-таки прелестный и дорогой друг мой, Катерина Сергеевна* [Григорьев, с. 204], *Боткин – чудовище! Старый развратник, козёл грехоносец!* [Белинский, т. 12, с. 81], *необыкновеннейшая дура* [Бабель, с. 95], *дорогие москвичи, приютившие триаду нахальных провинциалов* [Баранцев, с. 235], т. е. эмоционально-экспрессивная функция, которую реализуют слова с эмоциональными и оценочными коннотациями, метафорические номинации адресата.

3. Акцентирование заслуг, положения и социальной значимости адресата (*Сиятельнейший граф, Высокочеловечнейший господин генерал-фельдмаршал и разных ординов ковалер, премилосердный государь и патрон!* [Фельдмаршал Румянцев, с. 172], *Ваше высокопревосходительство милостивый государь* [Корнилович, с. 268], и т. п.), такие вокативы выполняют коммуникативно-прагматическую и социально-регулятивную функции.

Указанные функции компонентов вокативной конструкции так или иначе реализуются уже в начальном вокативе письма, который,

более того, прямо или косвенно анонсирует основную цель послания, то, ради чего соответствующее письмо было написано и отослано именно данному конкретному адресату.

Обычен в письменных посланиях и меняющийся порядок компонентов развёрнутого вокатива. Есть в обследованных нами письмах вокативные конструкции *милый друг мой* и *мой милый друг* [Мусоргский, с. 246–247]; *Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна* и *Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна* [Мусоргский, с. 252–253], *мой ангел, моя бесценная Варичка* и *моя бесценная, мой ангел Ляличка* [Бунин, т. 11, с. 28, 30], *Танюш, моя родная* и *родная моя Танька* [Паустовский, с. 290, 323]. Возможно обращение *дорогой* и *уважаемый товарищ Мазуров* и *уважаемый и дорогой товарищ Мазуров*; *друг мой Борис Николаевич* и *Борис Николаевич, друг мой* и т. п. Тем не менее, однако, определённая иерархия в линейной структуре вокативных конструкций, обусловленная как планом содержания, так и планом выражения, имеет место. И в самом деле, при нормативности и широком употреблении такой, скажем, конструкции, как *милостивый государь господин редактор*, мы более чем в двадцати тысячах обследованных нами писем не встретили, да и не можем себе представить реального употребления конструкции *господин милостивый государь редактор*. Очень редко допускается инверсия в конструкциях типа *Милый друг Арсений* [Мусоргский, с. 241], *Дорогой товарищ Климович* [Фадеев, с. 363], *Многоуважаемый Константин Сергеевич* [Булгаков, с. 299] (ср.: в конструкциях *милая Варя* и *Варя, милая* [Бунин, т. 11, с. 50, 70], *дорогой Саммир* и *Саммир, дорогой* [Паустовский, с. 447–448] инверсия вполне возможна). Обусловлены иерархические отношения в системе компонентов развёрнутого вокатива, надо думать, не только этикетом или установившейся традицией, но и прямым функциональным назначением этих компонентов как составляющих соответствующей лингвистической фигуры.

Расчленённая вокативная конструкция объединяет два или более обращения к разным адресатам, причём каждый адресат номинируется отдельно. В общем плане расчленённую вокативную конструкцию можно толковать как соединение одиночных вокативов, элементарных и/или развёрнутых конструкций, например: *Донья Анна-Лаура и милый Оркестр* [Мусоргский, с. 102], *Дорогие Митя, Катя и старичок батько* [Н. Островский, с. 362], *Милые и дорогие мои мамочка, Людочка и Оличка* [Маяковский, с. 25]. Порядок компонентов, составляющих расчленённую вокативную конструкцию, может изменяться,

и даже в разных письмах одного адресанта одним и тем же адресатам встречаются варианты, по сути, одной и той же конструкции: *Дорогие мои тётя Ася и Олюшка* и *Дорогие мои Олюшка и тётя Ася* [Переписка Б. Пастернака, с. 124, 126]. В каждом конкретном случае порядок компонентов расчленённой конструкции определяется, по видимому, экстралингвистическими факторами, к которым можно отнести социальный статус каждого из адресатов, отношение к ним автора письма, требования этикета.

Компоненты расчленённой вокативной конструкции могут быть изоморфны по структуре, как в следующих случаях: *Дорогая Личика, дорогой Оська!* или *Дорогой, дорогой Лилик! Милый, милый Осик!* [Маяковский, с. 27, 28], и такой параллелизм, как нам кажется, подчёркивает существующую или демонстрируемую в письме одинаковую значимость адресатов для пишущего. Однако возможны и различия в структуре компонентов таких, например, конструкций: *Милый Миша и маленькая!* [Н. Островский, с. 402], *Олечка, дорогой мой друг, и Вы, дорогая тётя Ася* [Переписка Б. Пастернака, с. 130] и т. п. При этом компоненты расчленённой вокативной конструкции могут быть объединены общим детерминантом: *Милые Петя и Муся!* [Н. Островский, с. 363], *Дорогие Женечка и Боря* [Переписка Б. Пастернака, с. 97], *Милостивые государи, папенька Григорий Никифорович и маменька Марья Ивановна!* [Белинский, т. 11, с. 9] и т. п., однако в других случаях детерминант относится лишь к одному из компонентов, например: *Дорогой Митя и отец!* [Н. Островский, с. 381], или же он повторяется в составе каждого или нескольких компонентов конструкции: *Милый отесинька и милая маменька, милая Олинька и все прочие братья и сестры* [Аксаков 1988, с. 3]. Любой из компонентов расчленённой вокативной конструкции имеет структуру, аналогичную другим типам вокатива, рассмотренным выше, и может функционировать в письме (а зачастую и функционирует) в качестве вокатива самостоятельно.

2.2.3. Контактив

В письме, да и в устной речи, обращение может носить чисто ритуальный характер и по разным причинам никак не соотноситься с личностью адресата или с отношением к нему автора письма. Такая ситуация имеет место при рассылке какой-то информации (реклама, запрос, адрес какого-либо учреждения и т. п.) по заданному списку

адресатов, в том или ином официальном послании или, например, если недоступен конкретный адресат, при обращении к незнакомому человеку, какому-то коллективу или группе лиц, к которым по воле случая может попасть письмо, как, например, в написанных из застенков гестапо письмах подпольщиков Н. И. Сташкова (*Товарищи*) и А. И. Свершниковой (*Дорогие друзья*), в записке лейтенанта М. Панченко, написанной во время боя (*Дорогие товарищи*) [ГПГ, с. 185, 400, 315], и др.

Такого рода обращения-клише, однако, могут употребляться как собственно вокативы и в частной переписке хорошо знакомых друг другу лиц, могут эти и подобные им формы вокатива сочетаться с иными компонентами адресации и входить в состав вокативных конструкций типа *Милостивый государь Иван Логинович* или *Милостивый государь господин редактор* [Толстой, т. 18, с. 186, 409]. Клише при этом может быть как элементарным (*сударыня* или при обращении к монарху – *государь*), так и расширенным (*всемилостивейший государь* или *милостивый государь мой*), а также фразеологизированным, т. е. без онима или какого-либо детерминанта обычно не употребляющимся, как это имеет место и при устном общении (*господин Брицын*, а не просто *господин*; *молодой человек*, а не *человек*, если это не письменное обращение к служащему трактира, что трудно себе представить).

В письменной речи используется целый ряд специальных лингвистических фигур, функциональное назначение которых, как правило, исчерпывается установлением контакта с адресатом безотносительно к каким-либо личностным его характеристикам и отношению к нему со стороны адресанта. К таким фигурам относятся прежде всего слова типа *милостивый государь*, *товарищ*, *господин*, *сударь* и т. п., с которыми можно обратиться к адресату практически любого социального статуса с последующей, если в этом есть необходимость, конкретизацией общественного положения, должности, звания либо заслуг этого адресата или, что довольно часто, без такой конкретизации. Можно *господа офицеры* и просто *господа*. Есть *товарищ полковник* и *товарищ младший сержант*. При этом может никак не проявляться и отношение автора письма к своему адресату, и, скажем, *милостивый государь* может оказаться вокативом как в письме уважаемому и почитаемому человеку (*Милостивый государь бесконечно уважаемый мною Михаило Петрович* [Григорьев, с. 8]), так и в письме к лицу, с которым автор послания находится в недружелюбных и даже враж-

дебных отношениях, например в откровенно оскорбительном письме О. Э. Мандельштама М. А. Волошину:

Милостивый государь!

Я с удовольствием убедился в том, что вы под толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемого многими за утонченную эстетическую культуру, – скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина. Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я «давно уже обкрадываю вашу библиотеку» и, между прочим, «украл» у вас Данта, в чем «сам сознанся», и «выкрал у вас через брата свою книгу».

Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником... [Мандельштам, с. 26].

К такого рода вокативам относятся и заимствованные лексемы *сэр, мадам, мадмуазель, мистер* и т. п., которые уже в силу их иноязычного происхождения никак не связаны с социальной иерархией русского общества и поэтому могут быть употреблены в самых разных ситуациях, при различных отношениях между коммуникантами, а следовательно, регулировать эти отношения никоим образом не могут. Называем, как уже указывалось выше, мы эти фигуры, прибегая к обычной в подобных случаях словообразовательной модели, **контактивами** и подразделяем их на две группы: общие контактивы, непосредственно не связанные с отношением автора письма к своему адресату и его социальному статусу (*товарищ, гражданин, господин, сударыня* и др.), и контактивы ориентированные, используемые адресантом при обращении к какому-либо определённом кругу лиц и иногда уже выражающие отношение адресанта к адресату или, во всяком случае, возможные при наличии между коммуникантами дружеских, профессиональных или каких-то иных связей (*друг, дружище, брат, коллега, старина, старик, голубушка* и др.).

Контактивы, разумеется, имеют свою стилистику, и за многими из них закреплён, хотя и не очень жёстко, определённый ареал функционирования в виде виртуального семантического поля. Так, например, обращение *коллега* используется коммуникантами, связанными какой-то общей профессиональной деятельностью, скажем деятельностью научно-педагогической (*Уважаемые коллеги, вашему вниманию предлагается доклад на тему...*), но при этом опять же соответствующий вокатив может, причём без дополнительной коннотации, относиться и к студенту или аспиранту, и к лаборанту, и к декану или за-

ведущему кафедрой, и к академику. Вопрос лишь в стилистике – кто и что может себе позволить, а отношение адресанта к своему коллеге при этом может быть самым различным.

Контактивы типа *гражданин, сударь*, а также иноязычные формы обращения, такие, как *мадам, мадемуазель, синьор* и т. п., непосредственно не связаны с каким-то определённым кругом адресатов, но и они имеют свою стилистику. Одно дело *гражданин редактор* в письме М. Булгакова [Булгаков, с. 211], и совершенно другое – *гражданин прокурор* в письме человека, находившегося в своё время в заключении. *Сударь*, а особенно *сударыня*, – скорее всего дань уходящей традиции (например, в письме К. Г. Паустовского приёмной дочери: *Ваши братишка, сударыня, Алешика стал чудесный* [Паустовский, с. 275]), а, скажем, *синьор* или *сэр* – обращения не без иронии, как в начале одного из опубликованных писем нашего современника, учёного, специалиста в области гидроаэродинамики Р. Г. Баранцева: *Сэр! С Вашего позволения, я – годяй: пишу третье письмо, не получив ответа* [Баранцев, с. 349].

Общие контактивы не могут быть, на наш взгляд, включены во множество вокативов, которое В. Е. Гольдин квалифицирует как идеальные регулятивы, поскольку обращения типа *голубчик, старина, дружище, брат* (при обращении не к родственнику) и т. п. всё же предполагают известную степень хотя бы духовной близости коммуникантов и, как правило, наличие между ними определённых отношений. Специфика лексического значения регулятивов заключается в особой социально-ситуационной ограниченности их употребления. Кто может использовать данное обозначение, в отношении к кому, когда – это и есть значение регулятива, получаемое им в составе соответствующей парадигмы [Гольдин 1987, с. 93–94]. Общие же контактивы в этом отношении универсальны, во всяком случае, спектр коммуникативных ситуаций, в которых они могут быть употреблены, весьма широк.

Ориентированные контактивы включают в себя регулятивы, специализировавшиеся в функции обращения и составляющие ядро этой группы лексем, и некоторые слова, обладающие сходными свойствами, такие как *коллега, собрат, друг*, а также термины родства в их прямом значении, которые также не несут никакой информации о личностных или социальных качествах объекта номинации, но могут быть адресованы в каждом случае ограниченному кругу лиц, который для разных коммуникантов будет различаться. К тому же все они мар-

кированы лексикографически с вполне определённым лексическим значением.

2.2.4. Прямая, опосредованная и совмещённая адресация

Эпистолярный вокатив в нашем исследовании, как уже говорилось, входит в систему адресации, обозначенной непосредственно автором письма в самом его тексте, а не на конверте или любом ином, условно говоря, контейнере, в который письмо вложено по воле адресанта или без его ведома. Адресация письма может носить самый разный характер не только в плане содержания, т. е. наполнения вокатива лексическим материалом, связанным с той или иной номинацией адресата, но и в плане выражения, т. е. выбора адресантом формальных, грамматических средств обращения к своему адресату, обусловленных либо требованиями этикета, либо условиями общения, либо какими-то иными, зачастую субъективными причинами. И здесь достаточно чётко противопоставляются, как минимум, три разных способа указания адресата послания и соответственно три типа вокативной конструкции: прямой вокатив, опосредованный вокатив и вокатив совмещённый.

Чаще всего вокатив представляет собой собственно обращение, по О. С. Ахмановой, слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий [Ахманова, с. 83]. Мы называем такой вокатив прямым и противопоставляем его иной форме эпистолярной адресации, не связанной ни с морфологическими (Именительный падеж), ни с синтаксическими (отсутствие узла в дереве зависимостей соответствующего предложения) параметрами обращения как грамматической категории, адресации, которую мы квалифицируем как косвенный, или опосредованный, вокатив.

Прямой вокатив – это собственно обращение в любом его субстанциональном представлении, включая вокативную конструкцию, квалифицируемую в общепринятой системе терминов как сочетание слов, а в особом случае и как вокативное предложение [Русский язык 1979, с. 171]. В письмах А. А. Фадеева, например, мы встречаем: *Валя!*; *Алексей Николаевич!*; *Товарищ Залилова!*; *Дорогая Зоя Николаевна!*; *Линушечка моя!* *Любимая моя!*; *Мои дорогие друзья!* [Фадеев, с. 293, 345, 352, 495, 495, 558] и т. п.

В качестве опосредованной адресации, или **косвенного (опосредованного) вокатива**, мы квалифицируем такую номинацию адресата, которая указана автором послания непосредственно в тексте письма, но не является собственно обращением как синтаксически не связанным с членами предложения компонентом высказывания. Характер такой адресации может быть самым разным, однако вполне определённо можно выделить два основных вида опосредованного вокатива, один из которых представляет собой метатекстовую адресацию и характерен не только для писем, но и для целого ряда официальных документов, обращений в различные инстанции или к их официальным представителям (например, в рапорте, заявлении или объяснительной записке: *Директору ЗАО «Восход» Ноженко М. А.*), второй же в большей мере присущ эпистолярной коммуникации, а также встречается при устном непринуждённом непосредственном общении людей как функционально маркированный член предложения (*Пусть моя милая супруга знает, что я до сих пор влюблён в неё*).

Мы смогли зафиксировать следующие основные разновидности опосредованного вокатива (в составе высказываний он выделен полужирным шрифтом):

1. Прямое указание адресантом лица (лиц), учреждения или организации, которым его письмо направляется, или одновременно того и другого. Например: *Кн. Григорию Волконскому* [Толстой, т. 18, с. 357]; *В. Г. Черткову* [Толстой, т. 18, с. 483]; *Г. М. С. Каплану в Париже* [Бунин, т. 15, с. 151]; *Привет 54%-му петербуржцу* [Баранцев, с. 396]; *В литературно-художественный отдел Гиза* [Маяковский, с. 107], *В Мосфинотдел Фининспектору 17-го участка* [Маяковский, с. 95] и т. п. Это может быть также обозначение какого-либо коллектива людей: *нашим землякам* [Серафимович, с. 245]; *Привет петербуржцам* [Баранцев, с. 396]. Такое указание может быть единственной адресацией послания, как, например, в письме М. А. Булгакова (*В издательство Ладыжникова в Берлине* [Булгаков, с. 235]), но может быть и совмещено с прямым вокативом, предшествуя ему непосредственно или дистантно, как в письме В. И. Вернадского А. Е. Ферсману, которое начинается так:

*Академику А. Е. Ферсману,
Петроградская Академия наук
Симферополь, 18. I. 921*

Дорогой Александр Евгеньевич...

[Письма В. И. Вернадского..., с. 98].

Ещё пример. И. И. Горбачевский – Н. А. Бестужеву:

Николаю Александровичу

В прошедшее воскресенье Оскар Александрович приехал из Иркутска, – виделся там с генералом и с Петром Васильевичем Казакевичем и проч. Но не в этом дело, любезнейший Николай Александрович! ... [Горбачевский, с. 155].

То же самое – в письме П. И. Зайцева В. И. Вернадскому:

Академику В. И. Вернадскому

(от П. И. Зайцева)

Министерство Нар. Освиты

Бибик. бульв., 14

Многоуважаемый Владимир Иванович! ... [Вернадский, т. 2, с. 178].

Этот тип адресации характерен только для письменной речи и чаще встречается в деловых и лично-деловых письмах. Опосредованный вокатив такого рода всегда предшествует информационной части письма и представляет собой, по сути, адресующий метатекст, подобный тем, которые, как замечает В. Е. Гольдин, функционируют в части современных документов (заявления, рапорты) и относятся, наряду с обращением, к прямым вербальным средствам адресации [Гольдин 1987, с. 52–54]. Такой вокатив в зачине письма может употребляться и в составе адресующей формулы «такому-то от такого-то», «от такого-то такому-то» или «такой-то – такому-то», как это имеет место, например, в письмах М. П. Мусоргского: *Алекса́ндре Николаевне и Николаю Павловичу Мо́лас от Модеста Мусоргского Грамотка* [Мусоргский, с. 250] – или в некоторых письмах Р. Г. Баранцева: *Привет областному от краевого!* [Баранцев, с. 359]; *уша́стому от ногастого* [Баранцев, с. 382]. Метатекст описанного типа может включать именование адресанта и адресата или называть только адресата письма.

Вот ещё несколько примеров употребления адресующих метатекстов в письмах самого разного назначения:

Володымеру Васильевичу

от Мусорянина

Здравнца и прославление.

Никто жарче Вас не грел меня во всех отношениях; никто проще и, следовательно, глубже не заглядывал в моё нутро; никто яснее не указывал мне путь-дороженьку [Мусоргский, с. 141];

Александр – Исааку.

Воспользовавшись случаем, пишу тебе маленькое посланьице, на которое, для обоюдной пользы и развлечения, рекомендую ответить

[Фадеев, с. 289];

Донье Анне-Лауре и прелестному Оркестру привет.

Он благодарит, он пишет, он посылает – он уже давно рискнул, n[отому] ч[то] риск нужен [Мусоргский, с. 99].

Опосредованный вокатив метатекстового характера может представлять собой и расчленённую вокативную конструкцию, адресуемую послание двум разным субъектам коммуникации, например: *Поскребышеву для Кагановича; Кагановичу для членов Политбюро* [Сталин и Каганович, с. 43, 51]. Такого рода вокатив представлен предложно-именной конструкцией с предлогом *для*, которая в свою очередь может входить в какую-то другую конструкцию и сочетаться с каким-либо иным выражением адресации, как это имеет, например, место в письме Л. Н. Толстого В. Ю. Шимановскому: первая адресация – *Леониду Шимановскому для передачи В. Ш.*, затем только – *Милостивый государь* [Голстой, т. 18, с. 464].

2. Функциональный перевод вокатива в субъект высказывания. Это этикетная форма установления и поддержания контакта с избранным кругом лиц, имеющая обычно ту или иную модальность и на уровне плана выражения преобразующая обращение в подлежащее, как в письме А. С. Пушкина К. Ф. Рылееву: *Мне досадно, что **Рылеев** меня не понимает* [Пушкин, с. 163] или в письме П. Х. Граббе А. П. Ермолову: *Опять огромный промежуток в переписке, в котором **Алексей Петрович** не потребует от меня оправдания* [Переписка А. П. Ермолова., с. 561]. Такая форма обращения принята и при устной коммуникации в коллективе, где прямое обращение, в особенности обращение к лицам высокого социального статуса, может быть квалифицировано как бестактное, или на различного рода общественных мероприятиях, собраниях, конференциях и т. п. (что-нибудь вроде *Может быть, наша милая хозяйка позволит нам откланяться?* или *Не считает ли уважаемый докладчик, что его выводы слишком категоричны?*). Это, по сути, обозначение адресата «в третьем лице», подобное особо вежливым формам обращения к собеседнику в некоторых языках (немецком, польском, шведском и др.) [Гольдин 1987, с. 51–52], например: *Донья Анна-Лаура, столь любезно относящаяся к маленьким животным (аквариум в Берлине), надеюсь, ещё любезнее отнесётся к крупным* [Мусоргский, с. 99].

В письме этикетно-уважительная форма используется при обращении в основном к коллегам, лицам, занимающим более высокое, чем адресант, положение в обществе, и лицам, социальный статус ко-

торых предписывает определённые нормы контакта с ними: ... *статьи, о коих **ваше императорское величество** благоволили говорить со мной...* [Жуковский, с. 595]; *Я сие предаю на здравое ваше рассуждение, уповая, что **ваше превосходительство** меня ответом удостоите* [ПРП, с. 109] (сохранена орфография изданий, в которых опубликованы письма). Перевод косвенного вокатива в позицию субъекта высказывания также нередко осуществляется в письмах к адресату, имеющему значительно более высокий социальный статус, чем адресант, в тех случаях, когда автор письма обращается с той или иной просьбой и подчёркивает субъектность лица, от которого зависит осуществление желаемого. Вот пример из письма А. П. Сумарокова Екатерине II: *О, дабы всевышний вложил в сердце ваше милосердное ко мне снисхождение и оживил бы мою увядающую жизнь, подверженную жесточайшей апохондри! Но **милосердая Екатерина** милостию изобильна, коль изобилен я моим к ней усердием, с которым я пребуду до конца моей жизни* [ПРП, с. 166]. Ещё пример из письма А. П. Сумарокова секретарю императрицы Г. В. Козицкому: *А я в честь себе то почитаю, что меня любит и почитает **Гр. Вас. Козицкий**, которого есмь покорнейший слуга и верный друг* [ПРП, с. 123]. Такое именование адресата «в третьем лице» соответствует нормам эпистолярного этикета XVIII–XIX веков, сложившимся в отношении переписки неравных по общественному положению коммуникантов.

Опосредованный вокатив этого типа встречается и в письмах, написанных в XX веке, но прагматика его иная. Так обращаться к своему адресату можно при особенно трепетном, нежном отношении к нему, и перевод вокатива в субъект высказывания повышает эмоциональность высказывания, как это наблюдается в письмах К. Г. Паустовского разным адресатам:

Маленькая хрупкая девочка сама не знает, какая в ней сила и любовь [Паустовский, с. 28];

*Видишь, каким я стал мелочным, как много пишу о скучных пустяках. Но ведь я хочу, чтобы **Кролёнок** знал... Ты не сердись* [Паустовский, с. 51];

*Как было бы хорошо, если бы **Звёра** приехала сюда, хотя бы на два-три дня, – осень только начинается, падают первые желтые листья, дуют теплые ветры, и воздух у нас в саду и в лугах необыкновенный. <...> А **Звёра** будет рисовать и отдохнет от московской злобы и суеты* [Паустовский, с. 145].

Ещё пример – одно из писем Б. Пастернака к О. Фрейденберг начинается так: *Это уже старая история, что в конце твоих писем к маме, где-то внизу, у края, между строк, вдруг вырастает Оля – вверх ногами, сдавленная и суженная. К счастью, только в письмах...* [Переписка Б. Пастернака, с. 56]. Начального обращения нет, а имя *Оля* – первое упоминание адресата, и именно таким образом осуществляется в данном случае установление контакта.

Особый случай вокатива этого рода – употребление его в позиции главного члена односоставного номинативного предложения: *Елене привет. И Немчика погладь, «он очень ласковый, только пахнет псиной». Маленькая девчурка.* И на следующей строке подпись: *Ком* [Паустовский, с. 52]. По сути, здесь имеет место номинация предикатного характера, и вполне естественным было бы высказывание типа *Ты моя маленькая девчурка*, где данное обозначение адресата оказывается в позиции предиката, а основная его функция – экспрессивно-характеризующая. В случае же такого употребления, как в цитированном письме К. Г. Паустовского, когда именование адресата составляет содержание номинативного предложения, оно функционально равнозначно вокативу, поскольку, заключая информационную часть письма и непосредственно предшествуя подписи, служит для размыкания контакта подобно этикетной формуле прощания. В то же время, на наш взгляд, рассматривать такое предложение как обращение, нет оснований: обращение служит, как это неоднократно отмечалось лингвистами, для того, чтобы привлечь внимание адресата к содержанию сообщения, а в данном случае содержание уже исчерпано.

Лексическое наполнение всех этих разнообразных обозначений адресата в письмах сходно с обращением. Опосредованный вокатив может состоять из одиночного или детерминированного антропонима в разных его вариантах (имя, имя и отчество, прозвище и т. д.), формулы титулования, апеллятива, детерминированного апеллятива, перифрастической номинации. Хотя синтаксические функции номинаций адресата речи, выделенных в приведённых выше примерах, отличны от функций обращения, в некоторых случаях они могут интерпретироваться двояко, как это имеет место, например, в следующем контексте: *Знаете, что меня иногда беспокоит: отчего это Вы, **тёзка в квадрате генерала от фельетонов**, производите околесную шутки ради, а он – **тёзка Ваш** – учиняет всякую гиль в серьёзную, да вдобавок не гомерическим калибром* [Мусоргский, с. 73]. Учитывая параллелизм конструкций *Вы, тёзка в квадрате генерала от фелье-*

тонов и он – тёзка Ваи, выделенные слова можно рассматривать как распространённое приложение, и всё же это не исключает трактовки данного оборота как обращения.

3. Перевод вокатива в объектный компонент высказывания, когда в соответствующем предложении функциональным аналогом обращения становится прямое или косвенное дополнение: *Я любезному другу Алексею Михайловичу скажу, что мне очень, очень грустно, что от вас писем нет* [Барсков, с. 2] (орфография современная) – адресат обозначен здесь косвенным падежом имени. Перевод обращения в синтаксически связанный с членами предложения, и в частности со сказуемым, компонент высказывания, акцентирует характер отношения автора письма к своему адресату указанием на действия, которые желал бы и мог бы совершить адресат при непосредственном контакте с адресатом. Акцентация синтаксического предиката осуществляется, как правило, при обращении к близким людям. Адресат при этом обычно получает иное наименование, чем при прямом обращении, а вокатив располагается в середине или в конце письма. Вот несколько примеров из писем А. П. Чехова О. Л. Книппер: *Обнимаю, целую, ласкаю мою подругу, мою жену* (начальное обращение *Дуся, Оля милая*); *Целую мою замухрышку и обнимаю* (начальное обращение *Милая собака*); *Ну, целую мою бабулю* (начальное обращение: *Дуся*); *Целую таракашку* (начальное обращение *лошадка*) [Чехов, т. 12, с. 427, 464, 482–483, 514–515].

Опосредованный вокатив этого типа реализуется в высказывании любым из косвенных падежей имени существительного, обычно детерминированного:

И каждый день я думаю о том, что приду домой и мне передадут маленькое письмо от моей единственной сестренки, которая далеко у моря [Паустовский, с. 31] – Род. пад.,

Прежде всего – приказ моему дорогову, любимому свиненочку: взять как можно скорее сочинения Берне [Бунин, т. 11, с. 126] – Дат. пад.,

А тебя самое обнимаю, целую крепко-крепко, моего ангела, хоть заочно [Бунин, т. 11, с. 43] – Вин. пад.,

А я вот думаю, что мы с тобой при писани писем должны «руководствоваться» собственным желанием, потому что когда я, например, пишу, мне самому приятно поговорить с моею дороговою девочкою [Бунин, т. 11, с. 51] – Твор. пад.,

После тревожных дней я остаюсь один со своими думами о Кроленке маленьком и нежном [Паустовский, с. 54] – Предл. пад.

Опосредованный вокатив в той или иной его форме чаще всего не является единственным авторским указанием адресата в письме, а сочетается с прямым вокативом, образуя **совмещённый вокатив**. Например:

*Господам старшинам Артистического кружка в Москве.
Милостивые государи,*

благодарю Вас за сочувствие опере «Борис Годунов», выраженное в любезном письме, помеченном двенадцатым числом октября 75 г. [Мусоргский, с. 215].

Ещё пример сочетания адресующего метатекста и прямого обращения в начале письма. Здесь метатекст, по-видимому, предназначен для тех, кто передаст записку адресату:

Татьяне Алексеевне.

Танюша, мне стало очень плохо. Ужасные боли в груди и в сердце. Никого нет.

Если что случится, солнышко мое, береги себя, Алешку и Галку.

Очень я тебя люблю, даже сказать не могу. И Алешку и Галочку.

Не горюйте очень [Паустовский, с. 410].

И ещё: *Г-ну редактору «Правительственного вестника». Милостивый государь* [Голстой, т. 18, с. 95]; *Владимиру Григорьевичу Черткову. Дорогой друг Владимир Григорьевич* [Голстой, т. 18, с. 353]; *К. А. Федину, в собственный дом ... Костя, милый* [Паустовский, с. 254]; *Варя ... целую крепко-крепко, моего ангела, хоть заочно* [Бунин, т. 11 с. 41–43]; *Танюша ... целую очень-очень свою Таньку* [Паустовский, с. 272]; *Качалову. Дорогой Василий Иванович* [Есенин, с. 208]; *В литературно-художественный отдел Гиза тов. Бескину ... Товарищ Осип Мартынович* [Маяковский, с. 103], *Тов. Халатову Государственное издательство ... Уважаемый товарищ* [Маяковский, с. 113]; *Александр – Исааку ... дружище* [Фадеев, с. 285].

Подобно обращению, адресующие метатексты и формы косвенной адресации тяготеют к положению в начале и в конце эпистолярного текста. Обращение, в неизменённом или модифицированном виде, нередко включается адресантом в заключительную этикетную формулу письма, образуя вместе с инициальным обращением рамочный вокатив. То же самое можно сказать и о формах опосредованной адресации. Письмо, которое начинается обращением *Милый друг Корсинька, ещё раз здравствуйте!*, завершается речевым оборотом с

косвенной адресацией: *А так как можно, то нечего разводить, а поцеловать крепко Корсиньку могу и даже очень и пожелать ему приятного сна, ибо 2-й час ночи* [Мусоргский, с. 94–96].

Возможен и обратный порядок: косвенная адресация в начале письма и обращение в конце. Так, письмо М. П. Мусоргского А. Н. и Н. Н. Пургольд начинается оборотом *Донне Анне-Лауре и милому Оркестру ещё раз привет*, – а завершается этикетной формулой с обращением: *А пока крепко жму Ваши руки, Донья Анна-Лаура и милый Оркестр, и прошу отписать, а Вашим, которые меня знают, кланяюсь* [Мусоргский, с. 100–102].

Как мы уже показывали, сочетание адресующего метатекста с обращением возможно и в начале письма, например:

Дяньке Никольскому.

Друг, дянька, завтра, в субботу вечером, часам к 9-ти будьте слушать «Псковитянку», к[ото]рая исполниться имеет у, без всякого сомнения, Пургольд [Мусоргский, с. 119].

При этом, как правило, в письме возможна замена форм косвенной адресации обращением и наоборот или трансформация одной формы в другую.

Первый из названных выше типов опосредованной адресации – явление достаточно распространённое, и типичен соответствующий вокатив при официальной и деловой переписке, не требующей обязательного личного знакомства коммуникантов. Второй менее распространён и регулируется определёнными социальными отношениями в обществе и связанными с этими отношениями приоритетами. Перевод вокатива в подчинённый предикату компонент предложения производится ещё реже и касается, как уже отмечалось, переписки близких людей. Вокативная же фигура, совмещающая опосредованную адресацию с прямым обращением к адресату, – явление, скорее всего, спонтанное, связанное с какими-то необычными, в том или ином плане форсированными условиями письменного общения. Прагматически такое совмещение, на наш взгляд, мало мотивировано, хотя определённый стилистический эффект оно, по всей вероятности, имеет, поскольку усиливает ту функцию вокатива, которая устанавливает контакт автора письма с его адресатом. Но и здесь имеются определённые ограничения на комбинаторику компонентов соответствующей вокативной конструкции, в том числе и в части детерминации как антропонима, так и сопутствующего ему апеллятива, и в этом плане можно, очевидно, указать три степени приемлемости и допустимости тех или

иных комбинаций компонентов опосредованной адресации: 1) нормативное сопровождение (*Его превосходительству генералу Епаншину; всем членам нашего клуба*); 2) сопровождение, допустимое только в определённых условиях коммуникации (*уважаемому господину Панахину, дорогому Леониду Ильичу*); 3) недопустимое сопровождение (*милостивому государю Ивану; многоуважаемому сударю*).

2.2.5. Моновокатив и поливокатив

Автор письма обращается к своему адресату с намерением установить с ним контакт, как правило, в самом начале письма и чаще всего только один раз, как это имеет место, например, в письмах Екатерины II [ЕП, с. 13], П. А. Румянцева [Фельдмаршал Румянцев, с. 202, 203–204, 205, 206, 207 и др.], А. С. Грибоедова [Грибоедов, с. 12, 19, 41–44, 49, 60, 92, 115 и др.], Н. А. Некрасова [Некрасов, с. 8, 10, 11, 12, 19, 20, 23, 24 и др.], А. К. Глазунова [Глазунов, с. 23, 28–29, 33, 36, 37, 52–57, 61–62 и др.], И. Э. Бабеля [Бабель, с. 6, 7, 8, 11, 21, 23, 242, 243 и др.], Р. Г. Баранцева [Баранцев, с. 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16 и др.]. Для реализации контактоустанавливающей функции вокатива этого в принципе вполне достаточно, даже если соответствующий вокатив переносится в середину письма, как это у А. С. Грибоедова [Грибоедов, с. 64], Н. А. Некрасова [Некрасов, с. 9], Б. Л. Пастернака [Переписка Б. Пастернака, с. 19, 58], или в самый конец послания, как в письмах И. Ф. Анненского [Анненский, с. 466], Б. Л. Пастернака [Переписка Б. Пастернака, с. 53]; П. И. Чайковского [ЧМ, с. 123–124, 231–232, 269–270]. Вот пример единичного обращения, которое не вынесено в зачин письма, а находится в середине его информационной части:

*Так как существование «Очерка» уже не подлежит сомнению (я слышал, что Вы его на днях читали), то мы наверное рассчитываем на него для № 4-го. Не обманите надежд наших, **Николай Герасимович!** Пришлите с подателем.*

Мы просим Вас и прозой и стихами:

Сжальтесь над нами!

bis...

Не перестающий надеяться

Н. Некрасов

[Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 9].

Такое одноразовое обращение в письме мы называем **моновокативом** независимо от его структуры, которая может оказаться и очень сложной, как это имеет, например, место в письмах Петра I (*Пресветлейший, державнейший король и курфюрст, любезнейший брат, друг и сосед* [Пётр I, с. 84]), И. Э. Бабеля (*Милая и достолюбезнейшая сердцу моему А. Г.* [Бабель, с. 291]) или К. Г. Паустовского (*Алёшенька, маленький-маленький милый мой мальчик* [Паустовский, с. 317], *Дорогая Алла, дорогая «обыкновенная девчонка из маленького городка Спас-Клепики»* [Паустовский, с. 416]). Главное здесь то, что адресат назван только один раз. Однако во многих письмах как одного и того же, так и разных адресантов обращение в пределах одного послания фигурирует в силу тех или иных причин более одного раза, как, например, в следующем письме:

Танюша, радость моя, 8-го в 6 часов вечера я уже прилетел в Турин (с пересадками в Праге, Цюрихе и Милане). Летели над Монбланом. Турин похож на огромную клумбу цветов. Живу за городом, в предгорьях Альп, в монастырской гостинице Эремо. Дышу очень легко.

Здесь Ивашкевич, усталый и добрый. Очевидно, завтра поеду на курорт Сен-Присенте (50 км от Турина). Жара.

Все баснословно дорого. Купил плащ за 5 тысяч лир. Телеграмма в Москву обошлась в 7 тысяч лир.

Завтра опять напишу. Целую тебя, единственный мой человек. Поцелуй Алешку. Галку. Женю.

Твой Костенька [Паустовский, с. 404].

При этом образуется очень интересная расчленённая лингвистическая фигура, которую мы называем **поливокативом**. Примеры писем, в которых адресант употребляет обращение неоднократно, многочисленны [Мусоргский, с. 15–16, 17, 18, 21, 23–24, 25–26, 27–28 и др.; Бунин, т. 11, с. 7–9, 14–20, 21–24, 26–27, 29–30, 32–33, 34–36, 41–43 и др.; Бабель, с. 12–14, 17–19, 20, 23–26, 27–29, 29–30; Паустовский, с. 9–10, 11–12, 21–23, 23–25, 25–27, 28–31, 32–33, 57–59 и др.; ЧМ, с. 14–18, 20–22, 22–23, 28, 29–30, 31–32, 34–36, 41–42, 42–44 и др.]. Вот ещё пример письма, где автор уже трижды, и каждый раз по-новому обращается к своему адресату:

Получил, милый трибун, спешное письмо, очень меня обрадовавшее. Живу здесь хорошо, купаюсь и греюсь под солнцем, которое тебе, озябшая моя московская душа, не часто снится. Все было бы хорошо, если бы мне не приходилось возить по всем городам глупые мои нервы, не умеющие работать и не умеющие спать. Я их обучаю

этим ремеслам, но со средним успехом. Деньги переведу тебе телеграфно не позже второго июня. Думаю, что это не будет слишком поздно. Живи хорошо, человек затем и родился на божий свет.

Любящий тебя, душенька моя

И. Б. [Бабель, с. 90].

Поливокатив мы подразделяем на три основных типа: рамочный поливокатив, состоящий из двух обращений; рассеянный поливокатив, включающий в себя два и более (иногда свыше десяти) отдельных вокативов, так или иначе распределённых в тексте письма, и комбинированный поливокатив, состоящий как минимум из трёх обращений, первое из которых служит установлению контакта между коммуникантами, а последнее употребляется в конце письма и обычно сопутствует заключительной этикетной формуле. Рамочный поливокатив чаще всего обрамляет текст письма, им обычно начинается и завершается соответствующее послание. Типичны в этом плане послания А. В. Суворова Г. А. Потёмкину, открывающиеся вокативом *Светлейший Князь, Милостивый Государь!* и завершающиеся таким же указанием уже названного адресата *Светлейший Князь Милостивый Государь!*, с заключительной формулой *Вашей Светлости всенужайший слуга* и подписью *Александр Суворов* [Суворов, с. 37, 62, 63, 64, 80, 83, 84 и мн. др.]. Есть в этом плане и варианты. В письмах Суворова А. И. Иловайскому они такие: первый вокатив *Милостивый Государь мой Алексей Иванович!*, второй без имени и отчества: *Милостивый Государь мой!* [Суворов, с. 88, 90 и др.]. Письмо И. Э. Бабеля жене начинается вокативом *Тату*, а второй вокатив сопровождает заключительную этикетную формулу: *Целую тебя, моя душа, прошло всего два дня, и вот ты уже кажешься мне чудной и доброй* [Бабель, с. 54–55]; в другом его письме начальный вокатив *Татушенька*, а формула прощания – *До свидания, душенька* [Бабель, с. 26–27]. Первый компонент рамочного поливокатива не обязательно предшествует собственно тексту послания, например, одно из писем И. А. Бунина не содержит начального обращения, и лишь в конце письма он дважды обращается к своему адресату: *Я, ей-богу, так истомился этими разлуками, милый, ненаглядный мой зверочек, что просто, как воздуха, жду увидеть тебя!.. Только как же это увидимся? На час? Ради Бога, устрой это подольше, т. е. не час-то. До скорого свидания, деточка, милая, дорогая моя!* [Бунин, т. 11, с. 93]. Рамочный характер поливокатива связан прежде всего с его функциональным назначением: первое обращение, где бы оно ни находилось: в начале или (реже) в сере-

дине письма, служит установлению контакта между коммуникантами, второе же обращение, сопутствующее заключительной этикетной формуле и предшествующее обычно подписи, вместе с этими компонентами эпистолярной рамки направлено на размыкание контакта. А вот на поддержание контакта адресанта с адресатом гораздо в большей степени, чем рамочный, ориентирован рассеянный поливокатив.

Рассеянный поливокатив может включать несколько (два и более) компонентов без каких-то более или менее чётко выраженных функциональных предпочтений и экспрессивных нюансов. Так, в письмах разных авторов нам встретились следующие трёхкомпонентные поливокативы: *друг Огарёв ... брат ... Огарёв ...* [Герцен, с. 245–247], *дорогой Милый ... дорогой мой ... Милый* [Мусоргский, с. 29], *Любезный Тургенев ... Тургенев ... Тургенев ...* [Анненков, кн. 1, с. 10–11], *Милая Аня! ... Аня! ... Милая Аня! ...* [ЧТ, с. 214]. В составе рассеянного поливокатива может быть и два компонента, если второй из них не завершает послание, а вводится сразу после первого (как, например, в одном из писем К. Г. Паустовского: *Валюха, сегодня получил твоё письмо из Москвы, написанное в день приезда. Спасибо, зверь ...* [Паустовский, с. 135]) или где-нибудь в середине письма [Герцен, с. 261–263, 463; Бабель, с. 50, 68, 149–150, 265–266], тем самым просто поддерживая контакт коммуникантов. Мало чем могут отличаться от них и некоторые четырёхкомпонентные поливокативы (ср. в письмах тех же корреспондентов: *Дорогой Милый ... Милый ... Милый ... милейший ...* [Мусоргский, с. 23–24], *Голубушка Аня! ... Аня ... душечка моя ... голубушка ...* [ЧТ, с. 220–221]), но при нарастании, даже начиная с трёх, компонентов рассеянного поливокатива соответствующие количественные их характеристики всё сильнее и сильнее коррелируют с качественными параметрами письма, его стилистикой и прагматикой. И вот несколько иллюстраций из писем А. Г. Достоевской Ф. М. Достоевскому:

Письмо от 26.VII.1873 г.:

Как мне тебя жаль, мой дорогой и милый Федичка! Ты в таком унынии и в таком тяжелом настроении духа (сужу по полученному сегодня письму), что если б была какая возможность, я непременно бы приехала тебя повидать. Успокойся, дорогой мой Федя! Дети совершенно здоровы, и Федя в ночь с субботы на воскресенье не падал с 4-го этажа, а спал благополучно в постельке. Милый мой, прошу тебя, не верь ты снам и предчувствиям; будь спокоен, у нас все будет благополучно... Милый мой, мы ведь опять скоро будем вместе

и заживем семьей, дай только ребятишек немножко вылечить... А знаешь, мой дорогой дружок, мне все кажется, что ты приедешь в это воскр<есенье>, хотя ты этого не обещаешь? А как бы было хорошо... [Достоевский, с. 82].

Обычное письмо жены своему супругу, обычные ласковые обращения, любое из которых могло бы функционировать в качестве моновокатива, а в комбинации ещё с одним – в качестве вкатива рамочного. Примерно то же, но с иной позицией первого вкатива и в письме от 7.II.1875 г.:

... мой милый и дорогой Федя ... дорогой мой Федичка ... мой дорогой Федя [Достоевский, с. 147].

А вот рассеянный вкатив в её же письме мужу от 10.II.1875 г., письмо эмоциональном с элементами тревоги:

Милый, дорогой мой Федичка, ты меня положительно напугал твоим последним письмом, рассказав, как сильно действует тиф. Голубчик мой, ради самого бога, поспеши устроить дела и приезжай домой... Бедный мой Федя... Милый мой... Голубчик мой... Голубчик... Федя... [Достоевский, с. 151–152].

В этом поливокативе уже шесть компонентов, а их может быть и восемь, как, например, в письме И. Э. Бабеля Т. В. Кашириной [Бабель, с. 80–82], и одиннадцать [Бунин, т. 11, с. 32–33], и пятнадцать [ЧМ, с. 96–101], и более. Сами же компоненты любого поливокатива в сущности своей являются – и это будет ещё не раз отмечено – обычными моновокативами во всём их структурном многообразии и целым комплексом лексем, которые реально или потенциально могут наполнять их модели.

Подробнее об основных типах поливокатива, о структуре и функциях рамочного, рассеянного и комбинированного поливокатива речь пойдет ниже.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА

3.1. Многоплановость эпистолярной адресации

Характер адресации, этого важнейшего конструктивного параметра письма, обычно связывают с тем, что некоторыми исследователями квалифицируется как эпистолярный жанр, и в частности письмо деловое, дружеское, любовное, родственное, коллегиальное, дидактическое, письмо-прошение и т. д. [Белунова 2000б, с. 36; Сибирякова 2010, с. 8; Суровцева 2006, с. 28]. Однако есть здесь определённые нестыковки, и прямую корреляцию между типом послания и его адресатом, за исключением, может быть, специальной и сугубо официальной, своего рода протокольной переписки, установить в силу целого ряда объективных и – даже, пожалуй, чаще – субъективных обстоятельств очень трудно. Целый ряд вокативов и вокативных конструкций, таких, например, как *милостивый государь, товарищи, уважаемый Иван Иванович, господин Иванов* и т. п., фигурирует в письмах, направляемых самым разным адресатам и в самых разных по своему характеру, а тем более содержанию письмах. С другой стороны, в письмах любого, если принять этот термин, жанра может вообще не быть обращения к адресату. Поэтому тот или иной тип вокатива как лингвистической фигуры мы, как и многие исследователи эпистолярики [Буравцова 2006, с. 141–142; Захарова 1988, с. 111; Климова 1970б, с. 133; Телеки 2007, с. 121; Черняева 2008, с. 164], склонны связывать не с типом соответствующего письменного послания, а с экстралингвистическими, экстраэпистолярными, если можно так выразиться, параметрами письма, такими, например, как личность адресанта, личность адресата, характер существующих между ними отношений и, конечно же, прагматика письма. И здесь, на наш взгляд, существенной при выборе адресантом формы обращения к своему адресату может оказаться любая конкретика: родственники и близкие люди; друзья и хорошие знакомые; коллеги и сотрудники; служебная или иная зависимость; государственный и социальный статус адресата и многое

другое. Всё это, разумеется, не абсолют, и Л. Н. Толстой, например, мог позволить себе обратиться к члену императорской семьи Великому князю Николаю Михайловичу *любезный Николай Михайлович* [Толстой, т. 18, с. 366] и даже к самому императору Николаю Второму *любезный брат*, сразу же оговорив, правда, такой вокатив следующим образом: *Такое обращение я счёл наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку – брату* [Толстой, т. 18, с. 289]. К обращению *милый друг* Л. Н. Толстой прибегает не только в письмах к своим друзьям, скажем к издателю В. Г. Черткову, но и в письмах к жене, брату и другим родственникам [Толстой, т. 17, с. 568, 601; т. 18, с. 510, 38, 89, 68].

Лингвисты выделяют три основных вида коммуникативных потребностей: контактоустанавливающую, информационную (получить или сообщить сведения) и воздейственную [Караулов 1987, с. 214], и все эти потребности, естественно, так или иначе представлены в содержательной составляющей письма. Но и указанные в первой главе конструктивные его параметры в комплексе, т. е. как нечто целое, тоже ориентированы на удовлетворение тех же потребностей, однако каждому из них присуща своя коммуникативная доминанта, ослабляющая, если и вообще не снимающая, установку на все остальные потребности. Так, выходные данные письма и подпись – это прежде всего информация, сообщаемые адресату сведения. Воздейственная потребность, если, разумеется, речь идёт о конструктивных параметрах письма, непосредственно связана с сопутствующими письму указаниями типа *Лично; Вскрыть после...; Совершенно секретно* и т. п. Мотивы же и степень необходимости такого рода указаний могут быть при этом, естественно, самыми разными.

В какой-то степени воздейственная потребность проявляется и в той части заключительной формулы письма, в которой адресант выражает своё отношение (включая чувства) к адресату. А вот собственно авторская адресация письма, или эпистолярный вокатив, анонсирующий по сути дела общую установку соответствующего послания, актуализирует уже по определению контактоустанавливающую потребность. Контакт при этом может устанавливаться сразу с несколькими лицами, причём не только безымянными (*Господа, Товарищи, Коллеги*), но и вполне определёнными, прямо названными по имени или, скажем, фамилии (*Милая Эльза! Дорогой Арагон!; Дорогие Люда и Виктор* [Фадеев, с. 507, 530]) или обозначенные каким-то иным способом (*милые дочери* [Толстой, т. 18, с. 161]), но может быть установ-

лен и только с одним адресатом, которому ставится в соответствие несколько наименований, и в частности апеллятивов, связанных конъюнкцией, т. е. сочинительным союзом **и**, как это у А. С. Пушкина в письме П. В. Нащокину (*Отец и благодетель*), и даже не связанных таковой, как в его же письме Н. Н. Пушкиной (*Жена моя милая, жёнка мой ангел*) [Пушкин, с. 372, 479].

Лексическое наполнение формулы эпистолярного вокатива может быть разным и меняться применительно к условиям коммуникации, к социальным и личностным отношениям коммуникантов и, естественно, ко времени и сложившимся в ту или иную эпоху традициям эпистолярного общения. Структура же этой формулы – своеобразная константа, и некоторые типы эпистолярного вокатива остаются неизменными на протяжении целых столетий (в письмах родителям, родственникам и другим близким людям), хотя частота употребления тех или иных формул обращения может колебаться довольно ощутимо. Но есть и такие, которые характерны для какого-то временного, иногда не очень продолжительного периода в жизни общества, приходят и тут же уходят, так и не становясь нормой.

В самом общем представлении структура русского вокатива имеет три основных ипостаси: антропоним, апеллятив и комбинация антропонима и апеллятива.

Антропоним в адресации используется, как правило, тогда, когда адресант чётко знает, кому он пишет. При этом форма антропонима и наличие при нём, а также характер тех или иных детерминантов, включая и сопутствующие ему апеллятивы, зависят от степени знакомства и характера отношений адресанта и адресата. Так, М. А. Булгаков обращается к сестре: *милая Надя* или *дорогая Надя*; к брату: *дорогой Коля* или *милый Никол*; к своему товарищу и биографу П. С. Попову: *дорогой Павел*; *милый Патя*; к жене: *Любаня*; *дорогая Любинька*; к издателю П. А. Садыкеру: *Уважаемый Павел Абрамович*; к режиссёру МХАТа К. С. Станиславскому: *Многоуважаемый Константин Сергеевич*; к артисту МХАТа В. В. Лужскому: *Глубокоуважаемый Василий Васильевич* [Булгаков, с. 32, 56, 248, 467, 440, 443, 295, 296, 155, 299, 166] и т. д.

Апеллятив как норма вокатива превалирует тогда, когда конкретный адресат либо неизвестен, либо как личность несущественен. Но может он использоваться и при переписке знающих друг друга коммуникантов, когда в их письма вносятся элементы официоза и/или отчуждённости, как в письме В. В. Маяковского заведующему литера-

турно-художественным отделом Госиздата, к которому поэт обращается: *Уважаемый товарищ!* [Маяковский, с. 129], или, наоборот, при очень тёплых отношениях, позволяющих вербально проявить их через какой-то образ, когда даже в одном письме оказывается возможным назвать адресата разными именами нарицательными, ни разу не обратившись по имени, как это, например, у И. А. Бунина: *голубчик ... звёздочек мой, дорогой мой, бесценный ... радость моя, сердце моё, жёлточка ...* [Бунин, т. 11, с. 55–56]. Апеллятивы также традиционно используются при обращении к близким родственникам.

Сочетание антропонима и апеллятива как вокативная конструкция – это наиболее ёмкая содержательно, хотя и менее распространённая в смысле частоты употребления эпистолярная фигура, фигура, определяющая зачастую стилистический аспект письма, связанный с тем, что само по себе собственное имя или только апеллятив в определённых обстоятельствах оказываются неприемлемыми, неуместными или недостаточными для прогнозирования характера письма и установления желательной для адресанта формы контакта со своим адресатом. И здесь могут быть самые разные сдерживающие употребление как антропонима без апеллятива, так и апеллятива без антропонима обстоятельства вплоть до прямого табу. Неприемлемо, например, официальное обращение к должностному лицу только по фамилии, тем более по имени или по имени и отчеству, а, скажем, при достаточно распространённом в письмах апеллятивном вокативе типа *генерал* или *капитан* с клише типа *господин* или *товарищ* трудно представить себе письмо с такого рода обращением к слесарю или плотнику (*господин слесарь Чугаев; уважаемый товарищ кочегар Иван Андреев*), хотя, естественно, каких-то прямых запретов на этот счёт быть не может.

Вокативом, очевидно, может быть любое собственное имя, и в этом плане соответствующее их множество не нуждается в какой-либо структуризации, разве что на предмет возможности или невозможности, регулярности или нерегулярности образования от собственных, а особенно от личных имён различных их вариаций и производных, о чём речь и пойдёт несколько ниже. Что же касается апеллятивов, то их функционирование в качестве эпистолярного вокатива уже связано с характером соответствующего лексического материала и связано достаточно определённо. Есть на этот счёт и соответствующие лексикографические разработки, выразившиеся в формировании множества лексем, в той или иной степени удовлетворяющих контактоустанавливающую коммуникативную потребность людей. Так, в «Словаре

русского речевого этикета» А. Г. Балакай приведено около 1800 апеллятивов как своего рода контактоустанавливающих слов и выражений, употребляемых в качестве обращений или для привлечения внимания [Балакай, с. 682–700]. Правда, подавляющее большинство из них является всего лишь модификацией основного, условно говоря, нормативного апеллятива как существительного русского литературного языка. Так, например, апеллятив *брат* зафиксирован более чем в 60-ти вариантах его вокативного употребления (*братак, братан, братанушко, братанчик, братко, браток, браточек, братюн, братьяга, братьяха* и др.), вокатив *мама* – в 50-ти (*ма, мам, мамака, маман, маманечка, маманька, маманюшка* и т. п.), *милый* – в 50-ти (*милай, милачок, милаш, милашка, милёныш, милеюшко, милка, миляга* и т. п.) [Балакай, с. 183–184, 691–693]. Почти все такие обращения могут в принципе функционировать как при устной, так и при письменной коммуникации, хотя и трудно представить себе письмо с вокативами типа *Агушеньки, Алло, Есть кто дома?, Минуту* или *Эй!* Сам факт дистанционного общения регламентирует формы обращения, что-то исключая из того, что возможно и даже принято как обращение при устной коммуникации, а что-то, наоборот, выводя со временем за рамки письма и включая в номенклатуру устных вокативных конструкций, используемых общающимися коммуникантами.

Лингвист, безусловно, имеет право на эксперимент [Караулов 1981; Мустайоки 1995; Щерба 1974], и теоретически мы можем сформировать множество слов, включающее в себя, если и не всю, то довольно значительную часть предметно маркированной лексики, и в частности существительных, а также субстантиватов русского языка. И если, например, в каких-то письмах встретилось обращение типа *Капитан*, то вполне логично допустить, что адресатами писем могут быть и ефрейторы, и сержанты, и маршалы, а если перейти в другое семантическое поле, то и курсанты, кадеты, студенты, школьники и т. д. И какие-то фрагменты соответствующих семантических полей наверняка могут быть использованы в качестве вокативов хотя бы во множественном числе в письмах, адресованных какому-либо коллективу лиц или представителям той или иной профессии.

Экстраполировать аналогичным образом можно и собственные имена. Тогда создавать специальные теоретические построения относительно номенклатуры вокативов в первых двух ипостасях этого конструктивного параметра писем, т. е. номенклатуры антропонима и апеллятива, особого смысла, по всей вероятности, нет, а определён-

ный интерес в этом плане могут вызвать, на наш взгляд, лишь различные модификации лексической составляющей соответствующего эпистолярного вокатива, характерные для письменного общения, в том числе и различного рода сокращения и аббревиация, используемые только в письмах (*Ал-др; г-н; А. М.* и т. п.), а также используемые как в письмах, так и при устной коммуникации (*В. В.; Ник. Ник.* и т. п.), хотя зачастую и в различном их субстанциональном представлении.

Имеет эпистолярный вокатив, наряду с практически не регламентируемой организацией его структуры и спецификой детерминации его компонентов, ещё ряд особенностей, определяющих его особую роль в письменном послании и отличающих его от остальных конструктивных параметров письма. Он может, как уже отмечалось, быть прямым и опосредованным, может быть адресован одному лицу, нескольким конкретным лицам, какому-то производственному или иному коллективу, учреждению. Вокатив может включаться в письмо несколько раз и быть не только рамочным, когда он начинается и завершает послание в составе заключительной этикетной формулы в полном своём виде (*Почтенный Павел Христофорович!* в письме А. П. Ермолова П. Х. Граббе [Переписка А. П. Ермолова., с. 530–531]) или в сокращённом при замыкании рамки (*мой дорогой, любезнейший Евгений Петрович!* и *Евгений Петрович* в письме И. И. Горбачевского Е. П. Оболенскому [Горбачевский, с. 162–163]), но и рассеянным, когда адресант неоднократно обращается к своему адресату в тексте самого письма, как это имеет, например, место в больших по объёму письмах, требующих переключения внимания адресата, в полемических письмах или в письмах с особой эмоционально-экспрессивной нагрузкой, близких по своей стилистике живому общению людей. При этом часто имеет место варьирование и всей вокативной конструкции, и только отдельных её компонентов.

Специфично и собственно коммуникативное задание эпистолярного вокатива, не выходящее, как правило, за рамки удовлетворения контактоустанавливающей потребности адресанта, а то и вообще допускающее формальное (но только формальное!) игнорирование этой потребности, когда обращение в силу тех или иных причин опущено и опущено не только в специфических и форсированных посланиях типа упомянутого письма В. Г. Белинского Н. В. Гоголю, но и в массе как частных, так и деловых писем очень многих оказавшихся в нашем поле зрения адресантов.

Жанрообразующие конструктивные параметры писем, включая адресацию, тоже чрезвычайно разнообразны, и у каждого, кто пишет, может в этих параметрах появиться, а очень часто фактически появляется что-то своё, непредсказуемое и неповторимое, тем более если сам адресант – личность значительная, с уже сформировавшейся жизненной позицией, к тому же ещё и владеющая пером. Думается, тем не менее, что указать, как, когда и какими именно лингвистическими фигурами письменного общения оперирует та или иная конкретная языковая личность (А. С. Пушкин, А. П. Чехов, М. Горький...), в принципе возможно: её эпистолярное наследие, будь то частная или деловая переписка, будь то неотправленное послание или письмо, предназначенное для публикации, в том числе и письмо открытое, может быть доступным и даже обозримым в полном своём объёме. Описать же все частности в системе конструктивных параметров письма вообще, безотносительно к переписке каких-то конкретных лиц нам не представляется возможным не только в силу объективной невозможности обозреть всю русскую эпистолярику, но и потому, что сами лингвистические фигуры, в которых воплощены эти параметры, тоже чрезвычайно разнообразны и, следовательно, не регламентированы какими-то рамками относительно характера этих фигур, их объёма и приемлемой комбинаторики. Вот, например, как в зависимости от той или иной коммуникативной ситуации или собственного, по-видимому, настроения позволяет себе А. П. Чехов обращаться в письмах к своему брату Александру: *брат наш мерзавец Александр Павлыч; карантинно-таможенный Саша; таможенно-карантинный человек; милейший Александр Павлович г. Чехов; Ваше Целомудрие; бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати; Отче Александре; Велемудрый секретарь; лжедраматург, которому мешают спать мои лавры; Инфузория; европейский брат; пожарный Саша* [Чехов, т. 11, с. 33, 64, 85, 92, 112, 243, 249, 313, 344, 396, 443, 540]; *сын А ла тремонтана; Владыко; любезный Никанор Гаврилович; Высокочтеннейший братец; добрый брат; глубокомысленный Саша; седой братец* [Чехов, т. 12, с. 20, 62, 155, 214, 239, 266, 358] и т. п.

Здесь и сочувствие, и ирония, и признаки упрёка, и готовность оказать помощь, и, как ни странно, самые разные формы выражения привязанности и доброжелательности.

Подобная картина и в письмах многих других адресантов при обращении к близким им людям. Вот как обращается И. Э. Бабель в письмах к Т. В. Кашириной: *мой милый, чудный, любимый друг; Тама-*

ра, утешение моё на земле; дитя, дочь, внучка моего сердца; Таратуточка, милая дамочка, воздушная красавица, трибун моей жизни; милый друг Каширочка; милая бабочка; уважаемая красавица средних лет; глупое моё солнце; уважаемый трибун; уважаемая корреспондентка; дорогая мученица; озябшая моя московская душа; уважаемый феномен; любезный инвалид; необыкновеннейшая дура; милая Царско-сельская узница [Бабель, с. 11, 12, 30, 36, 45, 62, 73, 75, 76, 84, 88, 90, 92, 92, 95, 118] и т. п.

Подобная же картина и с остальными конструктивными параметрами письма, и в частности с лингвистическими фигурами заключительной части послания, сопутствующими подписи или какой-либо иной маркировке адресанта, если таковая вообще имела место. Например, в тех же письмах И. Э. Бабея Т. В. Кашириной концовка включает не только традиционные формулы прощания, но и самые разнообразные этикетные клише, зачастую широко варьируемые, включающие пожелания или сопровождаемые обращениями к адресату: *Ну, до свиданья, милая далекая родная моя Тамара. И. Б.; Как смешно я пишу, черт со мной, а с Вами бог, любовь моя. И. Б.; До свидания, душенька. Будьте толстая, веселая, глупая и не живите духовной жизнью. Любящий Вас член союза Работпрос № 3929. И. Б.; Спокойной ночи, Татушенька. Ваш И. Б.; Дайте мне прекрасную Вашу руку, Татушенька, до свидания, до завтра. Будьте веселы, как жеребенок на лугу, и не забывайте преданного Вашего друга. И. Б.; Ваш презренный И. Бабель; Будьте благословенны. Ваш И. Бабель; Ваш любящий Вас И. Б.; Целую милые твои руки и толстовский твой нос особенно. Твой И. Б.; Итак, до завтра, милый мой дружок. Твой И. Б.; Гостям твоим поклон, а тебе тысяча поклонов. Твой И. Б.; До свиданья, душечка, будем рассчитывать – до скорого. Твой И. Б.; Будь счастлива, милая дура. Твой И. Б.; Итак, цветы, милый друг, мы еще развернем дела. Твой И. Б.; С совершенным уважением И. Б.; Целую тебя крепко, милая душа моя. И. Б.; Будь благополучна, дружок мой, со всеми твоими чадами. И. Б.; Кланяюсь всем вам низко, тысячу раз. Твой И. Б.; До скорого свидания. Будь счастлива ты и потомство твое!!! Твой И. Б.; Поклон всем чадам моим и домочадцам. Твой И. [Бабель, с. 16, 20, 27, 29, 30, 43, 44, 44, 58, 61, 70, 83, 94, 102, 103, 104, 119, 121, 126, 128] и др.*

А вот как подписывал свои письма Б. Г. Пантелеймонову И. А. Бунин: *Ив. Б.; Ваш Ив. Бунин; Граф Иван Тонкий; Ваш Старичок; Неприличный Карикатурист NN; Ваш Доброжелатель; Ваш Па-*

хом Манделеевич; Иван Терибль; Почётный Академик Российской Императорской Академии Наук; Иван Иванович; С совершенным почтением Иван Алексеевич; Сухово-Кобылин; Ваш благодетель; Князь Буй-Горбунец; Действительный статский советник Ефедрин Адренолинович Астмов; Ваш Ванин; Иван Бунин, Граф Уваров; Агафон Пушкарёв (в письме приведены цитаты из стихотворений А. С. Пушкина и бунинская пародия на них); Ваш NN; Ваш Демон; Описатель природы, тяжело страдающий без Сталинградской России; Ваш Иван Лебедев-Кумач; Известный не только Вам, но и всем «Великий»; Жоган Геме; Ваш Невозвращенец; Лауреат; маркиз de Fournel [Бунин, т. 15, с. 8–46].

Способ самономинации как подписи в разных случаях мотивирован либо содержанием письма, либо актуальными событиями в жизни адресанта, либо его отношениями с адресатом. Мотивация может иногда прочитываться только в контексте всего эпистолярия автора: например, к Борису Григорьевичу Пантелеймонову в разное время И. А. Бунин обращался, обыгрывая его фамилию: *Пантелей Менделевич; Пантелей Пантелеевич* [Бунин, т. 13, с. 185, 200], *милый Ермак Пантелеич; милый, дорогой Менделеймонович* [Бунин, т. 15, с. 11, 12] – и та же самая ономастическая игра продолжается самономинацией в подписи *Ваш Пахом Манделеевич* [Бунин, т. 15, с. 12]. В некоторых случаях характер наименования адресанта коррелирует с начальным вокативом письма, так, в одном из посланий Бунин обращается к Пантелеймонову *Дорогой Васин!* (по фамилии персонажа одного из произведений адресата), а подписывается фамилией, производной от своего имени: *Ваш Ванин* [Бунин, т. 15, с. 22]. Для понимания номинации бывает необходима дополнительная информация о той апперцепционной базе участников эпистолярной коммуникации, которая складывалась на протяжении всего их взаимодействия.

Ещё пример. Рэм Георгиевич Баранцев подписывал некоторые свои письма, обыгрывая имя Рэм: *Ваш Рацио-Эмоцио-Мифицио Георгиевич; Рацио-Эмоцио-Мистицио; Рэмуля-хромуля; R and Co* [Баранцев, с. 215, 396, 382, 235]; сопровождая или заменяя имя разнообразными самохарактеристиками: *Твой счастливый мученик Рэм; Твой неписатель и не-художник, но душевно близкий, Рэм; Профессор ЛГУ и ДВГУ. Доктор, лауреат и вообще; Старый авантюрист; Владелец питерской квартиры; 5x6+веник* [Баранцев, с. 327, 346, 378, 384, 388, 386] и т. п.

Сколько-нибудь полная номенклатура частного представления всех или даже только что нами проиллюстрированных конструктивных параметров письма с их конкретным лексическим наполнением просто невозможна и невозможна уже в силу того, что всё множество писем, написанных на русском языке, или даже хотя бы значительная в процентном отношении их часть исследователю недоступна и таковой, по-видимому, останется. Отсюда и наша установка на определённого рода обобщения и выделение наиболее характерных и значимых для русской эпистолярки в целом её жанрообразующих параметров, в том числе и тех, которые связаны с адресацией.

Общие принципы и вся конкретика эпистолярной адресации, касающиеся в том числе и построения вокативных фигур, чётко и наглядно проявить себя могут только в достаточно большом массиве писем, причём разных адресантов и адресованных разным адресатам. Такой массив был нами сформирован, исходя из следующих принципиальных соображений.

Чем больше количество писем и разнообразнее их адресанты и адресаты, тем надёжнее получаемые результаты. При этом, однако, по определению невозможно охватить всю переписку на русском языке, и даже любую заранее заданную часть её общего объёма. Поэтому мы остановились на обозримом и интерпретируемом в пределах одной монографии материале, который включает в себя более 20 000 писем, так или иначе опубликованных, а значит, и доступных для исследования. Эти письма представлены двумя выборками: общей, или **генеральной** (мы называем её генеральным массивом), в которую мы выборочно включили уже отобранные тем или иным издательством письма 26 адресантов, причём письма каждого адресанта содержали не менее 100 вокативов, и **спонтанной** примерно такого же объёма, в которой фиксировались отдельные вокативные образования как нормативного, канонизированного характера, так и нечто специфическое, сугубо индивидуальное.

При формировании генерального массива мы специально не включали в него все письма тех адресантов, у которых их количество составляло существенно больше 1000 единиц (Л. Н. Толстой, П. И. Чайковский, А. П. Чехов и др.), поскольку нам пришлось бы говорить не о вокативах в переписке вообще, а о вокативах в переписке соответственно отдельных адресантов, причём по сравнению со всеми лишь небольшой их части. В итоге мы получили в генеральной выборке вполне сопоставимые, на наш взгляд, количественные показате-

ли характера обследованного нами эпистолярного материала, которые мы и приводим в следующем разделе.

3.2. Общий корпус русских вокативных образований

3.2.1. Базовые модели вокатива

Вокатив в письме – это адекватная реализация контактоустанавливающей потребности, субстанциональное закрепление самой естественной и наиболее эффективной лингвистической фигуры, с которой начинается дистанционное общение. В нём и прагматика, и этика, и ритуал, и стилистика, и экспрессия, и даже, как уже было отмечено, анонс характера последующего текста. Отсюда, по-видимому, удивительное богатство и разнообразие форм авторской адресации и в частности обращения, ядром которого может быть антропоним, апеллятив и та или иная вокативная конструкция, представляющая собой сочетание антропонима и апеллятива. Каждый из указанных стержневых компонентов обращения, а соответственно и вокатива мы квалифицируем как его базовую модель. В сумме же эти три модели как вокативные фигуры при их лексическом развёртывании и наполнении образуют комплекс русского эпистолярного вокатива как в его структурном, так и в функциональном плане. Рассмотрим этот комплекс.

1. **Антропоним**, т. е. собственное имя в самом разном его материальном выражении – от инициалов до полного представления фамилии имени и отчества, в том числе антропоним-прозвище, антропоним расширенный, сопровождающийся различного рода определениями (*Дорогой Н. Д.* [Горький, т. 30, с. 10]; *Серёжа* [Толстой, т. 17, с. 40]; *Митрич* [Бунин, т. 11, с. 272]; *милый Молочников* [Толстой, т. 18, с. 497]; *Многоуважаемый Пётр Николаевич* [Толстой, т. 17, с. 490]; *Альтер* [Баранцев, с. 357] и т. п.), антропоним, представляющий собой любую модификацию собственно имени (О. Э. Мандельштам, например, в письмах называет свою жену Надежду: *Надя, Надик, Надинька, Надька, Надюшок, Надичка, Надюшка, Нануша, Нанушка, Наночка, Някушка, Надёньши* [Мандельштам, с. 45–90]), и антропоним искусственный, созданный и употребляемый данным адресантом (*Каширочка* (от фамилии Каширина) [Бабель, с. 41]; *дорогой Пан-Телей* (Пантелеймонов) [Бунин, т. 15, с. 26], *Федореско* (Фёдоров) [Бунин, т. 12, с. 86]; *дорогой Патриот Патриотович* [Бунин, т. 15, с. 8] и т. п.), а также оним любого класса (мифоним,

ороним и т. д.), употреблённый в функции антропонима (*милый и почтенный Асмодей* [Пушкин, с. 69]; *дорогой Монблан* [Бабель, с. 102] и т. п.);

2. Любой **апеллятив**, как одиночный, так и с различными детерминантами, призванный установить контакт с адресатом (*Многоуважаемый молодой человек* [Горький, т. 30, с. 208]; *Гражданин редактор* [Булгаков, с. 211]; *Милые соотечественники* [Бабель, с. 242]; *Мой друг барон* [Пушкин, с. 201]; *Дорогой мой человечина* [ПГ, т. 1, с. 253] и т. п.), в том числе и отступающий от реалий, касающихся личности адресата, как это, например, имеет место в письмах А. С. Пушкина Н. Н. Пушкиной, к которой он обращается *царица моя*, или В. А. Жуковскому, которого он именует *отче* [Пушкин, с. 576, 173]. А. П. Чехов обращается к Л. С. Мизиновой и *милая девочка*, и *блондиночка*, и даже *кукуруза души моей* [Чехов, т. 11, с. 561, 565, 559].

Особым подмножеством вокативных апеллятивов являются контактивы, т. е. слова преимущественно с функцией установления контакта, специфика которых, как уже отмечалось, заключается в том, что, будучи вокативами или входя в вокативную конструкцию, они не несут практически никакой эмоциональной нагрузки, не указывают на личностные характеристики адресата и практически в равной степени могут быть использованы при письменном обращении как с позитивной, так и с негативной, а также и абсолютно нейтральной целевой установкой адресанта того или иного послания. Функционально контактив сближается с регулятивом, в силу чего с ним, как правило, не совмещается. Можно встретить что-нибудь вроде *Сообщите мне, милостивый государь, о своих планах* или *Сообщите мне, сударыня, о своих планах*, с одной стороны, и *Хотелось бы, брат, поговорить на эту тему подробнее* или *Хотелось бы, друг мой, поговорить на эту тему подробнее*, с другой, но конструкции типа *Сообщите мне, милостивый государь, брат, о своих планах на лето* и подобные им практически не встречаются. И если позиция регулятива обычно в тексте письма, то контактив чаще всего предшествует посланию, позиционно тяготея к его началу.

Иногда, правда, очень трудно провести чёткую границу между антропонимом и апеллятивом, апеллятивом и прозвищем, толкуемым как название, данное человеку в шутку, в насмешку и т. п. и обычно содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п. [МАС, т. 3, с. 487] в особенности тогда, когда адресант и только адресант персонифицирует те или

иные апеллятивы, используя их в письмах исключительно к сугубо конкретным лицам. Обращаясь в письме к своему брату, А. П. Чехов может назвать его *инфузорией* [Чехов, т. 11, с. 396], и какую-то связь между таким названием и личностью адресата, принимая её или не принимая, установить, по-видимому, можно при толковании указанного апеллятива как обозначения чего-то примитивного. Но нужно приложить немало фантазии, чтобы мотивировать такие, например, обращения к О. Л. Книппер, как *милая собака, лошадка, милая моя конопляночка* [Чехов, т. 12, с. 464, 510, 533] и т. п. В письмах К. Г. Паустовского по отношению к одному и тому же адресату неоднократно употребляются вокативы *Кролик, Крол, Кролёнок* [Паустовский, с. 57–70]; другой адресат получает имена: *Зверь, Зверушка, Зверуня, Звэра, Зверунья* [Паустовский, с. 142–169], причём сам автор варьирует написание таких лексем с прописной или строчной буквы. Трудно такого рода наименования как-то связать с личностными качествами адресата (адресант такую связь, может быть, и устанавливает) и отнести их к прозвищам.

Думается, что логичнее всего квалифицировать подобные вокативы всё же в качестве апеллятивов, апеллятивов особого рода, которые могут в каких-то коммуникативных ситуациях функционировать как собственные имена или их аналоги. Общий же принцип работы в нашем исследовании с такого рода вокативами заключается в следующем: собственные имена, все их производные и модификации, а также искусственные авторские образования, не вошедшие в широкое употребление, квалифицируются в качестве антропонимов; нарицательные имена существительные, все их производные и модификации независимо от возможности их персонификации квалифицируются как апеллятивы.

3. Комбинация антропонима и апеллятива, образующая какую-либо вокативную конструкцию (*Любезный Брат Миша* [Чехов, т. 11, с. 5]; *Милостивый государь Алексей Сергеевич* [Чехов, т. 11, с. 73]; *Дорогой товарищ Скороходова* [Горький, т. 30, с. 334] и т. п.). Это может быть апеллятивно-антропонимическая формула (термин В. И. Супруна [Супрун, 2001]), используемая преимущественно в официальном общении и построенная по модели: господин + фамилия, товарищ + фамилия и т. п., но возможно и любое другое, иногда самое неожиданное сочетание апеллятива и имени адресата: *милочка Тамара* [Бабель, с. 109]; *Дорогой мой одуванчик Наталья Владимировна* [Ремизов, с. 142].

Это очень интересная вокативная фигура, в которую антропони́мы и апеллятивы могут входить в том же материальном оформлении, в каком они функционируют как отдельные обращения, но могут употребляться и лишь в каких-то своих отдельных, в особенности если речь идёт об антропонимах, формах, установленных определёнными этическими нормами, а также характером сопутствующих антропониму апеллятивов. Трудно себе представить, например, обращения типа *господин главный редактор Коля* или *милостивый государь Николаевич* и даже *господин Николай Васильевич*. Нам, во всяком случае, такого рода вокативные образования не встретились, хотя мы допускаем, что абсолютного табу на них нет. Статистической нормой при комбинации антропонима и апеллятива является постпозиция антропонима.

Выбор какой-либо одной из описанных трёх базовых вокативных фигур едва ли можно связать с прагматикой отношений адресанта и адресата, во всяком случае нередко в переписке одних и тех же лиц встречаются разные типы адресации. Вот, например, как, используя и комбинируя антропони́мы и апеллятивы, обращается М. П. Мусоргский в письмах к А. А. Голенищеву-Кутузову: *Арсений Аркадьевич; милейший граф Арсений Аркадьевич; милейший; Ваше сиятельство; милый мой Арсений; мой милый друг Арсений; родимый; господин Граф; друг; друг мой; дорогой мой Арсений* [Мусоргский, с. 148–215]. Здесь, как мы видим, налицо практически всё из указанного: антропоним в различных вариантах (имя, имя и отчество), апеллятив *друг*, титулование *Ваше сиятельство*, субстантивированный адъектив (*милейший, родимый*), разного рода вокативные конструкции, сочетающие контактив и титул (*господин Граф*), антропоним и апеллятив с теми или иными детерминантами.

У каждого адресанта нередко можно встретить что-то своё, оригинальное и специфическое, противоречащее общей статистике и выходящее за рамки установившейся традиции, тем более если адресант – неординарная личность. И речь прежде всего должна, по-видимому, идти не столько о конкретике, о форме регулярно используемого или предпочитаемого адресантом антропонима (имени, имени и отчества или, скажем, только фамилии), не столько о характере соответствующего апеллятива (*голубчик, любезный, милый мой, коллега, сударыня* и т. п.), сколько о выборе той или иной из трёх указанных выше лингвистических фигур, являющихся базовыми составляющими русского эпистолярного вокатива, и только после этого о лексическом её на-

полнении. И уже здесь мы сталкиваемся не только с некоторыми, мягко говоря, отклонениями от общих статистических показателей способов адресации, но и с абсолютными их контрастами.

Рассмотрим теперь указанные три базовых модели вокатива подробнее.

3.2.2. Антропоним в функции эпистолярного вокатива

Собственное имя адресата в том или ином его представлении, – самый обычный, самый распространённый и, пожалуй, наиболее варьируемый тип эпистолярного вокатива, варьируемый не только в смысле выбора любой из шести основных функционирующих при общении людей форм его представления: 1) имя; 2) имя и отчество; 3) имя и фамилия; 4) имя, отчество и фамилия; 5) фамилия; 6) отчество (седьмая из теоретически возможных форм, т. е. отчество и фамилия, нам не встретилась, да и вообще она вряд ли возможна в качестве более или менее регулярной), – но и в смысле реализации всевозможных модификаций соответствующего антропонима, особенно личного собственного имени, фамилии, а также имени и отчества, включая различного рода аббревиации (*Д. А.* (Далмат Александрович), *А. П.* (Алексей Павлович) [Горький, т. 30, с. 6, 9], *Б.* (Боткин) [Белинский, т. 11, с. 465]), сокращения (*Ал. Ив.* [Тютчев, с. 450], *На? Ва?; Гр. Ник. и Ник. Ник.* [Хлебников, с. 164, 188], *Ник. Сам.!* [Горький, т. 28, с. 381], *Евгъ* [Чуковский, т. 14, с. 464]) и спонтанные словообразовательные экспромты, в том числе и не вошедшие даже в узкоспециализированные словари, словари русских личных имён. И если, например, в «Словаре русских личных имён» Н. А. Петровский у имени *Лилия* фиксирует только семь его вариаций, или, как он это называет, производных: *Лиля, Лиля, Лилюня, Лилюся, Лилюха, Лилюша, Лиля* [Петровский, с. 142], – то, скажем, В. В. Маяковский, обращаясь в своих письмах к Лилии Брик, намного разнообразнее и вообще использует иные производные от её имени, называя своего адресата *Личика, Лилик, Лилёнок, Лилёночек, Лилёк, Лилятик, Лилёчек, Лилик, Лисятик, Линочек, Личик*, а также *Лучик, Лисик, Лисёк, Лисёныши, Лисит, Лисятитик* и т. п. [ЛН, с. 111–174].

То же самое мы встречаем в письмах Ф. Э. Держинского своей сестре Альдоне, имя которой он варьирует так: *Альдонка, Альдоночка, Альдонусь* [Держинский, с. 54, 55, 175]. Н. С. Гумилёв называет Анну Ахматову *Аника*, а Ларису Рейснер – *Лери* [Гумилёв, с. 172, 197].

К. Г. Паустовский обращается к Николаю Николаевичу Никитину *Дорогой Ник Никльби* [Паустовский, с. 240], а в письмах жене Татьяне называет её: *Танюша, Танок, Танька, Танюшок, Тануш-Тануш, Танка, Таню,-Танюша, Тань, Тань-Тань, Тануша, Танюшка, Танушка, Танюш, Танюха, Танечка, Танюшенька* [Паустовский, с. 270–327]. В письмах И. Э. Бабеля находим следующие модификации имени Тамара: *Тату, Татушенька, Таратута, Таратуточка, Татуша* [Бабель, с. 54, 43, 68, 27, 124].

А. Погорельский в письмах к своему племяннику Алексею Толстому называет его: *Алёша, Алёшка, Алёшинька, Алёшечка, Алехашка, Алеханчик, Алеханочка, Ханчик, Ханочка, Хануля, Хашка* [Погорельский, с. 416–430].

И здесь, как мы видим, могут быть самые различные, практически непредсказуемые модификации, спрогнозировать и отследить которые лексикография, конечно же, не в состоянии. А. Блок, например, в письмах Л. Д. Блок может обратиться к ней *моя маленькая Бо* и *моя маленькая Бу* [Блок, с. 469, 496]. М. А. Булгаков называет свою жену Елену Сергеевну не только полным именем *Елена*, но и *Люсенька, Люси, Люкси, Лю, Ку, Купа, Куква, Кукочка, Клюник, Купик* [Булгаков, с. 617–635]. У А. М. Горького в письме В. В. Иванову есть спонтанное образование «*Сиволод*» – фонетический вариант имени Всеволод [Горький, т. 30, с. 352].

Подобного рода производные встречаются в эпистолярике не только от личных имён, но и часто от фамилий, в том числе и от фамилий, уже чем-то заменённых. М. Ю. Лермонтов в письме А. И. Бибикову называет своего адресата *милый Биби* [Лермонтов, с. 625]; В. А. Жуковский называет Н. В. Гоголя *любезнейший Гоголёк* и *мой милый Гоголёк* [Жуковский, с. 527, 530], а Н. И. Гнедича – *любезнейший Гнедок* и *любезный Гнедко*, а также, обращаясь к нему, образует отчество от имени Гомер: *мой милый Николай Гомерович* [Жуковский, с. 574, 587, 592]. С. А. Ауслендер обращается к Н. С. Гумилёву *милый Гуми* [Гумилёв, с. 240]; А. П. Чехов может обратиться к своему брату не по его фамилии, а образуя вымышленные фамилии – производные от существительного *гусь*, таким, скажем, образом: *Гусев, Гусиных, Гусиади* [Чехов, т. 11, с. 148, 151, 190]. А в письмах другу семьи Чеховых Л. С. Мизиновой обращается к ней не только по её имени *Лица*, но и по имени одного из персонажей трагедии Гильпарцера «*Сафо*» – *Мелита* [Чехов, т. 11, с. 544]. А. М. Горький в письме Л. А. Сулержицкому употребляет вокатив

Милый мой Сулер [Горький, т. 29, с. 118], прибегая, таким образом, к модификации, довольно часто используемой и при устном общении. В. П. Астафьев, обращаясь к жене и детям, называет детей производным от своей фамилии *астафьята*: *Дорогая Маня и астафьята, здравствуйте!* [Астафьев, с. 38].

Специальные словари соответствующих вариаций русских фамилий нам не встречались. Нет, очевидно, лексикографических изданий с различными модификациями и отчества как части русского полного имени, но это уже в силу сугубо объективных причин и прежде всего в силу отсутствия необходимого для таких изданий объёма фактического материала.

Рассматривать отдельно каждую из таких модификаций как особое структурное звено антропонима вряд ли целесообразно, поскольку даже спрогнозировать их полную номенклатуру просто невозможно, и в письме соответственно, как и при устном общении, может быть практически любое представление собственного имени как с положительной, так и с негативной коннотацией, усиливающей или ослабляющей по воле адресанта ту, которая может уже содержаться в соответствующем антропониме. Например, М. П. Мусоргский в письмах называет Н. А. Римского-Корсакова производным от его фамилии *Корсинька* [Мусоргский, с. 70–72, 75–78 и др.], И. Э. Бабель образует вокатив *Зозулечка* от фамилии Зозуля [Бабель, с. 181]. М. П. Чехова в письме обращается к И. А. Бунину: *милый Букишончик* [Бунин, т. 13, с. 70], образуя дериват от прозвища *Букишон*, данного Бунину А. П. Чеховым. Чехов в одном из писем к своей жене О. Л. Книппер ласково называет её *Книпуша* [Чехов, т. 12, с. 489].

Все субстанциональные вариации конкретного имени как конструктивного параметра письма сводятся нами в один класс собственных имён, входящий, наряду со всеми иными онимами такого же типа, в общую систему русского эпистолярного вокатива, а значит, и в соответствующее множество или подмножество вокативных конструкций с доминантой, представленной одной из шести указанных выше форм антропонима. Однако в качестве антропонима может функционировать в письмах не только собственно имя или фамилия, но и прозвище, псевдоним и, надо полагать, практически любой апеллятив, если он персонифицирован и именуется конкретным индивидуумом, как это и принято в лингвистике [Ахманова, с. 175], безотносительно к его качествам как личности, без установления соответствия между лекси-

ческим значением апеллятива и характером, особенностями именуемого им лица.

Собственное имя в той или иной его форме, в том или ином его субстанциональном представлении – это, как уже было отмечено, самый распространённый, причём в письмах разного назначения и разного жанра, вокатив, и лишь некоторые из основных форм соответствующего антропонима, такие, в частности, как, с одной стороны, имя, фамилия и отчество, с другой стороны, имя и отчество статистически (и только статистически) всё же тяготеют к той или иной жанровой разновидности письменного послания.

Вокатив, выраженный личным именем, характерен прежде всего для писем к родственникам, друзьям и близким людям. По имени *Иван* обращается А. В. Суворов к своему родственнику И. П. Суворову [Суворов, с. 101]. А. М. Горький обращается по имени к Ф. И. Шалапину [Горький, т. 28, с. 174, 389, 391 и др.]. Встречается такой вокатив и в письмах к незнакомым и малознакомым лицам, когда адресант сочувствует тому, кому пишет, хочет в силу тех или иных обстоятельств показать своё расположение к адресату или демонстрирует в той или иной форме свою готовность перейти к более доверительным с ним отношениям или, наоборот, прекратить их. Могут при этом параллельно обсуждаться и вопросы профессионального и личного характера, как это имеет, например, место в письмах А. М. Горького Л. Н. Андрееву, к которому чаще, чем к другим писателям, адресант обращается только по имени – *Леонид* [Горький, т. 29, с. 191, 199, 234, 242]. Более того, и в некоторых письмах А. М. Горького другим лицам, например К. П. Пятницкому, Л. Н. Андреев называется тоже только по имени [Горький, т. 29, с. 28–29].

А вот как называет своего брата Юлия Алексеевича Бунина в письмах к нему И. А. Бунин: *дорогой Юринька; милый Юринька; драгоценный Юринька; Юричка; милый, незаменимый мой, дорогой мой Юричка; милый и дорогой Юлинка; дорогой Юлий; мой милый и уважаемый Юринька; милый, родимый Юричка; Юынка; драгоценный Люкася; Юлий; милый, дорогой Юрий* [Бунин, т. 11, с. 14, 18, 19, 98, 147, 183, 184, 189, 210, 219, 246, 278, 292] и т. д.

Очень часто личное имя как обращение начинает фигурировать только после довольно продолжительной переписки коммуникантов, в первых письмах сопровождавшейся каким-то иным, более официальным обращением. Происходит это тогда, когда деловые и партнёрские

отношения переписывающихся перерастают в отношения дружеские, а иногда и в более значимые, как это можно зафиксировать в большинстве обследованных нами писем мужчины женщине, фиксирующих определённые этапы становления и развития их отношений. При этом антропоним может приобрести новое качество, будучи своего рода производной от того или иного апеллятива. Так, например, если в первых письмах А. П. Чехова О. Л. Книппер всего лишь вежливый вокатив *милая актриса* [Чехов, т. 12, с. 319, 348, 354] или комплиментарные вокативы *милая актриса, хороший человек; милая актриса, очаровательная женщина* [Чехов, т. 12, с. 327, 342], а то и вообще отсутствие обращения [Чехов, т. 12, с. 299, 303], то в разгар их переписки появляются вокативные конструкции типа *Милая моя Оля, радость моя; Милюся моя ангел мой*; а затем и поливокатив *собака Олька ... дуся ... Олька* [Чехов, т. 12, с. 380, 381, 407].

Аналогичная ситуация, правда, ситуация довольно редкая, – это вокатив, обозначенный только фамилией, к которому тоже прибегают в переписке с близкими по духу и хорошо знакомыми людьми, когда мало времени и нет необходимости особо церемониться. По фамилии обращается А. С. Пушкин к В. Ф. Раевскому [Пушкин, с. 34], П. В. Анненков к И. С. Тургеневу [Анненков, т. 1, с. 22, 23, 42 и др.]. Вокативом *Канищев!* начинается, например, письмо А. В. Суворова своему управляющему [Суворов, с. 59]. С фамилии как вокатива начинаются письма А. И. Герцена Н. И. Астракову и В. Г. Белинскому, есть такое обращение и в тексте его письма Н. П. Огарёву [Герцен, с. 285, 309, 299]. Выполняет фамилия функцию обращения в письме Л. Н. Толстого Н. А. Некрасову [Толстой, т. 17, с. 181] и, скажем, в письме В. В. Маяковского художнику А. М. Родченко [Маяковский, с. 65]. Довольно часто при этом фамилия как вокатив всё же сопровождается тем или иным определением, своего рода постоянным эпитетом: *мой любезнейший, дорогой Пуцин; мой любезный Оболенский* [Горбачевский, с. 141, 142]; *мой милый Щербатов* [Якушкин, с. 204]; *дорогой Оцуп* [Гумилёв, с. 220]; *дорогой Иванов; мой дорогой Цвейг* [Горький, т. 29, с. 406, 428]; *уважаемая Каширина* [Бабель, с. 78]; *милый Берестов* [Чуковский, т. 15, с. 349].

Фамилия как вокатив может использоваться также собирательно, при обращении к членам одной семьи: *Дорогие Смоличи* [Паустовский, с. 457], *Здравствуйте, Черненки* [Астафьев, с. 20] и т. п.

Ещё реже русский эпистолярный вокатив выражен в форме имени и фамилии, форме, малохарактерной для письменного обраще-

ния в прошлом и предыдущих столетиях. Мы зафиксировали такое обращение (*Мирон Антонов*) только в одном письме А. В. Суворова своему крепостному [Суворов, с. 101]. Встретился нам такой вокатив и в письмах А. А. Фадеева именно лицам не восточнославянской национальности: М. Е. Маркарян – *Дорогая Маро Маркарян!* и Л. Стоянову – *Дорогой Людмил Стоянов!* [Фадеев, с. 562, 565], а также в письме Л. Н. Толстого Генрику Сенкевичу [Толстой, т. 18, с. 401], в письмах А. М. Горького Стефану Цвейгу, Ромэну Роллану и Бернарду Шоу [Горький, т. 29, с. 416, 413, 345], в письмах К. Г. Паустовского Назыму Хикмету [Паустовский, с. 412], В. П. Астафьева Николо Христову [Астафьев, с. 243]. Эпизодично, обычно тогда, когда адресант не знает отчества адресата, имя и фамилия как вокатив встречается и в письмах лицам с русскими именами, например, в письме А. М. Горького, которому предпослан опосредованный вокатив *Галине Грековой* [Горький, т. 30, с. 336], или в письме В. П. Астафьева с начальным обращением: *Дорогая Ирина Стрелкова!* [Астафьев, с. 186]. Такого рода обращения, как правило, детерминируются и включаются в состав более объёмной вокативной конструкции. Иногда адресант в извиняющейся манере поясняет вынужденное использование данной формы антропонима, нетрадиционной в вокативном употреблении: *Ивану Шмелёву – извините, – отчество Ваше забыл!* [Горький, т. 29, с. 109]; *Павлу Максимову, – сообщили бы отчество, неловко писать – Павлу* [Горький, т. 29, с. 168]; *Льву Никулину (Отчества не знаю по его вине)* [Горький, т. 30, с. 199]; *Дорогой Евгений Лебедев! (Извините, что запямятовал Ваше отчество)* [Астафьев, с. 183].

А. П. Чехов использует имя и фамилию Виктор Крылов (*Новый Виктор Крылов!*) как обращение к своему брату Ал. П. Чехову с определённым, разумеется, подтекстом [Чехов, т. 11, с. 333].

У К. И. Чуковского обращение к Е. А. Благиной объединяет имя и производное от фамилии: *Милая Леночка! Дорогая Благиша!* [Чуковский, т. 15, с. 606]

Самый, пожалуй, низкий уровень регулярности в системе антропонимов русского эпистолярного вокатива у вокатива, выраженно-го полным трёхкомпонентным именем, т. е. именем, отчеством и фамилией. Однако здесь иные, чем при обращении по имени и фамилии, предпосылки. Полная форма имени употребляется в составе опосредованного вокатива, реализующего метатекстовую адресацию в официальных и частно-деловых письмах, как, например, в письме

В. Хлебникова: *Роста. Владимиру Владимировичу Маяковскому* [Хлебников, с. 204].

Опосредованный вокатив с переводом имени адресата в позицию субъекта высказывания включён А. П. Сумароковым в состав заключительной этикетной формулы письма, и трёхкомпонентная форма имени, реализующая вокатив, в данном случае подчеркивает почтительное отношение автора послания к своему адресату – секретарю Екатерины II Г. В. Козицкому: *А я в честь себе то почитаю, что меня любит и почитает Гр. Вас. Козицкий, которого есмь покорнейший слуга и верный друг А. Сумароков* [ПРП, с. 123].

В одном из писем М. П. Мусоргского полное трёхкомпонентное имя в составе опосредованного вокатива в зачине письма реализует совершенно иную стилистику. Формула *Вещему Володимиру Васильевичу Стасову от Мусорянина послание* [Мусоргский, с. 136], задаёт шутливо-приподнятый тон всего письма, и этот тон поддерживается использованием устаревшего фонетического варианта имени Владимир и внутритекстовыми обращениями *мой дорогой вещун, мой вещун*.

Очень редко трёхкомпонентная форма имени реализует прямое обращение к адресату: *Дорогой Пётр Васильевич Митурич* [Хлебников, с. 213]. Такая форма удобна, когда адресат групповой – семья, обозначаемая сначала собирательно, по фамилии, а затем персонифицированно, по имени и отчеству: *Дорогие Смоличи – Елена Григорьевна и Юрий Корнеевич!* [Паустовский, с. 300].

Обращение в письме только по отчеству – это достаточно чётко ограниченная сферой употребления и функционально маркированная форма адресации, связанная, как показывает обработанный нами материал, исключительно с доверительным и особо уважительным отношением адресанта к адресату, когда адресат наставник, коллега, опычнее или старше автора письма или когда что-то очень важное связывало их в прошлом. Естественно поэтому, что и употребляться соответствующий вокатив при письменном общении (в устной речи и особенно в сельской местности он зачастую преобладает) не может чаще каких-то иных, общепринятых форм обращения. По отчеству *Евгеньич*, в частности, в 1911 году обращается А. М. Горький в письме к Н. Е. Буренину [Горький, т. 29, с. 185], который пятью годами раньше сопровождал писателя в его поездке в Америку. Есть у А. М. Горького вокативы *дорогой Ильич* и *дорогой мой Ильич* [Горький, т. 30, с. 293, 352]. В подавляющем большинстве случаев при обращении в письме только по отчеству используется типичная для уст-

ной разговорной речи синкопированная форма отчества: *Матвейч* [Суворов, с. 94]; *Палыч* [Баранцев, с. 364]; *Митрич*; *дорогой Алексеич*; *дорогой Митрофаныч* [Бунин, т. 11, с. 272; т. 12, с. 89, 99] – и даже *Юлликсеич* [Бунин, т. 11, с. 223], воспроизводящее разговорное произношение имени и отчества брата писателя Юлия Алексеевича. Иногда в форму отчества может трансформироваться фамилия адресата. Так, в письме к С. М. Прохорову М. Горький обращается *милый мой Прохорыч* [Горький, т. 29, с. 131], а С. А. Есенин называет И. В. Евдокимова *милый Евдокимыч* [Есенин, с. 214].

Имя и отчество адресата как эпистолярный вокатив – это наиболее распространённая лингвистическая фигура, регулярно используемая в письмах, самых различных по их назначению и характеру, адресованных самым разным лицам, с которыми адресант может находиться и в самых разных отношениях: дружеских, деловых, начальственных, служебной зависимости и т. п., – а то и вообще не быть с ним лично знакомым.

Встречается такой вокатив даже при обращении к родственникам, к супругу или супруге, например, в ситуации их резкого социального или возрастного неравенства, а также при желании подчеркнуть особое уважение к своему адресату, как это имеет, например, место в письме командира партизанского отряда В. А. Шиманского своей жене, к которой он обращается *Дорогая Эсфирь Харитоновна*, прибегая, правда, далее в тексте письма к более нежным словам: *Дорогая Фирочка*, – но и заканчивая письмо вокативом *дорогая, любимая, искренне уважаемая Эсфирь Харитоновна* [ГПП, с. 283–284]. Иногда инициалы (сокращённое имя и отчество) – это просто, по-видимому, способ экономии усилий; так нередко обращался в письмах к своей жене Марии Борисовне К. И. Чуковский: *Милая М. Б.*; *Дорогая М. Б.* [Чуковский, т. 15, с. 201, 208, 233, 236, 298 и др.], хотя в то же время он называет её и по-другому: *дорогая*; *милая*; *милая Машенька*; *Машенька*; *дорогая Машенька* [Чуковский, т. 15, с. 176, 195, 205, 217, 334] и т. п. В одном из писем Чуковского обращение к жене по имени и отчеству – это способ эмоционально и с долей иронии выразить своё возмущение по поводу долгого отсутствия писем от неё: ***Отвратительная Марья Борисовна! Как же ты смела так долго не писать!!! Я не знал, что и думать*** [Чуковский, т. 15, с. 196].

Имя и отчество как эпистолярный вокатив может функционировать и довольно часто функционирует без каких-либо к нему определений, как это имеет место, например, в письмах А. И. Герцена

Н. Х. Кетчеру и М. А. Маркович [Герцен, с. 273–276, 452–453], в письмах Д. Н. Мамина-Сибиряка М. Н. Слепцовой [Мамин-Сибиряк, с. 386], С. А. Есенина А. А. Блоку [Есенин, с. 113] и мн. др. Однако чаще имя и отчество сопровождается определением, выражающим отношение автора письма к адресату, но опять же определением, как правило, традиционным типа *дорогой, любезный, уважаемый, многоуважаемый* и т. п., однако встречаются и более развёрнутые конструкции, например: *Добрый, хотя часто сердитый (и иногда понапрасну) Михаил Петрович* [Григорьев, с. 239]. Г. В. Плеханов в одном из писем обращается к А. М. Горькому так: *Глубокоуважаемый и всегда дорогой мне, – хотя лично и мало знакомый, – Алексей Максимович* [Плеханов, т. 2, с. 516].

Жёсткой корреляции какой-либо формы антропонима как вокатива и личности адресата, надо полагать, нет, и к одному и тому же адресату автор письма может обращаться и фактически обращается, как это уже было показано, самым различным образом, сопровождая при этом свой вокатив и иронией, и практически любой, нередко меняющейся на противоположную коннотацией, а также чередуя друг с другом различные антропонимы, различные апеллятивы и все возможные их комбинации. Если же всё-таки имеет место предпочтение отдельными адресантами того или иного типа антропонима или базовой модели вокатива, то оно чаще всего связано с коммуникативными факторами, такими, как круг корреспондентов, личность конкретного адресанта, характер переписки и т. п.

Антропоним – это, пожалуй, самая естественная лингвистическая фигура при обращении к знакомому человеку, фигура стилистически нейтральная, если имя адресата не сопровождается какими-либо форсированными детерминантами, и в силу этого довольно тривиальная. Апеллятив же во всех его проявлениях – гораздо более сложная функционально и лексически фигура, требующая и более подробного описания.

3.2.3. Вокативный апеллятив

Нарицательное имя существительное в функции вокатива – явление широко распространённое, тем более если соответствующий апеллятив так или иначе детерминирован и входит в состав какой-либо более сложной конструкции, образованной, скажем, на базе другого апеллятива, а также включающей в себя собственные имена: *Ма-*

ма; Дорогие друзья; Уважаемый господин управляющий; Товарищ Володин; Милый мой брат Саша и т. п. В то же время вокативный апеллятив и очень сложный конструкт с особой функциональной и прагматической значимостью, сложный потому, что в отличие от вокатива-антропонима количество и характер его ядерных компонентов практически ничем не регламентированы. Отсюда максимальное разнообразие как плана выражения, так и плана содержания реализованных по соответствующей базовой модели вокативных образований, в том числе и минимально допустимых.

Как эпистолярно-этическая норма апеллятив без сопутствующего ему собственного имени выполняет функцию обращения чаще всего тогда, когда имя адресата автору письма либо неизвестно, либо уже названо при опосредованной адресации: сначала, скажем, *Г-же Л. Никифоровой*, а затем уже *Сударыня!* [Горький, т. 29, с. 90]; *Вере Евгеньевне Гаккель-Аренс* и дальше *Сударыня!* [Горький, т. 29, с. 333], – либо в данной коммуникативной ситуации, например, при обращении к какому-нибудь коллективу лиц не функционально и не существенно. Так, А. А. Фадеев обращается к секретариату Союза советских писателей: *Дорогие товарищи* [Фадеев, с. 428]; М. Горький в письме пионерам заполярного города Игарки создаёт вокатив *будущие доктора, инженеры, танкисты, поэты, лётчики, педагоги, артисты, изобретатели, геологи*, а далее называет детей: *милые ребята* [Горький, т. 30, с. 421–424]. В особых же случаях адресант может принести адресату свои извинения, как это делает, например, А. М. Горький, обращаясь к Н. Д. Красову одним словом *Уважаемый* и так объясняя эту вольность: *а имени и отчества Вашего не могу вспомнить, Вы извините меня за это* [Горький, т. 29, с. 46]. Подобная ситуация представлена и в письме В. П. Астафьева Красноярскому крайкому комсомола, которое начинается вокативом: *Дорогой товарищ секретарь! (Извините, не знаю ни фамилии Вашей, ни имени-отчества)* [Астафьев, с. 202].

В письмах же лицам, имена которых адресант знает, но не называет, вокативный апеллятив, и в частности контактив, как правило, является своеобразной фигурой дистанцирования и указывает либо на официальность соответствующего послания, нередко с элементами отчуждённости, либо на завуалированную, а иногда даже и на прямую неприязнь автора письма к своему адресату. При этом формы апеллятива могут быть самыми разнообразными и специально не демонстрировать намерений адресанта выразить своё действительное отношение

к адресату. Обращаются к такого рода апелляциям и в письмах к хорошо знакомым, но высокопоставленным особам, с одной стороны, чтобы не допустить подозрения в фамильярности или панибратстве (*Ваше величество, Ваше высокопревосходительство, Ваше высокопреподобие*, как в письме А. С. Пушкина Николаю Первому: *Всемилостивейший государь* [Пушкин, с. 209], в письме М. Ю. Лермонтова Великому князю Михаилу Павловичу: *Ваше императорское высочество* [Лермонтов, с. 618], а в письме В. Г. Белинского В. Ф. Одоевскому: *Князь* [Белинский, т. 12, с. 58]), с другой, чтобы выразить особо уважительное и доброжелательное отношение адресанта к адресату, как это делает, например, А. С. Пушкин, прибегая к титулу *Ваше сиятельство* в письмах к В. Ф. Вяземской и к В. Ф. Одоевскому [Пушкин, с. 246, 455]. При этом титул может сопровождаться иным вокативным апеллативом и контактивом, как в конструкции типа *Ваше превосходительство, Милостивый государь* [Лермонтов, с. 615].

Апеллатив как собственно обращение и как определённая вокативная конструкция в письменной речи не менее актуален, чем собственное имя, поскольку, будучи конструктивным параметром письма, функционально он столь же значим и как форма адресации очень часто используется в целом классе писем, не требующих в силу тех или иных причин обращения к адресату по имени или, что тоже нередко, допускающих без нарушения каких-либо этических норм опущение собственного имени, скажем, при вокативе *сударыня*, даже если имя адресата заранее, да и вообще не обозначено, как в письме А. П. Чехова Е. М. Шавровой [Чехов, т. 11, с. 491].

Если отвлечься от противопоставления нарицательного имени существительного собственному имени в сугубо лингвистическом смысле, то принципиальное отличие вокативного апеллатива от вокативного антропонима в функциональном плане заключается, по всей вероятности, в том, что апеллатив как метаязыковая категория представляет собой обращение, которое можно квалифицировать как обращение самого общего характера. Это значит, что письмо с соответствующей адресацией, и в частности с одним и тем же апеллативом, может направляться в принципе любому адресату, тогда как письмо с вокативным антропонимом адресуется только какому-то конкретному лицу. Собственного имени в функции обращения для какого-нибудь конкретного класса писем или для какого-нибудь множества адресатов, очевидно, нет.

Милостивый государь, например, у Л. Н. Толстого – это обращение к редакторам разных газет [Толстой, с. 83, 95, 155], а также к А. Зенгеру, Е. Рейхелю [Толстой, с. 381, 391] и др. *Дорогой друг* в письмах А. М. Горького – это обращение и к И. П. Ладыжникову, и к Ромену Роллану [Горький, т. 29, с. 359, 458], а вот *Демьян Иванович* – обращение только к Д. И. Семёнову, так же, как *Александр Сергеевич* – только к А. С. Черемнову [Горький, т. 29, с. 125, 144]. Одним и тем же собственным именем могут, разумеется, обозначаться разные адресаты, но это другая проблема, связанная с объективной возможностью антропонима называть разные лица и разные объекты и явления независимо от того, функционируют они как адресаты или нет.

Апеллятив и как обращение общее, и как обращение избирательное, используемое по отношению к ограниченному кругу людей, может, разумеется, употребляться в письмах к одним и тем же лицам и быть при этом канонизированным, когда его употребление является этической нормой, общепринятой в эпистолярике фигурой (*Милостивый государь; сударыня; князь; голубчик; голубушка; товарищи; друг; милая мамочка; дорогая тётя*), и неканонизированным, если сам апеллятив или вокативная конструкция, базовым компонентом которой он является, существенно отступает от традиционных форм обращения и употребляется только конкретным адресантом или узким кругом адресантов. Это вокативные апеллятивы типа *голубонька* [ПГ, т. 1, с. 68], *голубёночек* [Бунин, т. 11, с. 51], *братка* [Бунин, т. 11, с. 18], *дорогая мамахен* [Бабель, с. 340], *папхен* [Мусоргский, с. 260], *Мадемуазель сестра* [Чехов, т. 11, с. 229]; *госпожа хорошая* [Есенин, с. 164], а также обращения типа *душа моя, солнышко* или, как у А. С. Пушкина, *моя прелесть* в письме Л. С. Пушкину и *моя радость* в письме В. П. Горчакову [Пушкин, с. 48, 49].

Как обращение спонтанное апеллятив может быть мотивированным с разной, правда, степенью прозрачности теми или иными свойствами личности адресата или связанными с ним событиями и обстоятельствами, в которых он находился (у А. С. Пушкина, например, *житель свободной Англии* в письме Н. И. Кривцову и *любимец муз* в письме П. А. Вяземскому [Пушкин, с. 13, 207]; *карантинно-таможенный человек* в письме А. П. Чехова брату, который в то время служил на таганрогской таможне [Чехов, т. 11, с. 85] и т. п.), и немотивированным, жёстко не связанным с какими-либо объективно существующими факторами (*дорогой генераль* [Мусоргский, с. 111], *уважаемая красавица* [Бабель, с. 72]). Может оказаться апеллятив и

эпистолярным вокативом подобно собственному имени сугубо персонафицированным, допускаемым только при обращении конкретного лица к конкретному же. Например: *Многоуважаемый, хотя и молодой изверг* в письме А. М. Горького Л. М. Леонову [Горький, т. 30, 195]; *Дура моя – ягодка* в письме Сергея Есенина А. Б. Мариенгофу [Есенин, с. 165]; *коренник* в письме М. П. Мусоргского И. Е. Репину [Мусоргский, с. 145]; *зверочек* в письмах И. А. Бунина к В. В. Пашенко [Бунин, т. 11, с. 56, 58] и т. п.

Субстанционально вокативный апеллатив – явление чрезвычайно разнообразное, в особенности тогда, когда ему не сопутствует какая-нибудь вариация собственного имени. К своему адресату автор письма может обратиться как к родственнику, указав характер родственных отношений: *мама, кузина, дядя, бабушка* (это несколько десятков разных слов), как к человеку определённой профессии, человеку, занимающему определённую должность или имеющему какой-то официальный или неофициальный статус, так или иначе титулованному: *уважаемый учёный секретарь, господин прокурор, товарищ вице-адмирал, князь, полковник, профессор* (это сотни самых разных существительных и субстантивных словосочетаний). И, наконец, в качестве вокатива в письме может функционировать то или иное авторское наименование адресата из множества как нормативной и общеупотребительной лексики русского языка (*Любезнейшая Пчела* [Грибоедов, с. 150]; *Оркестр* [Мусоргский, с. 99]; *клопик, собака, лошадка* [Чехов, т. 12, с. 455, 459, 510]; *Кардинал* [Бунин, т. 14, с. 57]; *Кролик, Зверушка* [Паустовский, с. 70, 144]; *подсолнушек, птичка, одуванчик, Зайчик-Убегайчик* [Ремизов, с. 81, 116, 142, 107]), так и лексики, в словарях не зафиксированной (*зверочек, зверёнка, свинёночек* [Бунин, т. 11, с. 56, 122, 123]; *нежняночка, пташенька, большеротик* [Мандельштам, с. 49, 57, 61]; *Бубуня, Кукуня, кисуня-мяуня, запыхуня и побегуня* [Ремизов, с. 85, 318, 113, 322]; *Альтер* [Баранцев, с. 357] и т. д.). А это уже тысячи самых разнообразных лексических единиц, единиц, регулярно вводимых в письма разных адресантов или используемых лишь эпизодически применительно только к конкретному адресату и только в конкретных условиях коммуникации. И вот, в частности, фрагмент из полного перечня вокативных апеллативов (включая функциональную субстантивацию) в письмах из нашей генеральной выборки с указанием адресантов, использующих соответствующие лексемы с той или иной субстанциональной их вариацией:

автор (Бунин), *акмеист* (Бунин), *адмирал* (Суворов), *агге* (Пушкин), *актриса* (Чехов), *Альтер / Аль(к)тер / Alter* (Баранцев), *ангел* (Бабель, Блок, Бунин, Герцен, Лесков, Пушкин, Чайковский, Чехов), *ангелочек* (Островский), *артист* (Горький), *архи-пенси-тектор* (Баранцев), *баба* (Бабель), *бабочка* (Бабель), *бабушка* (Толстой, Чехов), *барин* (Бунин), *барон* (Герцен, Пушкин, Суворов, Толстой), *барыня* (Мусоргский), *барышня* (Бунин, Толстой), *батенька* (Серафимович), *батюшка* (Горький, Короленко, Пушкин, Серафимович, Суворов), *бедненький* (Чайковский), *бедняжка* (Бабель), *безалаберный* (Пушкин), *бес* (Паустовский), *бесстыдник* (Бунин), *бестия* (Серафимович), *бесценный* (Бунин), *благовеститель* (Чехов), *благодетель / благодетельница* (Бабель, Лесков, Пушкин, Суворов, Чехов), *благоприятель* (Лесков), *благоразумный* (Пушкин), *близкий* (Бунин), *блондиночка* (Чехов), *бобёр* (Бунин), *боец* (Горький, Жуковский), *брат / братка* (Бабель, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Гоголь, Горький, Есенин, Жуковский, Короленко, Лесков, Паустовский, Пушкин, Серафимович, Суворов, Толстой, Фадеев, Чехов), *братья-социалисты* (Горький), *брюнетка* (Пушкин), *буся* (Блок), *бьяика* (Чайковский), *Ваше величество* (Бунин, Толстой), *Ваше высокоблагородие* (Чехов), *Ваше высокопревосходительство* (Суворов), *Ваше высокопреподобие* (Толстой), *Ваше высочество* (Толстой), *Ваше императорское величество* (Толстой), *Ваше литературное высокопревосходительство* (Герцен), *Ваше превосходительство* (Лесков, Мусоргский, Островский, Суворов, Чехов), *Ваше сиятельство* (Мусоргский, Островский, Пушкин, Суворов, Толстой), *Ваше Целомудрие* (Чехов), *ведьма* (Горький), *венгерец* (Чехов), *веснушечка* (Паустовский), *височки* (Паустовский), *владыко* (Чехов), *внучка* (Бабель), *все* (Короленко, Пушкин, Чехов), *Всемилоостивейший государь* (Пушкин, Суворов), *генерал* (Лесков, Суворов, Танеев), *генерал-майор* (Суворов), *глава* (Лесков), *глазы* (Бунин), *глупенькая* (Чехов), *голубарь* (Есенин), *голубёночек* (Бунин), *голубчик / голубушка* (Бабель, Булгаков, Бунин, Горький, Есенин, Жуковский, Кони, Короленко, Мусоргский, Пушкин, Серафимович, Суворов, Толстой, Чайковский, Чехов), *голубь* (Бабель, Серафимович), *господин / госпожа* (Булгаков, Бунин, Герцен, Горький, Есенин, Короленко, Островский, Паустовский, Суворов, Фадеев), *гость* (Гоголь), *государь* (Горький, Жуковский, Суворов, Толстой), *государь император* (Суворов), *гражданин / гражданка / гражданочка* (Бабель, Булгаков, Бунин, Горький, Короленко), *граф / графиня* (Бунин, Горький, Кони, Мусоргский, Островский, Пушкин, Суворов, Танеев, Толстой),

губернатор (Суворов), *дадя* (Есенин), *дама* (Бабель, Пушкин), *дамочка* (Бабель), *девица* (Горький), *девочка* (Бунин, Горький, Короленко, Паустовский, Фадеев, Чехов), *девушка* (Горький), *девчурочка* (Бунин), *дедушка* (Баранцев, Бунин, Пушкин), *демон* (Бунин), *демонстранец* (Баранцев), *дети* (Горький, Лесков, Пушкин), *детик* (Маяковский), *детка* (Короленко, Маяковский), *деточка* (Бунин, Короленко, Серафимович), *детушки* (Герцен), *детушки-мелкота* (Герцен), *директор* (Булгаков), *дитя* (Бабель), *добрый* (Гоголь), *доверенная* (Бабель), *доктор* (Герцен, Горький, Чехов), *домосед* (Баранцев), *домочадцы* (Чехов), *донна / донья* (Мусоргский), *дорогой* (Бабель, Блок, Бунин, Гоголь, Горький, Есенин, Мусоргский, Пастернак, Серафимович, Толстой, Чайковский, Чехов), *дорогаечка* (Бунин), *доченька* (Короленко), *дочь* (Бабель, Толстой, Чехов), *дочка* (Короленко), *драгоценный* (Бунин, Чехов), *драматург* (Чехов), *друг / друже* (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Гоголь, Горький, Есенин, Жуковский, Кони, Короленко, Лесков, Мусоргский, Островский, Пастернак, Пушкин, Серафимович, Суворов, Танеев, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов), *другаре* (Паустовский), *дружнице* (Баранцев), *дружок* (Бабель, Мусоргский), *дружочек* (Бабель), *дрянь* (Короленко), *дура* (Бабель, Есенин), *дуся* (Чехов), *душа* (Бабель, Булгаков, Герцен, Гоголь, Есенин, Жуковский, Короленко, Лесков, Пушкин, Суворов, Толстой, Чайковский), *душенька* (Бабель, Мусоргский), *душечка* (Бабель), *дядя* (Бабель, Блок, Бунин, Гоголь, Горький, Есенин, Маяковский, Островский, Паустовский, Суворов, Толстой, Фадеев, Чехов), *дянька* (Мусоргский), *европеец* (Пушкин), *единственная* (Блок), *жена* (Пушкин, Чехов), *женераль* (Мусоргский), *жёночка* (Бунин), *женщина* (Горький, Чехов), *жертва* (Чайковский), *жёнущика* (Короленко), *жизнь* (Бунин), *жилец* (Чехов), *житель* (Баранцев, Пушкин, Чайковский), *зайчик* (Паустовский), *зарапортовавшийся* (Баранцев), *заступница* (Бабель), *защитник* (Бабель), *зверь* (Паустовский), *зверочек / зверок, зверёк, зверёнок* (Бунин), *земляк* (Бабель, Гоголь, Горький, Чехов), *злодейка* (Бабель), *зодчие* (Гоголь), *зоил* (Бунин), *золото* (Пастернак), *золотой* (Пастернак), *зять* (Суворов), *идол* (Серафимович), *изверг* (Горький), *изобретатель* (Горький), *именинница* (Короленко), *именинничек* (Баранцев), *инвалид* (Бабель), *инженер* (Горький), *инфузория* (Чехов), *кавалер* (Мусоргский, Суворов), *кактус* (Горький), *канцелярист* (Суворов), *камергер* (Пушкин), *капитан* (Чехов), *кардинал* (Бунин), *кисица* (Маяковский), *кисочка* (Серафимович), *клопик* (Лесков, Чехов), *князь / княгиня* (Бунин, Герцен, Жуковский, Кони, Островский, Пушкин, Су-

воров, Толстой), *ковырятель* (Мусоргский), *коллега* (Лесков, Чехов), *конопляночка* (Чехов), *котёнок* (Маяковский), *коренник* (Мусоргский), *корреспондентка* (Бабель), *красавица* (Бабель, Блок, Пушкин), *красавчик* (Бунин), *красота* (Пушкин), *крикунья* (Паустовский), *кролик* (Паустовский), *крошка* (Блок), *кузен* (Блок), *кузнечик* (Гоголь), *кум* (Лесков, Островский, Суворов, Чехов), *лапочка* (Пушкин), *лапушка* (Паустовский), *лётчик* (Горький), *лжедраматург* (Чехов), *лис* (Маяковский), *(доверенное) лицо* (Бабель), *лошадка* (Чехов), *любезный* (Жуковский, Пушкин), *любимец* (Пушкин), *любимый* (Бунин, Фадеев), *любовь* (Бабель, Блок), *майор* (Островский), *маленький* (Маяковский, Паустовский), *мальчик* (Паустовский, Серафимович, Чайковский), *мама* / *мамочка* (Бабель, Блок, Булгаков, Маяковский, Пастернак, Паустовский, Фадеев, Чехов), *мамахен* (Бабель, Короленко), *мамаша* (Короленко, Танеев), *мамашенька* (Бабель, Короленко), *маменька* (Гоголь), *матресса* (Чайковский), *матушка* (Пушкин, Суворов, Толстой, Чехов), *мать* (Бабель), *мерзавец* (Чехов), *миледи* (Паустовский), *милейший* (Мусоргский), *миленький* (Маяковский, Чехов), *милостивый государь* / *милостивая государыня* (Бабель, Блок, Бунин, Герцен, Гоголь, Горький, Есенин, Жуковский, Кони, Короленко, Лесков, Мусоргский, Островский, Пушкин, Суворов, Танеев, Толстой, Чайковский, Чехов), *милочка* (Бабель, Островский), *милый* / *милая* (Бабель, Блок, Бунин, Герцен, Гоголь, Есенин, Жуковский, Лесков, Маяковский, Мусоргский, Пушкин, Серафимович, Суворов, Толстой, Чайковский, Чехов), *милушка* (Кони, Мусоргский), *милюся* (Чехов), *мистер* (Паустовский), *митинговник* (Баранцев), *молчальник* (Баранцев), *монарх* (Суворов), *москвич* (Бабель, Баранцев), *мошенник* (Чехов), *мученица* (Бабель, Пастернак), *начальник* (Чайковский), *невгородец* (Баранцев), *недруг* (Лесков), *нежный* (Паустовский), *немилостивый государь* (Островский), *немочка* (Чехов), *ненаглядный* (Бунин), *неоперабельнец* (Баранцев), *низ-частный* (Баранцев), *новосёл* (Бабель), *обезьяночка* (Бунин), *областной* (Баранцев), *отец* (Бунин, Жуковский, Лесков, Пушкин, Чехов), *отрок* (Чайковский), *отшельница* (Паустовский), *очаровательная* (Островский, Чехов), *пан* (Бунин, Островский), *папа* (Блок, Бунин), *папенька* (Гоголь), *папхен* (Мусоргский), *парижанин* (Бабель), *пастор* (Лесков), *патриот* (Бунин), *Патриот Патриотович* (Бунин), *певец* (Пушкин), *педагог* (Горький), *петербуржец* (Баранцев), *писатель* (Бунин, Жуковский, Короленко), *плакса* (Островский), *покровитель* (Бабель), *попечитель* (Горький), *пособитель* (Мусоргский), *почтенный* (Пушкин), *поэт* (Бунин, Горький, Пастернак, Пушкин),

председатель (Короленко), *писатель* (Бунин, Горький), *поляк* (Бунин), *прелесть* (Паустовский, Пушкин, Серафимович), *прибежище* (Бабель), *принц* (Суворов), *принцесса* (Бунин), *приятель* (Суворов), *протектор* (Лесков), *профессор* (Танеев), *пскович* (Баранцев), *пупик* (Чехов), *путешественник* (Бунин, Горький), *радость* (Бунин, Пушкин, Серафимович, Чехов), *разберлинец* (Герцен), *разбойник* (Чехов), *ребята* (Горький), *редактор* (Бабель, Булгаков, Бунин, Горький, Короленко, Маяковский, Серафимович, Толстой, Фадеев), *редакция* (Баранцев), *родимый* (Бунин, Мусоргский), *родители* (Гоголь, Танеев), *родненький* (Маяковский), *родной* (Блок, Бунин, Гоголь, Маяковский, Мусоргский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Фадеев, Чайковский), *родственник* (Бабель), *романтик* (Горький), *ротмистр* (Суворов), *руководитель* (Лесков), *рыбоуди* (Бунин), *рыжик* (Паустовский), *самодержец* (Суворов), *сверчок* (Жуковский), *свет* (Серафимович), *светик* (Чехов), *светлый* (Паустовский), *свинёнок / свинёночек* (Бунин), *секретарь* (Чехов), *сеньор* (Горький), *сердце* (Бунин, Паустовский), *сердечко* (Паустовский), *сестра / сестрица* (Бунин, Герцен, Гоголь, Короленко, Пастернак, Суворов, Чехов), *сила* (Бабель), *силач* (Жуковский), *синьор* (Бабель, Паустовский), *скорбь* (Бунин), *славный* (Мусоргский), *слушатель* (Чехов), *собака* (Чехов), *собрат* (Бунин, Горький, Пушкин), *сокол* (Мусоргский), *сокровище* (Мусоргский), *солник* (Маяковский), *солнце* (Бабель), *солнышко* (Бабель, Маяковский, Паустовский), *соотечественник* (Бабель, Герцен), *соплеменник* (Бунин), *сосед* (Бабель), *спаситель / спасительница* (Бабель), *старик* (Баранцев, Есенин), *старикашка* (Баранцев), *старичок* (Баранцев), *старушек* (Бунин), *старшина* (Мусоргский), *старый* (Лесков), *столп* (Суворов), *странник* (Булгаков), *сударь / сударыня* (Бабель, Баранцев, Горький, Паустовский, Чехов), *супруга* (Горький, Чехов), *счастливчик* (Баранцев), *сын* (Бунин, Горький, Жуковский, Лесков, Серафимович, Фадеев, Чехов), *сэр* (Баранцев, Паустовский), *таёжник* (Бунин), *талантливейший из всех архитекторов мира* (Чехов), *танкист* (Горький), *тёзка* (Бунин, Мусоргский), *тётя* (Бунин, Мусоргский, Пастернак, Суворов), *тигр* (Бунин), *товарищ* (Бабель, Булгаков, Бунин, Горький, Есенин, Короленко, Лесков, Маяковский, Паустовский, Серафимович, Фадеев, Чехов), *толстейшая из всех заматорелых старых дев* (Чайковский), *транда* (Бунин), *трибун* (Бабель), *тунгус* (Чехов), *уважаемый* (Горький), *ударник* (Горький), *узница* (Бабель), *умница* (Мусоргский, Чехов), *урбанист* (Паустовский), *утешение* (Бабель), *учитель* (Горький), *ушастый* (Баранцев), *феномен* (Бабель), *филистер* (Пуш-

кин), *хан* (Суворов), *химик* (Бунин), *хозяин / хозяйка* (Бабель), *хозяйка* (Короленко), *хорошенький* (Пушкин), *хороший* (Бунин, Горький, Есенин, Пастернак, Фадеев, Чехов), *хохулишня* (Бунин), *художник / художница* (Бунин, Горький, Чехов), *царица* (Пушкин), *человек* (Бунин, Горький, Жуковский, Островский, Чайковский, Чехов), *человечек* (Паустовский), *человечище* (Горький), *чёрт* (Серафимович), *чёртик* (Жуковский), *чинодрал* (Бунин), *читатель* (Бунин, Чехов), *чудак* (Паустовский, Серафимович), *чудовище* (Горький), *чудо-черкес* (Пушкин), *шантажист* (Чехов), *шафер* (Герцен), *штабс-капитан* (Чехов), *ЭКГ-шник* (Баранцев), *экземпляр* (Суворов), *эксарх* (Баранцев), *эпистолянец* (Баранцев), *юбиляр* (Горький), *юность* (Бунин, Фадеев), *юноша* (Горький, Чайковский), *ягодка* (Есенин), *ami* (Бабель, Бунин), *belle dame* (Пушкин), *caro mia* (Герцен), *cher* (Бунин, Герцен), *cher Maitre* (Бунин), *Herr* (Герцен), *idol mio* (Пушкин), *generalissime* (Мусоргский), *monsieur* (Бунин), *prince* (Бунин), *pane professore* (Мусоргский), *sire* (Чехов), *studiosus* (Герцен), *staruszki* (Бунин), *vieux* (Бабель).

Этот список мы можем дополнить целым рядом нарицательных существительных, зафиксированных нами в письмах спонтанной выборки, и в частности такими вокативными апеллятивами: *пчела*, *сармат* (Грибоедов), *командир*, *стервец* (Григорьев), *ангел-спаситель*, *ангел-хранитель*, *бесценный*, *небо*, *сокровище*, *счастье* (Достоевский), *гений*, *голубка*, *киевлянин*, *либреттист*, *мальчишка*, *миля*, *неоценённая*, *папаша*, *папочка*, *провидение*, *спасительница*, *страдалец* (Чайковский), *беляночка*, *голубок*, *дета*, *детуська*, *детушка-зверушка*, *дочурка*, *дочурочка*, *зверик*, *младшенький*, *сестричка* (Мандельштам), *безумица*, *выдумщица*, *ласточка*, *мнитка*, *несказанная*, *славяночка*, *сумасбродка*, *царевна* (Шмелёв), *гуслик-светлячок*, *певунья*, *птичка* (Ремизов), *зауральцы*, *незабвенная*, *однополчанин*, *опёнок*, *орлы-курортники*, *софронтовики* (Астафьев) и др.

Сам по себе список соответствующих слов мало что может сказать о специфике именно вокативного апеллятива, кроме разве того, что этой лингвистической фигурой теоретически может быть и любое нарицательное существительное (в специальных словарях это то же, что апеллятив [Ахманова, с. 52; Матвеева 2010, с. 25]), и любой субстантивированный адектив, и, надо думать, любая иная часть речи при её функциональном переходе в существительное и затем в вокативный апеллятив. Очень часто встречаются вокативы типа *милый* [Пушкин, с. 105, 195], *милая* [Толстой, т. 17, с. 582], *миленькая* [Чехов, т. 12, с. 398], *мой милый* [Пушкин, с. 100, 126, 170], *милая моя* [Чехов,

т. 12, с. 399], но есть и такие обращения, как *милый и почтенный; любезный и почтенный; безалаберный* или, скажем, *Любезнейший из друзей-поэтов здешнего мира* (А. С. Пушкин в письме В. Л. Пушкину) [Пушкин, с. 218, 59, 238, 10] и т. п.

В одном из писем, предоставленных нам респондентами, мы зафиксировали в качестве вокатива такую фигуру: *Моя жестокая и упрямая НИКОГДА!* И если, например, Министра иностранных дел СССР А. А. Громыко за его неуступчивость называли на Западе господином НЕТ, то вполне, надо полагать, возможен (во всяком случае, не исключён) в каком-то неофициальном или полуофициальном письме к нему не только вокатив *Уважаемый господин Громыко*, но и вокатив типа *Уважаемый господин НЕТ*.

Субстантиваты, однако, имеют свою специфику в плане сочетаемости с адъективами. Субстантивированные имена прилагательные в составе вокативной конструкции нормативно сочетаются с притяжательными местоимениями первого лица: *мой родной, милая моя, дорогой наш* – в силу того, что в подобных сочетаниях местоимения десемантизируются и уже не столько означают принадлежность, сколько сигнализируют о сокращении коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом. Такого рода вокативные конструкции в письмах не редкость, например, у Бунина встречаем: *милая, драгоценная моя; моя ненаглядная; дорогая моя; бесценная моя; милая, хорошая моя* [Бунин, т. 11, с. 8, 22, 24, 45, 50] и т. п. Субстантиваты могут иногда сочетаться с распространителями адвербиального характера, что-нибудь типа *мой навсегда любимый* или *бесконечно родной*, причём такие детерминанты усиливают семантику признака, выраженного стержневым словом. Субстантивированный адъектив в форме превосходной степени сравнения допускает распространение родительным падежом имени существительного с предлогом *из*, как, например, в письме Ап. Григорьева В. П. Боткину: *О трусливейший из мозикан!* [Григорьев, с. 118] или в письме В. Г. Белинского А. А. Краевскому: *О грубейший из всех директоров, когда-либо существовавших в сем печальном мире* [Белинский, т. 12, с. 165]. Но субстантивированный адъектив не распространяется другим именем прилагательным; не встретились в нашем материале, да и вряд ли возможны сочетания **дорогая ненаглядная, *умный любимый, *любезный милый* и т. п. По-видимому, семантика признака, которая сохраняется и у субстантивированного адъектива, налагает ограничения на его сочетаемость, делая избыточным определение его другим словом с признаковой семантикой. Одно

из немногих исключений в нашей выборке – вокатив *Милый Рыжий* в письме С. А. Есенина А. Б. Мариенгофу [Есенин, с. 171], и оно возможно, пожалуй, лишь потому, что субстантиват *Рыжий* в данном употреблении ближе к антропониму-прозвищу, чем к апеллятиву. Другое исключение представляет вокатив в письме А. Я. Каплера Ю. В. Друниной: *Моя бесконечная дорогая* [Каплер, с. 284], но именно в силу эффекта необычности, возникающего вследствие нарушения узуса, формируется экспрессивность этого обращения.

Чтобы иметь возможность предметно говорить о специфике и основных типах вокативного апеллятива как одной из разновидностей эпистолярной адресации, мы попытаемся обобщить соответствующий материал, мотивированно рубрицировать его и выделить основные, причём обязательно значимые лингвистически типы обращения, которое выражено нарицательным именем существительным, шире – нарицательным субстантивом, и маркировано как структурно, т. е. чётко определено в своём плане выражения, так и функционально, т. е. является прямой или опосредованной адресацией. Попытки такого рода, разумеется, предпринимались, однако зачастую без чётких указаний на основания соответствующих классификаций (в том числе и пересекающиеся), а поэтому с излишней, на наш взгляд, степенью конкретизации особенностей вокатива характером наполняющих его лексико-семантических групп слов и в то же время с недостаточной мотивированностью делаемых при этом обобщений. Так, М. М. Телеки и В. Д. Шинкарук, наряду с антропонимами, выделяют в тексте письма такие разновидности обращения, как общие (*товарищ, мама, папа, сын, брат, жена, друг, юноша, побратим* и т. п.), специальные, к которым относятся должности и звания (*господин профессор, господин редактор*), социальные гоноративы (*Ваше превосходительство, князь, господин, многоуважаемый* и т. п.), эмоциональные обращения (*дорогой, милый, ангел, радость моя, несравненная, голубушка* и т. п.), индивидуально-авторские (укр. *женомашиннице! машинопишчице!*), комплиментарные (*наша надежда и сила*) [Телеки 2007, с. 113–121].

Думается, однако, что отнесение к одному классу общих обращений таких апеллятивов, как *товарищ, друг, юноша*, с одной стороны, и *мама, папа, сын, жена*, с другой, весьма проблематично. И если вокативы типа *товарищ* или, например, *друг* с теми или иными их детерминантами могут быть использованы в письмах к очень широкому кругу лиц, а отсюда и квалифицированы как общие, то мамой, папой, сыном или женой называют, как правило, только конкретных и строго

определённых лиц. Индивидуально-авторские обращения, как правило, являются в то же время и эмоциональными. Кроме того, практически любое из указанных в разных рубриках обращений при соответствующей его детерминации может быть построено и воспринято и как эмоциональное, и как комплиментарное, а в многокомпонентной вокативной конструкции к тому же могут быть в принципе совмещены любые из указанных типов обращения и в любой, надо полагать, их комбинации, в том числе и в комбинации с антропонимом. Например: *Голубчик Граф Валериан Александрович* [Суворов, с. 322]; *Любезный мой зять Граф Николай Александрович* [Суворов, с. 315]; *Почтеннейший, истинный мой благодетель граф Иван Федорович* [Грибоедов, с. 140]; *Наш светлый друг, графиня Ольга Андреевна* [Мусоргский, с. 227]; *Cher Maitre, дорогой Егор Викторович, глубокоуважаемый брат генерала* [Бунин, т. 13, с. 123] и т. д.

Есть и другие классификации обращений такого рода, такие, скажем, как типология стилистически окрашенной лексики в вокативном употреблении, разработанная в кандидатской диссертации А. Б. Черняевой. Учёный различает оценочные и эмоционально-оценочные имена существительные и прилагательные, а также «комбинированную» лексику. А. Б. Черняева выделяет следующие лексикотематические группы обращений, представленных метафорическими оценочными существительными: 1) человек-явления природы, 2) человек – небесные тела, 3) человек – библейские персонажи, 4) человек – социальное положение в обществе, 5) человек – птицы, 6) человек – рыбы, 7) человек – животные, 8) человек – растения, 9) человек – драгоценности. Характеризуя эмоционально-оценочную лексику в функции обращения, исследователь отмечает, что соответствующие лексикотематические группы «выражают главным образом чувства, эмоциональное состояние адресанта: радость, счастье, любовь, грусть, ликование, жалость, скорбь, восторг, блаженство и др.», а также включают в себя народно-поэтические метафоры типа *лебёдушка, голубушка, зазнобушка* и т. п. [Черняева 2008, с. 163–164].

У нас к описанию вокативного апеллятива несколько иной, более общий подход, который жёстко не связывается с какой-то конкретной лексикой или конкретной лексико-семантической группой слов, поскольку и то и другое у разных адресантов и в различных коммуникативных ситуациях может быть самым разнообразным и поразному сориентированным прагматически, и который в связи с этим не предполагает, как уже отмечалось выше, включения плана содер-

жания ни в систему конструктивных параметров письма в целом, ни тем более в систему дифференциальных признаков вокатива, в том числе и вокативного апеллятива. Главное, с чем мы связываем тот или иной тип такого апеллятива как определённую разновидность одного из конструктивных параметров письма, – это чем и кем для адресанта является адресат и как при этом реализуется автором письма контактоустанавливающая функция.

Обследованные нами 10000 писем, в которых мы зафиксировали около четырёхсот самых разных вокативных апеллятивов, дали нам возможность построить и предложить определённую типологию этой лингвистической фигуры, включающую в себя только четыре основных типа апеллятива при письменном обращении: 1) **общий** апеллятив, т. е. апеллятив, который может быть в принципе использован при обращении к любому адресату (*господин, сударыня, товарищ, милостивый государь, голубчик, друг*) – мы называем его контактивом; 2) **избирательный** апеллятив, используемый автором письма при обращении только к какому-то социально значимому, хотя и достаточно широкому кругу лиц, имеющих определённый и соответствующим образом регламентированный общественный статус (*барон, полковник, профессор, Ваше превосходительство*); 3) **спонтанный** апеллятив, т. е. апеллятив, жёстко не связанный с какими-то принятыми обществом социальными или даже этическими нормами общения, апеллятив, введенный адресантом и используемый им тоже при обращении лишь к определённому кругу лиц (в том числе и лиц близких), однако, к менее широкому, чем избирательный (*земляк, поэт, киевлянин, хозяйка*); 4) **персонифицированный** апеллятив, используемый, подобно собственному имени, при обращении к какой-то отдельной личности, но в отличие от антропонима используемый за редким исключением только одним адресантом в письмах к одному и тому же адресату (чеховские обращения типа *венгерца, лошадка ты моя, инфузория* и т. п.).

Каждый из указанных четырёх типов вокативного апеллятива может быть представлен в каких-то его вариациях, с теми или иными его особенностями и нюансами. Первые два в зависимости от степени их нормативности подразделяются нами на апеллятивы канонизированные, т. е. общепринятые, и неканонизированные, используемые лишь отдельными адресантами. Третий и четвёртый типы в зависимости от характера мотивации их использования подразделяются на объективно мотивированные, когда имеются какие-то объективные предпосылки выбора адресантом соответствующего вокатива, и субъек-

тивно мотивированные, т. е. так или иначе квалифицирующие адресата по воле и желанию только автора письма. Всего, таким образом, мы выделили восемь разновидностей вокативного апеллятива, понимая, однако, что, в силу специфики предмета нашего исследования, его сложности, чрезвычайного разнообразия, многоплановости его содержательной составляющей, а иногда и полной непредсказуемости его субстанционального наполнения, не всегда однозначно и чётко можно маркировать границы каждой из указанных восьми лингвистических фигур, квалифицированных нами в качестве вокативных апеллятивов. Эта неоднозначность, впрочем, характерна для такого способа группировки объектов, как типология, при построении которой сконструированный исследователем тип может реализоваться в относительно чистом виде, но может иметь и переходные формы, сочетающие в себе свойства нескольких типов [Мартыненко 1996, с. 430]. В целом же предлагаемое типологическое построение выглядит следующим образом.

1. Общий канонизированный апеллятив – это такая общепринятая и построенная в соответствии с действующими нормами письменного общения лингвистическая фигура, основное назначение которой состоит в том, чтобы, не называя имени, всё же обозначить адресата и привлечь его внимание к тексту направленного ему послания. В качестве адресата при этом может выступать в принципе любое лицо, находящееся в самых разных отношениях с адресантом. К общим канонизированным апеллятивам, функционирующим в качестве вокативов, мы относим клише-словосочетания типа *милостивый государь* [Герцен, с. 389], *сударь мой* [Горький, т. 29, с. 175], *уважаемые товарищи* [Астафьев, с. 274], специальную клишированную лексику, выступающую в качестве одиночных непersonифицированных обращений или входящую в состав тех или иных вокативных конструкций, т. е. апеллятивы типа *господин / госпожа, сударь / сударыня, товарищ, дама* и некоторые другие, в частности распространённые в эпистолярике: *голубчик* [Чайковский, с. 44; Бунин, т. 11, с. 22], *голубушка* [Мусоргский, с. 128; Чайковский, с. 79], *друг* [Есенин, с. 103; Мусоргский, с. 202]. Предпочтения в употреблении этих лексем членами языкового коллектива культуроспецифичны и изменчивы во времени.

За многими из такого рода лексем закреплена только вокативная функция, и в качестве тех или иных членов предложения они без какой-либо дополнительной коннотации или без конкретизирующих их детерминантов, как правило, не функционируют. В частности, лин-

гвистами было отмечено функциональное своеобразие слов, специализировавшихся в роли обращений, их отличие от идентифицирующих и предикатных существительных [Гольдин 1987, с. 94–96]. Фразы типа *Я познакомился с милостивым государем* или, скажем, *Господин был вчера в театре* в представленном их виде вряд ли приемлемы и могут быть коммуникативно значимыми лишь при такой, например, их модификации: *Я познакомился с этим вашим «милостивым государем»* и *Этот господин был вчера в театре*. Обычно общий канонизированный апеллатив не маркирует ни характера послания, ни характера отношений между адресантом и адресатом, ни социального статуса коммуникантов, ни их личностных качеств, хотя такие клише, как *милостивый государь, сударь мой* или *товарищ*, довольно часто задают официальный тон соответствующему посланию, а то и некоторую отчуждённость, как это имеет место, например, в письме М. П. Мусоргского, который обращается к старшинам Артистического кружка в Москве: *Милостивые государи* [Мусоргский, с. 215], или в письме М. А. Булгакова к ответственному секретарю Союза советских писателей А. С. Щербакову, которое начинается обращением *Уважаемый товарищ!* [Булгаков, с. 524].

Общий канонизированный апеллатив может сопровождаться ещё какими-то апеллативами и соответственно входить в ту или иную вокативную конструкцию, построенную из двух и более нарицательных существительных, причём любого из четырёх указанных выше типов рассматриваемого вокатива. И вот несколько примеров: *Ваше превосходительство Милостивый государь* [Корнилович, с. 262]; *Сиятельнейший граф, Высокпревосходительный господин генерал-аншеф и кавалер милостивый государь мой!* [Фельдмаршал Румянцев, с. 163]; *Милостивый государь господин редактор* [Толстой, т. 18, с. 409], *Дорогие мои друзья, товарищи и лучшие мои соседи в мире* [Бабель, с. 169], *Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек* [Чехов, т. 12, с. 496]; *голубчик мой, сокол ясененький* [Мусоргский, с. 61].

Общий канонизированный апеллатив чаще всего является частью вокативной конструкции ещё и потому, что далеко не каждое нарицательное существительное может функционировать в качестве вокатива без детерминации соответствующей коммуникативной ситуации. Так, в принципе, письмо можно начать вокативным апеллативом *Друг* и вокативной конструкцией *Дорогой друг* или *Любезный друг*, вокативом *Голубушка* и вокативной конструкцией *Голубушка ты моя*

– контакт обозначен, но гораздо определённое он обозначен всё же соответствующими конструкциями, включающими в себя детерминацию апеллятива, и в частности местоимением *мой*, без которого не только ощущается какая-то неполнота самого обращения, но иногда неоднозначно может быть истолкована и его коннотация.

Широко употребляется в составе разных вокативных конструкций, в том числе и в комбинации с апеллятивами, принадлежащими к другим группам, существительное *друг*: *брат и друг любезнейший; любезный друг и благодетель; сердечный друг; дражайший друг* [Барсков, с. 18, 37, 49, 50]; *любезный друг* [Толстой, т. 17, с. 396]; *Друг, дянька* [Мусоргский, с. 119]; *наш светлый друг* [Мусоргский, с. 227]; *Дорогой мой редактор, друг и благодетель* [Бабель, с. 269]; *милый брат и друг* [Бунин, т. 11, с. 232]; *милая и дорогая моя, радость и скорбь моей жизни, незабвенный и мучительно родной друг* [Бунин, т. 11, с. 248]; *Милая Сестрица, дорогой Друг* [Бунин, т. 13, с. 89]; *мой дорогой поэт и друг* [Бунин, т. 13, с. 99]; *Старый друг, милый учитель мой* [Горький, т. 29, с. 447]; *Дорогой друг и неутомимый боец* [Горький, т. 30, с. 308]; *Господин хороший и дорогой друг души моей растрёпанной* [Горький, т. 28, с. 207]. Н. Ф. фон Мекк, обращаясь к П. И. Чайковскому, называет его: *мой драгоценный друг; мой несравненный друг; бесценный друг мой; мой на этот раз недобрый друг; мой бесподобный друг* [ЧМ, с. 206, 428, 436, 462]. В письме И. А. Бунина к В. Пащенко вокатив: *мой ненаглядный друг* [Бунин, т. 11, с. 119]; у И. С. Шмелёва в письмах О. Бредиус-Субботиной: *нежный друг мой* [Шмелёв, т. 1, с. 60].

В письмах М. П. Мусоргского апеллятив *голубушка* функционирует в составе таких вокативных конструкций: *дорогая моя голубушка; голубушка моя бедовая; родная моя голубушка; вы необыкновенная голубушка; голубушка Вы моя, хорошая; голубушка моя, барыня* [Мусоргский, с. 192, 216, 232, 238, 243, 218].

Общий канонизированный апеллятив – это фигура, на наш взгляд, сугубо формальная, не содержащая в себе какой-то конкретной прагматики и не связанная с какими-то определёнными условиями коммуникации. Это собственно контактив, который может быть использован любым адресантом при обращении к любому же адресату и при этом не предполагает ни отсутствия у адресанта возможности использовать антропоним, ни тем более какого-либо табу на него.

2. Общий неканонизированный апеллятив – это тоже обращение без антропонима и тоже применимое в принципе к любому ад-

ресату, но уже только при некоторых, заданных заранее условиях коммуникации, и в частности либо к адресату из ограниченного круга лиц, уже связанных с адресантом определёнными отношениями, либо к адресату, которому автор письма считает необходимым заявить о своём к нему отношении. Естественно поэтому, что функционирует соответствующий вокативный апеллятив в более узком, чем апеллятив канонизированный, коммуникативном пространстве, но обращение к неканонизированному апеллятиву предоставляет адресанту более широкую сферу ориентации и более свободную, жёстко не регламентированную форму установления контакта с адресатом. Таковы, например, апеллятивы *гражданочка* [Бабель, с. 85], *дружок* [Бабель, с. 83], *другаре* [Паустовский, с. 367], *дружнице* [Баранцев, с. 356], *голубёночек* [Бунин, т. 11, с. 126], *старик* [Есенин, с. 200] и др., которые, думается, можно соотнести с тем, что ранее было охарактеризовано как ориентированный контактив. По-видимому, в эту же группу могут быть включены и эмоционально-оценочные имена существительные в метафорическом употреблении *радость*, *счастье*, *прелесть*, *солнышко* и т. п.

К общим неканонизированным апеллятивам можно отнести также контактивы, принятые в других культурно-языковых сообществах (*сэр*, *мадам*, *миледи*, *пани* и т. п.), употребление которых при общении людей, принадлежащих к русской культуре, всегда, уже в силу нестандартности таких вокативов, стилистически и прагматически окрашено. Так, в одном из писем И. А. Бунин обращается к Б. К. Зайцеву: *Дорогой мой ясновельможный пан* [Бунин, т. 14, с. 24] – Бунин часто дразнил Зайцева ясновельможным паном, из-за того, что бабушка Б. К. была полька. Подобного рода вокатив – и в письме И. Э. Бабеля С. М. Эйзенштейну, к которому писатель обращается: *Превосходнейший и гениальнейший синьор* [Бабель, с. 343].

В письме А. П. Чехова своей сестре М. П. Чеховой такое обращение: *благосклонные читатели и благочестивые слушатели* [Чехов, т. 11, с. 124], а в письме И. Э. Бабеля любимой женщине – *уважаемая корреспондентка* [Бабель, с. 84]. Апеллятивы *читатель*, *корреспондент* применимы в принципе к любому адресату – участнику переписки, но не канонизированы, не закреплены этикетом в функции эпистолярного вокатива.

К общим вокативным апеллятивам, по нашему мнению, следует отнести и лексемы *девочка*, *мальчик*, *девушка*, *юноша*, *молодой человек*, *женщина*, *мужчина* и т. п., поскольку возможность их соотнесе-

ния с тем или иным человеком ограничена только его полом и (весьма условно) возрастом. Однако употребление таких вокативов в эпистолярике не является общепринятым, эти лексемы не специализированы в функции обращения и если всё-таки используются в письмах, то, как правило, в составе вокативных конструкций, например: *хорошая моя девочка*; *милый мой мальчик* [Чайковский, с. 309, 42]; *девочка моя святая*; *девочка моя прелестная* [Шмелёв, т. 1, с. 117, 125]; *милый юноша*; *сердитая женщина*; *многоуважаемый молодой человек*; *Премудрая, уважаемая и нелепая девушка в очках*; *Уважаемая, окаянная и проклятая девушка* [Горький, т. 29, с. 147; т. 30, с. 62, 208, 249, 406] и др.

Описанная фигура менее формализована, чем общий канонизированный вокатив, так как её использование связано, как уже было отмечено, с проявлением определённого отношения адресанта к своему адресату, которое он может выразить, не будучи скованным какими-то ограничениями статусного характера, а соответственно и регламентированным набором лексики.

3. Избирательный канонизированный апеллатив – фигура, содержащая в себе указание на какие-то существенные особенности адресата (родственные отношения с адресантом, социальный статус, титул, должность, персональное звание и т. п.) и используемая применительно только к тому кругу лиц, который обязательно обуславливает именно данную, причём канонизированную форму обращения. Это клише типа *Ваше превосходительство*, *Ваша светлость*, *Ваше Высокопреосвященство*, такие обращения, как *граф / графиня*, *барон*, *князь / княгиня*, *барыня*, *капитан*, *профессор*, *редактор* и т. п., которые могут детерминироваться (*дорогой мой барон*) и сочетаться с каким-нибудь контактивом (*товарищ капитан*, *господин профессор*), а также обращения к родственникам в традиционной их форме: *мама*, *папа*, *отец*, *дедушка*, *бабушка*, *брат*, *сестра*, *тётя*, *дядя* и др.

Адресанту может быть известна личность адресата, и, обращаясь к нему с упоминанием его социального положения, автор письма тем самым подчёркивает значимость для себя именно статуса адресата, его ответственности перед обществом, а значит, и перед адресантом, что в свою очередь предполагает, во всяком случае по мнению адресанта, более внимательное прочтение письма и, по-видимому, благоприятную для адресанта реакцию на его послание. Чаще всего такой апеллатив используется в письмах к начальству и людям с более высоким социальным или служебным положением. Так, например,

А. В. Суворов обращается к Павлу I: *Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший* [Суворов, с. 319]; П. А. Румянцев – к Павлу I: *Всемилостивейший государь!* [Фельдмаршал Румянцев, с. 167]; Н. А. Некрасов – к М. С. Волконскому: *Князь* [Некрасов, т. 15, кн. 1, с. 173]; М. А. Булгаков – к Конраду Марилу, директору издательства: *Глубокоуважаемый господин директор* [Булгаков, с. 231]; В. С. Арцимович – к В. И. Вернадскому: *Глубокоуважаемый Профессор* [Вернадский, кн. 1, с. 94].

Избирательный канонизированный апеллятив нередко используется при переписке хорошо знакомых людей, родственников, например И. А. Бунин обращается к своему брату Юлию: *брат* [Бунин, т. 11, с. 210], А. И. Герцен – к другу юности Н. Х. Кетчеру: *Барон!* [Герцен, с. 303]. В таких случаях апеллятив может сопровождаться нестереотипными детерминантами, выбор которых мотивирован актуальными обстоятельствами, как, скажем, у И. Э. Бабеля: *Дорогой мой, замученный мною редактор* [Бабель, с. 173].

Академик Л. А. Орбели, обращаясь с письмом в защиту репрессированного профессора Е. М. Крепса к заместителю народного комиссара внутренних дел В. В. Чернышеву, называет его: *Глубокоуважаемый тов. Комдив*. Характерно, что адресант завершает письмо подписью: *Академик Див[изионный] врач Л. Орбели* [Просим освободить..., с. 124], в которой из числа занимаемых им в разное время должностей и званий указывает, что он служил дивизионным врачом, и тем самым подчёркивает свою принадлежность к той же социальной структуре, в которой адресат занимает главенствующее положение.

Избирательный канонизированный апеллятив функционирует в системе обращений, принятых в различных социальных подсистемах: в академической, военной, богословско-церковной сферах, например в составе вокативных конструкций *Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!* или *Почтеннейший Отец Архимандрит, Возлюбленный о Господе брат!* [Брянчанинов, с. 63, 192].

Избирательный канонизированный апеллятив – это фигура содержательно значимая и имеющая прямую прагматическую установку на регулирование реакции на письмо его адресата подобно тому, как может быть предопределена, по Л. Блумфилду, и может быть скорректирована в том или ином направлении реакция слушающего при устном общении [Блумфилд, с. 37].

4. Избирательный неканонизированный апеллятив – это свободное и не регламентированное жёсткими нормами этикета обращение адресанта к ограниченному кругу лиц, апеллятив, тоже используемый обычно в письмах родственникам и близким людям (и наоборот, к людям, находящимся с автором письма в сложных и даже враждебных отношениях), когда адресант посредством обращения может не только так или иначе называть лицо, которому данное письмо адресовано, но и выражать ему, прямо или косвенно, свою симпатию или антипатию.

Это могут, конечно, быть и обращения к родственникам, и традиционные вокативные апеллятивы типа *государь*, *Ваше Величество*, *царица* и т. п., которые в качестве неканонизированных выступают тогда, когда они либо не соответствуют реальному статусу адресата, назначению послания и его стилю, либо употреблены с какими-то индивидуально-авторскими, вплоть до жаргона, субстанциональными вариациями, в том числе и вариациями эмоционально-экспрессивного характера, как, например, в письме Н. А. Добролюбова родителям, которое начинается вокативом *мои милые папашенька и мамашенька* [Добролюбов, с. 120]. Это обращения типа *мамчик* и *мамуленька*; *братан*, *братка* и *брательник*; *папанечка*, *папенька*, *папулечка* и т. п., зафиксированные, в частности, в Словаре русского речевого этикета [Балакай, с. 682–700], *отесинька* в письмах И. С. Аксакова отцу [Аксаков 1994, с. 19], *папхен* у М. П. Мусоргского [Мусоргский, с. 260], *бабенька* у Н. А. Добролюбова [Добролюбов, с. 132], *милый братка* у И. А. Бунина [Бунин, т. 11, с. 37], *дорогая мамахен* или *бесценная мамашенька* у И. Э. Бабеля [Бабель, с. 340, 321]. Но это могут быть и любые иные нарицательные существительные, указывающие на определённый статус адресата, если эти существительные в чём-то не соответствуют официальной номинации такого статуса или поданы не на русском языке. Так, в письме П. В. Нащокину, не являющемуся отцом Пушкина, у него вокативная конструкция *отец и благодетель* [Пушкин, с. 372]. А. П. Чехов называет в письмах свою жену О. Л. Книппер, молодую тридцатипятилетнюю женщину: *бабуня*; *бабуся моя*; *милая моя бабуля*; *бабушка* [Чехов, т. 12, с. 468, 473, 487, 508]. О. Э. Мандельштам обращается к жене: *дочурка*; *дочурочка*; *доченька*; *сестричка* [Мандельштам, с. 58–61]; И. А. Бунин использует термины родства, обращаясь к людям, не являющимся его родственниками: в письме к Н. А. Тэффи – *Дорогая Сестрица!* [Бунин, т. 13, с. 82], Б. К. Зайцеву – *папочка* [Бунин, т. 14, с. 25], а

Б. Г. Пантелеймонову – *Милый дедушка* [Бунин, т. 15, с. 42]. В письме А. И. Герцена сыну-студенту – вокатив: *Любезнейший studiosus* [Герцен, с. 455]. М. П. Мусоргский обращается к М. А. Балакиреву, приглашённому в Прагу для руководства постановкой опер М. И. Глинки, *pane professore*, а к В. В. Стасову – *généralissime* [Мусоргский, с. 62, 135], предпочитая такое именование всем прочим, включая и антропоним в любой его форме.

Возможны и ситуации, когда адресату приписывается (как прозвище или шутка) статус, которым этот адресат фактически не обладает. У Пушкина есть вокативный апеллятив *царица*, но не при обращении к императрице, а в письме к своей супруге [Пушкин, с. 576]. Нет титула у В. В. Пашенко, которую в письме И. А. Бунин называет *Vaue Величество* [Бунин, т. 11, с. 100], а также у О. А. Бредиус-Субботиной, которую И. С. Шмелёв называет: *моя Царица!* – и чуть далее: *царевна!* [Шмелёв, т. 1, с. 117]. Также не обладает статусом, соответствующим вокативу *Sire!*, принятому при обращении к монарху, В. В. Билибин, названный так в письме к нему А. П. Чеховым [Чехов, т. 11, с. 69]. В качестве обращения к писателю И. Л. Леонтьеву-Щеглову Чехов часто использует апеллятив *капитан* [Чехов, т. 11, с. 192, 232, 334], каковым его адресат не является, а своего брата Александра он называет *Велемудрый секретарь* и даже *Владыко* [Чехов, т. 11, с. 313; т. 12, с. 62]. Письмо И. А. Бунина писателю Б. К. Зайцеву начинается вокативом *Дорогой Кардинал* [Бунин, т. 14, с. 57]. В таких случаях, по нашему мнению, избирательный вокатив должен быть квалифицирован как неканонизированный.

Подобным образом обстоит дело и с терминами родства в вокативной функции. Некоторые из них традиционно употребляются как в устной, так и в письменной речи в референтной отнесённости к людям, не состоящим в родственных отношениях с адресантом, причём круг этих людей очень широк, о чём свидетельствуют приведенные выше примеры. Двойственность таких апеллятивов, как *отец, брат, тётя, дядя, мамаша* и т. п., которую отмечал В. Е. Гольдин, указывая, что эти имена существительные могут употребляться в качестве названий родственников как обращения-индексы, а также в качестве обращения к неродственникам как регулятивы [Гольдин 1987, с. 108–110], даёт основания для отнесения этих и других подобных апеллятивов либо к избирательным канонизированным апеллятивам, если они употреблены в своей основной функции, либо к избирательным неканонизированным, если эти лексемы обозначают неродственников.

Избирательный неканонизированный апеллятив может фигурировать при обращении к хорошо знакомым людям, но может быть и обращением к малознакомому, а то и совершенно постороннему лицу при стремлении адресанта показать этому лицу своё желание или нежелание продолжать с ним контактировать в заданном его посланием духе. Такими универсальными апеллятивами в функции эпистолярного вокатива являются слова типа *благодетель* в письмах Бабеля, Лескова, Пушкина, Суворова, Чехова, *попечитель* у Горького. К избирательным неканонизированным апеллятивам следует отнести, по видимому, и различного рода модификации официальных вокативных конструкций, такие, например, как *Ваше Флегмордие* в письме А. С. Грибоедова С. Н. Бегичеву [Грибоедов, с. 11], *Ваше Целомудрие* в письме А. П. Чехова брату [Чехов, т. 11, с. 112] или *Ваше Литературное Высокпревосходительство* в письме А. И. Герцена И. С. Тургеневу [Герцен, с. 428].

Избирательный неканонизированный апеллятив тоже является фигурой неуниверсальной, синкретичной как в содержательном плане, так и по своей прагматической установке.

5. Спонтанный объективно мотивированный апеллятив – апеллятив, не связанный какой бы то ни было регламентацией субстанционального, а зачастую и этического характера, апеллятив не канонизированный, но в принципе мотивированный какими-то объективными причинами и используемый в переписке лиц с уже установившимися, обычно достаточно близкими отношениями, а также в письмах, заведомо ориентированных на определённую, прогнозируемую автором письма реакцию адресата.

Это очень широкий круг слов и словосочетаний, представляющих собой открытое множество разнообразнейших лингвистических фигур с самой разной коннотацией. Фигуры эти заранее не обозначены и могут быть связаны с условиями жизни адресата, с его профессиональной или общественной деятельностью, с его характером, манерой поведения, какими-то личностными особенностями и т. д. Н. В. Гоголь, например, при обращении в письме к М. С. Щепкину использует апеллятив *земляк* [Гоголь, с. 333], А. И. Герцен в письме М. П. Боткину употребляет обращение *соотечественник* [Герцен, с. 447]. Мотивировка очевидна даже в её семантических нюансах, указывающих на регион и на страну. А. С. Пушкин в письмах К.Ф. Рылееву использует вокатив *поэт* [Пушкин, с. 118, 144], не фантазируя, а исходя при этом из вполне объективных реалий, а к П. А. Вяземскому

он обращается *милый европеец* [Пушкин, с. 82], и такое именование содержит прозрачный намёк на общественно-политические взгляды и литературные пристрастия адресата. Апеллятив может быть мотивирован профессией, какими-то чертами характера, внешними данными и другими параметрами адресата, какой-то с ним совместной деятельностью, его местом жительства, например: *Поэт!* [Бунин, т. 13, с. 34], *дорогой писатель и Химик* [Бунин, т. 15, с. 41], *мой итанцинский хлебопашец* [Горбачевский, с. 135], *любезный мой тёзка* [Грибоедов, с. 101], *дорогой Среброволосый автор* [Бунин, т. 15, с. 44], *мой милый киевлянин* [Чайковский, с. 56], *милые мои москвичи* [Бабель, с. 220], *незабываемые и любезные сердцу парижане* [Бабель, с. 321], *дорогие мои зауральцы* [Астафьев, с. 595], *Здравствуйте, псковичи!* [Баранцев, с. 247], *Здравствуй, петербуржец!* [Баранцев, с. 380], *лучшие мои соседи в мире* [Бабель, с. 169], *милые соотечественники* [Бабель, с. 242], *дорогие земляки* [Бабель, с. 290], *дорогие и забываемые хозяева* [Бабель, с. 350], *моя гостеприимная, милая хозяйка* [ЧМ, с. 377] и др. *Милая Царскосельская узница* – обращается И. Э. Бабель к своей жене, вынужденной неотлучно находиться в Царском Селе после рождения ребёнка [Бабель, с. 118], и выбор апеллиатива в данном случае мотивирован обстоятельствами, в которых участники переписки оказались помимо собственной воли. М. Горький к разным адресатам-писателям неоднократно обращался, называя их собратями: *дорогой собрат* – к Шолому Алейхему, *уважаемый собрат* – к А. Ширванзаде и к А. Барбюсу [Горький, т. 29, с. 189; т. 28, с. 350, 403]. К этому же типу можно отнести обращения *дорогой однополчанин*; *дорогой мой собрат по войне*; *дорогие и теперь уже далёкие друзья-софронтовики* в письмах В. П. Астафьева [Астафьев, с. 443, 560, 615].

Спонтанный объективно мотивированный апеллиатив – фигура избирательная, содержательно значимая с прагматической установкой подчеркнуть какие-то детали при персонификации адресата или напомнить о них, в том числе и в связи с тем или иным личностным отношением к нему автора письма.

6. Спонтанный субъективно мотивированный апеллиатив – это вокативная конструкция, апеллиатив в которой непосредственно не связан с чем-то таким, что объективно, а не по усмотрению адресанта указывало бы на особенности личности адресата. Автор письма сам выбирает обращение, исходя из того, как он квалифицирует личность своего коммуниканта и как он – и только он – желает именовать его в данном конкретном случае, в связи со сложившимися к моменту на-

писания письма обстоятельствами или в соответствии со сложившимся мнением об адресате. Так, М. Горький обращается в письме К. А. Тимирязеву: *дорогой учитель* [Горький, т. 29, с. 156] – и это его собственный выбор, кого и почему считать своим учителем. В письме А. И. Герцена другу семьи М. К. Рейхель – ситуативно обусловленное и объяснимое лишь в контексте их переписки обращение: *Милые вы мои проповедницы осторожности* [Герцен, с. 410] – также мотивировано субъективным взглядом адресанта на сложившееся положение вещей.

Здесь тоже чрезвычайно широкий круг слов как с позитивной, так и с негативной коннотацией, а отношение автора письма к адресату проявляется далеко не всегда прямолинейно. Несколько примеров.

А. П. Чехов может обратиться к своему брату: *Инфузория* [Чехов, т. 11, с. 396]; С. А. Есенин в письме Н. К. Вержбицкому обращается к своему адресату: *Дорогая дядя Коля* [Есенин, с. 199]. Аналогичная ситуация с категорией рода и в письме В. И. Ленина Николаю Александровичу Семашко: *Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!* [Ленин, т. 53, с. 24].

Фигура избирательная, содержательно может быть значимой и малозначимой. Когда И. Э. Бабель обращается к своей знакомой А. Г. Слоним, не раз оказывавшей ему помощь и поддержку, словами *бедная моя спасительница* [Бабель, с. 225], вряд ли речь может идти именно о спасении в буквальном смысле этого слова, однако выбор такого вокатива становится способом выражения высшей степени благодарности адресату и получает значимость как показатель отношения к нему автора письма, его субъективного восприятия ситуации общения. В. Г. Белинский начинает письмо Н. Х. Кетчеру вокативом: *Уродина Кетчер, чудовище нелепости!* [Белинский, т. 12, с. 59], ситуативно объяснимым, но вряд ли отражающим истинное мнение литературного критика о своём адресате, которому он в этом же письме передаёт предложение издателя А. А. Краевского переехать в Петербург для работы переводчиком с трёх языков в двух журналах: «Отечественные записки» и «Сын отечества». И. Северянин в письме к поэтессе И. К. Борман использует вокатив: *Миленькая невежа!* [Северянин, с. 253], хотя содержание его писем не даёт оснований подозревать их адресата в невежественности. Если же адресант обращается к любимой женщине, называя её то *милая дура*, то *уважаемая дура*, то *необыкновеннейшая дура* [Бабель, с. 94, 95, 98,], речь, конечно же, не идёт об оценке умственных способностей адресата, и в этом плане со-

держательная значимость апеллятива минимальна, но с точки зрения выражения эмоционального отношения стилистическая маркированность вокатива, несомненно, значима. Прагматическая ориентация не акцентирована, однако может быть направлена на выражение адресантом своего отношения к адресату в прямой или завуалированной форме.

7. Персонифицированный объективно мотивированный апеллятив – это обращение, принятое в самом узком кругу близких людей, а иногда возможное только при общении двух конкретных лиц, апеллятив, являющийся своего рода функциональным аналогом собственного имени адресата, близкий к псевдониму или прозвищу, характер которого может иметь, а зачастую и имеет какую-то реальную подоплёку подобно таким, скажем, вокативным конструкциям, как *ЭКГ-шник и неоперабеленец*, или *демонстранец и митинговник*, или *именинничек* [Баранцев, с. 349, 366, 390].

Персонифицированный апеллятив зачастую обладает признаками окказионального слова, а может оказаться и искусственным образованием типа *Кисица*, как это имеет место в одном из писем В. В. Маяковского, адресованных Лилии Брик, с его же пояснением, что это он сделал из *Киса* и *Лисица*, или *Дорлил (дорогой Лилёк)* [ЛН, с. 154, 134]. У А. П. Чехова есть *Миша-терентииша* при обращении к М. П. Чехову [Чехов, т. 11, с. 55]. М. А. Булгаков в одном из писем называет свою жену Елену Сергеевну *Доролю* [Булгаков, с. 633] – дорогая Люся. Р. Г. Баранцев создаёт вокатив *архи-пенси-тектор* [Баранцев, с. 349] в письме к своему другу А. П. Копылову – архитектору, достигшему пенсионного возраста. В приведённых примерах мотивация возникает за счёт отношений словообразовательной производности окказиональных слов.

А вот несколько вокативов-прозвищ, зафиксированных нами в письмах М. П. Мусоргского. Своих знакомых: исполнительницу партий Лауры и Донны Анны в опере А. Даргомыжского «Каменный гость» Александру Пургольд и её сестру пианистку Надежду Пургольд – в письмах он неоднократно называет *Донна Анна-Лаура и милый Оркестр* [Мусоргский, с. 99–107], и мотивация здесь весьма прозрачна. К И. Е. Репину композитор обращается: *коренник* [Мусоргский, с. 145–147]. Известно, что Мусоргский называл «тройкой» Репина, Антокольского и себя, причём «коренником» этой тройки он считал именно Репина.

Композитор А. К. Глазунов в письмах своему учителю и другу Н. А. Римскому-Корсакову обращался к нему: *Дорогое Маэстро* [Глазунов, с. 205, 226, 255, 256, 277, 278, 286, 290, 293, 299 и др.] – и мотивированность апеллятива *маэстро* в этой вокативной конструкции очевидна. Персонифицированный же характер этого обращения подтверждается тем, что Глазунов не обращался так больше ни к кому из музыкантов и композиторов, с которыми его связывала переписка, хотя среди них, думается, было немало достойных этого звания.

Персонифицированный объективно мотивированный апеллятив – фигура избирательная, её содержательная значимость синкретична. Прагматическая установка ярко не выражена.

8. Персонифицированный субъективно мотивированный апеллятив – это тоже обращение к самому узкому кругу адресатов и тоже некий аналог собственного имени, но без его прямого соотношения с объективной реальностью. Мотивация такого названия, как и у спонтанного апеллятива, субъективна, хотя для самого адресанта она может быть и чем-то обусловлена. Персонифицированный апеллятив, как бы он ни был мотивирован, в отличие от вокативов типа *солнышко*, *ангел мой*, *радость моя*, *родной мой* и т. п., ставших практически уже клишированными, предназначен, как и собственное имя, для обозначения некоего индивидуума, конкретного лица безотносительно к чертам его характера или каким-либо иным качествам с той, однако, разницей, что в нём заключена известная экспрессия, сопутствующая, в частности, и многим онима́м, производным от личных имён. Выбран такой апеллятив исключительно по воле адресанта. И вот несколько весьма, с нашей точки зрения, показательных на этот счёт примеров.

К своей жене О. Л. Книппер Чехов обращается: *клопик мой*; *таракашка*; *лошадка моя*, *венгерец мой хороший*; *милая собака*; *милая моя конопляночка* [Чехов, т. 12, с. 455, 515, 512, 464, 533]. В. И. Ленин в письмах к М. М. Эссен называет её *дорогая зверушка* [Ленин, т. 46, с. 429], а В. В. Маяковский называет свою возлюбленную *кашалотик* [ЛН, с. 137].

К. Г. Паустовский в письмах называет жену Е. С. Загорскую-Паустовскую *Крол*, *Кролёнок*, пасынка С. М. Навашина – *Серый бес* [Паустовский, с. 60, 51, 140], а свою вторую жену В. В. Навашину – *Зверушка*, *Зверунья-певунья*, *зверуша*, *Звэра*, *Звэрунья-кукунья* [Паустовский, с. 144, 157, 158, 165, 175]. И это при том, что речь о фауне в соответствующих письмах, конечно же, не идёт.

Множество разных прозвищ-оказионализмов в функции вокатива – в письмах А. Ремизова Н. В. Кодрянской: *пытунья, зыбунья, кукуня-квакуня, латуня, стрекозунья, летунья, воркотунья, ладуня-бубунья, кукуня, скрытунья, запыхунья, озябунья, веснунья, торопунья, побегунья* и т. п. [Ремизов, с. 113–348]. Часть этих прозвищ имеет затемнённую, неясную мотивацию, мотивированность других довольно прозрачна, тем не менее все эти языковые знаки обладают высокой степенью произвольности, которую можно усмотреть в абсолютно непредсказуемом выборе признака, который становится основой мотивации деривата, что и обуславливает в данном случае субъективный характер мотивированности персонифицированных апеллятивов. Субъективный характер персонифицированного апеллятива очевиден также в бунинских вокативных конструкциях *седой канадский тигр* [Бунин, т. 13, с. 181] и *дорогой Серебристый Канадский бобёр* [Бунин, т. 15, с. 45].

Персонифицированный субъективно мотивированный апеллятив – фигура избирательная, апеллятив в которой не имеет содержательной значимости, фигура эмоционально-экспрессивная с варьируемой прагматической установкой.

3.2.4. Сочетание антропонима и апеллятива в вокативной конструкции

Собственное имя, сопровождаемое каким-либо апеллятивом, – это самый, пожалуй, естественный вид эпистолярного вокатива, функционирующий практически во всех жанрах письменного послания, которое может быть в принципе квалифицировано как письмо и предмет нашего исследования. В то же время это и самая, пожалуй, разнообразная как в структурном, так и в функциональном плане лингвистическая фигура, к тому же зачастую довольно оригинальная, как, например, такая своеобразно к тому же и оформленная вокативная конструкция в письме М. Ю. Лермонтова С. А. Бахметевой:

*Ваше Атмосфераторство!
Милостивейшая государыня,
София, дочь Александрова!*

[Лермонтов, с. 540].

Или в письме И. А. Бунина сибиряку, учёному, химику, писателю, таёжному охотнику и путешественнику Б. Г. Пантелеймонову: *Дорогой*

Таёжник, Пантелей Менделевич, Миклухо Маклай [Бунин, т. 13, с. 185].

Сочетание антропонима и апеллятива встречается также в составе опосредованного вокатива. Так, письмо М. П. Мусоргского В. В. Васильеву начинается вокативом *Дон Хуану, боярину Матуте, Михайле Туче (сыну посадничьему), князю Шуйскому, Самозванцу и многих других орденов кавалеру, Василию Васильевичу Васильеву* [Мусоргский, с. 121], где перечисляются роли, исполненные оперным певцом, а затем названо его полное имя.

Многообразии вокативных конструкций, сочетающих антропоним и апеллятив, обусловлено, с одной стороны, комбинаторикой разных типов онимов и апеллятивов, принадлежащих к разным семантическим полям, нередко осложнённых теми или иными детерминантами, а с другой стороны, тем, что вокативная конструкция может включать в себя несколько апеллятивов: *Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович* [ЕП, с. 242]; *Милостивый государь дедушка Афанасий Николаевич* [Пушкин, с. 347]; *Ваше превосходительство, достопочтеннейший кум и отец-командир Михайло Петрович!* [Григорьев, с. 72]; *Ваше Преподобие! Честнейший и Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!* [Брянчанинов, с. 121]; *Дорогой друг и учитель мой Александр Мефодиевич* [Горький, т. 29, с. 446] и т. п.

Есть в такого рода конструкциях и определённые синтаксические нюансы, обусловленные наличием или отсутствием уподобления друг другу грамматических форм антропонима и апеллятива (*лейтенант Храмов; профессор Сергеева; в городе Великие Луки*) и связанные с квалификацией какого-то одного из указанных компонентов вокативной конструкции, представляющей собой словосочетание с приложением (*полковник Генерального штаба Алексеев; Никита, первый ученик класса; река Волга; Днепр, наш кормилец*), в качестве синтаксической доминанты, а остальных как зависимых от неё слов. Соответствующая проблематика рассматривалась лингвистами [Грамматика русского языка 1960, с. 551–558; Русская грамматика 1990, с. 352–355 и др.], и одно из решений на этот счёт заключалось в том, чтобы в качестве приложения квалифицировать тот и только тот компонент конструкций указанного типа, который находится в аппозиции. В приведенных иллюстрациях это *Храмов, Сергеева, Великие Луки, Алексеев, ученик, Волга, кормилец*, независимо, как это видно, от того, собственным или нарицательным именем этот компонент является и, если собственным, независимо от того, относится ли он к человеку,

предмету или явлению [Меньшиков 2012, с. 36–37]. Стержневыми же компонентами соответствующих конструкций в таком случае окажутся слова *лейтенант, профессор, в городе, полковник, Никита, река, Днепр*, а это и собственные и нарицательные существительные, это и антропонимы, и гидронимы, и топонимы, и любые иные классы имени существительного.

Если речь идёт о сугубо синтаксической доминанте, с этим можно в принципе согласиться. При обращении, однако, а тем более при обращении в письме, несколько иные приоритеты и иная функциональная нагрузка компонентов эпистолярного вокатива. Автор письма не только не вступает в визуальный контакт со своим адресатом, каковым может быть и близкий ему человек, и совершенно незнакомое лицо, но и вообще может не иметь о нём как о личности никакого представления, кроме его (и это задано по определению для рассматриваемого класса эпистолярного вокатива) полного или частичного имени и социального статуса, причём не обязательно реального и адекватно воспринимаемого. И если уж адресант обращается к адресату по имени в том или ином представлении соответствующего вокатива (а такого обращения он мог бы и избежать, имея нормативно приемлемую возможность в качестве вокатива использовать только апеллятив), значит, именно антропоним, выбранный автором письма, надо полагать, и доминирует в соответствующей вокативной конструкции, доминирует во всяком случае функционально и становится самым значимым её компонентом. Всё остальное сопровождает этот антропоним и сопровождает его с определённой стилистической и информационной нагрузкой, с той или иной прагматической установкой.

В системе сопутствующих антропониму-вокативу апеллятивов тоже своя иерархия, диктуемая характером и степенью значимости отношений между адресантом и адресатом, хотя ни одна из описанных выше групп апеллятивов не представляет собой абсолютно изолированной системы. Они пересекаются, а каким-то их компонентам в силу тех или иных причин (обычно при особых, форсированных условиях переписки) особенности всей группы могут оказаться и не собственными, как это имеет, например, место у общих апеллятивов типа *сударь* или у частных апеллятивов *брат, матушка* и др. Но именно в этом, в принципиальной возможности перейти от одной лингвистической фигуры к другой, в том числе и прямо противоположной, или вообще опустить её, и заключается, как уже было отмечено, одно из

самых замечательных свойств эпистолярки как жанра письменной речи.

В русской эпистолярке абсолютно нормативны и приемлемы практически в любых коммуникативных ситуациях все три типа указанного выше базового вокатива: антропоним, апеллатив и антропоним с апеллативом – тем более в самых простых его формах типа *Аркадий Павлович; Милостивый государь* и *Милостивый государь Аркадий Павлович*, а в несколько ином эмоциональном ключе: *Анюта; дорогой друг* и *милый мой старый друг, Семён Павлович* [Горький, т. 30, с. 129, 254, 119].

Собственное имя как одну форму обращения и вокативный апеллатив как форму иную можно, по-видимому, квалифицировать в качестве формально полярных лингвистических фигур адресации, указывающих на различные отношения между адресантом и адресатом, а в известной степени и на характер самого послания. Комбинация же собственного имени с нарицательными существительными в вокативной конструкции снимает или во всяком случае нивелирует эту полярность, причём с функциональной по желанию адресанта акцентацией либо доверительности (*душа моя Катенин* [Грибоедов, с. 14], *голубчик Юричка* [Бунин, т. 11, с. 193], *милый дружок Шура* [Н. Островский, с. 378]), либо отчуждённости (*Милостивый Государь Фаддей Венедиктович* [Грибоедов, с. 78], *Уважаемый товарищ Беляев!* [Фадеев, с. 429]) в соответствующем обращении. При этом сопутствующие собственному имени апеллативы, да ещё и с детерминантами, могут быть значимыми как содержательно, так и стилистически, могут фиксировать какие-то существенные характеристики адресата как личности, подчёркивая тем самым уважение автором письма самого адресата, а также его заслуг и социального статуса, но и не исключая, разумеется, элементов подобострастия или прямого подхалимажа.

Собственному имени как эпистолярному вокативу теоретически может сопутствовать любой из восьми выделенных нами выше типов вокативного апеллатива, а соответственно и любая используемая в письме их комбинация. Так, общий канонизированный апеллатив *милостивый государь* фигурирует в письмах параллельно с вокативом типа *милостивый государь дядюшка Степан Иванович* [Корнилович, с. 247], частный канонизированный апеллатив *доктор* – параллельно с таким, скажем, словосочетанием, как *доктор Чехов* [Горький, т. 28, с. 82], спонтанный объективно мотивированный апеллатив типа *земляк* или *землячка* может входить, например, в конструкцию *Дорогие*

мои землячки Золотухина и Долгополова [Астафьев, с. 155]. И даже сугубо персонифицированные апеллятивы довольно часто сопровождают тот или иной антропоним, как это имеет, например, место в письмах А. П. Чехова О. Л. Книппер, в которых, как уже было отмечено выше, есть вокативы и *лошадка*, и *милая собака*, но есть и вокативные конструкции *собака Олька* и *Оля милая, собака* [Чехов, т. 12, с. 510, 464, 407, 437].

Самой распространённой, достаточно простой и чаще всего стилистически нейтральной вокативной конструкцией, включающей в себя антропоним и апеллятив, является сочетание собственного имени адресата с общим канонизированным апеллятивом, т. е. с функционально маркированным классом существительных типа *сударыня*, *господин*, *товарищ*, *милостивый государь*, *гражданин* и др., которые могут употребляться в качестве вокатива и без антропонима (а некоторые из них, например *сударь* и *сударыня*, даже преимущественно без антропонима), но могут тяготеть и в разное время тяготели к различным формам собственного имени: какие-то из них к фамилии (*уважаемая г-жа Рейнгардт* [Булгаков, с. 457]; *многоуважаемый и почтенный гражданин Ямамото* [Горький, т. 30, с. 208]; *дорогой товарищ Скороходова* [Горький, т. 30, с. 334]), какие-то к имени и отчеству (*Милостивый государь Иван Михайлович* [Пушкин, с. 258]), какие-то только к имени (*друг Арсений* [Мусоргский, с. 247]), хотя жёсткой корреляции между тем или иным контактивом и формой антропонима нет. Так, контактив *товарищ* может сочетаться не только с фамилией, как показано выше, но и с именем (*дорогой товарищ Ира* [Горький, т. 30, с. 372]; *милый товарищ Анна* [Н. Островский, с. 383]), именем и отчеством или именем и фамилией (*товарищ Лев Захарович*; *уважаемый товарищ Сулейман Стальский* [Горький, т. 30, с. 385, 384]).

Контактив в составе вокативной конструкции регулярно предшествует фамилии: *Товарищ Львов* [Горький, т. 30, с. 75], *Уважаемый т. Зданевич* [Бабель, с. 6]; *Дорогая тов. Новикова* [Бабель, с. 349]; *тов. Михайлова* [Паустовский, с. 203]; *Глубокоуважаемый тов. Дьяков* [Паустовский, с. 341], *Уважаемый товарищ Горбачёв* [Астафьев, с. 170], а иногда и какой-либо другой апеллятив: *Милый дружочек Каширина* [Бабель, с. 14]. Но даже при использовании такого рода вокативных конструкций неуниверсальность обращения по фамилии в нормативно-стилистической системе русского языка иногда побуждает адресанта объяснить выбор данного способа номинации, как это делает, например, В. П. Астафьев: *Дорогой тов. Непомнящий! (Про-*

стите за невежество, но я не знаю Вашего имени-отчества) [Астафьев, с. 450]. При обращении к инокультурным адресатам автор письма может использовать и соответствующий национальным традициям контактив, например, у В. П. Астафьева: *Уважаемая фрау Розел* [Астафьев, с. 428]; в письмах К. Г. Паустовского: *Дорогой другаре Сивриев; Дорогой мистер Коллинз; Дорогой синьор Вигорелли* [Паустовский, с. 367, 437, 457], – или более нейтральное господин / госпожа: *Дорогой господин Коэн; Дорогая госпожа Вильерс* [Паустовский, с. 467].

Однако собственному имени в эпистолярном вокативе могут сопутствовать апеллятивы и всех иных семантических полей: *Любезный брат Юрий Алексеич!..* [Бунин, т. 12, с. 11], *Ваше сиятельство, бесценнейший граф Иван Фёдорович* [Грибоедов, с. 100], *Славный юбиляр, глубоко чтимый и дорогой Леонид Витальевич* [Глазунов, с. 371], *Душа Носков* [Герцен, с. 239]. План выражения такого рода вокативов достаточно стабилен, а если он и варьируется, то главным образом в сопутствующей антропониму их части, т. е. в параметрах, характеризующих автором письма своего адресата. Сам же адресат, как бы его ни называли в данном письме или во всём множестве направленных ему писем, может оставаться одним и тем же лицом. Вот, например, несколько вокативных конструкций в письмах Ф. М. Достоевского к жене: *милый мой ангел Нютя; голубчик, радость моя Аня; милый друг мой Аня; любезный друг Анна Григорьевна; милочка моя Аня* [Достоевский, с. 29, 48, 54, 73] и т. п. В письмах А. М. Горького молодому, ещё только начинающему литератору В. Т. Жаковой соответствующий антропоним в вокативных конструкциях сопровождается словами: дитя (*Верочка, дитя моё*), девица (*Внимание, девица Жакова, Вера!*), дорогая девушка (*Дорогая девушка Жакова Вера!*) и даже китайское чудовище и ведьма (*Верочка, китайское чудовище и ведьма*) [Горький, т. 30, с. 346, 315, 345, 350]. И. С. Шмелёв в письмах к О. Бредиус-Субботиной, переписка с которой длилась больше десяти лет, создаёт множество вокативных конструкций, сочетающих имя в разных его вариантах и апеллятивы: *добрый друг, Ольга Александровна; милый друг Ольга Александровна; ми-лая нимфа, Олель, моя леснушка; детулька, Олель моя; Оля моя, Солнце моё!; моя голубка, Оля моя далёкая; Оля, дорогая, сердечко моё, свет мой вечный* [Шмелёв, т. 1, с. 29, 45, 134, 137, 140, 177, 183], *Олька, милочка; Олелька-девуленька; Оля, милка; Олюлька-свет; Ольгуночка-дорогушка; Олечек, миленькая моя бедняжка* [Шмелёв, т. 2, с. 10, 38, 41, 75, 112, 134] и др.

Гораздо в большей степени специфика адресации в эпистолярике отражена в тех вокативных конструкциях, антропоним в которых сопровождается несколькими апеллятивами из разных семантических полей, представленных конструкциями типа *наш светлый друг, графиня Ольга Андреевна* [Мусоргский, с. 227], *Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!* [ПРП, с. 262], *милый друг и брат Константин* [Аксаков 1994, с. 73], *Милостивый Государь мой, дядюшка, Князь Василий Иванович!* [Фельдмаршал Румянцев, с. 221], *Милостивая государыня матушка сестрица, Федосья Никитишна!* [ПРП, с. 269], *милая Анна Григорьевна, прибежище моё и сила* [Бабель, с. 270] и многими другими, возможными и допустимыми главным образом только в определённых коммуникативных ситуациях. Кроме того, любой из компонентов большинства этих и подобных вокативных образований может быть при необходимости редуцирован или даже повторён более двух раз, если адресант обращается сразу к нескольким лицам и так или иначе называет их. Например: *Здравствуйте, дорогие родители, брат Вася, сестрёнки Люся и Валя!* [Письма героев обороны Киева, с. 35]; *Дорогие, родные мои жена Анна и мальчики Лёня и Геннадий!* [ГПГ, с. 96].

Различаются такого рода конструкции не только входящими в них компонентами, но и порядком их расположения относительно друг друга и сопровождаемого ими антропонима. В общем случае комплекс апеллятивов может предшествовать имени (*Почтеннейший друг и тюремный товарищ, Степан Ларионович* [Грибоедов, с. 113]), располагаться за собственным именем (*Таратучка, милая дамочка, воздушная красавица, трибун моей жизни* [Бабель, с. 36]) и окружать антропоним, заключая его в своеобразную рамку (*Радость моя! Смешная Танька! И единственный родной человек на этой земле* [Паустовский, с. 280]), особенно при опосредованной адресации (*Академику В. И. Вернадскому г-ну Председателю Комиссии по Высшей школе* [Вернадский, кн. 1, с. 264]). Редкий, но также возможный случай расположения апеллятивов – в рамке из редуцированного имени: *Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественно родное предназначенье, утренняя дымящаяся душа моя, Марина* [Переписка Б. Пастернака, с. 309]. Да и сами сопутствующие собственному имени апеллятивы чаще всего не представляют собой строго организованной линейной последовательности ни в плане их социальной значимости, ни в плане их стилистической иерархии. Какие-то установленные на этот счёт регламентации или общепринятые нормативы

не акцентированы, и если, например, при обращении военнослужащего к военнослужащему всё же была принята уставная формула типа *старший лейтенант товарищ Баранова*, то во всех остальных коммуникативных ситуациях с равной, пожалуй, степенью регулярности используется формула *товарищ старший лейтенант Баранова*, а соответственно употребляются и такие формулы, как *господин директор Т. Л. Дёмин; уважаемый народный депутат товарищ Зотов; заведующий кафедрой доктор филологических наук профессор Володин; заведующий кафедрой господин профессор Новиков* и т. п.

Сопровождать антропоним могут, естественно, как стилистически нейтральные апеллятивы (*друг мой Тамара* [Бабель, с. 99]; *Маша, жена моя!* [Чуковский, т. 14, с. 53]; *Олюшка, дорогая моя сестра* [Переписка Б. Пастернака, с. 75]; *дорогой земляк – Саша Щербаков!* [Астафьев, с. 153]), так и апеллятивы с акцентированной негативной или позитивной коннотацией (*милый, красавчик мой Валюк* [Бунин, т. 11, с. 162]; *брат наш мерзавец Александр Павлович* [Чехов, т. 1, с. 87]) и с ярко выраженной экспрессивно-эмоциональной нагрузкой (*милая милюшечка Гришенька* [ЕП, с. 19]; *Солнышко моё, Оля* [Шмелёв, т. 1, с. 172]; *Алёшенька-веснушечка* [Паустовский, с. 306]). Самое же существенное здесь то, что адресат письма чётко обозначен соответствующим антропонимом или его аналогом, а все сопутствующие этому антропониму апеллятивы – своего рода обертоны, придающие письму какое-то специфическое звучание, индивидуализирующие в том или ином аспекте характер послания и указывающие на действительные или прогнозируемые, желаемые автором письма отношения со своим адресатом.

В принципе же в вокативной конструкции, представляющей собой своего рода бином, ту или иную комбинацию антропонима и апеллятива, можно было бы, по-видимому, выделить в качестве её непосредственно составляющих соответственно только два указанных главных её компонента с собственными их конструктивными, семантическими и функциональными параметрами. Однако характер и назначение той или иной формы адресации в письме, хоть скольконибудь значимом для его автора, далеко не в полной мере определяется этими параметрами. Существенную роль в вокативной конструкции как одном из наиболее важных структурных параметров письма, прогнозирующем характер соответствующего послания, играет также детерминация составляющих эту конструкцию компонентов, причём и антропонима, и апеллятива. Естественно, что прежде всего такая де-

терминация регулируется самим определяемым словом: в меньшей степени антропонимом, которому в принципе можно предпослать любой эпитет, и в гораздо большей степени – апеллятивом, лексическое значение которого как лексемы объективно, хотя зачастую и не без некоторой диффузности, очерчивает поле сочетающихся с ним атрибутов. Адъективные детерминанты могут определять любой из компонентов третьей базовой вокативной конструкции: антропоним или апеллятив, а также оба компонента, например: *любезный друг Павел Христофорович* [Переписка А. П. Ермолова., с. 543]; *Милостивый Государь, любезнейший Андрей Иванович* [Грибоедов, с. 49]; *дорогой Николай Прокофьевич, дорогой любимый друг* [Вернадский, кн. 1, с. 422].

Таким образом, все описанные нами вокативные конструкции, построенные на основе трёх их базовых моделей, функционально значимы и продуктивны в эпистолярике. Все они объективно манифестируют не только структурное и лексическое многообразие в речевой их реализации, но и возможности русского языка, а также лиц, являющихся его носителями. Собственно типология этих вокативных конструкций станет предметом нашего исследования в следующем разделе настоящей монографии.

3.3. Эпистолярный вокатив в генеральном массиве писем

3.3.1. Проблема описания полного корпуса вокативных образований

Рассматривая общие принципы эпистолярной адресации, мы указали на три лингвистические фигуры: антропоним, апеллятив и сочетание апеллятива и антропонима, к которым можно свести все вокативные образования. Но чтобы сделать это, нужно исследовать характер и частоту употребления соответствующих фигур на предмет определения общей регулярности их использования в письмах, а также на предмет степени их функциональной значимости и нагрузки, предпочтения какой-либо из них (фигуры с антропонимом или апеллятивом) разными адресантами. Для указанного исследования мы, как уже отмечалось, сформировали два массива писем примерно по 10000 в каждом. Первый из этих массивов (мы квалифицируем его как генеральный массив) включает в себя письма 26 выдающихся личностей своего времени, причём только тех адресантов, которые вели обшир-

ную переписку с самыми разными адресатами и по самому разному поводу и в эпистолярном наследии которых представлено не менее ста вокативов и вокативных конструкций. Большей частью это опубликованные письма русской интеллигенции (главным образом писателей), написанные в период с первой половины XIX до конца XX столетия. Специфика этого комплекта писем в том, что в нём с достаточной, на наш взгляд, степенью полноты отражено эпистолярное творчество отдельных выдающихся личностей, а отсюда и возможность не только определённых статистических выкладок, но и соответствующих обобщений, в том числе и теоретического характера, при включении в этот комплект как можно большего количества писем различных адресантов.

Второй массив как отдельная выборка сформирован с иной установкой на его параметры, и в частности на привлечение к исследованию писем лиц более широкого, чем в первой выборке, социального статуса. И если при этом доминирующим параметром генерального массива был объём писем у каждого из адресантов, то главное во второй выборке – количество адресантов (их около 500), без сколь угодно жёсткой регламентации объёма и интенсивности их переписки. Хронологические рамки переписки, включённой во вторую выборку, несколько шире, чем у писем первого массива: это период с начала XVIII до начала XXI века.

Во вторую выборку, наряду с письмами целого ряда выдающихся личностей, в силу тех или иных причин, в том числе и в силу узкого круга адресатов или из-за недостаточного объёма опубликованного эпистолярного наследия не представленных в первой группе, мы включили опубликованные в разных изданиях письма обычных граждан, а также комплект респондентских писем, любезно предоставленных нам их получателями с условием неоглашения имён ни адресатов, ни адресантов. Временные рамки писем респондентов – от первого десятилетия двадцатого столетия до наших дней. Среди адресантов этой выборки – государственные и общественные деятели, дипломаты, военнослужащие, учёные, писатели, композиторы, актёры, режиссёры, художники, литературные критики, адвокаты, издатели, педагоги, священнослужители, т. е. представители самых разных социальных и профессиональных групп общества.

Характер и конструктивные параметры писем адресантов второй выборки более разнообразны по сравнению с первой, но в целом всё в этой выборке вполне согласуется с общими статистическими

выкладками. И если встречаются какие-то более или менее значительные отклонения от этих выкладок, то они так или иначе обусловлены либо какими-то частными условиями коммуникации, либо сугубо индивидуальными, специфическими параметрами личности адресанта. Об этом, однако, речь будет идти ниже, в соответствующих разделах нашего исследования.

Основные положения предлагаемой нами концепции построены главным образом на фактических данных генеральной выборки. Материал же второй выборки мы используем как своего рода обрамление полученных в первой выборке количественных и качественных параметров русского эпистолярного вокатива, обрамление, связанное с интерпретацией этих параметров и определением возможных пределов отклонения от них.

В качестве иллюстрации характера и количественных параметров конкретных вокативов и вокативных конструкций, а также используемого адресантами ресурса лингвистических фигур с функцией обращения в обследованной нами статистической выборке, полностью приведём три списка вокативных образований: 1) самый большой в нашей генеральной выборке список вокативов из писем И. А. Бунина, представляющий довольно широкие временные рамки исследуемого нами материала; 2) соответствующие образования в письмах М. П. Мусоргского, человека иной профессиональной ориентации, жившего в иную эпоху (список среднего объёма в генеральной выборке вокативов); 3) перечень вокативов из писем С. А. Есенина, относящихся к сравнительно небольшому временному отрезку и представляющих собой близкий к минимальному по объёму список в нашей генеральной выборке. При этом введены следующие обозначения: И – имя, ИО – имя и отчество, О – отчество, Ф – фамилия, ИОФ – имя, отчество и фамилия. Вот эти три списка, в которых все детерминанты антропонимов и субстантивированные адъективы приводятся в форме мужского рода единственного числа.

И. А. Бунин – **1300** вокативов и вокативных конструкций. Из них:

Вокативы-антропонимы – 689.

Всего ИО – 328, в том числе разных:

1. ИО без детерминантов – 33
2. *Дорогой* ИО – 171
3. *Многоуважаемый* ИО – 75
4. *Уважаемый* ИО – 14

5. *Глубокоуважаемый* ИО – 12
6. *Милый* ИО – 8
7. *Дорогой и глубокоуважаемый* ИО – 5
8. *Милый (и) дорогой* ИО / *Дорогой (и) милый* ИО – 4
9. *Дорогой и уважаемый* ИО – 2
10. *Милый мой* ИО – 1
11. *Мой дорогой* ИО – 1
12. *Любезный мой* ИО – 1
13. *Ядовитейший* ИО – 1

Всего И – 325, в том числе разных:

1. И без детерминантов – 160
2. *Милый* И / *И милый* – 56
3. *Дорогой* И / *И дорогой* – 35
4. *Милый (и) дорогой* И / *Дорогой (и) милый* И – 20
5. *Дорогой мой* И / *Мой дорогой* И / *И дорогой мой* – 11
6. *Милый (и) хороший* И – 4
7. *Милый хороший мой* И / *И милый хороший мой* – 4
8. *Мой дорогой и милый* И / *Милый и дорогой мой* И / *Дорогой мой милый* И / *И! Дорогой мой! Милый!* – 4
9. *Драгоценный* И – 3
10. *Мой милый* И / *И милый мой* – 2
11. *Мой бесценный* И / *И бесценный мой* – 2
12. *Ненаглядный* И – 2
13. *И бесценный* – 2
14. *Мой* И – 1
15. *Мой ненаглядный* И – 1
16. *Родной мой* И – 1
17. *Мой ненаглядный, мой дорогой* И – 1
18. *Драгоценный мой, милый* И – 1
19. *Милый мой и хороший* И – 1
20. *Мой милый, мой славный* И – 1
21. *Милый бесценный* И – 1
22. *И дорогой, золотой* – 1
23. *Бесценный, милый* И – 1
24. *И! Хороший мой! бесценный мой* – 1
25. *И бесценный ненаглядный мой* – 1
26. *Милый, незаменимый мой, дорогой мой* И – 1
27. *Мой милый и уважаемый* И – 1
28. *Милый и уважаемый* И – 1

29. *Милый, родимый* И – 1
30. *Милый, великолепный* И – 1
31. *Милый и любезный* И – 1
32. *Милый, драгоценный* И – 1
33. *И! Милый дорогой* И – 1

Всего О – 31, в том числе разных:

1. О без детерминанта – 11
2. *Дорогой* О – 14
3. *Милый* О – 4
4. *Милый и дорогой* О – 2

Всего Ф – 5, в том числе разных:

1. *Дорогой* Ф – 3
2. *Мой дорогой* Ф – 1
3. *Милый* Ф – 1

Вокативные аппеллятивы – 567, в том числе разных:

1. *Дорогой друг (Дорогой дружнице)* – 56
2. *Дорогой мой друг / дорогой друг мой* – 4
3. *Милый друг* – 24
4. *Милый (и) дорогой друг / дорогой (и) милый друг* – 14
5. *Друг мой* – 1
6. *Милый друг мой* – 1
7. *Разлюбезный друг* – 1
8. *Дорогой, бесценный друг* – 1
9. *Дорогой и уважаемый друг* – 1
10. *Дорогой и золотой друг мой* – 1
11. *Дорогой, старый друг* – 1
12. *Мой ненаглядный друг* – 1
13. *Мой любезный друг* – 1
14. *Дорогой, горячо любимый друг* – 1
15. *Милый, дорогой и единственный друг* – 1
16. *Мой дорогой, мой единственный друг* – 1
17. *Дорогой мой, бесценный друг мой* – 1
18. *Друг мой, дорогой друг моей юности и всей жизни* – 1
19. *Милый брат и друг* – 1
20. *Друг мой, друг далёкий* – 1
21. *Дорогой друг, родной мой* – 1
22. *Мой дорогой поэт и друг* – 1
23. *Милая сестрица, дорогой Друг* – 1
24. *Милая Сестрица, дорогой Друг мой* – 1

25. *Милый и дорогой мой, радость и скорбь моей жизни, незабвенный и мучительно родной друг* – 1
26. *Ты, близкий мой, друг мой* – 1
27. **Дорогой** – 34
28. *Дорогой мой / мой дорогой* – 44
29. *Дорогой (и) хороший мой* – 2
30. *Дорогой мой, хороший* – 1
31. *Дорогой мой, милый, ненаглядный* – 1
32. *Дорогой мой, радость моя* – 1
33. **Милый** – 30
34. *Милый мой / мой милый* – 8
35. *Милый (и) дорогой* – 7
36. *Милый (и) дорогой мой* – 7
37. *Милый (и) хороший мой* – 7
38. *Милый, бесценный мой / мой милый, бесценный* – 3
39. *Милый, ненаглядный мой* – 2
40. *Милый драгоценный мой / драгоценный мой, милый* – 2
41. *Мой сладкий, милый* – 1
42. *Милый, драгоценный* – 1
43. *Милый, родной* – 1
44. *Милые, дорогие наши* – 1
45. *Милый, дорогой, родной* – 1
46. *Милый, радость моя* – 1
47. **Брат (братка, братишка)** – 34
48. *Милый братка* – 4
49. *Дорогой брат* – 1
50. *Милый и уважаемый брат* – 1
51. *Дорогой мой братка* – 1
52. *Мой благородный, светлый братка* – 1
53. **Голубчик (голубёночек, голубочка)** – 18
54. *Голубёночек мой* – 2
55. *Голубёночек мой драгоценный* – 1
56. *Голубчик, дорогой мой* – 1
57. *Голубочка моя* – 1
58. *Милый, голубчик* – 1
59. *Голубчик, деточка* – 1
60. *Голубёночек мой, деточка, хорошая моя* – 1
61. *Драгоценная моя, деточка моя, голубёночек* – 1
62. *Мамочка, голубёночек, ненаглядный мой* – 1

63. *Драгоценная моя, радость моя, голубчик мой* – 1
64. **Деточка** – 17
65. *Моя деточка / деточка моя* – 3
66. *Деточка, милая, дорогая моя* – 2
67. *Бесценная деточка* – 1
68. *Дорогая моя деточка* – 1
69. *Деточка драгоценная моя* – 1
70. *Моя дорогая, милая, сладкая деточка* – 1
71. *Дорогая моя, кроткая и любящая деточка* – 1
72. *Деточка, бесценная моя / моя бесценная, деточка моя* – 2
73. *Родная моя деточка, зверочек мой сладкий* – 1
74. *Деточка моя, «свинёнок» мой бесценный* – 1
75. **Зверочек** (*зверок / зверёк / зверёнок*) – 14
76. *Зверёнка! Голубёночек мой* – 1
77. *Ненаглядный зверочек* – 2
78. *Милый зверочек* – 1
79. *О зверочек мой* – 1
80. *Бесценный зверочек* – 1
81. *Милый мой зверочек* – 1
82. *Дорогой мой зверочек* – 1
83. *Зверочек, сладкий мой* – 1
84. *Зверочек, драгоценный мой / Зверочек мой драгоценный* – 3
85. *Милый, дорогой мой зверочек* – 1
86. *Бесценный, милый мой зверочек* – 1
87. *Зверочек мой, дорогой мой, бесценный* – 1
88. *Милый ненаглядный мой зверочек* – 1
89. *Зверочек! Родимый!* – 1
90. *Дорогая, радость моя! Зверочек!* – 1
91. *Драгоценная моя! мамочка, деточка, зверочек мой
ненаглядный, «глазы» мои милые* – 1
92. *О зверочек! О дорогой, бесценный мой* – 1
93. **Милостивый государь** – 9
94. *Милостивый государь, господин редактор* – 1
95. *Ангелочек мой* – 1
96. **Бесценный** *мой / мой бесценный* – 8
97. *Бесценный, хороший мой* – 1
98. *Мой ненаглядный / ненаглядный мой* – 4
99. **Драгоценный** – 1
100. *Драгоценный мой / мой драгоценный* – 8

101. *Драгоценный, любимый мой* – 1
102. *Ненаглядный, драгоценный мой* – 1
103. *Мой любимый* – 1
104. **Радость** моя – 1
105. *Радость моя, сердце моё, жёночка* – 1
106. **Мама / мамочка** – 5
107. *Милая, дорогая моя мамочка* – 1
108. *Драгоценная мамочка и все мои милые* – 1
109. *Мамочка, ангел мой* – 1
110. **Папа / папочка** – 2
111. *Дорогой папа* – 1
112. *Моя дорогая, ненаглядная папочка и мамочка* – 1
113. *Дорогой автор* – 4
114. *Любезный автор* – 2
115. *Милый автор* – 1
116. *Дорогой Среброволосый автор* – 1
117. *Любезный собрат* – 4
118. *Дорогой собрат по лире* – 2
119. *Дорогой старушек* – 2
120. *Мой дорогой «старушек»* – 1
121. *Дорогой мой, милый «старушек»* – 1
122. *Милые, дорогие staruszki* – 1
123. **Дядя** (дядечка, даденька) – 3
124. *Дорогой дядечка* – 1
125. *Милый дядечка* – 2
126. **Девочка / девчурочка** – 2
127. *Дорогая моя девочка* – 1
128. *Моя ненаглядная девочка* – 1
129. *Милая, хорошая, ненаглядная моя девочка* – 1
130. *Девочка! Милая!* – 1
131. *Дорогая моя! Сладкая моя девочка!* – 1
132. *Дорогая моя, умненькая девчурочка* – 1
133. **Свинёночек / свинёнок** – 2
134. *Свинёнок мой ненаглядный* – 1
135. **Ваше Величество** – 3
136. **Молодой человек** – 3
137. **Поэт** – 1
138. *Дорогой поэт* – 5
139. *Мой дорогой поэт* – 1

140. *Дорогой поэт и зоил* – 1
141. *Мой «безотчётно дорогой» поэт* – 1
142. *Дорогой (подагрический, а значит уже маститый)
поэт* – 1
143. *Дорогая, милая сестрица* – 3
144. *Милая сестрица* – 2
145. *Дорогая сестрица* – 1
146. *Сестрица моя чудесная* – 1
147. *Дорогой Кардинал* – 2
148. *Многоуважаемый господин редактор* – 1
149. *Моя Жёночка* – 1
150. *Жёночка моя хорошая* – 1
151. *Дорогаечка* – 1
152. *Дорогаечка моя* – 1
153. *Обезьяночка* – 2
154. *Отче рыбауди / Отче Рыбоудче* – 2
155. *Милая художница* – 1
156. *Моя дорогая художница* – 1
157. *Гражданин* – 1
158. *Товарищ* – 1
159. *Граф* – 1
160. *Милые путешественники* – 1
161. *Дорогой Соплеменник* – 1
162. *Милый дедушка* – 1
163. *Дорогой акмеист* – 1
164. *Старая транда* – 1
165. *Милый, дорогой тёзка* – 1
166. *Седой канадский тигр* – 1
167. *Дорогой писатель* – 1
168. *Дорогой писатель и Химик* – 1
169. *Сын трудового народа* – 1
170. *Дорогой мой ясновельможный пан* – 1
171. *Дорогой поляк* – 1
172. *Дорогой Демон* – 1
173. *Бесстыдник* – 1
174. *Старый чинодрал* – 1
175. *Дорогой Патриот* – 1
176. *Дорогой Патриот Патриотович* – 1
177. *Дорогой Клеевский барин* – 1

178. *Дорогой Серебристый Канадский бобёр* – 1
179. *Милые, дорогие Дядя и Тётя* – 1
180. *Madame* – 7
181. *Cher Monsieur et ami* – 1
182. *Cher Monsieur Calvados d’Omlette* – 1
183. *Cher Maître Канадский бобёр* – 1

Вокативные конструкции с антропонимом и апеллятивом –

44, в том числе разных:

1. *Дорогой Отец Киприан* – 8
2. *Милостивый государь ИО* – 4
3. *Голубчик И* – 3
4. *Дорогой дядя И* – 2
5. *Дорогой и милый Отец Киприан* – 2
6. *Мой ангел, моя бесценная / моя бесценная, мой ангел И* – 2
7. *Любезный князь Ф* – 2
8. *Моя ненаглядная, мой ангел И* – 1
9. *Дорогой мой ангел И* – 1
10. *Мой бесценный, жизнь моя И* – 1
11. *О, мой бесценный, дорогой мой, жизнь моя, И* – 1
12. *Дорогой друг мой, милый мой И* – 1
13. *Милый, красавчик мой И* – 1
14. *Милый, дорогой друг мой И* – 1
15. *Дорогой И, мой теперешний «единственный читатель»* – 1
16. *Милая, дорогая, самая главная принцесса И* – 1
17. *Милый и дорогой братец ИО* – 1
18. *Милостивый государь мой ИО* – 1
19. *Любезный брат ИО* – 1
20. *Дорогой, добрый друг ИО* – 1
21. *Глубокоуважаемый господин Ф* – 1
22. *Лисансули Лисанса, барышня хохулишня* – 1
23. *Дорогой Таёжник, Пантелей Менделевич, Миклухо Маклай* – 1
24. *Monsieur le Prince Мухкина* – 1
25. *Cher Maitre, дорогой ИО, глубокоуважаемый брат Генерала* – 1
26. *Дорогому и высокочтимому Отцу Киприану* – 1
27. *Г-ну ИОФ* – 2

Из 1300 вокативов разных, т. е. построенных по разным моделям, – 263. Единичных вокативов, т. е. конструкций, употреблённых

Буниным только один раз, – 178, что от общего количества моделей составляет свыше 65%. Такого рода соотношение между количеством используемых Буниным вокативов и степенью их разнообразия многое может говорить о личности самого адресанта, в том числе и о круге его адресатов, но без учёта некоторых статистических параметров переписки, и прежде всего частоты употребления тех или иных вокативных образований, параметров, касающихся не только Бунина, но и любых других коммуникантов, по нашему мнению, не характеризует достаточно объективно специфику русского вокатива в целом. Введем эти параметры.

При статистическом пороге в один процент (контрольное число 13) общая картина употребления Буниным тех или иных форм обращения будет иметь такой вид.

Дорогой ИО – 171, *многоуважаемый* ИО – 75, ИО – 33, *уважаемый* ИО – 14.

И – 160, *милый* И – 56, *дорогой* И – 35, *милый и дорогой* И – 20.

Дорогой О – 14.

Дорогой друг – 56, *мой дорогой* – 44, *дорогой* – 34, *брат* – 34, *милый* – 30, *милый друг* – 24, *голубчик* – 18, *деточка* – 17, *милый и дорогой друг* – 14, *зверочек* – 14.

Ни одно из вокативных образований, представляющих собой комбинацию антропонима и апеллятива, однопроцентный статистический порог не перешло.

Всего 863 обращения, разных – 19. Относительно же характера регулярных вокативных образований, обращений, перешедших в его письмах однопроцентный статистический порог, можно уже сделать вполне определённые заключения, опирающиеся на достаточно репрезентативный фактический материал.

Преобладают у Бунина обращения-антропонимы (как с детерминантами, так и без детерминантов), и в частности, как это видно из приведенного списка вокативов и вокативных конструкций, перешедших статистический порог, обращения по имени (преобладает модель **И**, вторая по частоте модель **милый И**, третья – **дорогой И**) и обращения по имени и отчеству (преобладает модель **дорогой ИО**, вторая по частоте модель **многоуважаемый ИО** и лишь третья – **ИО** без детерминанта). Четыре самых частых модели вокативного апеллятива – **дорогой друг**, **мой дорогой**, **дорогой** и **брат**. Апеллятив *друг* образует ещё две запороговых модели: **милый друг** и **милый и дорогой друг**. Третья по частоте модель, являющаяся субстантивированным прила-

гательным, – это модель **милый** (она же пятая в общем списке). Отсюда, надо полагать, и соответствующая детерминация как самого частого вокативного апеллятива *друг*, так и многих других апеллятивов, образующих ту или иную вокативную конструкцию.

Введение в анализ эпистолярного вокатива статистических порогов может иметь, однако, и свои осложнения, когда те или иные компоненты разных форм обращения, и в частности апеллятивы, фигурируют в нескольких вокативных моделях, ни одна из которых сама по себе установленного статистического порога не переходит. Суть проблемы вот в чём.

Такой, скажем, апеллятив, как *друг*, является составляющим трёх перешедших однопроцентный статистический порог моделей: **дорогой друг**, **милый друг** и **милый и дорогой друг**. И то, что этот же апеллятив образует еще более двадцати моделей, не перешедших указанного порога, какой-то существенной роли не играет: данный апеллятив продуктивно используется в функции адресации. А вот апеллятив, а соответственно и модель **милостивый государь** Бунин использует 9 раз (меньше порогового значения), однако указанный апеллятив входит ещё четыре раза в модель **милостивый государь ИО** и ещё один раз в модель **милостивый государь, господин редактор**. Всего, таким образом, этот апеллятив фиксируется 14 раз; в качестве компонента вокативных образований в письмах Бунина он статистический порог переходит и, как мы полагаем, должен быть указан в списке апеллятивов, доминирующих в соответствующих формах обращения, если именно в силу введения статистического порога или по каким-то иным соображениям все эти образования приведены быть не могут. Что же касается величины выбранного в настоящем исследовании статистического порога, то она связана с условиями включения писем того или иного адресанта в наш генеральный массив. Это условие – минимум сто вокативов, а отсюда и один процент как минимум запороговых, то есть перешедших установленный статистический порог, вокативных образований – одно.

Увеличить же минимальное количество используемых тем или иным адресантом вокативов не представляется возможным, потому что у подавляющего большинства попавших в поле нашего зрения авторов письменных посланий гораздо меньше ста обращений, тем более обращений разных.

Ниже мы ещё вернёмся к бунинским вокативам, перешедшим однопроцентный статистический порог, но сначала сопоставим вока-

тивные образования в письмах Бунина с такого же рода лингвистическими фигурами в письмах заявленных выше адресантов.

М. П. Мусоргский – 653 вокатива и вокативных конструкции.
Из них:

Вокативы-антропонимы – 169.

Всего ИО – 43, в том числе разных:

1. ИО без детерминантов – 16
2. *Милейший* ИО – 10
3. *Дорогой* ИО – 4
4. *Прекраснейший* ИО – 4
5. *Многоуважаемый* ИО – 3
6. *Дорогой мой* ИО – 1
7. *Драгоценнейший* ИО – 1
8. *Коренной* ИО – 1
9. *Любезный* ИО – 1
10. *Мой благоприятный* ИО – 1
11. *Мой милый* ИО – 1

Всего И – 118, в том числе разных:

1. И без детерминанта – 62
2. *Дорогой* И – 33
3. *Милый мой* И – 8
4. *Дорогой мой* И – 5
5. *Милый* И – 5
6. *Драгоценнейший* И – 2
7. *Мой любимый* И – 2
8. *И прекрасный* – 1

Всего Ф – 8, в том числе разных:

1. Ф без детерминанта – 3
2. *Милый* Ф – 2
3. *Дорогой мой* Ф – 1
4. *Дорогой мой и милый* Ф – 1
5. *Мой милый* Ф – 1

Вокативы-апеллятивы – 380, в том числе разных:

1. *Голубчик / Голубушка* – 39
2. *Дорогая моя голубушка* – 12
3. *Моя голубушка / голубушка моя* – 10
4. *Дорогая голубушка* – 2
5. *Дорогая Вы моя, голубушка* – 2
6. *Родная моя, голубушка* – 2

7. *Родная Вы моя, голубушка* – 1
8. *Голубушка Вы такая* – 1
9. *Голубушка моя бедовая* – 1
10. *Моя голубушка, моя дорогая* – 1
11. *Голубушка моя, барыня* – 1
12. *Голубушка Вы моя, дорогая барыня* – 1
13. *Голубчик Вы мой* – 1
14. *Голубушка Вы моя, хорошая* – 1
15. **Généralissime** – 19
16. *Дорогой généralissime* – 8
17. *Дорогой мой généralissime* – 28
18. *Милый (милейший) généralissime* – 2
19. *Дорогой мой и всегда дорогой généralissime* – 1
20. *Дорогой Вы мой généralissime* – 1
21. *Дорогой мой и, сдаётся мне, единственный меня сознающий généralissime* – 1
22. *Прелестнейший généralissime* – 1
23. *Милейший мой généralissime* – 1
24. *Славный мой généralissime* – 1
25. *Милый, славный, славнейший généralissime* – 1
26. *Мой дорогой и милейший généralissime* – 1
27. *Славный и дорогой мой généralissime* – 1
28. *Мой хороший généralissime* – 1
29. *Мой чудесный généralissime* – 1
30. **Дорогой** – 11
31. *Дорогой мой / мой дорогой* – 45
32. *Дорогой Вы мой* – 3
33. *Дорогой Вы мой, славный мой* – 1
34. *Дорогой Вы наш* – 1
35. *Дорогой мой и милейший* – 1
36. **Друг** (друзе, дружок) – 29
37. *Друг милый / милый друг* – 8
38. *Мой милый друг* – 5
39. *Друг, дянька (дружок дянька)* – 5
40. *Друг мой* – 3
41. *Дорогой друг мой* – 1
42. *Милый мой и дорогой друг* – 1
43. **Милый** (миленький, милейший) – 20
44. *Милый мой (милейший мой, мой миленький)* – 6

45. *Родной / родимый* – 22
46. *Родной мой* – 8
47. *Родной ты мой* – 2
48. *Родной Вы мой* – 2
49. *Родной Вы наш* – 1
50. **Барыня** – 1
51. *Милейшая барыня* – 3
52. *Милейшая и дорогая моя барыня* – 4
53. *Милейшая моя барыня (моя милая барыня)* – 2
54. *Дорогая барыня* – 1
55. *Дорогая барыня и милейшая* – 1
56. **Ваше сиятельство** – 8
57. **Милостивый государь** – 6
58. **Коренник** – 3
59. *Славный коренник* – 1
60. *Г. Коренник* – 1
61. **Папхен** – 3
62. *Милый (милейший) папхен* – 2
63. *Дорогая тётя* – 2
64. *Дорогая моя тётя* – 1
65. *Милая тётя* – 1
66. *Мой вещун* – 1
67. *Мой дорогой вещун* – 2
68. **Дяинька** – 1
69. *Милый дяинька* – 1
70. *Милый дружок дяинька* – 1
71. **Батюшка Вы мой** – 1
72. **Болезный** – 1
73. **Ваше превосходительство** – 1
74. **Душенька** – 1
75. *Голубчик мой, сокол ясенёкий* – 1
76. **Господин Граф** – 1
77. **Графиня** – 1
78. *Дорогой жгенераль* – 1
79. *Дорогой мой жгенераль* – 1
80. *Наипревосходнейший, бесподобнейший, в мозгах моих презрядный ковырятель и к вящему оных усовершенствованию пособи-
тель* – 1
81. *Моя милушка, моя родная* – 1

82. *Милый Оркестр* – 1
83. *Сердечный* – 1
84. *Мой славный* – 1
85. *Славный Вы мой* – 1
86. *Умница барыня* – 1

Вокативные конструкции с антропонимом и апеллятивом

– 104, в том числе разных:

1. *Дорогая моя голубушка* ИО – 20
2. *Голубчик* ИО / *голубушка* ИО – 10
3. *Милостивый государь* ИО / *Милостивая государыня* ИО – 9
4. *Мой милый друг* И – 8
5. *Милый друг* И – 6
6. *Милый друг* ИО / *милейший друг* ИО – 6
7. *Голубушка моя* ИО – 5
8. *Дорогая голубушка* ИО – 5
9. *Голубушка наша дорогая* ИО – 4
10. *Донья* И – 4
11. *Дружок* Ф – 3
12. *Милый друг* Ф – 3
13. *Голубушка наша* ИО / *голубчик наш* ИО – 2
14. *Голубушка Вы наша,* ИО – 1
15. *Голубушка Вы моя дорогая,* ИО – 1
16. *Голубушка Вы наша,* ИО – 1
17. *Голубушка наша, дорогая и славная* ИО – 1
18. *Голубушка барыня* ИО – 1
19. *Друг* ИО – 1
20. *Друг* И – 1
21. *Друг* Ф – 1
22. *Дорогая Вы моя и хорошая, голубушка* ИО – 1
23. *Дорогой мой друг* И – 1
24. *Дорогой Милий-Чешский, pane professore тож* – 1
25. *Друг мой* И – 1
26. *Благодетельница ты наша,* ИО – по муже Ф – 1
27. *Желанный друг мой* ИО – 1
28. *Коренник* ИО – 1
29. *Милейший граф* ИО – 1
30. *Мой милый друг* ИО – 1
31. *Мой милый, страждущий друг* И – 1
32. *Наш светлый друг, графиня* ИО – 1

Из 653 вокативов разных, т. е. построенных по разным моделям, – 142. Единичных вокативов, или конструкций, употреблённых Мусоргским только один раз, – 81, что составляет, как и у Бунина, существенно больше половины (57%) всех вокативных конструкций у этого адресанта.

При статистическом пороге в один процент (контрольное число 7) общая картина употребления Мусоргским тех или иных форм обращения будет иметь такой вид:

ИО – 16, *Милейший* ИО – 10;

И – 62, *Дорогой* И – 33, *Мой милый* И – 8;

Дорогой мой – 45, *Голубчик / голубушка* – 39, *Друг / дружe* – 29, *Дорогой мой généralissime* – 28, *Родной* – 22, *Милый* – 20, *Généralissime* – 19, *Дорогая моя голубушка* – 12, *Дорогой* – 11, *Моя голубушка* – 10, *Дорогой généralissime* – 8, *Милый друг* – 8, *Родной мой* – 8, *Ваше сиятельство* – 8;

Дорогая моя голубушка ИО – 20, *Голубчик* ИО – 10, *Милостивый государь* ИО – 9, *Мой милый друг* И – 8.

Всего 443 вокатива, разных – 23. У Мусоргского преобладают обращения-апеллятивы: однопроцентный порог перешло 14 вокативных конструкций с базовым компонентом – апеллятивом и ещё 4 конструкции, представляющих сочетание апеллятива и антропонима. Наиболее распространёнными являются модели: И – 62, *Дорогой мой* – 45, *Голубчик / голубушка* – 39, *Дорогой* И – 33, *Друг / дружe* – 29, *Дорогой мой généralissime* – 28, *Родной* – 22. Доминантами апеллятивов являются лексемы **голубчик / голубушка** (употребляется без детерминантов, а также входит в состав вокативных конструкций *Дорогая моя голубушка*, *Моя голубушка*, *Дорогая моя голубушка* ИО, *Голубчик* ИО), **друг** (употребляется без детерминантов, а также входит в состав вокативных конструкций *Милый друг*, *Мой милый друг* И), **Généralissime** (употребляется без детерминантов, а также входит в состав вокативных конструкций *Дорогой généralissime* и *Дорогой мой généralissime*), **дорогой** (употребляется как субстантивированный адъектив самостоятельно и в конструкции *Дорогой мой*, а также входит в качестве детерминанта в вокативные конструкции *Дорогой* И, *Дорогой мой généralissime*, *Дорогая моя голубушка*, *Дорогой généralissime*, *Дорогая моя голубушка* ИО).

И третья выборка:

С. А. Есенин – **180** вокативов и вокативных конструкций. Из них:

Вокативы-антропонимы – 132.

Всего ИО – 63, в том числе разных:

1. ИО без детерминанта – 20
2. *Дорогой* ИО – 36
3. *Уважаемый* ИО – 4
4. *Милый* ИО – 2
5. *Милый, милый* ИО – 1

Всего И – 68, в том числе разных:

1. И без детерминанта – 19
2. *Милый* И (И милый) – 30
3. *Дорогой* И – 15
4. *Милый мой* И – 2
5. *Милый, милый* И – 2

Всего Ф – 1:

1. *Милый* Ф – 1

Вокативы-апеллятивы – 39, в том числе разных:

1. *Друг* – 1
2. *Мой друг* – 3
3. *Милый друг* – 1
4. *Дорогой друг* – 1
5. *Дорогой* – 3
6. *Дорогой мой* – 6
7. *Брат* – 4
8. *Старик* – 3
9. *Голубчик* – 2
10. *Сударь* – 1
11. *Дура* – 1
12. *Дура моя ягодка* – 1
13. *Душа моя* – 1
14. *Милый* – 4
15. *Милостивый государь* – 1
16. *Госпожа хорошая* – 1
17. *Родные мои! хорошие!* – 1
18. Чёрный *Мартышан* – 1
19. *Милый Рыжий* – 1
20. *Мой друг Рыжий* – 1
21. *Милый мой, самый близкий, родной и хороший* – 1

Вокативные конструкции с антропонимом и апеллятивом – 9, в том числе разных:

1. *Милый друг* И – 1
2. *Милый друг мой* И – 1
3. *Дорогая дядя* И – 1
4. *Милый дядя* И – 1
5. *Уважаемый товарищ* Ф – 1
6. *Товарищ* Ф – 1
7. *Дорогой товарищ* Ф – 2
8. *И, голубушка* – 1

Разных вокативов – 40 из 180-ти. Однопроцентный статистический порог, равный двум, перешло 17 конструкций из 40. Моделей, употреблённых Есениным только один раз, – 60%.

Вот вокативы и вокативные конструкции, перешедшие однопроцентный статистический порог:

дорогой ИО – 36, ИО – 20, *уважаемый* ИО – 4, *милый* ИО – 2;
милый И – 30, И – 19, *дорогой* И – 15, *милый, милый* И – 2, *милый мой* И – 2;
дорогой мой – 6, *брат* – 4, *милый* – 4, *дорогой* – 3, *мой друг* – 3, *старик* – 3, *голубчик* – 2;
дорогой товарищ Ф – 2.

Всего 157 вокативов, наиболее распространено обращение по имени или по имени и отчеству. Доминирующие апеллятивы – **друг**, **брат**, а также субстантивированные адъективы **дорогой** и **милый**, которые также входят в состав вокативных конструкций в качестве детерминантов антропонима: *дорогой* ИО, *дорогой* И, *дорогой товарищ* Ф.

Приведённые списки вокативных образований, разумеется, дают общее представление о том, как те или иные адресанты обращаются к своим адресатам и какие лингвистические фигуры они при этом предпочитают. Однако строить на такого рода фактическом материале типологию русского эпистолярного вокатива не совсем, по-видимому, корректно, и не столько в силу недостаточного объёма и разнообразия попадающих в поле нашего зрения вокативных образований, сколько потому, что большинство из них – это спонтанные, употреблённые только один раз, а значит, мало что говорящие об общем характере, нормативности и регулярности соответствующих вокативных конструкций как в целом, так и у какого-либо одного адресанта. Нужен, по-видимому, иной материал, в котором, во-первых, должен быть представлен по возможности максимально большой объём писем, причём самых разных адресантов и с самой разной адресацией, а во-вторых,

нивелированы (а фактически исключены из типологических построений) спонтанно возникающие и не характерные для русского эпистолярного наследия обращения, какого бы характера они ни носили в частной или официальной переписке.

Такой материал мы и представляем в следующем разделе нашей монографии.

3.3.2. Регулярные вокативные модели в русской эпистолярике

Обратимся теперь к полной нашей генеральной выборке и приведём списки вокативных образований, перешедших однопроцентный статистический порог, в письмах каждого из всех двадцати шести адресантов. У каждого адресанта мы указываем также доминирующие во всём массиве его писем апеллятивы.

Эпистолярное наследие каждого из адресантов, письма которых были нами проанализированы, мы представляем в виде своего рода стратификации конкретных вокативных фигур, входящих в три основных сформированных нами типа эпистолярного вокатива (антропоним, апеллятив, антропоним и апеллятив) и снабжённых некоторыми из их количественных характеристик, таких, как 1) общее количество вокативов у каждого адресанта, 2) количество вокативов, перешедших однопроцентный статистический порог, 3) количество разных вокативов как разных моделей обращения и 4) количество каждой конкретной формы адресации как некоторой модели, т. е. число конкретных вокативных образований, наполняющих каждую зафиксированную запороговую модель вокатива. Сначала, однако, укажем на лингвистический смысл, вкладываемый нами в понятие модели.

Принятое языковедами толкование модели как системы некоторых объектов, структура или поведение которой соответственно воспроизводит структуру или поведение другой системы объектов, являющейся предметом исследования [Пиотровский 1966, с. 16], предполагает существование соответствующего конструкта в двух его основных ипостасях: некоего метаязыка, определяющего правила и процедуру моделирования в заданной области знаний, и собственно аналога изучаемого явления. Однако, как показал И. И. Меньшиков, лингвистическая модель может проявлять себя ещё и в третьей ипостаси, может функционировать в качестве собственно лингвистической единицы. Например, **ПС** и **МПС** как модели простого словосочетания,

состоящего из прилагательного и существительного, и сложного словосочетания, образованного адъективным местоимением, прилагательным и существительным, в системе каких-то других моделей могут быть квалифицированы в качестве синтаксических единиц, функционирующих на уровне языка [Меньшиков 2012, с. 226].

На эту ипостась модели, т. е. на модель как лингвистическую единицу, и в частности на единицу эпистолярного вокатива, такую, например, как *ИО, милый ИО* и т. п., мы и ориентируемся в нашем исследовании.

Итак, в генеральном массиве писем мы зафиксировали следующие регулярные, т. е. перешедшие однопроцентный статистический порог, вокативы и их модели.

Список № 1

И. Э. Бабель – всего 461 вокатив, запороговых 283 (61,4%), 11 разных моделей:

ИО – 14

Дорогой ИО – 58

Милый ИО – 26

И – 91

Милый И – 43

Душа (душенька) моя – 16

Друг (другок) мой – 11

Милый мой – 8

Друг (другок, дружочек) – 6

Милый друг – 5

Дорогой мой – 5

Доминанты апеллятивов: *друг* – 28, *душа* – 22, *милый* – 11.

Р. Г. Баранцев – всего 349 вокативов, запороговых 312 (89,4%), 7 разных моделей:

ИО – 38

Дорогой ИО – 100

Глубокоуважаемый ИО – 23

И – 93

Дорогой И – 46

Сударь – 7

Альтер (Alter, Аль(к)тер) – 5

Доминанты апеллятивов: *сударь* – 7, *Альтер* – 5.

А. А. Блок – всего 491 вокатив, запороговых 444 (90,4%), 14 разных моделей:

ИО – 8
Дорогой ИО – 77
Многоуважаемый ИО – 61
Милый ИО – 33
Глубокоуважаемый ИО – 20
Многоуважаемый и милый ИО – 8
Глубокоуважаемый и дорогой ИО – 5
И – 8
Милый И (*И милый*) – 52
Мама – 113
Милый – 27
Милый папа – 15
Милый друг – 10
Мой милый – 7

Доминанты апеллятивов: *мама* – 114, *милый* – 34, *папа* – 16, *друг* – 13.

М. А. Булгаков – всего 373 вокатива, заporовых 343 (92%),
12 разных моделей:

ИО – 34
Дорогой ИО – 80
Многоуважаемый ИО – 16
Уважаемый ИО – 6
Милый ИО – 6
И – 29
Дорогой И – 129
Милый И – 14
Господин – 13
Дорогой друг – 6
Уважаемый господин Ф – 6
Многоуважаемый господин Ф – 4

Доминанты апеллятивов: *господин* – 13, *друг* – 10.

И. А. Бунин – всего 1300 вокативов, заporовых 863 (66,4%),
19 разных моделей:

ИО – 33
Дорогой ИО – 171
Многоуважаемый ИО – 75
Уважаемый ИО – 14
И – 160
Милый И – 56
Дорогой И – 35

Милый и дорогой И – 20
Дорогой О – 14
Дорогой друг – 56
Дорогой мой – 44
Дорогой – 34
Брат – 34
Милый – 30
Милый друг – 24
Голубчик – 18
Деточка – 17
Милый и дорогой друг – 14
Зверочек – 14

Доминанты апеллятивов: *друг* – 113, *дорогой* – 92, *милый* – 44, *брат* – 34, *голубчик* – 18, *деточка* – 17, *зверочек* – 14.

А. И. Герцен – всего 128 вокативов, заporовых 87 (68%), 16 разных моделей:

ИО – 8
Любезнейший ИО – 3
Почтеннейший ИО – 3
И – 19
Любезный И – 2
Милый И – 2
Ф – 12
Любезный / любезнейший Ф – 4
Друг мой – 6
Друг – 5
Ангел – 5
Ангел мой – 5
Брат – 3
Милостивый государь – 3
Милый – 2
Друг Ф – 5

Доминанты апеллятивов: *друг* – 18, *ангел* – 10, *милостивый государь* – 3.

Н. В. Гоголь – всего 108 вокативов, заporовых 51 (47,2%), 13 разных моделей:

ИО – 6
Добрейший мой ИО – 2
Почтеннейшая маменька – 15

Дражайший папенька – 8

Душа моя – 3

Маменька – 2

Друг – 2

Мой друг – 2

Брат – 2

Любезные родители – 2

Дражайшие родители – 2

Моя добрая – 2

Милостивый государь ИО – 3

Доминанты апеллятивов: *маменька* – 20, *папенька* – 8, *друг* – 8, *родители* – 5, *земляк* – 4, *душа* – 3, *брат* – 2, *добрый* – 2.

А. М. Горький – всего 1162 вокатива, заporоговых 915 (78,7%), 18 разных моделей:

ИО – 208

Дорогой ИО – 300

Уважаемый ИО – 85

Многоуважаемый ИО – 29

Дорогой мой ИО – 28

Дорогой и уважаемый ИО – 15

Глубокоуважаемый ИО – 13

Милый ИО – 13

И – 19

Дорогой Ф – 18

Дорогой друг – 69

Дорогой мой друг – 25

Товарищ – 16

Дорогой товарищ – 19

Мой друг – 15

Товарищ Ф – 15

Дорогой товарищ Ф – 15

Уважаемый товарищ Ф – 13

Доминанты апеллятивов: *друг* – 132, *товарищ* – 75, *милостивый государь* – 14.

С. А. Есенин – всего 180 вокативов, заporоговых 157 (87,2%), 17 разных моделей:

ИО – 20

Дорогой ИО – 36

Уважаемый ИО – 4

Милый ИО – 2

И – 19

Милый И – 30

Дорогой И – 15

Мой милый И – 2

Милый, милый И – 2

Брат – 4

Милый – 4

Мой друг – 3

Дорогой – 3

Дорогой мой – 6

Старик – 3

Голубчик – 2

Дорогой товарищ Ф – 2

Доминанты апеллятивов: *друг* – 9, *дорогой* – 6, *брат* – 4, *старик* – 3, *голубчик* – 2, *дядя* – 2.

В. А. Жуковский – всего 136 вокативов, запороговых 111 (81,6%), 23 разных модели:

ИО – 3

Любезный / любезнейший ИО – 9

Почтеннейший ИО – 5

Мой милый (милый мой) ИО – 4

Милый ИО – 2

И – 2

Любезный / любезнейший И – 17

Мой милый И – 5

Милый И – 3

Любезный Ф – 3

Мой милый (милый мой) Ф – 3

Брат – 10

Милый друг – 8

Любезный друг – 7

Друг – 4

Милый мой друг – 4

Милостивый государь – 4

Милый – 3

Милый брат – 2

Моя душа – 2

Голубчик – 2

Мой милый – 2

Милостивый государь ИО – 7

Доминанты апеллятивов: *друг* – 28, *брат* – 12, *милостивый государь* – 9, *милый* – 5, *душа* – 2, *голубчик* – 2.

А. Ф. Кони – всего 288 вокативов, запороговых 242 (84%), 13 разных моделей:

ИО – 3

Глубокоуважаемый ИО – 105

Дорогой ИО – 51

Многоуважаемый ИО – 33

Дорогой и глубокоуважаемый ИО – 18

Дорогой и сердечно любимый ИО – 6

Душевноуважаемый ИО – 3

Дорогой и многоуважаемый ИО – 3

Дорогой друг мой – 3

Сердечный друг мой – 3

Милый друг – 3

Милостивый государь ИО – 6

Дорогой друг ИО – 5

Доминанты апеллятивов: *друг* – 33, *милостивый государь* – 7.

В. Г. Короленко – всего 469 вокативов, запороговых 386 (82,3%), 14 разных моделей.

ИО – 8

Дорогой ИО – 85

Многоуважаемый ИО – 55

Глубокоуважаемый ИО – 8

И – 45

Дорогой мой И – 68

Дорогой И – 25

Милый мой И – 6

Мой дорогой – 19

Милостивый государь – 18

Голубчик – 13

Брат – 12

Мама – 8

Милостивый государь ИО – 16

Доминанты апеллятивов: *милостивый государь* – 20, *дорогой* – 19, *голубчик (голубушка)* – 18, *мама* – 15, *брат* – 13, *девочка* – 7, *милый* – 6.

Н. С. Лесков – всего 374 вокатива, запороговых 298 (79,7%), 10 разных моделей:

ИО – 50

Уважаемый ИО – 105

Достоуважаемый ИО – 50

Любезный / любезнейший ИО – 14

Достойнейший ИО – 13

Многоуважаемый ИО – 8

Высокочтимый ИО – 8

Досточтимый ИО – 4

Милостивый государь ИО – 37

Любезный друг ИО – 9

Доминанты апеллятивов: *милостивый государь* – 40, *друг* – 28,

В. В. Маяковский – всего вокативов 192, запороговых 132 (68,8%), 17 разных моделей:

Дорогой ИО – 3

И – 37

Дорогой И – 15

Милый и дорогой И – 4

Милый И – 3

Дорогой-дорогой, любимый-любимый, милый-милый И – 2

Детка / детик – 12

Уважаемый товарищ – 7

Товарищ – 7

Родной / родненький – 7

Мама / мамочка – 10

Дорогая мамочка – 11

Дорогая моя мамочка – 4

Милая дорогая мамочка – 3

Солнышко – 3

Кисит – 2

Маленький – 2

Доминанты апеллятивов: *мама* – 22, *товарищ* – 17, *детка (детик)* – 12, *родной (родненький)* – 7.

М. П. Мусоргский – всего вокативов 653, запороговых 443 (67,8%), 23 разных модели:

ИО – 16

Милейший ИО – 10

И – 62

Дорогой И – 33
Мой милый И – 8
Дорогой мой – 45
Голубчик / голубушка – 39
Дорогая моя голубушка – 12
Моя голубушка – 10
Дорогой мой généralissime – 28
Généralissime – 19
Дорогой généralissime – 8
Друг / дружже – 29
Милый друг – 8
Родной – 22
Родной мой – 8
Милый / миленький / милейший – 20
Дорогой – 11
Ваше сиятельство – 8
Дорогая моя голубушка ИО – 20
Голубчик ИО / голубушка ИО – 10
Милостивый государь ИО – 9
Мой милый друг И – 8

Доминанты апеллятивов: *друг* – 62, *дорогой* – 50, *родной* – 33, *милый* (*миленький, милейший*) – 23, *голубушка* – 92, *барыня* – 16, *милостивый государь* – 12, *Ваше сиятельство* – 10.

А. Н. Островский – всего 1033 вокатива, запороговых 980 (94,9%), 8 разных моделей.

ИО – 50
Многоуважаемый ИО – 342
Любезнейший ИО – 41
Милейший ИО – 17
Милый И – 26
Любезный / любезнейший друг – 14
Любезный / любезнейший друг ИО – 343
Милостивый государь ИО – 147

Доминанты апеллятивов: *друг* – 359, *милостивый государь* – 153.

Б. Л. Пастернак – всего 230 вокативов, запороговых 201 (87,4%), 10 разных моделей:

ИО – 11
Дорогой ИО – 25
И – 45

Дорогой И (И дорогой) – 86
Дорогой мой И (И дорогой мой) – 12
Родной И (И родной) – 4
Дорогой мой друг – 4
Мой дорогой – 4
Дорогая тётя И – 6
Тётя И – 4

Доминанты апеллятивов: *друг – 14, тётя – 11, дорогой – 4, родной – 3.*

К. Г. Паустовский – всего 598 вокативов, запороговых 429 (71,7%), 12 разных моделей:

ИО – 7
Дорогой ИО (ИО дорогой) – 94
Глубокоуважаемый ИО – 6
И – 179
Дорогой И (И дорогой) – 58
Милый И – 20
Родной И – 20
Родной мой И – 17
Маленькая моя – 10
Миледи – 6
Дорогая мама – 6
Дорогой товарищ Ф – 6

Доминанты апеллятивов: *маленькая – 14, товарищ – 13, девочка – 17, радость – 12, зверь (Звэра, зверунья, зверушка, зверюшка, зверуша) – 22, человек – 11, радость – 10, мальчик – 6, миледи – 6, мама – 6.*

А. С. Пушкин – всего 635 вокативов, запороговых 465 (73,2%), 14 разных моделей:

Любезный ИО – 31
Милый ИО – 7
Милый Ф – 7
Мой ангел – 43
Жена – 34
Мой милый – 34
Мой друг – 21
Милый – 19
Милостивый государь – 75
Душа моя – 37
Душа – 12
Моя радость – 9

Милостивый государь ИО – 122

Милостивый государь граф ИО – 14

Доминанты апеллятивов: *милый* – 55, *милостивый государь* – 50, *жена* – 49, *ангел* – 49, *друг* – 34, *душа* – 34, *радость* – 9, *граф* – 9, *брат* – 7, *князь* – 6, *прелесть* – 5, *поэт* – 4, *Ваше сиятельство* – 4.

А. С. Серафимович – всего 330 вокативов, запороговых 273 (82,7%), 18 разных моделей:

ИО – 15

Дорогой ИО – 78

Милый ИО – 16

Многоуважаемый ИО – 11

Милый мой ИО – 5

Уважаемый ИО – 4

И – 12

Милый И – 22

Дорогой И – 18

Милый мой И – 4

Милый О – 4

Милый – 24

Брат – 16

Друг – 14

Голубчик – 11

Дорогой, милый друг – 8

Мой дорогой – 6

Родной – 5

Доминанты апеллятивов: *друг* – 33, *милый* – 27, *брат* – 16, *голубчик* – 15, *дорогой* – 9, *родной* – 6, *товарищ* – 4.

А. В. Суворов – всего 861 вокатив, запороговых 656 (76,2%), 14 разных моделей:

ИО – 46

И – 13

О – 14

Светлейший князь, милостивый государь – 80

Светлейший князь – 26

Сиятельнейший князь милостивый государь – 12

Милостивый государь мой – 170

Милостивый государь – 69

Всемилоостивейший государь / Всемилоостивейшая государыня –

Сиятельнейший граф милостивый государь – 25

Милостивый государь мой ИО – 121

Милостивый государь мой граф ИО – 33

Милостивый государь ИО – 9

Милостивый государь граф ИО – 16

Доминанты апеллятивов: *милостивый государь* – 38, *князь (княгиня)* – 22, *друг* – 10, *всемилоостивейший государь* – 6.

С. И. Танеев – всего 210 вокативов, запороговых 201 (95,7%), 9 разных моделей:

ИО – 56

Милый ИО – 96

Многоуважаемый ИО – 15

Глубокоуважаемый ИО – 6

Дорогой мой ИО – 4

Милая мамаша – 8

Милые родители – 5

Милый друг ИО – 8

Милостивый государь ИО – 3

Доминанты апеллятивов: *друг* – 12, *мамаша* – 8, *родители* – 7.

Л. Н. Толстой – всего 539 вокативов, запороговых 461 (85,5%), 20 разных моделей:

ИО – 60

Дорогой ИО – 124

Любезный ИО – 33

Милый ИО – 24

Многоуважаемый ИО – 15

Уважаемый ИО – 12

И – 14

Милый И (И милый) – 18

Милый друг – 24

Милостивый государь – 16

Голубчик – 15

Дорогой друг – 11

Любезный друг – 6

Душа – 6

Милостивый государь ИО – 38

Любезный друг ИО – 12

Милый друг И – 10

Любезный друг И – 10

Милый друг ИО – 7

Дорогой друг И – 6

Доминанты апеллятивов: *друг* – 106, *милостивый государь* – 55, *голубчик* – 19, *душа* – 9.

А. А. Фадеев – всего 219 вокативов, запороговых 191 (87,2%), 19 разных моделей:

ИО – 3

Дорогой ИО – 46

Уважаемый ИО – 17

Дорогой мой ИО – 4

Милый ИО – 3

И – 5

Дорогой И – 43

Милый И – 16

Дорогой мой И – 5

Милый мой И – 5

Родной мой И – 3

Дорогой ИФ – 3

Дорогой друг – 3

Милая мама – 3

Родной – 3

Родной мой – 3

Дорогой товарищ Ф – 12

Уважаемый товарищ Ф – 11

Товарищ Ф – 3

Доминанты апеллятивов: *товарищ* – 26, *друг* – 11, *мама* – 6, *родной* – 5.

П. И. Чайковский – всего 480 вокативов, запороговых 449 (93,5%), 16 разных моделей:

ИО – 37

Дорогой ИО – 46

Добрейший ИО – 44

Милый ИО / *милейший* ИО – 38

Многоуважаемый ИО – 12

Многоуважаемый и добрейший ИО – 10

И – 64

Милый И – 60

Милый мой И – 19

Милый, дорогой мой И – 4

Голубчик – 25
Милый друг – 4
Голубчик (голубушка) И – 59
Милый друг И – 14
Милый друг ИО – 9
Голубчик ИО – 4

Доминанты апеллятивов: *голубчик* – 92, *друг* – 37, *человек* – 4.

А. П. Чехов – всего 762 вокатива, заporовых 500 (65,6%), 13 разных моделей:

ИО – 13
Дорогой ИО – 129
Многоуважаемый ИО – 105
Уважаемый ИО – 45
Милый ИО – 36
Добрейший ИО – 29
И – 31
Милый И – 53
Дуся моя – 15
Дуся – 11
Голубчик – 11
Радость моя – 11
Милостивый государь ИО – 11

Доминанты апеллятивов: *дуся (дусик)* – 40, *актриса* – 25, *брат* – 15, *радость* – 14, *голубчик* – 12, *милостивый государь* – 12, *друг* – 10.

Составим теперь общий список вокативных образований, перешедших статистический порог хотя бы у одного из адресантов основной нашей статистической выборки и укажем в абсолютных величинах их частотно-распределительные характеристики, т. е. абсолютную частоту данного вокативного образования (первое число) и количество адресантов, у которых оно было зафиксировано как перешедшее у него же однопроцентный статистический порог (второе число через дробь со списком адресантов). Итак, в порядке убывания частоты той или иной формы обращения мы имеем:

Список № 2

Дорогой ИО – 1503 / 17 (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Горький, Есенин, Кони, Короленко, Маяковский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов).

- И** – 947 / 20 (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Горький, Есенин, Жуковский, Короленко, Маяковский, Мусоргский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Суворов, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов).
- Многоуважаемый ИО** – 777 / 13 (Блок, Булгаков, Бунин, Горький, Кони, Короленко, Лесков, Островский, Серафимович, Танеев, Толстой, Чайковский, Чехов).
- ИО** – 747 / 24 (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Гоголь, Горький, Есенин, Жуковский, Кони, Короленко, Лесков, Островский, Мусоргский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Суворов, Танеев, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов).
- Дорогой И** – 503 / 11 (Баранцев, Булгаков, Бунин, Есенин, Короленко, Маяковский, Мусоргский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Фадеев).
- Милый И (милейший И)** – 418 / 15 (Бабель, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Есенин, Жуковский, Маяковский, Островский, Паустовский, Серафимович, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов).
- Милостивый государь ИО** – 408 / 12 (Гоголь, Жуковский, Кони, Короленко, Лесков, Мусоргский, Островский, Пушкин, Суворов, Танеев, Толстой, Чехов).
- Любезный друг ИО (любезнейший друг ИО)** – 364 / 3 (Лесков, Островский, Толстой).
- Милый ИО (милейший ИО)** – 329 / 15 (Бабель, Блок, Булгаков, Горький, Есенин, Жуковский, Мусоргский, Островский, Пушкин, Серафимович, Танеев, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов).
- Уважаемый ИО** – 292 / 9 (Булгаков, Бунин, Горький, Есенин, Лесков, Серафимович, Толстой, Фадеев, Чехов).
- Милостивый государь** – 185 / 6 (Герцен, Жуковский, Короленко, Пушкин, Суворов, Толстой).
- Глубокоуважаемый ИО** – 177 / 7 (Баранцев, Блок, Горький, Кони, Короленко, Паустовский, Танеев).
- Милостивый государь мой** – 170 / 1 (Суворов).
- Дорогой друг** – 145 / 5 (Булгаков, Бунин, Горький, Толстой, Фадеев).
- Голубчик (голубушка)** – 136 / 9 (Бунин, Есенин, Жуковский, Короленко, Мусоргский, Серафимович, Толстой, Чайковский, Чехов).
- Мама (мамочка, маменька)** – 133 / 4 (Блок, Гоголь, Короленко, Маяковский).

Любезный ИО (любезнейший ИО) – 131 / 6 (Герцен, Жуковский, Лесков, Пушкин, Островский, Толстой).

Милый (милейший) – 129 / 8 (Блок, Бунин, Герцен, Есенин, Жуковский, Мусоргский, Пушкин, Серафимович).

Мой дорогой – 129 / 7 (Бабель, Бунин, Есенин, Короленко, Мусоргский, Пастернак, Серафимович).

Милостивый государь мой ИО – 121 / 1 (Суворов).

Милый друг – 86 / 8 (Бабель, Блок, Бунин, Жуковский, Кони, Мусоргский, Толстой, Чайковский).

Дорогой мой И – 85 / 3 (Короленко, Пастернак, Фадеев).

Брат – 81 / 7 (Бунин, Герцен, Гоголь, Есенин, Жуковский, Короленко, Серафимович).

Светлейший князь милостивый государь – 80 / 1 (Суворов).

Добрейший ИО – 73 / 2 (Чайковский, Чехов).

Друг (друже) – 60 / 6 (Бабель, Герцен, Гоголь, Жуковский, Мусоргский, Серафимович).

Голубчик И (голубушка И) – 59 / 1 (Чайковский).

Мой друг – 58 / 6 (Бабель, Герцен, Гоголь, Горький, Есенин, Пушкин).

Душа моя – 58 / 4 (Бабель, Гоголь, Жуковский, Пушкин).

Милый мой – 51 / 4 (Бабель, Блок, Жуковский, Пушкин).

Достоважаемый ИО – 50 / 1 (Лесков).

Мой милый И – 49 / 7 (Есенин, Жуковский, Короленко, Мусоргский, Серафимович, Фадеев, Чайковский).

Дорогой – 48 / 3 (Бунин, Есенин, Мусоргский).

Ангел мой – 48 / 2 (Герцен, Пушкин).

Родной (роденький) – 37 / 4 (Маяковский, Мусоргский, Серафимович, Фадеев).

Дорогой мой ИО – 36 / 3 (Горький, Танеев, Фадеев).

Дорогой товарищ Ф – 35 / 4 (Горький, Есенин, Паустовский, Фадеев).

Жена – 34 / 1 (Пушкин).

Милостивый государь мой граф ИО – 33 / 1 (Суворов).

Дорогой мой друг – 32 / 3 (Горький, Кони, Пастернак).

Милостивый государь граф ИО – 30 / 2 (Пушкин, Суворов).

Деточка (детка, детик) – 29 / 2 (Бунин, Маяковский).

Дорогой мой généralissime – 28 / 1 (Мусоргский).

Любезный / любезнейший друг – 27 / 3 (Жуковский, Островский, Толстой).

Милый друг ИО – 26 / 3 (Танеев, Толстой, Чайковский).

Светлейший князь – 26 / 1 (Суворов).

Сиятельнейший граф милостивый государь – 25 / 1 (Суворов).
Милый друг И – 24 / 2 (Толстой, Чайковский).
Уважаемый товарищ Ф – 24 / 2 (Горький, Фадеев).
Родной И – 24 / 2 (Пастернак, Паустовский).
Дорогой и милый И – 24 / 2 (Бунин, Маяковский).
Глубокоуважаемый и дорогой ИО – 23 / 2 (Блок, Кони).
Товарищ – 23 / 2 (Горький, Маяковский).
Милый и дорогой друг – 22 / 2 (Бунин, Серафимович).
Всемиловивейший государь (всемиловивейшая государыня) –
22 / 1 (Суворов).
Родной мой И – 20 / 2 (Паустовский, Фадеев).
Радость моя – 20 / 2 (Пушкин, Чехов).
Дорогая моя голубушка ИО 20 / 1 (Мусоргский).
Любезный И (любезнейший И) – 19 / 2 (Герцен, Жуковский).
Дорогой товарищ – 19 / 1 (Горький).
Généralissime – 19 / 1 (Мусоргский).
Душа – 18 / 2 (Пушкин, Толстой).
Товарищ Ф – 18 / 2 (Горький, Фадеев).
Дорогой Ф – 18 / 1 (Горький).
Дорогая мама (дорогая мамочка) – 17 / 2 (Маяковский, Паустов-
ский).
Дорогой и уважаемый ИО – 15 / 1 (Горький).
Почтеннейшая маменька – 15 / 1 (Гоголь).
Милый папа – 15 / 1 (Блок).
Дуся моя – 15 / 1 (Чехов).
Голубчик ИО (голубушка ИО) – 14 / 2 (Мусоргский, Чайковский).
Дорогой О – 14 / 1 (Бунин).
Зверочек – 14 / 1 (Бунин).
О – 14 / 1 (Суворов).
Господин – 13 / 1 (Булгаков).
Достойнейший ИО – 13 / 1 (Лесков).
Дорогая моя голубушка – 12 / 1 (Мусоргский).
Ф – 12 / 1 (Герцен).
Сиятельнейший князь милостивый государь – 12 / 1 (Суворов).
Милая мама (милая мамаша) – 11 / 2 (Танеев, Фадеев).
Дуся – 11 / 1 (Чехов).
Родной мой – 11 / 2 (Мусоргский, Фадеев).
Маленький мой – 10 / 1 (Паустовский).
Любезный друг И – 10 / 1 (Толстой).

Моя голубушка – 10 / 1 (Мусоргский).
Многоуважаемый и добрейший ИО – 10 / 1 (Чайковский).
Мой милый ИО – 9 / 2 (Жуковский, Серафимович).
Почтенный ИО (почтеннейший ИО) – 8 / 2 (Герцен, Жуковский).
Ваше сиятельство – 8 / 1 (Мусоргский).
Высокочтимый ИО – 8 / 1 (Лесков).
Дорогой généralissime – 8 / 1 (Мусоргский).
Многоуважаемый и милый ИО – 8 / 1 (Блок).
Дражайший папенька – 8 / 1 (Гоголь).
Мой милый друг И – 8 / 1 (Мусоргский).
Любезный Ф (любезнейший Ф) – 7 / 2 (Герцен, Жуковский).
Милый Ф – 7 / 1 (Пушкин).
Уважаемый товарищ – 7 / 1 (Маяковский).
Сударь – 7 / 1 (Баранцев).
Дорогой друг И – 6 / 1 (Толстой).
Дорогой и сердечно любимый ИО – 6 / 1 (Кони).
Миледи – 6 / 1 (Паустовский).
Уважаемый господин Ф – 6 / 1 (Булгаков).
Дорогая тётя И – 6 / 1 (Пастернак).
Ангел – 5 / 1 (Герцен).
Дорогой друг ИО – 5 / 1 (Кони).
Друг Ф – 5 / 1 (Герцен).
Милые родители – 5 / 1 (Танеев).
Альтер (Alter, Аль(к)тер) – 5 / 1 (Баранцев).
Дорогая моя мамочка – 4 / 1 (Маяковский).
Досточтимый ИО – 4 / 1 (Лесков).
Мой милый друг – 4 / 1 (Жуковский).
Милый, дорогой мой И – 4 / 1 (Чайковский).
Милый О – 4 / 1 (Серафимович).
Многоуважаемый господин Ф – 4 / 1 (Булгаков).
Тётя И – 4 / 1 (Пастернак).
Дорогой и многоуважаемый ИО – 3 / 1 (Кони).
Душевноуважаемый ИО – 3 / 1 (Кони).
Дорогой ИФ – 3 / 1 (Фадеев).
Милая, дорогая мамочка – 3 / 1 (Маяковский).
Мой милый Ф – 3 / 1 (Жуковский).
Сердечный друг мой – 3 / 1 (Кони).
Солнышко – 3 / 1 (Маяковский).
Старик – 3 / 1 (Есенин).

Добрейший мой ИО – 2 / 1 (Гоголь).

Милый брат – 2 / 1 (Жуковский).

Мой добрый – 2 / 1 (Гоголь).

Любезные родители – 2 / 1 (Гоголь).

Дражайшие родители – 2 / 1 (Гоголь).

Милый, милый И – 2 / 1 (Есенин).

Дорогой-дорогой, любимый-любимый, милый-милый И – 2 / 1
(Маяковский).

Кисит – 2 / 1 (Маяковский).

Маленький – 2 / 1 (Маяковский).

Итого 9869 вокативов и вокативных конструкций, из них 131 разная форма обращения и соответственно столько же моделей русского эпистолярного вокатива. Среднее количество вокативов на одного адресанта – 380; среднее количество вокативов, репрезентирующих одну модель, – 75.

Определимся теперь со степенью репрезентативности приведенных форм обращения и приемлемым статистическим порогом, позволяющим обобщить данные обоих сформированных нами списков эпистолярного вокатива: 1) от адресанта к зафиксированным в его письмах моделям и 2) от модели к адресантам, её употребившим. При этом мы ставим вопрос именно о типологии исследуемой лингвистической фигуры, а не о характере её использования отдельными адресантами в каких-то конкретных своих письмах, тем более что хоть сколько-нибудь статистически обеспеченная конкретика в последнем случае, на наш взгляд, вообще невозможна в силу огромного и потенциально не контролируемого даже в одноязычном социуме объёма переписки, а соответственно и представленных в ней форм обращения.

Однопроцентный статистический порог в первом списке вокативов дал нам возможность зафиксировать те вокативные модели, которые достаточно регулярно используются каждым из адресантов нашей основной выборки, а затем сформировать и полный список этих моделей. И если говорить о типологии как об определённом уровне обобщения результатов, полученных в ходе анализа нашего фактического материала, то первый список – это некая последовательность обращений, каждое из которых соотносится только с каким-то одним конкретным адресантом, и здесь, как уже было отмечено, указанный порог мы можем считать оптимальным. Для второго же списка разных форм обращения, списка, который с его частотно-распределительными характеристиками, надо полагать, и должен быть

базой для построения общей типологии русского эпистолярного вокатива, один процент (контрольное число – 100) как показатель функциональной значимости той или иной вокативной модели, по-видимому, адекватен не в полной мере. И этому, как минимум, две причины.

Во-первых, нет, на наш взгляд, оснований считать абсолютно значимыми, функционально и в целом определяющими типологию русского эпистолярного вокатива беспрецедентные – так мы их квалифицируем – вокативные образования, т. е. такие модели, которые используются только одним адресантом, если при этом ещё и недостаточно велико их наполнение. Такого рода обращения как отдельные конструкции чрезвычайно разнообразны, их очень много, лингвистически они, разумеется, вполне состоятельны и иллюстрируют какие-то отдельные фрагменты вокативного потенциала русского языка, иногда даже очень интересные, но в качестве определённой модели при заданном статистическом пороге в общую типологию русского вокатива, будучи редко употребляемыми (это, например, *миледи*, *душевноуважаемый ИО*, *досточтимый ИО* и т. п., не говоря уже о чеховских апеллятивных вокативах типа *собака*, *лошадка* и *инфузория*), включены быть не могут. С другой же стороны, было бы, по всей вероятности, неразумно пройти мимо, скажем, таких беспрецедентных моделей, которые наполнены достаточно большим количеством, в том числе и несколькими десятками обращений, как, например, *голубчик И* у Чайковского (59 употреблений), *достоуважаемый ИО* у Лескова (50), *жена* у Пушкина (33), *милостивый государь мой* у Суворова (25), *любезный друг ИО* у Островского (22) и др., тем более что доминанты такого рода обращений часто используются и другими адресантами, пусть даже в конструкциях, не перешедших у них однопроцентного статистического порога, при ином значении которого были бы, естественно, иные предпочтения, были бы, правда, и свои какие-то новые нюансы проблематичного характера. Такого рода модели можно всё же фиксировать, но не в общем списке регулярных форм обращения, а при персонификации вокативных образований, т. е. при стилистических изысканиях, если в этом есть потребность, и ниже мы специально рассмотрим возникающие при этом проблемы.

Вторая причина необходимости корректировки величины статистического порога связана с чрезвычайно неравномерным объёмом ведущейся отдельными адресантами и обследованной нами переписки, а соответственно и количества вокативов в письмах разных авторов –

от нескольких десятков до нескольких сотен (оговорим сразу же в скобках, что было бы некорректно ограничить фактический материал только каким-то одним порядком его объёма, поскольку это оставило бы вне поля нашего зрения большое число и ВИП-адресантов, и, тем более, респондентов с их иногда весьма интересными и лингвистически значимыми формами и способами адресации). При этом письма с сотнями вокативов гораздо в большей степени, чем письма с малым их количеством, определяют наполнение установленного статистического порога и соответствующее контрольное число. Так, убрав или добавив в нашей генеральной выборке комплект писем одного или даже нескольких адресантов с сотней вокативов (контрольное число – 2), мы практически ничего не изменим в общей типологии обращения, но ещё только один адресант с таким же количеством обращений, как, скажем, у Бунина или Островского, сразу увеличит контрольное число однопроцентного порога почти на десять пунктов, что существенно изменит как количество, так и характер запороговых вокативных образований.

В генеральном массиве 9869 вокативов и вокативных конструкций. Контрольное число при однопроцентном статистическом пороге – 100, а это делает репрезентативными, как нетрудно увидеть, только 20 моделей: от самой частой *дорогой ИО* (1503 употребления) до *милостивый государь мой ИО* (121 употребление, причём только у одного адресанта). Указанное количество различных форм обращения, конечно же, гораздо меньше того, что можно было бы, на наш взгляд, даже при уже установленном пороге относить к регулярным, репрезентативным вокативным моделям. И в этом плане мало что изменило бы простое уменьшение (об этом выше уже шла речь) статистического порога. Поэтому, не меняя величину нашего однопроцентного статистического порога, мы можем скорректировать характер его наполнения, если не будем ориентироваться на указанное выше контрольное число 100, получившееся в силу включения в генеральную выборку ряда адресантов с большим объёмом переписки, но при этом исключим из списка репрезентативных моделей такие (их 75), которые были использованы только одним адресантом. Нетрудно теперь увидеть, что общее число разных моделей, включающее в себя все модели вокативных образований, перешедших однопроцентный статистический порог, как минимум, у двух адресантов, составит 131 минус 75, т. е. 56: от *дорогой ИО* (1503 употребления) до *любезный Ф* (7 употреблений).

Рассмотрим теперь характер наполнения трёх наших базовых моделей вокатива. Первую из них, как это было показано выше, образуют антропонимы, и количество таких моделей определяется, по сути дела, количеством детерминантов при одном определяющем компоненте к антропониму той или иной вокативной конструкции (*милый* Ф) и/или количеством детерминантных групп при нескольких определяющих к одному антропониму (*многоуважаемый и милый* ИО), а также в ситуации, когда какой-нибудь детерминант сам представляет собой словосочетание (*дорогой и сердечно любимый* ИО). С доминантой ИО, таким образом, употреблены следующие (в порядке убывания частоты соответствующих моделей) определяющие её компоненты: *дорогой; многоуважаемый; [нет]; милый; уважаемый; глубокоуважаемый; любезный; добрейший; дорогой мой; глубокоуважаемый и дорогой; мой милый; почтеннейший*. Всего 12 моделей.

С доминантой И разные модели образованы такими детерминантами: *[нет]; дорогой; милый; дорогой мой; мой милый; родной; дорогой и милый; родной мой; любезный*. Всего 9 моделей.

С доминантой Ф одна модель с детерминантом *любезный*.

Теоретико-множественная сумма детерминантов антропонима, как это нетрудно увидеть, представляет собой такой список детерминантов: *дорогой; многоуважаемый; милый; уважаемый; глубокоуважаемый; любезный; добрейший; дорогой мой; глубокоуважаемый и дорогой; мой милый; почтеннейший; родной; дорогой и милый; родной мой*.

Общее количество регулярных моделей с разными доминантами-антропонимами – 22. Если же не дифференцировать антропонимы в этих вокативных конструкциях, то общее количество таких моделей будет на одну (модель без детерминантов) больше, чем количество детерминантов приведённых их списков, и равняется 15.

Первая базовая модель эпистолярного вокатива – это наиболее стабильная и, как уже отмечалось, самая распространённая форма обращения, в особенности с доминантой, представляющей собой имя и отчество адресата. В самом общем виде эта модель может быть представлена формулой (**детерминант**) **антропоним**, детерминант в которой факультативен и заключён поэтому в круглые скобки. Используется эта модель всеми адресантами нашей генеральной выборки и подавляющим их большинством спонтанных выборов.

Иная ситуация со второй базовой моделью русского эпистолярного вокатива, доминантой в которой является апеллятив. И если ха-

рактик первой модели определяется главным образом количеством и характером сопутствующих её доминанте детерминантов, то в моделях вокатива с доминантой-апеллятивом ведущим их параметром является само нарицательное существительное, причём, как правило или во всяком случае теоретически, без каких бы то ни было лимитов на количество его вхождений в ту или иную форму обращения, без ограничений на его лексическое значение, стилистические особенности и круг коммуникантов, использующих соответствующий апеллиатив. Всё это проиллюстрировано в приведенном выше списке таких апеллиативов. Новый детерминант у вокативного апеллиатива образует, естественно, и новую его модель, но главное при этом всё же доминанты, и их уже не пять, как в первой базовой модели (И, О, Ф, ИО, ИФ), а значительно больше, отсюда и большее разнообразие соответствующих конструктивных образований.

Установленные статистические пороги в генеральной выборке перешло тринадцать апеллиативов, на основе которых сформированы следующие разновидности второй базовой модели:

- с доминантой-контактивом *милостивый государь* – 1 модель;
- с доминантой *друг* – 7 моделей: *дорогой*; *милый*; [нет]; *мой*; *дорогой мой*; *милый и дорогой*; *любезный*;
- с доминантой *мама* – 3 модели: [нет]; *дорогая*; *милая*;
- с доминантой *душа* – 2 модели: *моя*; [нет];
- с доминантой-субстантиватом *дорогой* 2 модели: *мой*; [нет];
- с доминантой-субстантиватом *милый* – 2 модели: [нет]; *мой*;
- с доминантой-субстантиватом *родной* – 2 модели: [нет]; *мой*;
- с доминантой *товарищ* – 1 модель: [нет];
- с доминантой *голубчик* – 1 модель: [нет];
- с доминантой *ангел* – 1 модель: *мой*;
- с доминантой *брат* – 1 модель: [нет];
- с доминантой *радость* – 1 модель: *моя*;
- с доминантой *детка* – 1 модель: [нет];

Всего 25 моделей. Практически то же самое, что и в вокативных образованиях на базе антропонима, но у вокатива-антропонима фактически только одна доминанта, и каждая новая форма обращения возникает, как уже отмечалось, при замене у этой доминанты её определения. Новая же модель вокативного апеллиатива – это преимущественно новая доминанта, иное обращение как лингвистическая фигура. Что же касается детерминации такого обращения, то её функциональная сфера, а соответственно и объём лексического обеспечения суще-

ственно снижены, поскольку сам апеллатив очень часто ориентирован на ту или иную коннотацию, в особенности если это тот или иной субстантиват.

И в самом деле. Обращения типа *милый, родной, дорогой, любимый* и т. п. не нуждаются в какой-то качественной атрибуции и могут быть соотнесены, как было сказано выше, лишь с субъектом, прибегающим к такой номинации своего адресата: *мой милый, дорогой наш* и т. п. Кроме притяжательного местоимения, детерминантами при этих и других эмотивных субстантиватах могут быть, разве что, наречия, усиливающие их семантику таким, например, образом: *мой несказанно милый; бесконечно родной*. В этом отношении субстантиваты ведут себя подобно оценочным метафорическим существительным типа *радость, любовь*, к которым тоже можно добавить, кроме местоимения *моя*, что-то усилительное: *моя несказанная радость; любовь моя неземная*.

Множество вокативных апеллативов по своему объёму существенно меньше, чем множество вокативов-антропонимов. Меньшее количество и адресантов, регулярно использующих такого рода обращения.

Наконец, третья базовая модель, включающая в себя различные комбинации антропонима и апеллатива, реализована в генеральной выборке в следующих вокативных конструкциях, перешедших однопроцентный статистический порог у двух и более адресантов: **милостивый государь ИО; любезный друг ИО; милый друг ИО; голубчик ИО; милостивый государь граф ИО; милый друг И; дорогой товарищ Ф; уважаемый товарищ Ф; друг Ф**.

Всего 9 моделей, что ещё существенно меньше (почти в три раза) количества вариаций каждой из первых двух базовых моделей.

Бывает, что какой-то апеллатив очень часто используется тем или иным адресантом в самых разных вокативных конструкциях, но далеко не все из них переходят установленный статистический порог, а зачастую такой порог не переходит вообще ни одно обращение с этим апеллативом. Так, в письмах Чехова существительное *актриса* употреблено в различного рода вокативных конструкциях не менее 25 раз, но только одна из этих конструкций, конструкция *милая актриса* достигла порогового значения. Такая же ситуация и с обращением *лошадка*, используемым Чеховым в письмах к О. Книппер. Есть у многих авторов писем и абсолютно уникальные обращения типа *дитя моего сердца и милая баба* [Бабель, с. 62], *О-льга, Олель моя, яркая*

моя звёздочка, святая, светлика милая, чудо моё дивное, чистая моя, рождественская снежка моя... бриллиант льдистый-огненный, нежка, дорогулька... [Шмелёв, т. 1, с. 418], *моя, наша Прекрасная, Светлая, Одноштучная* [Каплер, с. 283], *отстающий эпистолянец* [Баранцев, с. 389], статистического обеспечения они, конечно же, не имеют, но использование такого рода вокативных конструкций – яркая стилевая примета дружеских и интимных писем.

Необходимо отметить, что общее количество разных вокативов в нашей выборке превышает сумму разных вокативов, зафиксированных у каждого отдельного адресанта. И это вполне естественно, потому что любой адресант (их может оказаться и несколько), предпочитая в силу тех или иных причин какую-то конкретную форму адресации, может употреблять её во многих, а то и в большинстве своих писем, а это в свою очередь может привести к тому, что при суммировании соответствующей формы с такими же формами, не перешедшими статистического порога у отдельных адресантов, их общее количество может и превысить статистический порог, установленный для всей выборки в целом. В нашей выборке, в частности, А. А. Блок более ста раз обращается к матери, в четверти писем П. И. Чайковского обращение *голубчик* или *голубушка*, а у Л. Н. Толстого и А. Н. Островского примерно в таком же соотношении обращение *друг*, У Короленко, Лескова и, конечно же, у Суворова доминирует контактив *милостивый государь*, у Фадеева – контактив *товарищ*, а вот у Булгакова – *господин*. Пушкин же довольно часто в качестве обращения употребляет субстантивированный адъектив *милый*, а Паустовский – *маленькая*. Всё это, разумеется, так или иначе связано не только с личностью автора письма, но и с составом его адресатов, частотой обращения к кому-либо из них, а также с интенсивностью, условиями и прагматикой коммуникации с каждым из постоянных адресатов. Так, из опубликованных 200 писем в последние 10 лет жизни Блока 61 адресовано матери, 24 – жене Л. Д. Блок, остальные 115 писем направлены примерно 40 разным адресатам (менее чем по три каждому).

Три основных типа эпистолярного вокатива во всём массиве из 56 моделей, перешедших однопроцентный статистический порог, представлены в абсолютных и относительных характеристиках следующим образом:

- антропоним без апеллятива – 22 модели, т. е. 39,3 процента;
- апеллятив без антропонима – 25 моделей, т. е. 44,6 процента;
- антропоним плюс апеллятив – 9 моделей, т. е. 16,1 процента.

Выше было отмечено, что антропонимы и вокативные конструкции, в состав которых они входят, составляют подавляющее большинство обращений. Теперь мы видим, что и на уровне моделей в сумме вокативы-антропонимы и вокативные конструкции с антропонимами опять же преобладают над собственно апеллятивами в функции обращения, образуя более половины вокативных фигур и составляют, как это видно из полученных нами данных, 55,4% от общего количества запороговых вокативных моделей. С другой стороны, моделей второго и третьего типов, т. е. моделей с апеллятивами оказывается всё же больше, чем моделей с антропонимами. Их – 34, т. е. свыше 60%. Такого рода количественное соотношение базовых вокативных моделей и двух указанных их комбинаций, по нашему мнению, вполне согласуется как с функциональным назначением адресации письма, так и с общепринятыми нормами её стилистики. Апеллятивов, которым не противопоказана функция прямого обращения и которые могут оказаться доминантой в той или иной вокативной конструкции, во много раз больше, чем собственно антропонимов.

Показательна и апеллятивная доминанта вокатива у разных адресантов, использующих вторую фигуру. Иногда, правда, такая доминанта возникает только в силу того, что с кем-то автор писем ведёт более интенсивную по сравнению с другими адресатами переписку. Так, как уже было отмечено выше, из 491 вокатива в письмах А. А. Блока, опубликованных в восьмом томе собрания его сочинений [Блок], 114 обращений к матери (это 23%) и ещё 16 обращений к отцу, что, разумеется, прямо обусловлено большим количеством его писем именно родителям.

Выбор апеллятива может быть, конечно, обусловлен и социальными факторами. И если, скажем, у А. М. Горького может функционировать вокатив *товарищ* или вокативная конструкция с этим словом (мы зафиксировали 75 такого рода обращений), то у Л. Н. Толстого в этом плане доминирует, естественно, *милостивый государь*. Апеллятивную конструкцию со словом *товарищ* употребляет иногда и А. П. Чехов [Чехов, т. 11, с. 259; т. 12, с. 496]. Однако большинство апеллятивов в функции обращения отражает, на наш взгляд, и общие этические нормы письменных посланий, и специфику личностных или деловых отношений адресанта и адресата параллельно, даже если и не касаться персонифицированной экзотики типа *кукуруза, лошадка и собака*, уже указанной выше, или таких обращений,

как *Ваше Целомудрие* [Чехов, т. 11, с. 112], *Ваше Литературное Высокпревосходительство* [Герцен, с. 428] и т. п.

Самой насыщенной, самой распространённой и разнообразной в структурном плане, хотя и не преобладающей количественно, является, безусловно, третья из рассматриваемых нами базовых вокативных конструкций, т. е. определённая комбинация антропонима и апеллятива, широко представленная во всей обработанной нами корреспонденции. В этой фигуре часто перемещаются акценты на её составляющие, и в качестве функциональной доминанты могут выступать уже не антропонимы, а собственно апеллятивы, причём не контактивы и не обращения-регулятивы, если воспользоваться терминологией В. Е. Гольдина [Гольдин 1987, с. 93–94], а слова и конструкции, характеризующие, подобно детерминантам, адресата в соответствии с прагматической, как правило, установкой послания. И если, например, в вокативе типа *господин Туманов* или даже *дорогой господин Туманов* доминирует, безусловно, антропоним, то в конструкции *голубчик мой Туманов* или, скажем, *Уважаемый председатель специализированного совета Т. С. Туманов* антропоним доминантой, по крайней мере семантической, уже, по-видимому, не является. Актуализируется тот компонент приведенных вокативных конструкций, который либо выражает отношение адресанта к адресату, либо интересуется адресанта как некое официальное лицо, фамилия которого какого-то особого значения не имеет. Любой антропоним при этом может сочетаться сразу с несколькими апеллятивами разного или одного и того же уровня значимости, апеллятивами, подчёркивающими и особое положение адресата, и особое отношение к нему автора послания. Вот, например, два «стандартных» обращения А. В. Суворова, одно к Екатерине II, второе к императору Павлу:

Всепресветлейшая, державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивейшая [Суворов, с. 19];

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Павел Петрович самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший! [Суворов, с. 332].

Общее и специфическое в использовании трёх наших базовых вокативных моделей наглядно иллюстрирует Таблица 1, в которую мы включили заповоговые модели с соответствующими их доминантами, исходя из полного списка № 2 и расположив перечень адресантов в хронологическом порядке по дате рождения, с тем чтобы иметь воз-

возможность не только проследить за теми или иными предпочтениями в выборе определённого рода модели у отдельных адресантов, но и соотнести эти предпочтения с временными рамками переписки как фактором, определяющим некоторые нюансы общей типологии русского эпистолярного вокатива. Вот эта таблица.

Таблица 1

Адресант	Количество заporо- говых во- кативов	Доминанты вокативной модели		
		Антропо- ним	Апелля- тив	Антропо- ним и апеллятив
Суворов	656	73	404	179
Жуковский	111	63	48	-
Пушкин	465	45	284	136
Гоголь	51	11	40	-
Герцен	87	53	29	5
Островский	980	476	14	490
Толстой	461	300	78	83
Лесков	298	252	-	46
Мусоргский	443	129	267	47
Чайковский	449	393	29	27
Кони	238	229	9	-
Короленко	386	300	70	16
Танеев	201	177	13	11
Чехов	500	441	48	11
Серафимович	273	189	84	-
Горький	915	728	144	43
Бунин	863	578	285	-
Блок	444	272	172	-
Пастернак	201	167	8	26
Булгаков	343	324	19	-
Паустовский	429	401	22	6
Маяковский	132	64	68	-
Бабель	283	232	51	-
Есенин	157	130	25	2
Фадеев	191	153	12	26
Баранцев	312	300	12	-
Итого	9869	6480	2235	1154

Большинство обследованных нами адресантов использует обращения, включающие в себя тот или иной антропоним, и в общей сумме вокативных конструкций, как это следует из приведенной таблицы, обращений-антропонимов 66 процентов, вместе же с моделями, представляющими собой комбинацию антропонима и апеллятива, – 77,5%. При этом явное предпочтение обращению с антропонимом отдают Островский и Лесков. У них до 99–100% запороговых вокативных образований содержат антропоним. В письмах Кони таких образований – 96%, в письмах Чайковского и Танеева количество обращений с антропонимами – 94%. И далее мы имеем: Пастернак и Булгаков – 96%, Паустовский – 95%, Булгаков и Фадеев – 94%.

Но есть и иные предпочтения. Так, при общем количестве вокативных апеллятивов 23 процента (это вторая базовая модель) у Суворова обращений без антропонима – 62%, у Пушкина – 61%, у Гоголя – 78%, у Мусоргского – 60%. Затем у Маяковского – 52%, у Блока – 39%.

По третьей базовой модели построено 12% вокативных конструкций. При этом в письмах Жуковского, Гоголя, Кони, Серафимовича, Бунина, Блока, Булгакова, Маяковского, Бабеля и Баранцева вообще нет запороговых вокативных образований, представляющих собой комбинацию антропонима и апеллятива. Чаще же всего соответствующая базовая модель используется Суворовым (27%), Пушкиным (29%) и Островским (50%).

Предпосылки субъективного характера, определяющие разные формы и модели обращения адресанта к своему адресату, конечно же, значимы, но носят они в своём большинстве, скорее всего, латентный характер. Что же касается объективных реалий, регламентирующих те или иные вокативные образования в разных жанрах письменного послания, в разное время его создания и отправления, а также в зависимости от характера личности коммуникантов, то на этот счёт можно высказывать ряд самых разных гипотез и предположений. Но если соотнести приведенные в нашей таблице данные даже только с имеющейся у нас информацией об авторах обследованных писем, времени и условиях появления соответствующих документов, то многое из указанных выше расхождений в типологических характеристиках русского эпистолярного вокатива, как, впрочем, и того общего, что есть у разных адресантов, может найти вполне, на наш взгляд, приемлемую интерпретацию, позволяющую обобщить соответствующие типологические изыскания.

И вот несколько на этот счёт соображений относительно разных, иногда очень контрастных и прямо противоположных количественных показателей особенностей вокативных конструкций у разных адресантов, в том числе и писавших примерно в одно время, причём в одинаковых или очень схожих условиях коммуникации.

Антропоним в качестве обращения превалирует, как показывает наш материал, в переписке частного характера, даже если такая переписка содержит элементы деловых отношений и прагматически ориентирована. Адресант при этом, как правило, принадлежит к тому же (или очень близкому) социальному кругу, что и адресат, и считает себя вправе обращаться к нему, как минимум, по имени и отчеству. Таковы, в частности, письма писателей к своим братьям по перу, а также к издателям и критикам. А. Н. Островский, например, с марта 1850 г. по декабрь 1853 г. издателю М. П. Погодину, сотрудничая с ним, написал 53 письма [Островский, т. 14, с. 13–43]. Восемь из них без обращения, в 43-х обращение *Михайло Петрович!* Это первая базовая модель. Ещё в двух письмах – *милостивый государь Михайло Петрович* (третья базовая модель). Таким образом, все письма, имеющие вокатив, включают в себя антропоним.

Использует Островский и такие обращения:

Любезнейший Иван Фёдорович в письмах И. Ф. Горбунову и аналогичное в письмах М. П. Садовскому [Островский, т. 14, с. 165; т. 15, с. 30];

Многоуважаемый Николай Алексеевич в письмах Н. А. Некрасову и с тем же детерминантом П. В. Анненкову и Н. Я. Соловьёву [Островский, т. 14, с. 183, 206; т. 15, с. 126];

Милый Николай Александрович в письмах Н. А. Дубровскому, *миленький, хорошенький Николинька* и *милый Николка* к нему же [Островский, т. 14, с. 228, 238; т. 15, с. 31].

По имени и отчеству Н. С. Лесков обращается к Л. Н. Толстому [Лесков, т. 11, с. 590, 593], в том числе и с детерминантом *высокочтимый* [Лесков, т. 11, с. 566, 568, 569], с таким же, как и к И. А. Гончарову [Лесков, т. 11, с. 364]. В письмах к И. С. Аксакову другой детерминант: *Уважаемый Иван Сергеевич* [Лесков, т. 11, с. 251, 253].

А. Ф. Кони в системе антропонимов предпочитает обращение по имени-отчеству. Таковых у него во всём массиве писем около двухсот, причём как с традиционными детерминантами типа *многоуважаемый, глубокоуважаемый* и *дорогой* [Кони, с. 38, 39, 41], так и со специфи-

ческими определениями, такими, скажем, как *душевнолюбимый*, *сердечнолюбимый* и *сердечночтимый* [Кони, с. 255, 249, 319].

Имя и отчество в системе антропонимов преобладает как обращение и в письмах адресантов, обращающихся к собственному имени реже, чем к апеллятиву, как, например, это имеет место у А. В. Суворова и А. С. Пушкина, но только этой фигурой вокатив у них не исчерпывается. Так, Суворов может обратиться к своим адресатам только по имени (в письмах дочери [Суворов, с. 122, 145, 302, 389] и своему родственнику И. П. Суворову [Суворов, с. 101]), по фамилии (И. Д. Канищеву, управляющему московским домом Суворова [Суворов, с. 59, 60]), по отчеству (в письмах заведующему канцелярией по управлению всеми вотчинами Суворова С. М. Кузнецову [Суворов, с. 92, 94, 95, 96, 97]) и по имени и фамилии (к своему крепостному Мирону Антонову [Суворов, с. 101]).

У Фадеева в этом плане две преференции: имя и отчество и только имя, преимущественно с детерминантами *дорогой* и *уважаемый* в первом случае и *дорогой* и *милый* – во втором.

Эпитет *дорогой* при имени и отчестве в письмах Р. С. Землячке, П. Х. Максимова, А. И. Хачатуряну, А. М. Горькому, С. М. Эйзенштейну, Е. Д. Стасовой, Якубу Коласу, В. К. Кетлинской, М. Ф. Рыльскому [Фадеев, с. 290, 298, 474, 305, 320, 442, 447, 448, 522].

Эпитет *дорогой* при имени в письмах М. А. Шолохову, К. А. Федину, В. М. Инбер, А. Л. Барто, Э. И. Шуб, А. И. Бусыгину, Ю. Н. Лебединскому, Н. А. Островскому, В. П. Ставскому, В. В. Вишневскому, О. Л. Леонидову, М. В. Исаковскому, И. Л. Сельвинскому, К. М. Симонову [Фадеев, с. 319, 436, 520, 521, 321, 324, 331, 338, 344, 347, 353, 362, 419, 426].

Эпитет *милый* при имени в письмах Э. И. Шуб, Т. А. Фадеевой, Ю. Н. Лебединскому, Э. Ю. Триоле, А. Ф. Колесниковой [Фадеев, с. 322, 330, 333, 341, 374].

Эпитет *уважаемый* при имени и отчестве в письмах З. Т. Главан, М. Я. Полякову, В. И. Скопину, В. Ф. Лебедеву, М. С. Марковой, А. К. Котову, Е. Д. Суркову, С. Н. Преображенскому [Фадеев, с. 370, 390, 421, 425, 426, 430, 542, 549].

Та же картина и в письмах спонтанной выборки. Пример из более позднего времени. В опубликованной переписке Л. К. Чуковской и В. М. Жирмунского 1966–1970 гг., посвящённой их общей работе над подготовкой к изданию первых посмертных сборников А. А. Ахматовой, 52 письма Л. К. Чуковской и 5 писем

В. М. Жирмунского. Во всех этих письмах корреспонденты обращаются друг к другу: *Дорогая Лидия Корнеевна!* и *Дорогой Виктор Максимович!* – и никак иначе [Чуковская, с. 1–94].

Апеллятив в качестве обращения, особенно если это контактивы *милостивый государь* или *друг*, имеет более широкую сферу функционирования и, конечно же, не менее часто, чем антропоним, употребляется в переписке частного характера, причём, как правило, очень избирательно. У Пушкина, например, это *жена (жёнка)* в письмах Н. Н. Гончаровой [Пушкин, с. 570, 575, 586, 668 и др.], к ней же *ангел* [Пушкин, с. 578, 579, 581, 582 и др.] и субстантиват *милый* с более широким кругом адресатов: Л. С. Пушкину, Я. Н. Толстому, П. А. Вяземскому, А. А. Бестужеву, А. Н. Вульфу, В. А. Жуковскому, А. Г. Родзянко, В. И. Тумановскому, П. А. Катенину, В. К. Кюхельбекеру, П. А. Плетнёву, Н. С. Алексееву, А. А. Дельвигу [Пушкин, с. 44, 45, 91, 94, 100, 105, 114, 167, 179, 194, 195, 219, 225] и др. У Блока самый частый апеллятив – *мама* и тот же, что и у Пушкина, субстантиват *милый*, и тоже при обращении к разным лицам: А. В. Гиппиусу, Андрею Белому, Е. П. Иванову, Г. И. Чулкову [Блок, с. 93, 118, 130, 282], Л. Д. Блок [Блок, с. 228, 230, 234, 242, 243 и др.].

Апеллятив как форма обращения оказывается в ряде случаев ритуальным вокативом, особенно в той ситуации, когда адресат является социально значимым лицом (титул, высокий чин, особые заслуги, важный пост и т. п.) и когда в обществе социальный статус его членов определяет их положение и связан с теми или иными привилегиями сословного характера, как это, например, было в Российской империи при разных формах самодержавия. В нашей генеральной выборке соответствующие апеллятивы особенно типичны для писем Суворова, в большинстве которых, адресованных важным особам, собственное имя адресата не называется. Важен титул, и отношение адресанта к адресату обозначается именно этим параметром, а не именем. Преобладают конструкции, включающие в себя титул и контактив *милостивый государь*, в частности:

Светлейший князь Милостивый Государь (письма Г. А. Потёмкину [Суворов, с. 38, 39, 40, 41, 90, 164–166 и др.]),

Сиятельнейший Князь Милостивый Государь (письма А. М. Голицыну [Суворов, с. 35]),

Сиятельнейший Граф Милостивый Государь (письма П. А. Румянцеву [Суворов, с. 31, 34, 56, 268, 305], Г. А. Потёмкину [Суворов, с. 37]) – и без контактива:

Сиятельнейший Граф (письма П. И. Панину, П. А. Румянцеву [Суворов, с. 36, 284]),

Светлейший Князь (письма Г. А. Потёмкину [Суворов, с. 113, 150, 151, 160 и др.]),

Всемиловнейшая Государыня (Екатерине II) и *Всемиловнейший Государь* (Павлу I) [Суворов, с. 188, 218, 255, 274, 307, 322 и др.]).

Вокативом у Суворова, хотя и значительно реже, может оказаться и только контактив *Милостивый Государь* (в письмах А. И. Бибикову, Г. А. Потёмкину, Н. В. Репнину [Суворов, с. 21, 22, 37, 85, 178]) или *Милостивый Государь мой* (в письмах П. И. Турчанинову, Н. С. Мордвинову [Суворов, с. 52, 119]).

Подобная картина и в письмах нашей спонтанной выборки. П. А. Румянцев обращается к Г. А. Потёмкину: *Светлейший князь! Милостивый государь!* – но иногда и менее официально: *батюшка князь* [Фельдмаршал Румянцев, с. 145, 150]. Генерал-аншеф граф В. В. Фермор обращается к Елизавете Петровне: *Государыня Всемиловнейшая* и так же – П. А. Румянцев к Екатерине II [Фельдмаршал Румянцев, с. 77, 98, 100, 105 и др.]. А. П. Сумароков обращался к Елизавете Петровне и к Екатерине II: *Всемиловнейшая государыня* [ПРП, с. 83, 102, 104 и др.]. Но при обращении к императору использовались и более сложные вокативные конструкции, например в письме декабриста А. П. Юшневского: *Всеавгустейший Монарх Всемиловнейший Государь* [Восстание декабристов, с. 47, 64]. А вот вокативная конструкция в письмах П. А. Румянцева А. В. Суворову – человеку одного с ним круга, поколения и заслуг – включает несколько апеллятивов: титул *граф*, воинское звание *генерал-аншеф* и два контактива: *Сиятельнейший граф*, *Высокопревосходительный господин генерал-аншеф и кавалер*, *милостивый государь мой!* [Фельдмаршал Румянцев, с. 161, 162, 163 и др.].

У Пушкина не было особой необходимости часто обращаться к высоким чинам (разве что к А. Х. Бенкендорфу, шефу корпуса жандармов, зачастую причём по-французски). Адресаты поэта – главным образом близкие ему люди. Отсюда, как и в силу характера самого Пушкина, в его письмах преобладают апеллятивы:

милый [Пушкин, с. 44, 48, 91, 100, 105, 121, 126, 136, 174 и др.],
друг [Пушкин, с. 19, 21, 49, 99, 111, 192, 231, 338, 341, 448 и др.],
душа [Пушкин, с. 25, 52, 64, 71, 84, 91, 112, 128, 189, 330 и др.],
ангел [Пушкин, с. 256, 311, 332, 396, 422, 437, 454, 475 и др.] –

и мало к чему обязывающий контактив *милостивый государь*, завершающий послание [Пушкин, с. 219, 227, 232, 237, 243, 245, 246, 294, 295, 296 и др.].

Есть у Пушкина и обращения-титулы: *княгиня* (к В. Ф. Вяземской [Пушкин, с. 273, 300]), *граф* (к Ф. И. Толстому ([Пушкин, с. 260]), *барон* (к А. А. Дельвигу [Пушкин, с. 313]) и даже *Всемиловейший Государь* (к Николаю I [Пушкин, с. 309]), но это эпизоды и, как правило, без какой-либо прагматики.

Преобладающий вокативный апеллатив в нашей выборке писем Гоголя – обращение к родным [Гоголь, с. 259, 260, 262, 265, 275, 281, 283]. У него, пожалуй, ещё меньше, чем у Пушкина, было оснований писать сильным мира сего, и нарицательное существительное *друг* является, как и у Пушкина, стержневым компонентом многих вокативных конструкций, и в частности в письмах Г. И. Высоцкому, С. Т. Аксакову, М. И. Погодину, А. О. Смирновой, П. А. Плетнёву [Гоголь, с. 263, 356, 334, 386, 431] и др. Использует Гоголь и апеллатив *душа* (письма М. П. Погодину, Н. Я. Прокоповичу и В. А. Жуковскому [Гоголь, с. 325, 347, 425]). Специфично для Гоголя обращение с апеллативом *земляк*, адресованное М. А. Максимовичу и М. С. Щепкину [Гоголь, с. 309, 333].

Вокативный апеллатив является самой частой формой обращения и у Мусоргского, жившего в иную эпоху, чем Суворов, Пушкин и Гоголь, эпоху более, условно говоря, демократическую. В его письмах практически отсутствуют разного рода титулы. Преобладают общие для многих адресантов субстантиваты *дорогой, родной, милый* и нарицательные существительные *друг* и *голубчик (голубушка)*. Абсолютно специфичен вокатив *généralissime* и вокативные конструкции с этим апеллативом как их стержневым компонентом.

Наконец, третья базовая модель русского эпистолярного вокатива – комбинация апеллатива и антропонима. Чаще всего к этой модели прибегают Островский (более половины всех запороговых вокативов) и опять же Суворов и Пушкин, в письмах которых вообще превалирует вокативный апеллатив.

Самой распространённой вокативной конструкцией третьей модели практически у всех обследованных нами адресантов, включая и спонтанную выборку, является комбинация контактива и антропонима адресата, и в частности конструкция *милостивый государь ИО* (с XVIII по первую четверть XX столетия), а затем *товарищ / господин / гражданин Ф* как своего рода клише, употребляемое разными соци-

альными группами российского общества. Но нередки и разные варианты такой комбинации. У А. Н. Островского, например, самым частым вокативом, построенным по третьей модели, оказалась конструкция *любезный друг ИО*. Суворов включает в эту модель титул (*милостивый государь граф ИО* [Суворов, с. 28]) или только притяжательное местоимение (*милостивый государь мой ИО* [Суворов, с. 12]) и даже оба указанных компонента (*милостивый государь мой граф ИО* [Суворов, с. 253]). В письмах Пушкина тоже есть конструкция *милостивый государь граф ИО* [Пушкин, с. 415, 429, 500, 600].

В допороговых вокативах третьей модели довольно часто функционирует более одного апеллятива, например:

Милостивый государь майор Николай Александрович (А. Н. Островский – Н. А. Дубровскому [Островский, т. 14, с. 130]);

Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна (А. С. Пушкин – Н. И. Гончаровой [Пушкин, с. 512]);

Милостивый государь мой почтенный друг Андрей Иванович (А. В. Суворов – А. И. Набокову [Суворов, с. 32]);

Господин полковник князь Алексей Иванович (А. В. Суворов – Д. И. Хвостову [Суворов, с. 212]).

У адресантов более позднего времени, редко использующих в качестве вокатива комбинацию апеллятива и онима:

Любезный друг и товарищ Алексей Сергеевич (Н. С. Лесков – А. С. Суворину [Лесков, с. 457]);

Милостивый государь князь Александр Иванович (А. Ф. Кони – А. И. Южину-Сумбатову [Кони, с. 299]);

Радость ты моя неизречённая, прелесть несказанная свет Леонидушко (А. С. Серафимович – Л. Н. Андрееву [Серафимович, с. 433]).

Но вернёмся к письмам Суворова, в которых вокативная конструкция, представляющая собой комбинацию апеллятива и антропонима, мотивирована, как нам кажется, вполне определённо как условиями коммуникации, так и особенностями личности коммуникантов, а поэтому и особенно значима при типологических изысканиях, касающихся третьей базовой модели, в которую может быть введено несколько апеллятивов, хотя адресат, казалось бы, однозначно идентифицирован соответствующим антропонимом. И если тот или иной контактив особой роли при этом не играет, как, скажем, при обращении А. В. Суворова к своей дочери (*душа моя Наталья Александровна; Суворочка душа моя; мой друг Наташа; голубушка Суворочка* [Суворов, с. 175, 179, 122, 147]) и даже *любезная сестрица Суворочка*

или *душа моя, сестрица Суворочка* [Суворов, с. 197, 185]), то включение в вокативную конструкцию лексики, указывающей на особое социальное положение адресата, и в частности на его титул, связано с целым рядом нюансов русской эпистолярики XVIII–XIX столетий, т. е. в период, когда письмо становится самым массовым и популярным речетворчеством.

Модель *Милостивый государь мой ИО* используется Суворовым при обращении к самым разным его адресатам, являясь при этом и наиболее регулярной (более половины от всех базовых моделей такого типа), и вполне естественна в ней максимальная функциональная нагрузка антропонима.

С другой стороны, модель *Светлейший князь милостивый государь* без антропонима используется Суворовым не менее регулярно, и титул адресата является его идентификатором (письма Г. А. Потёмкину и А. М. Голицыну [Суворов, с. 35, 61, 80, 116, 117, 119, 129, 192 и др.]). Аналогичную модель *Сиятельный граф милостивый государь* Суворов использует при обращении к П. А. Румянцеву и к А. А. Безбородко [Суворов, с. 31, 34, 56, 267, 268, 239 и др.], и титулов, очевидно, здесь вполне достаточно, тем более таких, как в одном из первых писем Г. А. Потёмкину: *Высокородный и Превосходительный г. Генерал-Майор и Кавалер Государь мой* [Суворов, с. 26]. Но зачастую в вокативе есть вместе с контактивом и титул, и собственное имя, как в следующих моделях: *Милостивый государь мой граф ИО* (письма Ф. В. Ростопчину, П. А. Зубову, И. П. Салтыкову, Н. П. Румянцеву, П. В. Лопухину [Суворов, с. 355, 253, 280, 318, 330] и др.); *Милостивый государь мой князь ИО* (письма Н. В. Репнину, С. Ф. Голицыну, А. А. Прозоровскому [Суворов, с. 177, 210, 315] – и это, как нам кажется, снижает степень официальности послания, сохраняя значимость титула и уважение к нему, в особенности при менее официальном апеллятиве, как в отдельных письмах Г. А. Потёмкину (*Батюшка Князь Григорий Александрович*) или Н. А. Зубову (*Любезный мой зять Граф Николай Александрович*) [Суворов, с. 171, 315], а тем более при обращении к близким людям по имени, например, к сыну (*Любезный мой Граф Аркадий*) и к племяннику А. И. Горчакову (*Князь Алексей*) [Суворов, с. 328, 382], или по имени и отчеству, например, к П. И. Багратиону (*Князь Пётр Иванович*) и к А. К. Разумовскому (*Граф Андрей Кирилович*) [Суворов, с. 336, 363].

Любопытны на этот счёт обращения Суворова к монархам: Екатерине II и Павлу I. Есть только *Всемиловейшая Государыня* и *Всемиловейший Государь* [Суворов, с. 218, 321]. Есть *Великая Императрица* и *Великий Монарх* [Суворов, с. 188, 322]. Полнейшая идентификация без антропонима. Но есть и с антропонимом: *Всепрестелейшая, державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловейшая* [Суворов, с. 19]; *Всепрестелейший, державнейший Великий Государь Император Павел Петрович самодержец Всероссийский Государь Всемиловейший* [Суворов, с. 342]. Разные имена – разные личности при общей формулировке титула. Прагматика и стилистика антропонима в соответствующих вокативных конструкциях представляется нам очень тонкой. И скорее всего связана она не со снижением уровня официальности, как при обращении к менее важным особам, а с расширением максимально допустимого в рамках тех или иных конкретных условий коммуникации титулования адресата. А рамки эти могут как расширяться, так и сужаться. Так, в письмах адресантов, живших и обращавшихся к своим, условно говоря, повелителям уже в XIX, а тем более в XX веке, третья базовая модель вокатива строится проще, а зачастую просто редуцируется во вторую.

А. С. Пушкин, например, при обращении к начальнику III отделения графу А. Х. Бенкендорфу или к военному министру А. И. Чернышову ещё может использовать вокативную конструкцию, содержащую в себе и контактив, и титул, и антропоним: *Милостивый государь граф Александр Христофорович* [Пушкин, с. 458, 465, 469, 500 и др.] и *Милостивый государь граф Александр Иванович* [Пушкин, с. 426, 427, 429]. А вот к Николаю I он обращается только *Всемиловейший Государь* [Пушкин, с. 209].

В письме В. А. Жуковского Николаю I опосредованный вокатив *Ваше императорское величество* [Жуковский, с. 595]. То же самое – в письмах нашей спонтанной выборки, например в посланиях П. А. Румянцева Елизавете Петровне и Екатерине II [Фельдмаршал Румянцев, с. 89, 93, 114, 120 и др.], в письмах А. П. Сумарокова тем же адресатам [ПРП, с. 83, 102, 104 и др.].

Л. Н. Толстой в рассматриваемом плане тоже не оригинален, и если в письмах великому князю Николаю Михайловичу ещё самые обычные вокативные антропонимы без титула: *Дорогой Николай Михайлович* и *Любезный Николай Михайлович* [Толстой, т. 18, с. 298, 374, 365, 395, 396], то при обращении к Александру II (*Ваше Величество*

[Толстой, т. 17, с. 258]) и к Александру III (*Ваше императорское величество; Государь* [Толстой, т. 17, с. 521]) только титулы. В письме Николаю II антропонима в функции вокатива тоже нет, но нет и официального обращения. Вокативный аппеллятив, который Толстой мог себе здесь позволить, – *Любезный брат* [Толстой, т. 18, с. 289–297], но это особая ситуация, обусловленная и особым положением Л. Н. Толстого в русском обществе, и установкой самого послания, вызывающего к христианским чувствам монарха.

А. П. Сумароков, который неоднократно писал письма Екатерине II, если и мог позволить себе обращение по имени, то только в стихотворении, прилагаемом к одному из писем:

Слезам я кроплю, Вольтер, письмо твое.

Лишенный Муз, лишусь, лишуся я и света.

Екатерина – зри, проснись – Елисавета,

И сердце днесь мое внемлите вместо слов! [ПРП, с. 133].

В соответствии с требованиями этикета при обращении к монарху по имени или имени и отчеству антропоним обязательно предварялся формулами титулования, как это показано выше. А вот в XX веке обращение к первым лицам государства допускало, наряду с вокативными конструкциями *Товарищ Ф* или *Дорогой товарищ Ф*, например *Дорогой т. Сталин* [Сталин и Каганович, с. 61], и обращение по имени и отчеству, как в письме М. А. Булгакова И. В. Сталину: *Дорогой Иосиф Виссарионович!* [Булгаков, с. 436].

Итак, напомним, общее количество запороговых вокативов в нашей генеральной выборке 9869, но если ограничить список запороговых вокативов теми 56-ю моделями, которые присутствуют в эпистолярном творчестве более чем одного автора, то количество реализующих эти модели вокативов уменьшится до 8738. Наиболее типично и регулярно в русской эпистолярике такое наполнение трёх базовых моделей вокатива.

Список № 3

I. Вокатив – антропоним:

Имя без детерминанта – 947 (10,8%)

Имя с детерминантом – 1142 (13,1%)

Имя и отчество без детерминанта – 747 (8,5%)

Имя и отчество с детерминантом – 3358 (38,4%)

Фамилия с детерминантом – 7 (0,1%)

Всего – 6201 (71%)

II. Вокативный апеллятив:

доминанта **Милостивый государь** – 185 (2,1%)

доминанта **Друг (друзе)**

без детерминанта – 60 (0,7%)

с детерминантом – 370 (4,2%)

доминанта **Милый (милейший)**

без детерминанта – 129 (1,5%)

с детерминантом – 51 (0,6%)

доминанта **Дорогой**

без детерминанта – 48 (0,6%)

с детерминантом – 129 (1,5%)

доминанта **Мама (мамочка, маменька, мамаша)**

без детерминанта – 133 (1,5%)

с детерминантом – 28 (0,3%)

доминанта **Голубчик (голубушка)**

без детерминанта – 136 (1,6%)

доминанта **Брат**

без детерминанта – 81 (0,9%)

доминанта **Душа**

без детерминанта – 18 (0,2%)

с детерминантом – 58 (0,7%)

доминанта **Ангел**

с детерминантом – 48 (0,6%)

доминанта **Родной (родненький)**

без детерминанта – 37 (0,4%)

с детерминантом – 11 (0,1%)

доминанта **Деточка (детка, детик)**

без детерминанта – 29 (0,3%)

доминанта **Товарищ**

без детерминанта – 23 (0,3%)

доминанта **Радость**

с детерминантом – 20 (0,2%)

Всего – 1594 (18,2%)

III. Комбинация антропонима и апеллятива:

Общий контактив и антропоним – 485 (5,6%)

Ориентированный контактив и антропоним – 428 (4,9%)

Контактив, избирательный апеллятив, антропоним – 30 (0,3%)

Всего – 943 (10,8%)

Абсолютный лидер – имя и отчество с детерминантом, за ним следует имя с детерминантом и без него. В составе вокативной конструкции антропоним также часто употребляется в сопровождении контактива, общего или ориентированного.

Допороговые и спонтанные вокативные образования в наших типологических изысканиях, разумеется, менее значимы. Однако их частотные и функциональные параметры практически не отличаются от тех, которые зафиксированы нами в генеральной выборке.

Если же перейти на следующий, ещё более высокий уровень обобщения и, не дифференцируя антропонимы, обозначить их символом **Ан**, а апеллятивы, тоже не различая лексемы, – символом **Ап**, количество реализаций каждой из трёх базовых моделей эпистолярного вокатива существенно уменьшится. При этом будет устранено и отмеченное противоречие между частотой моделей с тем или иным апеллятивом и частотой самого этого апеллятива как ядра разных моделей. Соответствующие модели в порядке убывания частоты представлены в следующем списке.

Список № 4

Базовая модель 1. Антропоним

Дорогой Ан – 2006

Ан – 1694

Многоуважаемый Ан – 777

Милый Ан – 747

Уважаемый Ан – 292

Глубокоуважаемый Ан – 177

Любезный Ан – 157

Дорогой мой Ан – 121

Добрый Ан – 73

Мой милый Ан – 58

Родной Ан – 24

Дорогой и милый Ан – 24

Глубокоуважаемый и дорогой Ан – 23

Родной мой Ан – 20

Почтенный Ан – 8

Базовая модель 2. Апеллятив

Ап – 879

Мой Ап – 375

Дорогой Ап – 162

Милый Ап – 97

Дорогой мой Ап – 32

Любезный Ап – 27

Дорогой и милый Ап – 22

Базовая модель 3. Антропоним + апеллатив

Милостивый государь Ан – 408 (1)

Любезный друг Ан – 364 (2)

Милый друг Ан – 50 (2)

Дорогой товарищ Ан – 35 (2)

Милостивый государь граф Ан – 30 (3)

Уважаемый товарищ Ан – 24 (2)

Товарищ Ан – 18 (1)

Голубчик Ан – 14 (1)

В более общем виде:

1. Ап Ан – 440

2. Любезный Ап Ан – 364

Милый Ап Ан – 50

Дорогой Ап Ан – 34

Уважаемый Ап Ан – 24

3. Ап Ап Ан – 30

Разные базовые модели могут использоваться адресантом и при обращении к одному и тому же адресату, причём в одном письме. Во-кративов, таким образом, может оказаться несколько, и такого рода ситуацию мы квалифицировали как поливокативную, а функционирующую при этом лингвистическую фигуру мы номинируем **поливокативом**, который и будет предметом нашего исследования в следующем разделе предлагаемой монографии.

ГЛАВА IV

ПОЛИВОКАТИВ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

4.1. Поливокатив как фигура с повторной номинацией

Основной функцией обращения в письме является, как это уже отмечалось, установление контакта между адресантом и адресатом, и такой контакт устанавливается, как правило, в начале письма и только один раз, подобно тому, как это обычно делается вместе с приветствием при визуальном, прямом общении, не предполагающем монолога как отдельного жанра устной речи. Но зачастую адресант в силу тех или иных причин или особых условий коммуникации единственной, а тем более начальной номинацией своего адресата не ограничивается и неоднократно обращается к нему в тексте письма, как это имеет, например, место в больших по объёму письмах, требующих переключения внимания адресата, в полемически заострённых посланиях или в письмах с особой эмоционально-экспрессивной нагрузкой, близких по своей стилистике живому общению людей. При этом адресант может использовать самые разные формы обращения, но зачастую просто варьирует как всю ранее использованную им вокативную конструкцию, так и только отдельные её компоненты. Примеры:

1. М. П. Мусоргский в письме к П. С. Стасовой использует два обращения: *голубушка Вы моя, дорогая барыня ... дорогая барыня* [Мусоргский, с. 192].

2. В письме Н. С. Лескова П. К. Щебальскому при неоднократном обращении изменяется лишь зависимый компонент вокативной конструкции: *Драгоценнейший мой Пётр Карлович! ... дорогой Пётр Карлович* [Лесков, т. 10, с. 342–345].

3. М. Горький в письме В. С. Миролубову многократно обращается к своему адресату, каждый раз называя его по-новому: *Мой большущий и свирепый человек! ... Виктор Сергеевич ... брат ... Виктор Сергеевич! Дружище! ... родной мой!* [Горький, т. 28, с. 222–223]. Здесь и обращение по имени и отчеству, и одиночный апеллатив, и вокативная конструкция на базе другого апеллатива, и субстантивированный адъектив, и комбинация антропонима и апеллатива.

Такого рода вокативы представляют собой комплекс адресующих номинаций, пронизывающий текст послания, являясь при этом единым конструктивным параметром письма. Это своего рода **поли-вокатив**, который мы определяем как такое вокативное образование, которое построено из двух и более обращений автора письма к своему адресату. Поливокатив образуется не из каких-то особых лингвистических фигур, а из реально функционирующих в письменной речи конструктов. При этом любой из них в качестве соответствующего конструкта же, как было отмечено выше, может функционировать (а зачастую уже и функционировал, если, разумеется, не конкретизировать включённые в эти конструкты антропонимы и их аналоги) в качестве отдельного самостоятельного вокатива (моновокатива) не только в письмах одного и того же адресанта, причём в письмах как одному, так и разным адресатам, но и в письмах совершенно разных лиц, живших в разное время. Вот, например, несколько поливокативов в письмах С. А. Есенина: *Дорогой И ... И* [Есенин, с. 92–94]; *Милый И ... брат ... И ... И ... И* [Есенин, с. 99–102]; *Дорогой ИО ... ИО ... ИО ... ИО* [Есенин, с. 115–116]; *Милый И ... дорогой ... дорогой мой ... брат ... брат* [Есенин, с. 137–139]; *Милый ИО ... милый, милый ИО* [Есенин, с. 162–164]; *Милая И ... дорогая И* [Есенин, с. 183–184], и вот письма разных авторов, в которых компоненты этих же вокативов функционируют как моновокативы: *Дорогой И* [Есенин, с. 89, 91, 102, 103; Мусоргский, с. 18, 28, 37 и др.; Бабель, с. 43, 195; Мандельштам, с. 14; Булгаков, с. 21, 53, 28, 258; Паустовский, с. 20, 360]; *И* [Есенин, с. 154; Мусоргский, с. 17, 21, 27 и др.; Бабель, с. 7, 9, 46 и др.; Мандельштам, с. 21; Паустовский, с. 6, 7, 10 и др.]; *Дорогой ИО* [Есенин, с. 122, 172, 194; Бабель, с. 21, 23, 42 и др.; Мандельштам, с. 17; Паустовский, с. 57, 118, 153 и др.]; *ИО* [Есенин, с. 111, 113; Горький, т. 28, с. 5, 23, 30, 50 и др.; Мусоргский, с. 120, 179; ЧМ, с. 18, 59; Паустовский, с. 27, 124, 352]; *дорогой мой* [Мусоргский, с. 120, 218; Бабель, с. 203, 236]; *Милый И* [Есенин, с. 175, 188; Булгаков, с. 12, 15; Мусоргский, с. 58]; *Милый ИО* [Есенин, с. 156; Пушкин, с. 46; Булгаков, с. 163, 298]; *брат* [Бунин, т. 11, с. 284, 300]; *дорогой* [Бунин, т. 11, с. 294].

Подобные факты есть и во многих письмах нашей спонтанной выборки. Так, в письме А. Г. Горавского П. М. Третьякову использован поливокатив *Добрейший ИО ... дорогой ИО ... дорогой ИО* [ПХ, с. 80–82], а компоненты этого поливокатива, функционирующие как единственное обращение в письмах разных лиц к тому же адресату, представлены в письмах Л. Ф. Лагорио [ПХ, с. 79, 83, 87, 105],

А. Н. Мокрицкого [ПХ, с. 73, 87, 94], Н. В. Неврева [ПХ, с. 134], А. А. Рицconi [ПХ, с. 149, 157, 170] (*добрейший ИО*); в письмах А. Г. Горавского [ПХ, с. 10, 14, 16, 18, 34, 36, 41], А. А. Рицconi [ПХ, с. 175, 198, 203, 206] (*дорогой ИО*). Вряд ли, таким образом, можно найти какие-то жёсткие ограничения на использование моновокативов в качестве компонентов поливокатива, и тем не менее характер номинации адресата при многократном к нему обращении имеет некоторые особенности.

Рассматривая зависимость номинации от занимаемой ею в предложении синтаксической позиции, Н. Д. Арутюнова указывает на функциональную двойственность обращения, которое, с одной стороны, позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, с другой, даёт возможность говорящему выразить своё отношение к адресату. Вследствие этого обращения «создают промежуточную между идентифицирующей и предикатной номинацией зону семантики, сочетающей черты этих двух принципиально разных классов имён. Они осуществляют переход от идентифицирующей, объективной семантики к семантике субъективного типа, соответствующей номинациям, употреблённым в позиции предиката» [Арутюнова 1977, с. 344]. Всё сказанное выше можно отнести к любому из обращений, функционирующих в составе поливокатива. Однако компоненты поливокатива могут иметь и свою специфику, связанную, в первую очередь, с различием между первичной номинацией адресата и повторным его именованием в одном и том же тексте.

Первичная номинация как первое обозначение данного лица или предмета имеет место при первом установлении контакта с адресатом посредством моновокатива или первого из компонентов поливокатива. Как правило, первичная номинация адресата реализуется в инициальном вокативе, включённом в зачин письма, хотя первое или единственное обращение к адресату может находиться не только в начале, но и в середине и даже в конце письма. Повторная номинация имеет место во втором и последующих компонентах поливокатива и представляет собой внутритекстовые обращения. Учёные характеризуют повторную номинацию как неавтономную, связанную с первичной, вследствие чего она может в ряде случаев не выполнять идентифицирующей функции, поскольку номинат уже назван, а также указывают, что повторная номинация даёт возможность максимально варьировать способ наименования. В ней, кроме прямой номинации, могут быть использованы все типы косвенной номинации: абстрактная, перенос-

ная, местоимённая, экспрессивно-окрашенная и др. [Языковая номинация 1977, с. 287–288].

Мы сравнили вокативы и вокативные конструкции, реализующие первичную и повторную номинацию адресата, на примере нескольких массивов писем М. П. Мусоргского, адресованных корреспондентам, переписка с которыми была наиболее интенсивной и регулярной. Отобранный нами материал представлен в таблицах 2–4 с указанием количества повторяющихся номинаций. Совпадающие первичные и повторные номинации помещены в одной строке. Вокативные конструкции с тождественным лексическим составом, но с разным порядком слов, например *Дорогой мой Милий* и *Мой дорогой Милий*, мы рассматривали как варианты одной и той же номинации.

Таблица 2

М. П. Мусоргский – М. А. Балакиреву (60 писем)

Первичная номинация (59)		Повторная номинация (49)	
Вокатив	частота	Вокатив	частота
Дорогой Милий	26	Дорогой Милий	6
Милий	21	Милий	32
Мой дорогой Милий	1	Дорогой мой Милий	2
Милейший	1	Милейший	1
Прекраснейший Милий Алексеевич	4		
Драгоценнейший Милий	2		
Драгоценнейший Милий Алексеевич	1		
Милый Милий	1		
Дорогой Милий-Чешский, рапе professore тож	1		
Голубчик мой, сокол ясененький	1		
		Родный ты мой	1
		Болезный	1
		Милый	1
		Милий Алексеевич	1
		Друг	1
		Друг мой	1

		Дорогой Душенька	1 1
--	--	---------------------	--------

Таблица 3

М. П. Мусоргский – В. В. Стасову (55 писем)

Первичная номинация (52)		Повторная номинация (65)	
Вокатив	частота	Вокатив	частота
Дорогой мой généralissime	21	Дорогой мой généralissime	4
Дорогой généralissime	5	Дорогой généralissime	2
Дорогой мой	4	Дорогой мой	27
Généralissime	3	Généralissime	15
Владимиру Василье- вичу Стасову	1		
Володымеру Василь- евичу	1		
Вещему Володимиру Васильевичу Ста- сову	1		
Дорогому Володими- ру Васильевичу	1		
Дорогой женераль	1		
Дорогой мой женераль	1		
Прелестнейший généralissime	1		
Милый généralissime	1		
Милый, славный, славнейший généralissime	1		
Мой хороший généralissime	1		
Мой чудесный généralissime	1		
Славный мой généralissime	1		
Дорогой Вы мой généralissime	1		
Мой дорогой и ми- лейший			

généralissime	1		
Славный и дорогой мой généralissime	1		
Дорогой мой и всегда дорогой généralissime, не- смотря ни на что	1		
Наипревосходней- ший, бесподоб- нейший в мозгах моих презряд- ный ковырятель и к вящему оных усовершенстествова- нию пособитель	1		
Дорогой Вы мой, славный мой	1		
Ваше превосходи- тельство	1		
		Дорогой Вы мой	3
		Милейший / Милый	3
		Мой дорогой вещун	2
		Дорогой	1
		Ваша милость	1
		Мой вещун	1
		Славный Вы мой	1
		Мой славный	1
		Дорогой мой и ми- лейший	1
		Милейший мой généralissime	1
		Милейший généralissime	1
		Дорогой мой и, сдаёт- ся мне, единст- венный меня соз- нающий généralissime	1

Таблица 4

М. П. Мусоргский – Л. И. Шестаковой (44 письма)

Первичная номинация (44)		Повторная номинация (106)	
Вокатив	частота	Вокатив	частота
Голубушка моя доро- гая, ИО	17	Дорогая моя голу- бушка, ИО	1
Голубушка ИО	5	Голубушка ИО	2
Голубушка моя, ИО	4	Голубушка моя ИО	1
Голубушка моя	2	Голубушка моя	4
Дорогая ИО	1	Дорогая ИО	3
Голубушка дорогая ИО	2	Голубушка, дорогая ИО	2
Дорогая Вы моя, го- лубушка	1	Дорогая Вы моя, голубушка	1
Голубушка наша ИО	1		
Дорогая наша голу- бушка, ИО	4		
Голубушка наша, до- рогая и славная ИО	1		
Голубушка Вы моя дорогая, ИО	1		
Дорогая Вы моя и хо- рошая, голубушка ИО	1		
Моя голубушка, моя дорогая	1		
Ах, Вы, голубушка моя бедовая	1		
Многоуважаемая ИО	1		
Благодетельница ты наша, ИО – по муже Шестакова	1		
		Голубушка	35
		Родная	21
		Родная моя	6
		Дорогая моя голу- бушка	10
		Дорогая	4

	Моя голубушка	3
	Дорогая моя	2
	Дорогая голубушка	2
	Сердечная	1
	Моя милушка, моя родная	1
	Дорогая наша ИО	1
	Родная моя голу- бушка	1
	Дорогая Вы наша	1
	Родная Вы наша	1
	Родная Вы моя	1
	Голубушка Вы на- ша, ИО	1
	Голубушка Вы моя, хорошая	1

Легко заметить, что сравнение первичной и повторной номинации адресата обнаруживает больше случаев их несовпадения, чем повтора. Так, в письмах М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву из 18 разных номинаций адресата отмечено всего четыре таких, которые реализуют как инициальный, так и внутритекстовый вокатив, причём исключительно в качестве неначальных компонентов поливокатива функционируют следующие: *родный ты мой, болезный, милый, Милый Алексеевич, друг, друг мой, дорогой, душенька*.

В письмах В. В. Стасову из 35 разных номинаций повторяется четыре таких, которые могут функционировать и как моновокатив, и как компоненты поливокатива, при этом только в составе поливокатива отмечены следующие: *дорогой Вы мой, мой дорогой вещун, милый (милейший), дорогой, Ваша милость, мой вещун, славный Вы мой, мой славный, дорогой мой и милейший, милейший мой généralissime, милейший généralissime, дорогой мой и, сдаётся мне, единственный меня сознающий généralissime*.

В письмах М. П. Мусоргского к Л. И. Шестаковой из 33 разных номинаций повторяется семь таких, которые функционируют и как моновокатив, и как компоненты поливокатива, при этом только в составе поливокатива (неначальных его компонентов) отмечены следующие: *голубушка; родная; родная моя; дорогая моя голубушка / голубушка моя(,) дорогая / моя дорогая голубушка; дорогая; моя голубушка; дорогая моя; дорогая голубушка; сердечная; моя милушка, моя*

родная; дорогая наша ИО; родная моя голубушка; дорогая Вы наша; родная Вы наша; родная Вы моя; голубушка Вы наша, ИО; голубушка Вы моя, хорошая.

Отличается и лексический состав вокативных конструкций: в начале письма вокатив более регулярно включает антропонимы, формы суперлатива *прекраснейший, драгоценнейший, непревосходнейший, славнейший, милейший, прелестнейший, бесподобнейший*; однородные детерминанты *Милый, славный, славнейший; Мой дорогой и милейший; Славный и дорогой мой; Дорогой Вы мой, славный мой; Дорогой мой и милый; Дорогая и славная; Дорогая Вы моя и хорошая*. Таким образом, инициальный вокатив, с одной стороны, чётко и недвусмысленно выделяет адресата, с другой, некоторая избыточность позитивных оценок направлена на то, чтобы сформировать у адресата установку на соответствующее восприятие содержательной части текста.

Внутритекстовые обращения – компоненты поливокатива – значительно чаще, чем инициальный вокатив, реализуются апеллиативами (в том числе детерминированными) без антропонима. Большею частью в составе поливокатива употребляются регулятивы типа *друг, голубушка, душенька*; субстантивированные имена прилагательные и их сочетания *родная моя, дорогой, милый, мой славный* и т. п., а также вокативные конструкции типа *родная Вы моя, дорогая Вы наша*.

Сопоставление моновокатива и поливокатива в письмах И. А. Бунина также показывает, что недетерминированные апеллиативы *деточка, голубчик, братка, братишка, зверочек, девочка, зверёнок, свинёночек, голубёночек, дорогаечка, обезьяночка, мама, папа, мамочка, папочка* функционируют чаще всего в составе поливокатива; для моновокатива подобная номинация адресата нехарактерна. Как правило, в качестве компонентов поливокатива употребляются вокативные конструкции, включающие субстантивированный адектив: *бесценная моя; милая, драгоценная моя; моя ненаглядная; дорогая моя, хорошая; бесценная, хорошая моя; милая и хорошая моя* и т. п.

Есть некоторые различия и в функционировании антропонимов в вокативах разного типа. В частности, недетерминированный антропоним значительно чаще употребляется в составе поливокатива, чем в качестве моновокатива. В 886 обследованных нами письмах И. А. Бунина антропоним в той или иной его форме (имя, имя и отчество, отчество, фамилия), с детерминантами или без, употреблён в составе 382 моновокативов и в составе 351 компонента разных поливо-

кативов. В том числе недетерминированных антропонимов-моновокативов зафиксировано 39, или 10% от названного выше их количества, а недетерминированных антропонимов, функционирующих в составе поливокативов, – 165, или 47% от общего количества компонентов поливокатива, включающих антропоним.

Модификация компонентов поливокатива бывает связана и с таким фактором, как изменение адресата послания. Поливокатив с сужением адресата представляет собой обращение к группе лиц в начале письма и обращение к кому-то одному из них в конце. У Пастернака: *Дорогие мои Олюшка и тетя Ася! – и Напиши мне, Оля, туда, если будет охота...* [Переписка Б. Пастернака, с. 126–127]. Возможен также поливокатив с переадресацией текста, когда в начале письма его автор обращается к одному адресату, а в конце – к другому. Так, одно из писем сестре М. А. Булгаков начинается вокативом: *Дорогая Надя*, а в приписке обращается к её мужу: *Андрей, не сердись, что я к тебе не пришел* [Булгаков, с. 154–155].

Таким образом, вступая в речевой контакт, будь то письменное или устное общение, люди зачастую не ограничиваются какой-то одной формой вокатива, а многократно и по-разному обращаются друг к другу. И если при непосредственном общении соответствующее обращение взаимно, то в письме оно осуществляется только в одном направлении – от адресанта к адресату, причём без обратной связи. Отсюда и осознаваемое или не осознаваемое стремление к максимально надёжной и непрерывающейся связи автора письма с его адресатом, связи, которая может быть обеспечена – и это самый простой способ – дублированием обращения, а то и многократным его использованием. Отсюда и различные структурные типы самого поливокатива, и разнообразие его составляющих в отдельных вокативных образованиях, формирующих тот или иной поливокатив, ту или иную фигуру многократного письменного обращения, от одиночного антропонима или апеллятива (*Федя, брат, любимая*) до многокомпонентной любой сложности вокативной конструкции типа *милая ... милая ... драгоценная моя ... Ляличка ... бесценная, милая Варенька ... дорогая моя ... о, моя бесценная, дорогая моя, жизнь моя, Варенька ... деточка ... Варенька! Бесценная! ... милая, бесценная моя ... Варюшечка* [Бунин, т. 11, с. 32–33]. Сам же поливокатив структурирован вполне определённо, и обследованный нами эпистолярный материал даёт возможность классифицировать эту вокативную фигуру следующим образом.

В зависимости от количества собственно обращений, образующих тот или иной поливокатив, и от их функционального назначения, а также прагматической ориентации мы выделяем три основных типа поливокатива: рамочный, рассеянный и комбинированный. В качестве рамочного поливокатива мы квалифицируем, как было отмечено во второй главе, вокативную фигуру, обрамляющую письменное послание и состоящую из двух обращений, одно из которых открывает письмо (является инициальным), а второе входит в завершающую формулу выхода из письма. При этом инициальное обращение может дублироваться и замыкать рамку, но может быть заменено какой-то его модификацией и даже совершенно иным вокативом. Рамочная конструкция чётко обозначает границы и объём послания, а соответственно и его основное содержание. Вот типичные примеры рамочно-го поливокатива:

Н. В. Гоголь – В. А. Гоголю:

Дражайший папенька!

«...» Прощайте, дражайший папенька!

Ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский [Гоголь, с. 262];

Л. Н. Толстой – Н. А. Некрасову:

Милостивый государь!

«...» С чувством совершенного уважения, имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга Л. Н. [Толстой, т. 17, с. 63];

А. С. Пушкин – Л. В. Дубельту:

Милостивый государь Леонтий Васильевич...

«...» С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин [Пушкин, с. 465].

Первое обращение рамочного поливокатива может располагаться не только в начале послания, но и в его тексте, как, например, в следующем очень коротком письме Суворова к П. И. Гурчанинову:

Худо с большими людьми вишенки есть: бомбардированье началось, и с получения я, жена, дочь — в один день в публичной горячке.

Прости, мой благодетель!

Всегда с совершенным почтением

Милостивый Государь мой!

Ваш покорнейший слуга

Александр Суворов [Суворов, с. 48].

Второй компонент рамочного поливокатива чаще всего, как в приведенных выше примерах, входит в состав заключительной этикетной формулы письма, однако в некоторых случаях может предшествовать ей, сопровождая другие типичные элементы ситуации выхода из эпистолярного общения, такие как благодарность, пожелания, приветы общим знакомым, выражение надежды на скорую встречу и т. п. Вот пример рамки такого вида в письме М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву:

Прекраснейший Милый Алексеевич!

⟨...⟩ *Ещё раз благодарю Вас, Милый Ал., и жду в четверг непременно. Брат мой свидетельствует Вам своё наиглубочайшее почтение.*

Ваш Модест Мусоргский [Мусоргский, с. 10–11].

Второй компонент рамочного вокатива иногда располагается в составе постскриптума – маркированного или немаркированного, который, если он есть, наряду с подписью и заключительной этикетной формулой, относится к элементам концовки письма. В этом случае вокативная рамка может принимать такой вид, как в письме О. М. Фрейденберг Б. Л. Пастернаку:

Дорогой Боря, спасибо за Отелло.

⟨...⟩ *Обнимаю вас.*

Твоя Оля.

Боря, Саянов уже не имеет отношения к Звезде, а к Друзину у меня нет хода.

Мой адрес на обороте. С канала дом закрыт [Переписка Б. Пастернака, с. 232–233].

Сущность рассеянного поливокатива несколько иная. Он полностью входит в текст письма и не указывает его границы. Его задача – только поддержать контакт. Отсюда и его количественные параметры: минимум два компонента, максимум столько, сколько надо для имитации живого общения. Рассеянный поливокатив представляет собой расчленённую вокативную фигуру, состоящую из нескольких (от двух и более) обращений непосредственно в тексте письма, включая, если оно есть в письме, и инициальное обращение. Примеры:

Милостивый Государь мой Петр Иванович! ... Милостивый Государь мой! ... (А. В. Суворов – П. И. Турчанинову [Суворов, с. 64–65]);

Natalie ... друг мой ... ангел мой ... Наташа ... ангел мой ... (А. И. Герцен – Н. А. Захарьиной [Герцен, с. 260–261]);

... *Гриша* ... *друг* ... (С. А. Есенин – Г. А. Панфилову [Есенин, с. 87–89]);

Милая Лика ... *очаровательная* ... *Лика* ... *друг мой* ... *Лика* ... (А. П. Чехов – Л. С. Мизиновой [Чехов, т. 12 с. 31–32]).

Последним в соответствующем поливокативе обращением письмо не завершается не только формально, но и содержательно. Если же последнее (третье или какое-либо последующее) обращение рассеянного поливокатива, как и при рамочном, завершает письмо или входит в его заключающую часть, то образуется конфигурация, которую мы квалифицируем в качестве поливокатива комбинированного, совмещающего в себе структуру и функции обоих поливокативов: и рамочного, поскольку имеет место обрамление текста письма, и рассеянного как многократного обращения в тексте самого письма. Примеры комбинированного поливокатива:

А. В. Суворов – П. И. Турчанинову:

Милостивый Государь мой Петр Иванович!

⟨...⟩ ***Почтенный друг!***

⟨...⟩ *Буду всегда с совершенным почтением*

Милостивый Государь мой!

Вашего Высокородия

покорнейший слуга

Александр Суворов [Суворов, с. 71–72];

А. С. Пушкин – П. А. Вяземскому:

... ***милый Асмодей*** ... ***милый мой аристократ*** ...

Прощай, моя прелесть – *вперёд буду писать тебе толковее* [Пушкин, с. 63].

А. А. Фадеев – А. Ф. Колесниковой:

Милая Ася!

... ***милая Ася*** ... ***милая Ася!*** ... ***милая Ася!*** ...

Целую Вас, моя далёкая юность...

Саша [Фадеев, с. 377–378].

Как видно из приведенных иллюстраций, поливокатив, и рамочный, и рассеянный, и тем более комбинированный, используется в переписке самых разных адресантов, а различные его типы могут функционировать в письмах одного и того же адресанта к одному и тому же адресату.

Рассмотрим теперь подробнее выделенные нами типы поливокатива и укажем на самые существенные, с нашей точки зрения, их лингвистические параметры.

4.2. Рамочный поливокатив

Под рамочным поливокативом, как уже отмечалось, мы понимаем обращение, дважды фигурирующее в письме, открывающее и завершающее соответствующее послание и представленное либо в одном и том же, либо в модифицированном виде. Это своего рода рамка, в которую помещён адресантом текст его письма, как, например, в приведенных выше письмах А. В. Суворова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого, а также в письме А. С. Грибоедова А. И. Рыхлевскому:

Милостивый Государь Андрей Иванович.

⟨...⟩ *С отличной преданностью остаюсь,*

Милостивый Государь,

ваш покорнейший

А. Грибоедов [Грибоедов, с. 52].

Ситуация, когда компоненты рамочного вокатива распределяются между зачином и концовкой, образуя, вместе с заключительной этикетной формулой и подписью адресанта, конструктивную рамку письма, вполне типична, в связи с чем Т. В. Радзиевская отмечает в качестве основной структурно-композиционной особенности письма его рамочную конструкцию, где роль рамки играют инициальное и финальное обращения [Радзиевська 1998, с. 114]. Вот ещё пример рамочного вокатива, когда обращением *Милая Галя!* начинается текст письма, а второе обращение включено в состав заключительной этикетной формулы: *Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь. Сергей* [Есенин, с. 177].

Или у К. Г. Паустовского обращение в зачине письма: *Танюша, родная моя*, – все-таки решился и послал тебе телеграмму о деньгах, – и в концовке: *Обнимаю тебя, золотой мой человек. Поцелуй всех. Твой Котя* [Паустовский, с. 272–273].

Иногда, как уже было сказано, второй компонент рамочного вокатива начинает постскрипtum или приписку, расположенную после подписи адресанта, также образуя рамку вокруг основного текста:

Голубушка Аня!

⟨...⟩ *Засим крепко обнимаю. Всем твоим поклоны. Надеюсь, что ты уже совсем здорова.*

[П. Чайковский]

Аня, Аня, если кончу, славная будет опера [ЧТ, с. 238].

При этом оба компонента вокатива могут представлять собой не только два прямых обращения, как в приведённом выше примере, но и комбинацию прямой и косвенной адресации, как у К. Г. Паустовского: *Танюша, я только что получил твою телеграмму. Спасибо, – и в конце письма: Целую очень, очень, свою Таньку. Котя* [Паустовский, с. 272]. Письмо Е. И. Замятину М. А. Булгаков тоже начинает прямым обращением: *Дорогой Агасфер!* – а заканчивает приветствием с опосредованным вокативом: *Итак, семейству Агасферовых привет!* [Булгаков, с. 323–324].

Второй компонент рамочного поливокатива чаще всего является средством расширения заключительной этикетной формулы, которая, как правило, предваряет подпись адресанта в письме и имеет характер речевого клише типа *С уважением..., Ваш..., Преданный Вам...* и т. п. Однако такие устоявшиеся в языке формулы в эпистолярных текстах нередко подвергаются самым разнообразным трансформациям: комбинируются, объединяясь в высказывании, например *Обнимаю, целую, жду*; редуцируются, как, скажем, в одном из писем М. П. Мусоргского, которое завершается восклицанием *До!* [Мусоргский, с. 177] вместо узуального в данном случае *До свидания*; или, напротив, расширяются за счёт ввода тех или иных детерминантов, характер и количество которых может широко варьироваться, однако, пожалуй, наиболее регулярным средством расширения заключительной формулы письма является именно вокатив в форме прямого обращения к адресату или косвенной адресации.

Есть и примеры такой композиции писем, когда традиционный зачин, включающий обращение, вообще отсутствует или же не содержит никаких форм адресации, и лишь где-то в третьем – четвёртом абзаце, а то и дальше, автор наконец обозначает адресата, а в конце письма вновь обращается к нему. Так расположены компоненты рамочного поливокатива в письмах О. М. Фрейденберг [Переписка Б. Пастернака, с. 36–41], М. П. Мусоргского [Мусоргский, с. 148–149], П. И. Чайковского [ЧТ, с. 35–38] и других адресантов.

В структурном плане рамочный поливокатив, как показывает обследованный нами материал, представляет собой четыре основных типа соотношения начального и завершающего обращений, что даёт нам основания подразделить его на дублирующий, редуцированный, расширенный и модифицированный. В *дублирующем* воспроизводится первое обращение, то есть имеет место его повтор. Так, письмо М. А. Булгакова матери начинается обращением: *Дорогая мама, – и*

завершается формулой прощания, включающей ту же вокативную конструкцию: *Целую Вас, дорогая мама, крепко. Тася также. Всех целуем. Михаил* [Булгаков, с. 36–40]. Чаще всего повторяется антропоним, например: *Милый <...> До свидания, Милый. Ваш Модест* [Мусоргский, с. 19–21]; *Добрейшая Юлия Петровна! <...> Будьте здоровы, добрейшая Юлия Петровна! Ваш П. Чайковский* [ЧТ, с. 346–347]; *Дорогой Всеволод! <...> Пиши, дорогой Всеволод. А. Фадеев* [Фадеев, с. 347–348]; *Танюша, посылаю два выправленных экземпляра «Броска на юг». <...> Целую тебя, Танюша* [Паустовский, с. 390].

Форма антропонима при этом может меняться, в интимной и дружеской переписке используются разные варианты имени, домашние имена, прозвища: *милая Тамара ... милая Тамарочка* [Бабель, с. 86–87], *Крол ... Кролик* [Паустовский, с. 108–109], *Зверунья-певунья ... зверуша* [Паустовский, с. 157–158] – и в спонтанной выборке: *любезный Оболенский ... любезный Евгений* [Горбачевский, с. 139]. В дублирующем поливокативе антропоним может иметь при себе детерминанты типа *милый, дорогой, милейший, добрейший*. Зафиксированы также вокативные конструкции, в которых антропониму предшествует регулятив *голубушка* или словосочетание *милый друг*. Немногочисленными примерами в проанализированном нами материале представлен дублирующий поливокатив, компоненты которого не содержат антропонима и включают повторяющийся контактив *милостивый государь* [Мусоргский, с. 181; Суворов, с. 85], статусное обращение *Всемилоостивейшая Государыня* [Суворов, с. 119–120], вокативную конструкцию, состоящую из контактива и статусного обращения *Сиятельнейший Граф Милостивый Государь* [Суворов, с. 31–32, 34], *Сиятельнейший Князь Милостивый Государь* [Суворов, с. 35], детерминированный апеллатив *милейшая барыня* [Мусоргский, с. 192], *мой друг* [Горький, т. 28, с. 355–357] или субстантивированный адъектив *дорогой мой* [Мусоргский, с. 116–117]. Следует отметить, что конструкции, образующие дублирующий поливокатив, как правило, слабо распространены и достаточно стереотипны.

Частным случаем дублирующего поливокатива является повтор вокативной конструкции с изменением порядка образующих её компонентов при сохранении лексического состава конструкции: *дорогой мой ... мой дорогой* [Мусоргский, с. 134–135]; *Мой любимый Арсений, я был уверен в содеявшемся. <...> Ну, вольным сердцем шлю привет Тебе, любимый мой Арсений, и во здравьцу Твою!* [Мусоргский, с. 199–200]. Пример рамочного вокатива такого типа находим и в одном из писем

Б. Пастернака сестре, где текст предварён обращением: *Дорогая Оля!* – а постскрипtum начинается так: *Олечка, дорогая, и если только это возможно, то не откладывай поездки в долгий ящик...* [Переписка Б. Пастернака, с. 96–97].

При **редуцированном** рамочном поливокативе второе обращение сокращено и из него исключаются какие-то компоненты вокативной конструкции: либо детерминанты собственно обращения, либо само обращение, с теми или иными вариациями осуществляемой редукции. Таким образом, второй компонент поливокатива повторяет инициальное обращение в усечённом виде, как в письме художника В. Г. Худякова П. М. Третьякову. Инициальный вокатив в нём: *Милостивый Государь Павел Михайлович!* – а в заключительной этикетной формуле антропоним отсутствует: *Примите уверение в истинном моем к Вам уважении, имею честь быть Вам, Милостивый Государь, покорный слуга В. Худяков* [ПХ, с. 6].

Чаще всего наблюдается редукция детерминантов, расширяющих антропоним в составе вокативной конструкции, в результате второй компонент рамочного поливокатива представляет собой антропоним, обычно имя (И) или имя и отчество (ИО): *Многоуважаемый Пётр Ильич*. <...> *До свидания, Пётр Ильич, может быть, до скорого... Остаюсь уверенный в успехе «Вакулы ученик Ваш С. Танеев* [ЧТ, с. 13]. Рамочный поливокатив, в котором детерминант вокативной конструкции представлен адъективом, может иметь такой вид: *милый ИО ... ИО; дорогой ИО ... ИО; многоуважаемый ИО ... ИО; дорогой мой ИО ... ИО; прекраснейший ИО ... ИО; добрейший ИО ... ИО; добрый и милый ИО ... ИО; дорогой И ... И; дорогой мой И ... И; милый И ... И; милый мой И ... И; И, родной, маленький ... И; И, родной ... И; И, родной мой ... И; И, дорогой ... И; И, дорогой мой ... И* и т. п. В качестве детерминанта могут выступать и контактивы типа *милостивый государь*, а также регулятивы: *милостивый государь ИО ... ИО; милостивая государыня ИО ... ИО; голубушка И ... И; голубчик И ... И; И, голубушка ... И; милый друг И ... И*. При этом форма антропонима может различаться в первом и втором компонентах рамочного поливокатива, как, например, в письме М. А. Булгакова супруге: *дорогая Лю и Куква* [Булгаков, с. 630].

Если вокативная конструкция – первый компонент рамочного поливокатива – включает два или более детерминантов, то редукции может подвергаться один из них: *Многоуважаемая и добрейшая Юлия Петровна!* <...> *До свиданья, добрейшая Юлия Петровна! Кланяюсь*

всем вашим [ЧТ, с. 294–295]; *Мой милый Пётр Ильич ... милый Пётр Ильич* [ЧТ, с. 42–46]. Иногда редукции в составе рамочного поливокатива подвергаются и детерминанты при стержневом слове – апеллятиве: *голубушка моя ... голубушка* [Мусоргский, с. 216–217]; *Милая мама! ... мамочка* [Фадеев, с. 336–337].

Антропоним как доминанта вокативной конструкции исключается из второго компонента редуцированного поливокатива реже, чем детерминанты, хотя есть примеры и такого рода: *Дорогой Милый <...> Крепко целую Вас, дорогой, и прошу не вменять в обвинение мне моего отказа. Ваш Модест* [Мусоргский, с. 96–97]. При этом во втором компоненте поливокатива остаётся только субстантивированный адъектив, как в письме С. Есенина А. Мариенгофу, которое начинается вокативной конструкцией, включающей прозвище *Милый Рыжий*, а второе обращение сопутствует формуле прощания: *До свидания, милый* [Есенин, с. 171–172]. Еще примеры: в письме К. Г. Паустовского сыну: *Ах ты, Алешка, мой маленький мальчик! <...> Целую тебя, маленький мой. Твой папа* [Паустовский, с. 304]; О. М. Фрейденберг – Б. Л. Пастернаку: *Да, родной Боря, в какие дни мы встречаемся! <...> Обнимаю тебя, родной... Твоя Оля* [Переписка Б. Пастернака, с. 184–186].

В нашей выборке зафиксированы следующие модели рамочного поливокатива с редукцией антропонима: *дорогой И ... дорогой; дорогой мой И ... дорогой мой; друг И ... друг; голубушка И ... голубушка; голубушка ИО ... голубушка; И, голубушка ... голубушка*. Если инициальная вокативная конструкция представляет собой комбинацию апеллятива и антропонима, то второй компонент поливокатива с редукцией антропонима представлен апеллятивом, причём его распространители также могут быть опущены: *Голубушка дорогая, Людмила Ивановна. <...> Здравствуйте, голубушка, и да здравствует пророк великий Глинка! Ваш Мусинька* [Мусоргский, с. 278]; *Дорогой мой друг Роллан – <...> Будьте здоровы, дорогой мой друг, крепко жму Вашу руку. М[арии] П[авловне] сердечный привет. М. Горький* [Горький, т. 30, с. 434–435].

Редукция антропонима или апеллятива – опорного слова в вокативной конструкции иногда сопровождается перестановкой остающихся её компонентов и их функциональной переориентацией. Так, в первом компоненте рамочного поливокатива *Милый друг, Корсинька ... друг милый* [Мусоргский, с. 118] лексемы *друг, милый* детерминируют собственно обращение *Корсинька*, во втором же компоненте опорным

словом является апеллятив *друг*. Ещё пример редуцированного поливокатива с перестановкой компонентов: *Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна! ... голубушка моя* [Мусоргский, с. 191]. Функциональная переориентация компонентов вокативной конструкции наблюдается в поливокативе: *Дорогой, старый друг мой ... дорогой мой* [Горький, т. 30, с. 434–435], в первой части которого все адъективы детерминируют существительное *друг*, во второй же части адъектив *дорогой* субстантивируется, а *мой* становится его детерминантом.

Во вторую часть **расширенного** поливокатива вносятся какие-то дополнения к первой номинации адресата: *Таня, сейчас четыре часа ночи, мертвая тишина, только стучат часы... <...> Не сердитесь на меня, Таня, милая. Ваш К. Паустовский* [Паустовский, с. 231–232]. В концовке письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману инициальный вокатив *Дорогой Александр Евгеньевич!* повторяется в расширенном виде: *Ну, всего лучшего, мой дорогой друг Александр Евгеньевич. Ваш В. Вернадский* [Письма Вернадского., с. 95]. Эта же модель рамочного поливокатива – у Паустовского: *Катя ... моя радостная Хатидже* [Паустовский, с. 11–12]. При этом первый компонент бинарного вокатива в большей мере соответствует требованиям этикета и выполняет фатическую функцию; второй же компонент включает эмоционально-оценочные прилагательные *милый*, *дорогой* или притяжательное местоимение *мой*, употребление которого в составе обращения сокращает коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. В этих случаях, по-видимому, можно говорить о том, что сам акт эпистолярной коммуникации создаёт предпосылки для эмоционального сближения её участников, что и находит своё выражение в семантике второго компонента рамочного поливокатива.

Наиболее многочисленны и разнообразны в обследованном нами материале случаи **модифицированного** рамочного поливокатива с полной или частичной заменой начального обращения: *Господин пастор! <...> Ваш, милостивый государь, покорный слуга Н. Лесков* [Лесков, т. 10, с. 293–294]; *Достоуважаемый Алексей Феофилактович! <...> До свидания, учителю благий... Ваш Н. Лесков* [Лесков, т. 10, с. 345–347]; *Танюша, радость моя, 8-го в 6 часов вечера я уже прилетел в Турин... <...> Целую тебя, единственный мой человек* [Паустовский, с. 404]; *Дорогой Саша! <...> Пиши, милый. Твой Александр* [Серафимович, с. 473]. Ап. Григорьев начинает письмо к М. П. Погодину официальным: *Ваше превосходительство, милостивый государь, достопочтеннейший Михайло Петрович!* – а заканчива-

ет своё послание с отчаянной просьбой одолжить денег: *Выручите, отец и благодетель!* [Григорьев, с. 76]. А. С. Каминский в начале письма обращается к П. М. Третьякову: *Почтеннейший Павел Михайлович!* – а завершает письмо так: *Прощайте, добрейший Павел Михайлович. Остаюсь с истинным уважением. Преданный Вам Каминский* [ПХ, с. 74]. Замене может подвергаться как зависимый, так и стержневой компонент словосочетания, скажем, М. А. Булгаков сначала обращается к адресату: *дорогой Яков Леонтьевич,* – а потом: *дорогой друг* [Булгаков, с. 545–546]. Таким образом, модификация осуществляется путём замены детерминанта в вокативной конструкции, либо полной замены вокатива, либо замены с частичным сохранением компонентов конструкции.

Замена детерминанта наблюдается, как правило, в вокативной конструкции, которая представляет собой детерминированный антропоним или комбинацию антропонима и апеллятива, при этом антропоним повторяется как в первом, так и во втором компоненте рамочного поливокатива, например: *милый Пётр Ильич ... дорогой Пётр Ильич* [ЧТ, с. 53–56]; *Дорогая Юлия Петровна ... добрейшая Юлия Петровна* [ЧТ, с. 351]; *Добрейшая, милая Юлия Петровна ... добрейшая, дорогая Юлия Петровна* [ЧТ, с. 299–300]; *Костя, дорогой ... Костя, родной* [Паустовский, с. 266–267]; *Уважаемый Юрий Викторович ... почтенный Юрий Викторович* [Горький, т. 29, с. 357–358]. Возможны и другие модели рамочного модифицированного поливокатива с заменой детерминанта: *милый ИО ... голубчик ИО; друг мой ИО ... милый ИО; многоуважаемая ИО ... добрейшая ИО; многоуважаемая, добрейшая ИО ... дорогая ИО; добрейшая ИО ... многоуважаемая ИО; милая, добрейшая ИО ... дорогая ИО; добрейшая ИО ... милая ИО; дорогая ИО ... милая ИО; дорогая ИО ... добрая ИО; многоуважаемая, добрейшая ИО ... милая ИО; добрейшая ИО ... милейшая ИО; дорогая ИО ... бедная, добрейшая ИО; дорогой И ... милейший И; милая И ... голубушка И; голубушка И ... И, дорогая; голубушка И ... милая И; голубушка И ... бедная, милая И; голубчик мой И ... милый мой И; милый друг И ... милый мой И; И, милый ... И, дорогой и т. п. Замена детерминанта может сочетаться и с варьированием формы имени, как, например, в письме И. Э. Бабеля, где первый компонент рамочного поливокатива *Милая Татушенька*, а второй – *голубушка моя Тамара* [Бабель, с. 43].*

В случае замены вокативной конструкции с частичным сохранением её компонентов в составе рамочного поливокатива повторяет-

ся детерминант, а опорное слово вокативной конструкции заменяется другим, например: *Дорогой Александр Валентинович ... дорогой, любимый и уважаемый человек* [Горький, т. 29, с. 288–289]; *Дорогой Роллан ... дорогой друг* [Горький, т. 30, с. 15–16]. Чаще всего в составе рамочного поливокатива сохраняются адъективы *милый, дорогой, мой*, апеллятивы *друг, голубчик, голубушка*. Повтор лексем с семантикой позитивной оценки актуализует коннотативный компонент, «стёршийся» вследствие их этикетного употребления, эксплицирует стремление адресанта организовать коммуникативное пространство наиболее комфортным для адресата образом, подчеркнуть значимость данного взаимодействия.

В модифицированном поливокативе антропоним, однозначно обозначающий адресата, что существенно для установления контакта, регулярно присутствует в первом компоненте рамочного поливокатива и часто опускается во втором, когда контакт уже установлен, например *дорогая Люсенька и мой друг* [Булгаков, с. 616–617], *дорогой мой друг Олюшка и моя хорошая* [Переписка Б. Пастернака, с. 219] и т. п. Как отмечает Л. П. Рыжова, обращение в качестве компонента текста реализует все те коммуникативные функции, которые присущи языковой системе в целом [Рыжова 1981, с. 84], и мы полагаем, что это утверждение справедливо также в отношении эпистолярного вокатива. Однако иерархия функций может варьироваться: если для начального вокатива фатическая функция является ведущей, то второе обращение в письме выполняет прежде всего оценочно-характеризующую функцию, а затем уже фатическую, поддерживая контакт. Второй компонент рамочного поливокатива зачастую представляет собой субстантивированный адъектив, то есть именование адресата по его признаку: *дорогой мой, мой славный, моя милая, маленький мой, родная моя, родимый* и т. п. Нередки также описательные номинации перифрастического типа: *милый мой пинтенбрюрский житель* [ЧТ, с. 266], *мальчик, мой «рыжик»* [Паустовский, с. 416].

Как видим, эпистолярный вокатив – это не только обращение как элемент зачина письма, но гораздо более сложная лингвистическая фигура. Её строение определяется как структурой собственно вокативной конструкции, так и соотношением разных видов адресации, а также характером повтора обращения или вокативной конструкции в тексте письма.

4.3. Рассеянный поливокатив

Рамочный поливокатив, рассмотренный нами выше, – это типичная разновидность бинарного поливокатива, состоящего из двух обращений, расположенных в письме дистантно. Не всегда, однако, два вокатива обрамляют собственно послание. Оба компонента соответствующего поливокатива могут располагаться в начале письма, таким, например, образом: *Аня! Откуда ты взяла, голубушка, что я испытал неудовольствие от твоего письма?* [ЧТ, с. 232]. Второй компонент может не заключать послание, а находиться в середине письма и практически на любом расстоянии от первого. В подобной ситуации повторное обращение либо просто поддерживает хотя бы вербальный контакт адресанта с адресатом, либо выступает в функции обращения-регулятива, в том числе и регулятива, по выражению В. Е. Гольдина, идеального, типа *браток, дружище, голубчик* и т. п. [Гольдин 1987, с. 110], как это имеет место, например, в письмах М. П. Мусоргского [Мусоргский, с. 128, 174, 175, 191, 216–217, 226, 229, 278], П. И. Чайковского [ЧТ, с. 14–15, 35–38, 40–41, 69–70, 89, 122, 128–129, 132, 136–137, 139, 143–144, 169–170, 217, 232] и др. Такую комбинацию из двух обращений, не образующих рамку письма, мы рассматриваем как один из частных случаев рассеянного поливокатива. С точки зрения структурного и лексического соотношения входящих в его состав номинаций адресата, он представляет все те же типы, которые были выделены и описаны для рамочного поливокатива. Бинарный рассеянный поливокатив также может быть дублирующим: *Матвеич! Будь осторожен. <...> Из моих денег купи, Матвеич, и отправь винные казаны в Рождество...* [Суворов, с. 94]; редуцированным: *Дорогая Юлия Петровна! <...> Знаете ли, Юлия Петровна, что я пишу Вам в состоянии какого-то лихорадочного возбуждения, и потому не удивляйтесь особливой бессвязности письма...* [ЧТ, с. 308–309]; расширенным: *Дорогой мой généralissime, дрянь дело. <...> Приступал к письму с поганым тоскливым чувством какой-то долгой разлуки с Вами, дорогой мой, и, сдаётся мне, единственный меня сознающий généralissime. И ведь в ту же минуту о диспуте российских мужей мечтания пошли – как только поотлегло* [Мусоргский, с. 210–211] – и модифицированным: *Дорогая Лидия Николаевна! <...> Что касается псевдонима, моя отшельница, то Вы совершенно правы...* [Паустовский, с. 399–401].

Рассеянный поливокатив как разновидность поливокатива представляет собой многократное, от двух раз и более, обращение автора письма к своему адресату, вызванное, как правило, особой значимостью письма, его объёмом, эмоциональным состоянием адресанта, требующим непрерывного контакта с адресантом, особенно если это близкий ему человек. Такого рода вокатив представляет собой комплекс адресующих номинаций, пронизывающий текст послания. Так, Л. Н. Толстой в письме неоднократно обращается к своей жене, каждый раз по-новому называя её: ... *милый друг ... душенька ... голубчик мой, Соня ... душа моя милая ...* Заканчивается письмо формулой прощания без вокатива и без подписи: *Прощай, пора идти по делам* [Толстой, т. 17, с. 280–282]. А вот рассеянный поливокатив в письме И. А. Бунина: ... *Деточка! ... Варичка ... ты, близкая моя, друг мой! ... О зверочек мой! ... зверочек ... Варенька ... Варенька ... Девочка! Милая! ...* [Бунин, т. 11, с. 70–72].

Пример эпистолярного текста в рассеянном поливокативом – письмо белорусского подпольщика Г. Фалевича невесте, написанное в 1942 году незадолго до его гибели в фашистском застенке:

Милая, как жаль, что отсюда нельзя писать – я бы тебя завалил письмами.

Родная, как мне хочется видеть тебя и поцеловать, прижать к сердцу. Но, увы, всё это невозможно ни сейчас, ни в будущем. Нинок, постарайся как-либо передать записочку, хотя пару слов. Дорогая, передачи, хоть для виду, но передавай каждый день, мне это будет очень отратно. Скажи моим, пусть передадут что-либо в субботу с 3-х до 5-ти, в это время принимают передачи. Вообще говоря, передавать можно каждый день, но надо постоять.

Поцелуй за меня мою маму! Вера Игнатьевна пусть простит меня за всё – поцелуй и её.

Хочу курить!

Ещё раз целую.

Жорж.

Скажи дома, что записка в кальсонах зашита [ГПГ, с. 232].

Как видим, в этом совсем небольшом письме, в полутора десятках строк юноша четыре раза употребляет обращение к девушке, что создаёт эффект постоянного соприкосновения с близким человеком. Многие письма, написанные в сходной ситуации, требующей высшего напряжения всех душевных сил, также содержат неоднократ-

ное обращение к адресату [ГПГ, с. 247, 270–271, 350, 424–425, 482 и др.].

Компоненты рассеянного поливокатива могут повторять друг друга, однако случаи дублирующего поливокатива, в котором все компоненты одинаковы, крайне редки, например М. П. Мусоргский в одном из писем трижды называет адресата одинаково: *дорогая Людмила Ивановна* [Мусоргский, с. 85–88], у И. Э. Бабеля встречается поливокатив: *Тамара ... Тамара ... Тамара ...* [Бабель, с. 161–164, 207–209], а у К. Г. Паустовского – *Таня ... Таня ... Таня ...* [Паустовский, с. 233–236]. Но гораздо чаще способ номинации адресата в пределах одного письма изменяется. При этом характер рассеянного поливокатива определяется не столько количеством входящих в него номинаций адресата (их может быть, как только что показано, очень много), сколько их разнообразием и доминирующим компонентом, которым может быть и антропоним, и апеллатив. Если один из этих компонентов воспроизводится в письме неоднократно, то его можно считать доминирующим, хотя рассеянный вокатив может и не иметь доминанты.

Поэтому в предлагаемой ниже типологии рассеянного поливокатива выделены два его основных типа: гомогенный рассеянный поливокатив и гетерогенный рассеянный поливокатив. Первый состоит из вокативов одного класса, скажем, только из антропонимов с какими-то их модификациями и с детерминантами или без них (*Добрейшая и многоуважаемая Юлия Петровна! ... добрейшая Юлия Петровна ... добрейшая Юлия Петровна ... многоуважаемая Юлия Петровна!*.. [ЧТ с. 302–303]) либо только из апеллативов определённого вида и тоже с детерминантами или без них (*Драгоценная моя ... голубёночек мой ... ненаглядная моя ... деточка ...* [Бунин, т. 11, с. 51–52]). Второй тип включает в себя и антропонимы, и апеллативы (*Сергей Иванович ... почтенный коллега ... Сергей Иванович ...* [ЧТ с. 6–7]).

Гомогенный рассеянный поливокатив с доминантой-антропонимом включает в свой состав только антропонимы в той или иной форме или антропонимы в сопровождении детерминантов. Эта модель с варьируемым числом компонентов встречается в письмах разных авторов: *Natalie ... Наташа ... Наташа ...* [Герцен, с. 254–255], *Лица ... Лица ... Лица ...* [Чехов, т. 11, с. 544], *Милый Сергей Иванович ... Сергей Иванович ... Сергей Иванович ... Сергей Иванович ...* [ЧТ, с. 76–78]. Если обозначить антропоним следующим образом: *И* – имя, *ИО* – имя и отчество, *Ф* – фамилия, то структура типичного гомоген-

ного поливокатива с доминантой – именем адресата может быть представлена в обобщённом виде так: *И ... И ... И ...* и соответственно *ИО ... ИО ... ИО ...* или *Ф ... Ф ... Ф ...* и т. п. с разными их комбинациями. Основная функция гомогенного поливокатива такого типа – установить и поддержать контакт с адресатом.

Распространённой модификацией этого поливокатива является сочетание антропонима с детерминантом в первой позиции и неоднократный повтор имени адресата в тексте письма. Типичные модели такого поливокатива: *многоуважаемый ИО ... ИО ... ИО ... ИО ...* [Се-рафимович, с. 374–376], *дорогой ИО ... ИО ... ИО ...* [Бабель, с. 30–32; Переписка Б. Пастернака, с. 449–451, 454–456], *дорогой И ... И ... И ...* [Есенин, с. 98; Переписка Б. Пастернака, с. 517; Мусоргский, с. 13–14], *родная И ... И ... И ... И ... И ...* [Переписка Б. Пастернака, с. 27–34], *И, родная ... И ... И ...* [Переписка Б. Пастернака, с. 514–515], *дорогая, дорогая И ... И ... И ... И ...* [Переписка Б. Пастернака, с. 102–103]. В инициальной вокативной конструкции антропоним может сопровождаться и несколькими детерминантами, например: *Мой дорогой, мой неоценённый, мой, мой и мой Евгений Петрович ... Евгений Петрович ... Евгений Петрович ...* [Горбачевский, с. 196–200]. И это вполне закономерно: в момент установления контакта адресант делает комплимент адресату, эмоционально-оценочным прилагательным подчёркивает его положительные качества и свою позитивную оценку этих качеств, тем самым создавая благоприятные условия для дальнейшего взаимодействия, а затем ему остаётся лишь поддерживать контакт, для чего достаточно назвать адресата по имени. Первый компонент рассеянного поливокатива данного типа несёт более значительную функциональную нагрузку, чем остальные: он выполняет, помимо фатической, эмоционально-экспрессивную функцию, что обусловлено семантикой входящих в его состав детерминантов, остальные же компоненты поливокатива служат поддержанию контакта между коммуникантами.

Нередко, однако, гомогенный поливокатив с доминантой-антропонимом объединяет в своём составе антропонимы с детерминантами в разных позициях, например: *Милый И ... милый И ... И ...* [Мусоргский, с. 52–54]; *И ... И ... И ... И ... И ... И, родная ...* [Переписка Б. Пастернака, с. 42–47] и др. При этом детерминанты могут как повторяться, так и варьироваться, имя адресата может быть детерминировано не только адъективными распространителями, но и апеллятивами, что создаёт большое число самых разнообразных комбина-

ций: *Милостивая государыня Любовь Ивановна ... Любовь Ивановна ... Любовь Ивановна ...* [Мусоргский, с. 186–187]; *Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна ... голубушка, дорогая Людмила Ивановна ... дорогая голубушка, Людмила Ивановна ...* [Мусоргский, с. 276]; *Олюшка, дорогая моя сестра ... дорогая Оля ... Оля ...* [Переписка Б. Пастернака, с. 75–77]. В пределах одного такого комплекса номинаций меняются не только детерминанты, но и формы антропонима, например: *Милый, дорогой Колечка! ... Колечка ... милый, дорогой, хороший Николаша ...* [ЧТ, с. 264]; *Дорогая Розалия Самойловна! ... Дорогая Розалия Самойловна! ... товарищ Землячка ...* [Фадеев, с. 299–300]; *Танюша, радость моя ... Танюшка моя ... Тань-Тань ...* [Паустовский, с. 295–297]. Такой поливокатив динамичен, он эксплицирует высокий эмоциональный накал отношений между коммуникантами и обеспечивает поддержку заданного уровня эмоционального контакта в продолжение всего акта общения.

Несколько иначе обстоит дело с гомогенным рассеянным поливокативом, доминантой которого является апеллатив. Такой поливокатив включает в себя повторяющуюся несколько раз лексему (возможно, с разными детерминантами) или разные лексемы, называющие адресата. Повтор одного и того же апеллатива в письме – явление достаточно редкое и представлено в собранном нами материале немногочисленными примерами: *брат ... брат ... брат ...* [Жуковский, с. 492–497], причём обычно вокативные конструкции в составе такого поливокатива отличаются по крайней мере детерминантами: *мой милый друг ... милый друг ... милый друг ...* [Жуковский, с. 511–512], *глубокоуважаемая матушка! ... матушка, дорогая матушка ... матушка* [Корнилович, с. 256–257]. Значительно чаще поливокатив этого типа объединяет разные апеллативы, причём, как правило, хотя бы часть из них имеет детерминанты, например: *милая моя жёнка ... ангел кротости и красоты ... мой друг ...* [Пушкин, с. 551–552]; *жёнка ... мой ангел ... жёнка душа ...* [Пушкин, с. 416–417]; *милый друг ... силач ... милый брат по Аполлону ...* [Жуковский, с. 510–511]; *драгоценная моя ... голубёночек мой ... ненаглядная моя ... ты моя бесценная, хорошая, умная девочка ... деточка ...* [Бунин, т. 11, с. 51–52]; *бесстыдница! ... друг мой ... мой добрый гений ...* [Григорьев, с. 196–199]. Множество разнообразных и нередко весьма экзотических обращений к жене содержат письма А. П. Чехова: *супружница моя славная ... клотик мой ... дусик мой ...* [Чехов, т. 12, с. 455–456], *милая, драгоценная, великолепная актриса ... моя верная спутница на Ай-Петри и в Бахчисарай ...*

моя радость ... милая актриса ... [Чехов, т. 12, с. 309–310] и др. Рассеянный поливокатив этого типа максимально персонифицирован: с одной стороны, такому способу именованию адресата отдают предпочтение лишь некоторые авторы писем, в частности, особенно много подобных примеров в эпистолярной А. С. Пушкина и А. П. Чехова, с другой стороны, даже у этих авторов апеллатив доминирует в переписке с очень ограниченным кругом адресатов, с которыми их связывают самые близкие отношения. Гомогенный поливокатив с доминантой-апеллативом выполняет не только фатическую и эмоционально-экспрессивную функции, но также и поэтическую функцию, поскольку он отличается образностью, включает эпитеты, метафоры, перифразы, что предполагает творческое отношение адресанта к языку.

Субстантивированные адективы в качестве доминанты гомогенного поливокатива представлены в анализируемом материале гораздо реже, чем собственно имена существительные. Несколько примеров: *Моя милая ... моя милая ...* [Блок, с. 244–245]; *Милая ... милая ... милая моя ...* [Блок, с. 411]; *Милый ... милый ... милый ...* [Мой вечный спутник по жизни, с. 172–173]; *Дорогая ... дорогая ... милая, бедная и бесконечно счастливая, тем, что осязательно-грустная ...* [Анненский, с. 481–482]; *... Дорогая ... дорогая ...* [Анненский, с. 479]. Объективным фактором, налагающим ограничения на использование субстантивата в данной функции, является, по-видимому, недостаточная его информативность для именовании адресата, а также то, что он, как отмечалось ранее, не может быть детерминирован другим адективом, за исключением притяжательного местоимения *мой / моя*, в силу чего на его базе не могут быть созданы развёрнутые вокативные конструкции.

Немногочисленны и случаи гомогенного рассеянного вокатива с доминантой-контактивом. Вот примеры из спонтанной выборки: *Милостивейший Государь ... Милостивейший Государь ...* [Фельдмаршал Румянцев, с. 223]; *Милостивый государь ... Милостивый государь ...* [Фельдмаршал Румянцев, с. 235]. Абсолютная спецификация языковых клише такого рода в функции обращения делает их недостаточно информативными в плане характеристики объекта номинации. Именно это свойство определяет приемлемость подобных клише в непосредственном общении, особенно при необходимости обратиться к незнакомому или малознакомому человеку, однако эпистолярная коммуникация требует минимизации неопределённости в репрезента-

ции ситуации общения, и в частности недвусмысленного обозначения адресата в письме хотя бы один раз.

Гетерогенный поливокатив включает в себя и антропонимы, и апеллятивы (каждый из компонентов может сопровождаться детерминантами): *Уважаемый трибун ... голубушка моя ... Тамарочка ... Тамара ... уважаемый трибун ... злодейка ... душенька ... Татушенька ...* [Бабель, с. 80–82]. Доминантой поливокатива этого типа можно считать количественно преобладающий компонент, при этом в передаче различных эмоционально-оценочных значений, характеризующих нюансы межличностных отношений адресанта и адресата, в равной мере играет роль как выбор апеллятива, так и предпочтение той или иной формы антропонима, поэтому приведём примеры без схематизации. Вот тип гетерогенного поливокатива с доминантой-антропонимом: *Милая Наточка! ... Наточка ... Ната ... Наточка ... Наточка ... голубушка...* [ЧТ, с. 364–365]; *пожарный Саша ... Сашечка ... Саша ... Саша ... душенька ... душенька...* [Чехов, т. 11, с. 540–541]; *милый Абрамыч ... дружок ... Абрамыч...* [Серафимович, с. 539–540]; *Олежка, дорогой мой друг, и Вы, дорогая тётя Ася ... Оля ... Оля ... тётя Ася ... тётючка...* [Переписка Б. Пастернака, с. 130–132] – и с доминантой-апеллятивом: *Мой милый Арсений ... мой милый друг ... друг...* [Мусоргский, с. 202]; *брат наш мерзавец Александр Павлыч ... скотина ... брат ... брат...* [Чехов, т. 11, с. 33–35], *дорогая дадя Коля ... душа моя ... старик ... старик ... старик...* [Есенин, с. 199–201]. Независимо от характера доминанты, начальное обращение в большинстве случаев включает в себя имя адресата, остальные же компоненты поливокатива комбинируются по-разному.

Регулярно строится рассеянный эпистолярный поливокатив как сочетание антропонима и субстантивированного адъектива: *Дорогой Милий ... дорогой мой ... Милий...* [Мусоргский, с. 29]; *Милая Лика ... очаровательная ... Лика ... Лика...* [Чехов, т. 12, с. 31–32]; апеллятива и субстантивированного адъектива: *мой милый ... мой милый ... радость моя...* [Пушкин с. 326–327]; *Мой дорогой generalissime ... дорогой мой ... дорогой мой...* [Мусоргский, с. 147–148].

Гетерогенный рассеянный поливокатив нередко строится в виде различных комбинаций тех или иных способов именования адресата, в частности как сочетание антропонима, апеллятива и субстантивированного адъектива, а также построенных на их базе разнообразных вокативных конструкций: *милый Шура ... дорогой ... дорогой мой ... брат ... брат...* [Есенин, с. 137–139]; *Хатидже ... Хатидже ... миле-*

ди ... *Хатидже, родная моя ... моя чуткая нежная сестрёнка ... девочка ... родная...* [Паустовский, с. 28–31].

Важен при этом и такой параметр, как соотношение первичной и повторной номинации адресата в пределах одного текста. Так, например, в письмах М. П. Мусоргского очень часто встречается рассеянный поливокатив (как гомогенный, так и гетерогенный), в котором первичная номинация представляет собой детерминированный антропоним, а остальные компоненты вокатива повторяют первый, но в редуцированном виде, причём редукции могут подвергаться как детерминанты (полностью или частично), так и антропоним. Вот примеры вокатива описанного типа в письмах разным адресатам: *дорогой Милый ... Милый ... Милый...* [Мусоргский, с. 13–14], *дорогой Милый-Чешский, pane professore тож ... Милый ... Милый ... Милый ... Милый...* [Мусоргский, с. 62–64], *милостивая государыня Любовь Ивановна ... Любовь Ивановна ... Любовь Ивановна...* [Мусоргский, с. 186–187], *мой милый, страждущий друг Арсений ... друг ... милый друг Арсений ... друг мой...* [Мусоргский, с. 209–210], и др. Особый случай – гомогенный вокатив с доминантой-апеллятивом, например: *мой дорогой généralissime ... дорогой мой ... дорогой мой* [Мусоргский, с. 147–148]. Именно такой поливокатив, как правило, и обеспечивает возможность широкого варьирования повторной номинации адресата в рамках его рассеянного типа. При этом первичная номинация задаёт лексическую доминанту поливокатива – слово, неоднократно повторяющееся в нескольких его компонентах. И показательно то, что лексическая доминанта повторяется в разных письмах одного автора, обращённых к одному и тому же адресату. В письмах М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву такими доминантами являются две лексемы: имя *Милый* (92 употребления одиночного имени или в сочетании с разными детерминантами в 60 письмах) и адъектив *дорогой* (37 употреблений); в его же письмах, адресованных В. В. Стасову, три слова-доминанты: прозвище *généralissime* (63 употребления в 55 письмах), детерминанты *дорогой* (79 употреблений) и *мой* (76); в письмах к Л. И. Шестаковой – апеллятив *голубушка* (105 употреблений в 44 письмах), антропоним *Людмила Ивановна* (50), детерминанты *моя* (63), *дорогая* (42) и *родная* (32); в письмах к А. А. Голенищеву-Кутузову – апеллятив *друг* (42 употребления в 27 письмах), имя *Арсений* (30) и детерминант *милый / милейший* (35); в письмах к Н. А. Римскому-Корсакову – прозвище *Корсинька* (13), апеллятив *друг / дружок* (14) и детерминант *милый* (14). Некоторые лексемы-доминанты повторяются

в письмах разным адресатам, но их сочетание в каждом случае своеобразно. Характер лексической доминанты определяется отношением адресанта к адресату и узусом, принятым в их коммуникации, и является одним из тех средств, которые объединяют письма, адресованные автором одному корреспонденту, в единый эпистолярный дискурс.

Рассеянный поливокатив, как видим, – это регулярно используемая в эпистолярике лингвистическая фигура со своей особой структурной и функциональной маркировкой, являющаяся одним из наиболее существенных параметров письма как документа и речевого произведения. Хотя вокатив в письме служит прежде всего для установления контакта между коммуникантами, его прагматический потенциал значительно шире, что обусловлено, в частности, разнообразием структурно-семантических моделей поливокатива. Рассеянный поливокатив способствует поддержанию контакта, активизируя внимание адресата в продолжение прочтения им письма. Когда человек пишет в состоянии аффекта, сильного эмоционального и физического напряжения (например, на войне, в ситуации смертельной опасности, перед боем, из которого он может не выйти живым), повторяющееся обращение становится не просто выражением любви, но и создаёт иллюзию соприкосновения, контакта, неразрывной связи между автором письма и адресатом, как, например, в одном из писем героя обороны Киева старшего лейтенанта М. З. Войтко: *Здравствуйте, дорогие Клавачка, Валечка и Жанночка, папа и мама!... Клава ... Клава! ... Клава, береги детей!...* [Письма героев обороны Киева, с. 186]. В письме разведчицы О. Д. Ржевской своей матери, написанном в гестаповских застенках, прямое обращение к адресату начинается словами *Здравствуй, милая мама*, и через несколько слов – *мама, родная ... мама, милая ... милая мамочка ... мама ... милая мама ... милая мама ... мама ... мама ... мама, милая ... милая мама ... милая мама ... мама ... милая мама ... мама ... мама милая ... милая моя родная ... мама ... мама ... мама ...* Двадцать раз практически одно и то же обращение [ГПГ, с. 270–271].

Обращение зачастую повторяется в письме неоднократно, либо в неизменённом виде, либо с изменениями лексического состава и синтаксической структуры, и в тех случаях, когда сильное эмоциональное напряжение адресанта связано с его отношением к адресату. Вот пример из письма И. А. Бунина к В. В. Пашенко, написанного, как это следует из текста, в условиях крайне ограниченного времени, на

железнодорожной станции, во время стоянки поезда. В нескольких строчках автор письма трижды обращается к своему адресату:

*Драгоценная моя! пишу тебе на станции, пользуясь пятиминутною стоянкою. Я не могу не сказать тебе в эту минуту, что вся моя душа переполнена тобою. **Варя! дорогая моя!** ты друг мне, ты моя милая, близкая, любимая!.. Прости мне, ради Бога, прости мою давешнюю маленькую вспышку, мое недовольство.*

Если мучимый страстью мятежной

Позабылся ревнивый твой друг

И в душе его кроткой и нежной...

Варя, милая! Звонок! [Бунин, т. 11, с. 69–70].

Насыщенность эпистолярного текста обращениями к собеседнику свидетельствует, как было уже отмечено, о повышенной эмоциональности общения и чаще возникает в тех случаях, когда предметом общения становится эмоциональное состояние адресанта, его внутренний мир, события, связанные для него с какими-то глубокими переживаниями. Большинство писем П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк друг к другу начального периода их переписки, охватывающего 1876–1878 годы, содержат поливокативы, зачастую состоящие из десяти и более компонентов. Такая интенсификация фативы в коммуникации связана с предметом общения. Так, например, письмо-исповедь, в котором Н. Ф. фон Мекк рассказывает П. И. Чайковскому историю своей жизни, попутно излагая свои нравственные убеждения и эстетические идеалы и создавая для своего адресата некий психологический автопортрет, содержит шестнадцать (!) вокативов [ЧМ, с. 126–132]. В другом письме, выражая беспокойство по поводу состояния здоровья своего корреспондента, фон Мекк употребляет обращение даже дважды в одном предложении: «*Меня очень беспокоит, **Пётр Ильич**, что Ваше здоровье так дурно, и мне кажется, что, предполагая пожить в Италии некоторое время, было бы хорошо обратиться к лучшему итальянскому доктору, которые хотя вообще очень плохи, но лучшие других знакомы с местными условиями, но, конечно, употребить это как временную меру, а потом, **Пётр Ильич**, посоветуйтесь в Вене с доктором внутренних болезней*» [ЧМ, с. 96]. Интровертированность текста, обращенность адресанта к своему внутреннему миру и переживаниям побуждает его искать более близкого контакта с адресатом, и средством поддержания контакта в письме становится рассеянный вокатив. И наоборот, экстравертированный характер письма, направленного на изложение внешних событий и обстоятельств жизни или

решение разного рода деловых вопросов, ослабляет потребность в иллюзии постоянного контакта между коммуникантами. Иллюстрировать этот тезис может, в частности, одно из писем П. И. Чайковского. По содержанию оно состоит из двух частей. Первая – это рассказ о проблемах в отношениях автора с его женой и поисках возможности развода, и эта часть включает поливокатив *бесценный и добрый друг мой... дорогая моя... друг мой...* [ЧМ, с. 410–412]. Вторая же часть этого письма – рассказ о семействе сестры композитора, о сельскохозяйственных делах, связанных с выращиванием свёклы, и эти фрагменты письма не содержат обращений к адресату. Последнее обращение возникает только в заключительной этикетной формуле письма, перед подписью: *До свиданья, дорогая моя. Ваш П. Чайковский* [ЧМ, с. 414].

Внутритекстовые компоненты рассеянного поливокатива способствуют суггестивному воздействию на адресата, когда адресант стремится убедить его в искренности своих намерений, внушить ему представление о необходимости выполнения тех или иных действий, вызвать доверие, передать своё эмоциональное состояние. Распределение компонентов рассеянного поливокатива в тексте письма также подчинено определённым закономерностям, связанным с общей структурой эпистолярного дискурса. При рассмотрении письма в аспекте дискурсивного анализа Н. В. Павлик выделяет в нём дискурсивные единицы, определяя их как текстовые единицы, приобретающие коммуникативно-прагматическое значение в социально значимой ситуации общения. К числу специфических для эпистолярного дискурсивных единиц относятся, по её мнению, стандартизованные формулы обращения и приветствия, прощальные формулы, такие как выражение благодарности, пожелания, просьба продолжать коммуникацию и др. [Павлик, 2005б, с. 5, 14]. Многие из них соотносимы с первичными речевыми жанрами. Используя классификацию речевых жанров, предложенную Т. В. Шмелёвой [Шмелёва 1997, с. 91–92] и разработанную А. В. Курьянович применительно к эпистолярному тексту [Курьянович 2001, с. 56–63], покажем, что появление в письме комплекса внутритекстовых обращений, в сущности поливокатива, связано зачастую с реализацией в составе эпистолярного дискурса таких речевых жанров, как извинение, благодарность, комплимент, просьба.

Этикетный речевой жанр **«извинение»** формируется, как правило, глаголами типа *извините, простите*, и автор письма включает в высказывание вокатив в непосредственной близости от этих глаголов: *Милый, хороший друг мой ... Пётр Ильич <...> Извините, Пётр Ильич,*

что я так заговорила о реализме, но это вопрос, который меня лично трогает ... Пётр Ильич ... мой милый, единственный друг [ЧМ, с. 96–101]; *Мой дорогой друг ... Пётр Ильич <...> Извините, пожалуйста, мой дорогой, снисходительный друг ... мой хороший друг ... дорогой Пётр Ильич...* [ЧМ, с. 126–132]; *Милый, дорогой мой друг ... Простите, друг мой, что я не писал Вам в Петербург ... мой милый и добрый друг...* [ЧМ, с. 398–401]; *Добрейший дорогой Павел Михайлович! ... Извините, добрейший Павел Михайлович, что надоедаю Вам поручением, но в деле, для меня важном, не могу иначе обращаться, как к Вам...* [ПХ, с. 201] и т. д. Коммуникативная цель человека, который просит извинения, заключается в том, чтобы компенсировать адресату неприятности (неловкость, неудобство и т. п.), причинённые ему, избежать конфликта, продолжить межличностное взаимодействие, и использование вокатива как одного из важнейших языковых средств, выполняющих функцию установления и поддержания контакта, здесь вполне закономерно.

Другой этикетный речевой жанр, «благодарность», также связан с использованием вокатива: *Милый, хороший друг мой ... Благодарю Вас очень, Пётр Ильич, за присланный мне портрет Вашей жены ... Пётр Ильич ... дорогой мой Пётр Ильич <...>* [ЧМ, с. 96–101]; *Очень, очень благодарю Вас, мой милый, бесценный друг, за сообщение мне процесса композиции ... дорогой мой ... мой милый, хороший <...>* [ЧМ, с. 423–426]; *Милостивый Государь Павел Михайлович ... Благодарю Вас, Павел Михайлович, за Ваше любезное приглашение, непременно попользуюсь...* [ПХ, с. 125]; *Дорогой друг Павел Михайлович! ... Спасибо Вам, бесценный друг, ещё раз за хлопоты по моим делам...* [ПХ, с. 225] и т. д. Вокатив, включённый в предложение после слова, выражающего жанрообразующую интенцию (*благодарю, спасибо*), усиливает эмоциональность высказывания, что и обуславливает прагматическую значимость обращения к адресату в высказываниях этого типа.

Употребление вокатива сопряжено также с речевым жанром «комплимент»: *Дорогой мой Пётр Ильич ... дорогой друг мой ... Пётр Ильич ... А вот я люблю Направника, очень люблю Рубинштейна (Антон) и обожаю Вас, мой милый друг <...>* [ЧМ, с. 143–145]; *Мой милый, бесценный друг! ... Вообще, Ваши сочинения, мой милый друг, отличаются необыкновенным изяществом, так что, если даже и встречаются какие-нибудь обыкновенные вещи, то они всегда сказаны с таким достоинством, что уже перестают быть обыкновенны-*

ми ... Пётр Ильич <...> [ЧМ, с. 404]; *Бесценный и добрый друг мой ... дорогая моя ... <...> И Вы были так добры, **дорогая моя**, что согласились на это!..* [ЧМ, с. 410–414]; *Моя милая, добрая хозяйка ... Да, **друг мой**, нигде так ясно, как в Браилове, я не чувствую, с какой силой я люблю Вас, не сознаю всё значение того счастья, которое доставляет мне Ваша дружба ... мой дорогой друг <...>* [ЧМ, с. 451]. Позитивная эмоциональная оценка адресата, выражение собственных чувств в жанре комплимента направлены на улучшение межличностного взаимодействия, и ожидаемый адресантом эффект подкрепляется использованием в составе вокатива эмоционально-оценочных прилагательных *милый, дорогой, несравненный* и т. п.

Рассеянный поливокатив в тексте письма так же регулярно сопутствует речевому жанру «**просьба**», который относится к типу императивных речевых жанров. Жанр просьбы обычно реализуется в ситуации, когда адресат может сделать что-либо в интересах адресанта, но не обязан этого делать. В интересах просителя представить ситуацию общения таким образом, чтобы максимально солидаризироваться с адресатом, создав впечатление близости позиций и общности интересов. Употребление вокатива в этом случае направлено на сокращение коммуникативной дистанции между корреспондентами: *Мой милый, несравненный друг ... дорогой мой ... Поэтому **прошу Вас, милый друг мой**, адресовать мне отныне в Женеву, *poste restante* ... друг мой <...>* [ЧМ, с. 433–437]; *Дорогой Пётр Ильич ... милый друг мой <...> Пожалуйста, **Пётр Ильич**, уведомьте меня в Женеву, всё ли Вы получили... [ЧМ, с. 437–438]; *Дорогой Павел Михайлович! ... **Прошу Вас, Павел Михайлович**, написать мне несколько строчек, если Вы только не очень заняты [ПХ, с. 133]; *Милостивый Государь Павел Михайлович! ... **Прошу Вас покорнейше, Павел Михайлович**, напишите мне в самом скорейшем времени и деньги мне нужны – чем скорее, тем лучше [ПХ, с. 150–151]* и т. п. Вокатив в данных высказываниях, как и в рассмотренных выше дискурсивных единицах других речевых жанров, регулярно оказывается в непосредственной близости от жанрообразующего глагола и в сочетании с ним выполняет функцию маркера, акцентирующего внимание адресата на моменте смены авторской интенции.**

Компоненты рассеянного поливокатива в тексте письма функционально неравнозначны. Начальное обращение выполняет фатическую функцию; внутритекстовые же обращения не только служат поддержанию контакта, но и маркируют некоторые дискурсивные

единицы, реализующие речевые жанры извинения, благодарности, просьбы, комплимента. Учитывая то, что успешность коммуникации во многом зависит от правильного восприятия адресатом коммуникативной цели адресанта, а письмо как гипержанр сочетает в себе высказывания, реализующие разные интенции, рассеянный поливокатив становится средством, которое направляет внимание адресата на те фрагменты эпистолярного текста, где происходит смена коммуникативного намерения, что и обуславливает прагматическую значимость внутритекстового эпистолярного обращения.

Рассеянный поливокатив является своего рода способом поддержания вербального контакта автора письма со своим адресатом и продления этого контакта во времени. Это главным образом своеобразная реализация какой-то потребности самого адресанта, потребности излить свои чувства, в чём-то убедить адресата или оправдаться перед ним, наконец, просто высказаться. Возникают же такие потребности обычно тогда, когда автор письма перегружен эмоционально и / или находится в каких-то экстремальных для него условиях. В этих случаях повторяющееся многократно обращение становится не просто выражением эмоций, но и создаёт иллюзию соприкосновения, неразрывной связи между автором письма и адресатом.

Полагаем, что субъективная обусловленность использования рассеянного поливокатива коммуникативными потребностями самого адресанта во всех этих случаях очевидна.

4.4. Комбинированный поливокатив

Традиционные и в известной степени общепринятые нормы общения людей, в том числе, разумеется, и письменного, связаны – и зачастую довольно жёстко – с определённым ритуалом, так или иначе обусловленным, как это выше уже не раз отмечалось, личностными и социальными отношениям между коммуникантами, а также условиями процесса самой коммуникации. При этом соблюдение указанного ритуала может оказаться значимым не только при установлении контакта, включая приветствие, но и в заключительной стадии общения, при завершении коммуникации и прощании. Это требование этикета, минимум необходимой степени вежливости, когда в самом общем случае обращение к адресату начинает предназначенное ему речевое произведение, обращение же и заканчивает его. Проявлять себя соответствующий этикет при непосредственном визуальном общении мо-

жет по-разному: речевой оборот, поклон, жест, снятие или приподнимание головного убора и т.п. В письменном послании речь может идти, по-видимому, только о вербальном обращении, вербальном приветствии и вербальной маркировке окончания письма, которая довольно часто снова включает в себя вокатив, но уже в качестве компонента более сложной лингвистической фигуры, которую мы квалифицировали как поливокатив, и в частности как поливокатив рамочный. Такой поливокатив чаще всего бинарен и подобно рамке заключает в себя собственно текст либо всего послания, как это имеет место, например, в письме А. П. Чехова О. Л. Книппер, начинающемся вокативом *Милая актриса* и заканчивающемся фразой *Будьте здоровы, ангелочек*, в которую включён второй вокатив, и подписью *Ваш А. Чехов* [Чехов, т. 12, с. 319–320], либо только какой-то содержательно важной его части при наличии, скажем, постскриптума или какого-либо иного, специально не обозначенного дополнения к основному посланию, как в письме А. П. Чехова тому же адресату, которое открывается приветствием *Здравствуй, милая моя Олюша, как поживаешь?* и содержит завершающую письмо формулу *Ну, будь здорова, радость моя, да хранит тебя бог. Не забывай. Обнимаю тебя и целую*, вольно или невольно выделяя тем самым прагматическую, с точки зрения адресанта, составляющую того, что написано. Далее не совсем обычная подпись *Твой немец Ant.* и ещё три строки послания, начинающегося просьбой *Скажи Маше, что...* [Чехов, т. 12, с. 432–433].

В одном из писем А. И. Герцена невесте, написанном по дороге из Вятки во Владимир в течение нескольких дней и состоящем из нескольких частей, каждая часть ограничена датой, вокативом и заключительной этикетной формулой как относительно самостоятельный, или, по определению И. Р. Гальперина, автосемантический фрагмент текста [Гальперин 2007, с. 98]. Поливокатив при этом имеет такой вид:

Яранск, 30 декабря 1837

... Ангел мой <...> Прощай, ангел, сестра Наташа!

Нижний-Новгород. 1 января 1838

... О милая Наташа! <...> Прощай, мой ангел ...

3 января. Владимир

Здравствуй, ангел мой ... Ангел мой ... ангел ... милый друг <...>

Прощай, нет – до свиданья,

Твой Александр.

Наташа <...>

3-го вечером

... ангел ...

4-го, вторник

Прощай, друг милый <...> Прощай же, ангел,

твой Александр [Герцен, с. 277–280].

Как видим, первая и вторая части письма оформлены рамочным поливокативом, в третьей части тоже есть рамка, внутри которой ещё несколько обращений, в четвёртой части – один вокатив *ангел*, а в пятой части, завершающей письмо, – вновь два обращения, обрамляющих текст, только оба они сопутствуют формуле прощания.

Что-то, таким образом, может выйти за обозначенные адресантом рамки письма, но сама рамка остаётся, а иногда даже акцентируется редупликацией заключительной формулы выхода из соответствующего послания. И вот на этот счёт пример опять же из переписки А. П. Чехова с О. Л. Книппер:

Милая дуся, сейчас уезжаю к Толстому. <...>

Итак, до свиданья, дуся моя! <...>

Итак, жена, до свиданья! <...>

Обнимаю тебя, целую миллион раз.

«Дикая утка» осрамилась?

Твой верный муж Ап.

Сегодня от тебя нет письма. [Чехов, т. 12, с. 443].

Функции и прагматика рассеянного вокатива, в том числе и тогда, когда он включает в себя только два обращения: в начале (середине) и в конце (середине) письма – менее значимы, и основное назначение такого вокатива, как это было отмечено в предыдущем параграфе, – поддержание контакта адресанта с адресатом, причём только по воле автора письма и лишь в той степени, которая им затребована и которую гораздо чаще, чем при рамочном поливокативе, диктуют личностные, а не социальные взаимоотношения коммуникантов, не требующие неукоснительного соблюдения норм этикета, а значит, и формальной маркировки завершения послания. Отсюда ничем ни теоретически, ни практически не регламентированное количество обращений к одному и тому же адресату в одном к нему послании, тогда как все остальные жанрово и содержательно значимые конструктивные параметры письма, кроме, разве что, маркированного постскрипума, в обычных условиях коммуникации фиксируются в нём по одному разу, хотя в отдельности каждый из них может представлять со-

бой и очень сложную многокомпонентную конструкцию, каковой может оказаться, как это было показано выше, и конструкция вокативная.

Комбинированный поливокатив – это по сути дела тем или иным образом обрамлённый рассеянный вокатив, включающий в себя несколько (более двух) обращений, последнее из которых формально, как и в рамочном поливокативе, завершает послание и обязательно соотносится с первым обращением, указывающим адресата, которому это послание направлено и который, только прочтя это обращение, соответственно и осознаёт, что является тем, кому письмо адресовано. И если рамочный поливокатив можно квалифицировать в качестве своеобразного минимума общепринятой этикетной нормы письменного общения, то поливокатив комбинированный является расширенной фигурой контакта, содержащей в себе и компоненты его пролонгации, и средства, указывающие на завершение данного акта коммуникации. Отсюда и общий характер структурных параметров комбинированного поливокатива. В той его части, которая создаёт обрамление, эти параметры практически такие же, как и у поливокатива рамочного, а одна и та же рамка может, таким образом, репрезентировать и собственно рамочный и комбинированный поливокатив. Есть у Суворова, например, рамочный поливокатив, построенный из дублированного в зачине и концовке письма обращения *Светлейший Князь Милостивый государь!* [Суворов, с. 198]. Есть у него соответственно и комбинированный поливокатив, компоненты которого *Светлейший Князь* и *Милостивый Государь* по отдельности, заключены в эту же рамку [Суворов, с. 199].

Аналогичная ситуация имеет место и при наполнении собственно рамки. В основных своих показателях это наполнение может быть аналогично и даже идентично наполнению рассеянного поливокатива. Так, в письме М. Горького шабалинским колхозникам использован рассеянный поливокатив, в котором три раза употреблено обращение *товарищи* [Горький, т. 30, с. 141]. Три раза это же обращение употреблено и в письме Горького А. Ф. Яковлеву, но последнее из них входит в заключительную формулу *Будьте здоровы, товарищ. Всего доброго. М. Горький* [Горький, т. 30, с. 159–160], и соответствующий поливокатив является, следовательно, комбинированным.

Тем не менее у комбинированного поливокатива есть определённая специфика его материальной организации, и в частности в характере заключающего рамку обращения, лексический диапазон кото-

рого существенно шире, чем у поливокатива рамочного. И это имеет свои лингвистические причины.

В рамочном поливокативе первым обращением уже заданы те значимые компоненты вокатива, которые с точки зрения адресанта либо в соответствии с нормами этикета вполне определённо идентифицируют адресата, и в замене этих компонентов особой необходимости обычно не возникает. Поэтому и заключающий рамку вокатив в подавляющем большинстве случаев просто дублирует, как это было показано выше, весь первый вокатив или же ту или иную его часть (*Милостивый Государь мой Яков Иванович* и *Милостивый Государь мой* [Суворов, с. 11] или *Старый друг А[дам] Е[горович]* и *А. Е.* [Горький, т. 29, с. 436–437] и т. п.) или частично модифицирует его (*Милостивый государь Александр Александрович* и *Любезный Александр Александрович* [Пушкин, с. 36]). В комбинированном поливокативе первому обращению может сопутствовать ещё целый ряд обращений, причём разных. Повторение какого-то из них в заключительной части послания может оказаться не оправданным в плане прагматической установки письма или его стилистики. Отсюда, надо полагать, и тенденция ввести новое вокативное образование, в том числе и как-то соотносящееся с уже использованным, но всё же более уместное и даже нужное именно в завершающей части послания. И вот два примера:

Первое обращение в одном из писем Чехова О. Л. Книппер уже где-то в середине послания *милая актриса*, затем второе обращение *о змея* и, наконец, в заключительной части перед подписью: *Ну-с, жму Вашу руку, низко кланяюсь, стукаюсь лбом о пол, многоуважаемая* [Чехов, т. 12, с. 317–318].

Не мог же А. П. Чехов завершить письмо к близкой ему женщине вторым обращением, а при повторении первого не проявился бы некий элемент негативной эмоциональности, присутствующий в несколько официозном субстантивате *многоуважаемая*.

В письме М. Горького А. П. Васильеву инициальное обращение *Андрей Парфёнович*. Далее ещё два обращения только по отчеству: ... *Парфёныч... Парфёныч...* Завершает же Горький своё письмо фразой *Крепко жму руку, старый приятель, желаю доброго здоровья* [Горький, т. 30, с. 342]. И в ней то обращение, которое соответствует реальным взаимоотношениям автора письма и адресата соответствующего послания, не чётко обозначенным первыми тремя вокативами.

Завершающее письмо обращение в комбинированном поливокативе, конечно же, может в той или иной форме повторить и уже использованный в нём вокатив, но чаще всего тот, который в большей степени, чем иные, соответствует установке послания и его эмоциональному накалу. Так, комбинированный поливокатив в письме А. С. Серафимовича Г. И. Успенскому построен из следующих четырёх обращений: инициальное – *Дорогой Глеб Иванович*, за ним – *Дорогой мой*, затем – *Глеб Иванович* и заключительное после слова *прощайте* – обращение *дорогой мой* [Серафимович, с. 378–379], дублирующее второй вокатив и гораздо определённое, чем первое и третье с элементами их официальности, выражающее при этом личностное отношение Серафимовича к своему адресату. В его же письме А. А. Кипену такая последовательность обращений в комбинированном поливокативе: *Милый мой дорогой Абрамыч ... друг ... дружже ... дорогой мой* – и завершает письмо *Ну, дружже, будь здоров. Крепко тебя обнимаю. Твой Александр* [Серафимович, с. 524–525]. Даже не *друг*, а именно *дружже* как что-то более доверительное и более ёмкое, чем конкретный антропоним, пусть и с сопутствующими ему определениями типа *милый* и *дорогой*.

По вполне понятным причинам адресант в завершающем его письмо обращении не использует открывающий в комбинированном поливокативе рамку опосредованный вокатив, если это обозначение какого-либо коллектива, например, в таких письмах Горького:

Ученикам II класса 52 Совшколы.

Дорогие мои товарищи, –

...

Желаю вам, товарищи, всего доброго и хороших успехов в новом году [Горький, т. 29, с. 456];

Литературному кружку школы Ф. С. У.

Спасибо, товарищи, за письмо ваше.

...

Будьте здоровы, товарищи! Желаю вам хороших успехов в науке и хорошей дружбы [Горький, т. 29, с. 461].

Не используется, как правило, в заключительной части послания начальное обращение, если оно представляет собой опосредованный вокатив, который сугубо прагматичен и не сопровождается эпитетами, указывающими на отношение автора письма к своему адресату. Так, у Горького много писем с обозначенной им адресацией типа *Ирине Рыбаковой*; *О. Скороходовой*; *Тов. Щербакову А. С.* [Горький, т. 30, с. 374,

433, 370] и т. п., но нет ни, скажем, *дорогой Ирине Рыбаковой*, ни тем более *милому товарищу А. С. Щербакову*, так что какую-то оценку адресату в данном случае можно дать, если этого пожелает автор послания, только в одном из последующих уже прямых обращений, и в частности в одном (или нескольких) из компонентов соответствующего поливокатива. Какой-то компонент поливокатива при этом так или иначе указывает и на включение адресата в социальный круг, к которому принадлежит сам автор письма. Именно эти компоненты, а не первый вокатив, обычно и замыкают рамку, хотя нередко, как было показано выше, письмо завершает и особое, ранее не использованное вокативное образование. Ещё несколько примеров разного рода комбинированных поливокативов из писем Горького:

Д. И. Ширину-Юрневскому.

... дорогой товарищ ...

Будьте здоровы, товарищ, крепко жму руку [Горький, т. 30, с. 35–36].

Последнее обращение – только контактив, но предшествует этому обращению контактив детерминированный.

Анне Агапкиной.

... Анюта ... Анна Агапкина ... т. Анна ...

А Вам – сердечное спасибо за письмо, т. Анна. [Горький, т. 30, с. 129–130].

Заключает рамку антропоним с контактивом, фигурой, в этом письме уже использованной. И выбор этой формы обращения в качестве завершающей письмо из всех, использованных ранее, не случаен: Горький подчёркивает, что адресат для него, писателя, уже получившего мировое признание, – это не просто безвестная молодая девушка, селькор «Крестьянской газеты», пока лишь овладевающая искусством слова, но в первую очередь товарищ по перу.

А. Ф. Яковлеву.

... товарищ ... товарищ ... товарищ ...

Будьте здоровы, товарищ. Всего доброго. [Горький, т. 30, с. 159–160].

Только уже использованный контактив, включающий адресата в социальный круг Горького.

А. Бахареву.

... т. Бахарев ...

Крепко жму Вашу, товарищ. [Горький, т. 30, с. 215–216].

Аналогичная с предыдущим и первым примерами ситуация.

И комбинированный поливокатив с некоторой долей иронии, включающей подчёркнутое уважение, к адресату – А. Г. Колпакову, ученику второго класса гимназии, который выпускал рукописный журнал «Гном» и обратился к Горькому с просьбой написать для этого журнала рассказ или сказку:

Аркадию Гавриловичу Колпакову, редактору-издателю журнала «Гном».

Многоуважаемый Аркадий Гаврилович!

... Аркадий Гаврилович ... дорогой Аркадий Гаврилович ... милый Аркадий Гаврилович ...

Крепко жму Вашу огромную лапу ... Всего хорошего, Аркадий Гаврилович [Горький, т. 29, с. 111–112].

Адресант может неоднократно обращаться к своему адресату по имени, но в завершающем компоненте комбинированного поливокатива прибегнуть к апеллятиву в силу значительно большей, чем у антропонима, информативности апеллятива в плане выражения чувств и отношений между коммуникантами. Так, А. И. Герцен в одном из писем четырежды обращается к своей будущей жене по имени, лишь однажды сопроводив имя детерминантом-апеллятивом, а в конце письма использует развёрнутую вокативную конструкцию, обозначая то место, которое занимает адресат в его жизни: *Ангел мой Наташа ... Наташа ... Наташа ... Наташа ... друг, сестра, моя поэзия, моя святая* [Герцен, с. 269–273]. Подобного рода комбинированные поливокативы есть у разных авторов: *Дорогой Лилёнок ... Лилёк ... Лилёк ... родное, милое и любимое Солнышко* [Маяковский, с. 68–69]; *милый мой Толунок ... Тола ... мой мальчик* [Серафимович, с. 468–469]; *Танюшенька моя ... Тань-Тань ... моя родная* [Паустовский, с. 326–327].

В нашей спонтанной выборке тоже много поливокативов этого типа. Вот что мы видим в одном из посланий Ф. М. Достоевского своей жене: *Аня ... ангел ... бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... ангел мой ... Аня, Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... ангел-хранитель мой ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня ... Аня, радость моя вечная, одно впрядь моё счастье ...* [Достоевский, с. 38–41]. Двадцать одно обращение в одном, правда, довольно длинном письме и с постскриптумом. Большая часть этих обращений представляет собой только имя, несколько вокативных конструкций, включающих апеллятив *ангел*, – и наконец завершающий компонент поливокатива, соединяющий антропоним и апелляти-

вы в одной развёрнутой вокативной конструкции, которую можно назвать эмоциональной кульминацией всего этого комплекса обращений.

И. И. Горбачевский в начале письма обращается к своему адресату по фамилии, потом по имени и отчеству, каждый раз сопровождая антропоним разными детерминантами, и наконец находит форму вокатива, наиболее, по-видимому, соответствующую шутливо-ироничной тональности послания: *злой, недобрый мой Оболенский ... друг мой Евгений Петрович ... граф и князь итанцинский* [Горбачевский, с. 137].

Возможна и противоположная ситуация, когда адресант в обращении неоднократно использует регулятив, но затем персонифицирует своего адресата, называя его по имени в завершающем компоненте комбинированного поливокатива, например: ... *брат ... брат ... Прощайте, Николай Христофорович, больше не буду писать, довольно с вас* [Герцен, с. 273–276]. То же самое – в письме Н. П. Огарёву: ... *друг ... друг ... caro* (итал. дорогой) ... *мой Николай* [Герцен, с. 289–293]. И в письмах спонтанной выборки есть примеры комбинированного поливокатива, включающего сначала разнообразные вокативные конструкции на базе апеллятивной лексики, а в последнем компоненте – антропоним: ... *моя милая ... друг мой ... милая ... моя любезная ... моя милая ... моя милая, добрая Жозефина* [Корнилович, с. 282–284].

Подобно рассеянному поливокативу, комбинированный поливокатив также бывает гомогенным, включающим только антропонимы и вокативные конструкции на их основе (*Таратуточка ... Каширочка ... милый, чудный мой друг Каширочка ... Татушенька ... Татушенька* [Бабель, с. 27–29]) или только апеллятивную лексику (*царица моя ... моя прелесть ... мой друг* [Пушкин, с. 576–577]), и гетерогенным, сочетающим антропонимы и апеллятивы (*Голубушка моя, Людмила Ивановна ... моя голубушка ... родная Вы моя ... голубушка ... голубушка моя ... дорогая наша Людмила Ивановна* [Мусоргский, с. 203–204]).

Комбинированный поливокатив – это широко распространённое вокативное образование, чрезвычайно разнообразное структурно и очень интересное как в плане лингвистических параметров соответствующей синтаксической фигуры, так и в связи с собственно эпистолярной, и в частности с типологией эпистолярного вокатива, одного из важнейших жанрообразующих конструктивных параметров русского письма.

В качестве наиболее значимых лингвистических параметров комбинированного поливокатива, разумеется, вместе с поливокативом

рамочным и рассеянным следует, на наш взгляд, квалифицировать его структурную соотнесённость на метаязыковом уровне со всеми иными синтаксическими конструктами в поле как коммуникативных, так и докоммуникативных единиц. И если в русском синтаксисе противопоставлены, например, простое и сложное предложение, сложное предложение минимальной конструкции и усложнённого типа, а также простое и сложное словосочетание или, скажем, простое и сложное сказуемое, а в системе внесений – вводные слова и вводные конструкции, то, исходя из реального и в достаточной, по нашему мнению, степени статистически обеспеченного материала (пусть даже только эпистолярного, хотя в нём, по всей вероятности, нет ничего скольконибудь существенно противоречащего тому, что может быть зафиксировано в устной речи) вполне логично поставить вопрос о включении в систему вокативной адресации как подсистему внесений дихотомии **простой/сложный**. Тогда моновокатив, будь он одним словом или какой-нибудь конструкцией, включая вокативное предложение, – это простое обращение, поливокатив – обращение сложное. Ареал функционирования моновокатива – одно предложение. Ареал функционирования поливокатива – текст как любое, по И. И. Меньшикову, нормативное и формально завершённое речевое образование, содержащее в себе прагматически ориентированную информацию [Меньшиков 2012, с. 207], каковым, безусловно, является и письмо.

Что касается собственно типологии русского эпистолярного вокатива, то комбинированный поливокатив, во-первых, гораздо полнее, чем моновокатив и два ранее рассмотренных типа поливокатива, демонстрирует структурные и функциональные потенции письменной вокативной адресации. Во-вторых, он включает в себя большой и более разнообразный лексический материал. В-третьих, наконец, комбинированный поливокатив обладает более эффективными репрезентирующими возможностями в плане делатентации и прагматической установки послания, и личностных отношений между автором письма и его адресатом.

ГЛАВА V

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА

5.1. Принципы адресантной персонификации вокативных образований

В предыдущих разделах предлагаемой монографии мы попытались построить общую типологию русского эпистолярного вокатива, исходя главным образом из определённых статистических параметров, касающихся средств и способов обращения авторов писем к своим адресатам, в специально сформированном нами массиве соответствующих письменных посланий. Этот массив, как было отмечено выше, состоял более чем из десяти тысяч писем 26-ти разных адресантов, в большинстве своём писателей, которые вели довольно обширную переписку с различными адресатами и каждый из которых использовал при этом не менее 100 обращений. Полученные результаты были представлены нами в виде комплекса моделей, описывающих основные, регулярно используемые большинством русскоязычных адресантов, а значит, и нормативные, характерные именно для русского языка лингвистические фигуры, функционирующие в письмах в качестве обращения. Однако письмо – это не только некий документ, не только одно из средств коммуникации, но и, что очень важно, определённого рода речевое произведение, подчиняющееся требованиям жанра и имеющее, как правило, своего конкретного, так или иначе обозначенного автора, определяющего характер письма и несущего полную ответственность как за прагматику, так и за стилистику соответствующего послания.

Личность адресанта, в том числе, разумеется, и его отношение к своему адресату, проявляет себя в разной, правда, степени и во всём тексте письма, и в отдельных его фрагментах, таких, скажем, как

предшествующая подписи или её аналогу заключительная формула выхода из письма (*Вашего Высокоблагородия покорнейший слуга Александр Суворов* [Суворов, с. 257], *Ваш душой Ив. Бунин* [Бунин, т. 11, с. 400]) или сопровождающие подпись указания социального статуса автора послания (*Генерал Граф Александр Суворов-Рымникский* [Суворов, с. 355], *Любящий Вас член союза Работпрос № 3929 И. Б.* [Бабель, с. 27]). И здесь своя стилистика, свои индивидуально-авторские параметры, которые, как показывает обследованный нами материал, да и наш жизненный опыт, могут постоянно варьироваться. Но наиболее чётко, по нашему мнению, проявляется адресант как личность, а тем более личность творческая, в используемых им обращениях к адресату, причём даже независимо от содержания и назначения письма. И, конечно, должны проявлять себя не только общие, но и какие-то специфические характеристики эпистолярного вокатива у каждого адресанта во всяком случае из генерального массива проанализированных нами писем, массива достаточно большого, вполне, с нашей точки зрения, репрезентативного для самых разнообразных статистических изысканий и дающего возможность зафиксировать ещё и целый ряд частных, каких-то спонтанных вокативных образований внесистемного характера, которые указывали бы и на языковой потенциал рассматриваемого параметра эпистолярики, и на вокативный ресурс отдельной языковой личности как автора соответствующего письменного послания.

Общая типология русского эпистолярного вокатива достаточно чётко, на наш взгляд, обозначена его частотно-распределительными характеристиками в приведенном выше суммарном списке вокативных образований, перешедших однопроцентный статистический порог хотя бы у одного из адресантов нашей основной выборки. В этом списке всего 131 модель обращения. Из них лишь шесть моделей было использовано большинством (минимум половиной и больше, чем половиной) авторов проанализированных писем. Вот соответствующие обращения: **ИО** – 24 адресанта, **И** – 20 адресантов, **дорогой ИО** – 17, **милый / милейший И** и **милый / милейший ИО** – по 15, **многоуважаемый ИО** – 13 адресантов. Затем по частоте их употребления следуют такие вокативные образования с вариантами их форм рода и числа, как **милостивый государь ИО** – 12 адресантов, **дорогой И** – 11 адресантов, **уважаемый ИО** – 9, **голубчик / голубушка** – 9, **милый друг** – 8, **милый / милейший** – 8, **глубокоуважаемый ИО** – 7, **мой милый И** – 7, **брат** (чаще всего регулятив) – 7, **мой дорогой** – 7 и

т. д. до ситуации, когда некоторая модель зафиксирована два и более раз, но с употреблением лишь одним из адресантов, как это имеет, например, место у А. Ф. Кони, единственного в нашей выборке автора, использовавшего, причём неоднократно, в качестве вокатива запороговую лингвистическую фигуру *Дорогой и сердечно любимый ИО* [Кони, с. 249, 251, 263 и др.]. Запороговых вокативных моделей, которые функционировали в письмах только одного адресанта, оказалось 75, т. е. около 57% от всего их количества. И в общей массе письменных обращений явное преобладание не общепринятых, а именно персонафицированных и спонтанных вокативных образований.

Материала для определённого рода суждений относительно общей типологии русского эпистолярного вокатива уже вполне, на наш взгляд, достаточно, но делать какие-то абсолютизированные заключения, касающиеся специфики вокатива, характера и степени регулярности тех или иных вокативных образований, представленных только одной-двумя лингвистическими фигурами, да ещё и только одним адресантом и лишь в одном из его писем, оснований, конечно же, нет. Мы зафиксировали, скажем, у А. М. Горького оригинальные вокативные конструкции типа *Верочка, китайское чудовище и ведьма* или *Уважаемая, окаянная и проклятая девушка* [Горький, т. 30, с. 350, 406], у А. П. Чехова: *Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати* или *Лжедраматург, которому мешают спать мои лавры* [Чехов, т. 11, с. 243, 344]. В письмах А. К. Толстого А. М. Жемчужникову есть обращение *Ах ты этакий сякой комаринский мужик* [А. К. Толстой, с. 387–388], а в письмах Суворова, наряду с ветвистыми, но всё же ритуальными обращениями типа *Всепресветлейший, державнейший Великий Государь Император Павел Петрович самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший*, есть и такая неканонизированная вокативная конструкция: *Экземпляр вельмож Оттоманской Порты, столп великого народа магометанского, трапезондский и эрзерумский губернатор, Хаджи Али-паша и адмирал морского флота Гассан-паша, знаменитые и степенные приятели мои, которых конец да будет благ* [Суворов, с. 353, 49].

Можно, конечно, составить список такого рода вокативных фигур и даже найти у них определённые лингвистически значимые параметры, можно восхищаться их образно-эстетическим потенциалом или не считаться с ним, но возможности выстроить на такого рода материале какую-либо адекватно интерпретируемую типологию мы не видим. Количество в данном случае не даёт предпосылок для выявле-

ния существа изучаемого явления и, следовательно, в отличие от принципов построения общей типологии русского эпистолярного вокатива, не может перейти в качество.

Построение типологии русского эпистолярного вокатива, описанной в предыдущих разделах предлагаемой монографии, стало возможным только потому, что проанализированное нами множество вокативных образований, т. е. определённый фактический материал как некое лингвистическое явление был, во-первых, системным, во-вторых, субстанционально и функционально детерминированным и, в-третьих, однозначно маркированным в его количественных и качественных параметрах. В соответствии прежде всего с этими тремя факторами было введено и дефинировано само понятие эпистолярного вокатива как одного из основных структурных параметров письма. Были указаны лингвистически значимые составляющие такого вокатива и обозначены его основные типы и подтипы, а также степень их регулярности, а соответственно, и степень их востребованности в различных условиях письменного общения. Что же касается изучения и описания индивидуально-авторских вокативных образований как реальной или возможной персонификации эпистолярного вокатива, связанной с определением общего и специфического у разных адресантов, то такого рода исследования требуют, по-видимому, специальной методики, позволяющей обобщать не только статистически маркированные факты, но и такой материал, который в силу тех или иных причин сам по себе необходимого статистического обеспечения не имеет и носит в сущности спонтанный характер, хотя суммарно представляет собой весьма обширный пласт вокативных конструкций, количество моделей которых может в принципе, как об этом было уже сказано, значительно превышать количество моделей регулярных вокативных образований при любом заранее заданном статистическом пороге.

Нам представляется совершенно естественным исходить из того, что при наличии определённых канонов и этических норм письменной коммуникации у каждого автора письменного послания, если это, разумеется, личность, а тем более, творческая личность, свой индивидуальный, зачастую неповторимый стиль и свои предпочтения при выборе той или иной лингвистической фигуры для обращения к своему адресату. Так, самым частым вокативом во всём массиве обследованных нами писем является, безусловно, антропоним (с детерминантами и без них) либо в виде имени и отчества, либо в виде только имени. И именно такой вокатив, а не апеллатив явно преобладает в письмах по-

давляющего большинства адресантов. У кого-то антропоним как доминанта вокатива употребляется чаще, чем апеллатив, в два раза, у кого-то в три-четыре раза, а, например, у Чайковского, – в девять раз, у Лескова, Танеева и Баранцева – в десять раз, у Островского – в двадцать. В письмах же Суворова, Гоголя, Мусоргского, а особенно у Пушкина, напротив, апеллатив в качестве обращения фигурирует чаще, чем антропоним. Но и при использовании в качестве письменного обращения антропонима достаточно чётко обозначены разные предпочтения адресанта. Имя как вокатив превалирует, например, в письмах Бабеля, Булгакова, Герцена, Маяковского, Мусоргского, Паустовского, а в особенности у Пастернака (из 230 вокативов 42 у него – это имя и отчество, а 149 – только имя). Главным же образом по имени и отчеству обращаются к своим адресатам Блок, Гоголь, Островский, Пушкин, Серафимович, Толстой, Чехов, а с многократным количественным преобладанием имени и отчества: Танеев (из 210 вокативов 177 – имя и отчество, один вокатив – только имя), Лесков (из 370 вокативов 266 – имя и отчество и лишь 2 вокатива – это одно имя) и Горький (из 1162 вокативов 691 – имя и отчество, 24 – только имя). В то же время может и не быть явного предпочтения одной из двух рассматриваемых доминант, как это имеет место в письмах Бунина, Жуковского, Есенина, Короленко и Фадеева.

В системе вокативных апеллативов в письмах многих адресантов тоже свои предпочтения, причём предпочтения сугубо функциональные, непосредственно не обусловленные особенностями личности адресата. И если не говорить о письмах к родственникам с прямым к ним обращением типа *мама, дядя, сестра* в том или ином варианте соответствующих лексем (*маменька, мамочка, сестрёнка* и т. п.), то у большинства авторов писем в качестве соответствующих обращений выступают, как это следует из нашей генеральной выборки, существительные *друг, брат, голубчик*, а также субстантиваты *дорогой* и *милый* с разной при этом относительной частотой употребления какого-либо одного из этих апеллативов. И расхождения в этом плане иногда весьма существенные. Так, в письмах Серафимовича (330 вокативов) мы зафиксировали все указанные доминанты с такой их абсолютной частотой: *милый* – 24, *друг* – 22, *брат* – 16, *голубчик* – 11, *дорогой* – 6, а в письмах Паустовского (598 вокативов, т. е. намного больше, чем у Серафимовича) ни один из этих апеллативов не перешёл нашего статистического порога. В таблице 5 показана частота этих же апеллативов

вов у разных адресантов с примерно одинаковым общим количеством вокативных образований.

Таблица 5

Апеллятив	Частота			
	Бабель (461 вока- тив)	Блок (491 вока- тив)	Короленко (469 вока- тивов)	Чайковский (480 вока- тивов)
Брат	нет	нет	12	нет
Друг	22	10	нет	4
Голубчик	нет	нет	13	25
Дорогой	5	нет	19	нет
Милый	8	34	нет	нет

Нет не только совпадений, но даже и сколько-нибудь подобных рассматриваемых характеристик у разных адресантов. В письмах Бабеля, например, доминирует апеллятивный вокатив *друг*, у Блока *милый*, у Короленко *дорогой*, а у Чайковского *голубчик*.

Отмеченные, как, впрочем, и любые иные, предпочтения при выборе средств и способов адресации обусловлены целым рядом различных факторов и прежде всего, разумеется, такими общими для всех конструктивных параметров письма, как личность адресата, отношение к нему автора послания и характер (прагматика) самого письма. Однако и особенности личности автора письма здесь весьма существенны, и эти особенности в конечном счёте определяют дозировку частного и общего, личностного и социального, допустимого и приемлемого. Позволяет себе или не позволяет автор письма обозначить или хотя бы опосредованно предложить партнёру по письменному общению ту или иную степень доверительности и обратиться к своему адресату не официально, скажем по имени и отчеству, а, например, только по имени, определяет сам пишущий, исходя при этом, по всей вероятности, не только из своей трактовки личности адресата, но и из своей собственной самооценки, своих амбиций, своих установок на перспективу переписки и её предполагаемых практических результатов.

Думается при этом, что не менее, если не более, информативными, стилистически значимыми и функционально избирательными как в общем массиве писем, так и в письмах любого конкретного адресанта могут оказаться и редко используемые в качестве обращения лингвистические фигуры, спонтанные вокативные образования, которые уже самим фактом своего появления хотя бы даже только в одном

письме способны характеризовать личность его автора и подобно регулярно используемым вокативам указывать на отношение адресанта к адресату, а также на те или иные, в том числе и сугубо специфические, условия и обстановку коммуникации. Вот несколько на этот счёт примеров с актуализацией эмоционального характера вокативных конструкций, их субъективно-оценочной составляющей, юмористической установки и др.

В письмах Пушкина: *любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира; моя плотненькая брюнетка; ангел кротости и красоты* [Пушкин, с. 10, 438, 551].

В письмах Чехова: *детородный чиновник; мой добрый, горячо любимый благовеститель; талантливейший из всех архитекторов мира* [Чехов, т. 11, с. 64, 76, 119].

В письмах Горького: *мудрый дяденька, суровый писатель длинных писем прямыми буквами; господин хороший и дорогой друг души моей расстрёпанной; милостивая государыня, многоуважаемая, искренно чтимая, а говоря проще – добрая и славная Александра Дмитриевна* [Горький, т. 28, с. 229, 207, 125].

В письмах Серафимовича: *радость ты моя неизречённая, прелесть несказанная, свет Леонидушко; пентюх неповоротливый* [Серафимович, с. 433, 485].

В письмах Фадеева: *моя далёкая юность; мой умный, скромный, независимый и беззаветно преданный своему делу дружок* [Фадеев, с. 378, 402].

В письмах Кони: *старый, добрый и честный друг мой* [Кони, с. 101].

В письмах Есенина: *дура моя – ягодка* [Есенин, с. 165].

В письмах Маяковского: *дорогой, дорогой, миллион раз милый и один раз и навсегда любимый Кисит* [Маяковский, с. 78].

В приведенных и подобных им одноразовых вокативных построениях всё же есть, как это нетрудно увидеть, и что-то общее, и что-то исключительно индивидуальное. И если каким-либо образом включать такого рода построения в типологию русского эпистолярного вокатива или хотя бы принимать их во внимание, то чисто гипотетически встаёт вопрос не только о необходимости, но и о возможности специального рассмотрения трёх, как минимум, аспектов разной степени статистически мотивированного обеспечения такой типологии фактическим материалом, обуславливающим толкование характера и значимости допороговых вокативных образований:

1. Разная степень допороговости вокативной модели. Одна ситуация, когда допороговое значение частоты некоторой лингвистической фигуры в значительном по объёму массиве вокативов отличается от выбранного статистического порога на одну-две единицы, и совершенно иная, если сама эта фигура в том же массиве использована только один-два раза. Так, у Островского из 1033 вокативов однопроцентный статистический порог, как было показано выше, перешло 980 обращений, а из них – лишь восемь вокативных образований, построенных по разным моделям. При этом допороговыми оказались не только использованные Островским не более одного-двух раз конструкции типа *Милостивый государь майор Николай Александрович; милый человек* или *немилостивый государь Николай Александрович* [Островский, т. 14, с. 130, 147, 234], но и такие часто используемые в письмах самых разных адресантов вокативные модели, как *любезнейший друг И* [Островский, т. 14, с. 177] (6 позиций), *И* [Островский, т. 14, с. 109] (5 позиций). Естественно, что при персонификации эпистолярного вокатива такого рода разброс статистических параметров соответствующих лингвистических фигур желательно было бы как-то обозначить. Однако в силу недискретности количественных характеристик вокатива сделать это очень трудно, поскольку при любом реально работающем статистическом пороге в репрезентативном по объёму массиве писем каких-то нормативных и лингвистически значимых вокативных образований всегда может оказаться на одну-две, три-четыре и т. д. позиции меньше, чем этого требует установленная величина порога.

2. Степень регулярности компонентов допороговых вокативных конструкций. Стержневому компоненту некоторой вокативной конструкции, причём не только антропониму, но и апеллятиву может сопутствовать целый ряд самых разных, в разном количестве и по-разному сочетающихся друг с другом детерминантов с эмоционально-позитивной, как правило, коннотацией, в особенности по отношению к женщине. Это такие определения, как *дорогая, милая, родная, единственная, бесподобная, очаровательная, изумительная, верная, любимая, желанная, несравненная* и, конечно же, *моя* в разных их комплексах при формально и содержательно одной и той же синтаксической доминанте (что-то из соответствующих определений может, разумеется, повторяться). В письмах Чехова О. Л. Книппер есть, например, такие комбинации детерминантов: *милая, драгоценная, великолепная актриса* и *милая, знаменитая, необыкновенная актриса*

[Чехов, т. 12, с. 309, 320], а у Маяковского такие: *дорогой-дорогой, милый и самый любимый Лилёнок* и *дорогой, любимый, милый и изумительный Лилёнок* [Маяковский, с. 72, 73]. Разные комплекты детерминантов здесь сопутствуют одному и тому же собственно обращению как стержневому компоненту соответствующего словосочетания. Точно так же один и тот же комплект детерминантов, может сопутствовать разным обращениям, разным стержневым словам вокативных словосочетаний, как это имеет место, например, в письмах Блока: *мой милый и дорогой Серёжа* и *милый мой и дорогой Александр Васильевич* [Блок, с. 55, 56]. В системе метаязыка предлагаемой монографии в том и в другом случае это разные вокативные модели. Теоретически их можно было бы как-то сгруппировать в отдельное, вспомогательное множество персонификаторов, которое с соответствующими комментариями дополняло бы статистически мотивированные суждения о стилистике вокатива у тех или иных адресантов какими-то отдельными деталями и нюансами, которые соотносились бы с общим контекстом предлагаемого исследования. Но тогда бы нам пришлось существенно модифицировать такую фундаментальную категорию наших метаязыковых построений, как модель, и в частности модель вокатива, а то и вообще отказаться от этой категории.

3. Степень спонтанности допороговых вокативных образований. Нельзя исключить, что некоторая лингвистическая фигура, используемая в качестве обращения каким-то адресантом, скажем, только один раз и соответственно по принятому выше определению не перешедшая установленного нами или какого бы то ни было иного статистического порога в письмах какого-то конкретного адресанта, может быть зафиксирована с аналогичной статистической маркировкой и у других адресантов. И вполне, по всей вероятности, реальна такая ситуация, когда при очень редком, в том числе однократном или двукратном, употреблении в качестве вокатива какой-то лингвистической фигуры несколькими разными адресантами суммарная частота этой фигуры перейдёт заданный статистический порог, не будучи запороговой ни у одного из них и, следовательно, не будучи включённой в приведенный выше общий список регулярных моделей русского эпистолярного вокатива. Обычно указанная ситуация возникает в письмах, адресатом которых является важное, социально значимое и носящее определённый титул лицо, к которому пишущий, если он по своему положению не равен (не близок) адресату или не входит в круг постоянно общающихся с ним людей, просто не имеет возможности

или повода обращаться к нему многократно. Такое, например, обращение, как *Господин Президент*, может встретиться во многих письмах, поскольку обратиться к главе государства в принципе может кто угодно, но маловероятна постоянная переписка простого, особо ничем себя не проявившего (и даже такого) гражданина страны с её президентом. В генеральной нашей выборке в указанном плане зафиксирован, например, вокатив *Ваше сиятельство*, использованный в письмах Суворова, Пушкина, Островского и Толстого, но не перешедший ни у одного из этих адресантов однопроцентного статистического порога. Во второй выборке, в которой существенно больше адресантов, подобного рода вокатив как единственное или очень редкое в рамках переписки одного лица обращение может, разумеется, встретиться и у гораздо более широкого круга адресантов. Вокатив *Ваше сиятельство* использовали также А. С. Грибоедов, А. А. Перовский, П. А. Румянцев, А. П. Сумароков и др. Декабрист А. П. Юшневский в своих двух письмах Николаю I обращается *Всеавгустейший Монарх Всемилостивейший Государь* [Восстание декабристов, с. 47, 64], М. Ю. Лермонтов в письме Великому князю Михаилу Павловичу прибегает к стандартному в данной коммуникативной ситуации вокативу *Ваше императорское высочество* [Лермонтов, с. 618], П. А. Румянцев в послании А. Б. Бутурлину использует вокатив *Ваше Высокографское Сиятельство* [Фельдмаршал Румянцев, с. 90]. Многократно использовать приведенные и подобные им обращения авторы соответствующих писем возможности, надо полагать, не имели. Таким образом, проблема частного и общего, нормативного и спонтанного в вокативных образованиях своего решения и здесь не находит.

Различного рода деталей, характеризующих живую человеческую речь, в том числе и письменную, необозримое количество, и все они, конечно же, описаны быть не могут. Отсюда и важнейшие в нашем исследовании теоретические установки для лингвистически значимых типологических изысканий – точная фиксация, рациональная группировка и адекватное обобщение наблюдаемых фактов и явлений. Именно эти установки дали нам в предыдущих разделах предлагаемой монографии возможность обозначить общую систему адресации письменного послания, и в частности сформировать понятие эпистолярного вокатива, описать различные типы этой лингвистической фигуры и построить её основные модели. При этом обобщение имеющегося у нас фактического материала и переход от конкретных речевых цепей к их моделям, а соответственно, и к определённого рода лин-

гвистическим (языковым) конструктам – самое важное звено наших процедурных выкладок и полученных предметных знаний. И особую значимость это звено может иметь при персонификации стилистики писем и соответственно при персонификации эпистолярного вокатива, с одной стороны, в общем контексте его типологии, с другой же стороны, в контексте используемых для письменного обращения языковых средств как своего рода вокативного ресурса с определённым комплектом основных его составляющих.

5.2. Индексирование вокативного ресурса адресантов

Вполне логично, на наш взгляд, исходить из того, что в распоряжение каждого автора некоторого письменного послания объективно предоставлен полный комплекс языковых средств возможного оформления всего этого послания, и в частности оформления самых разных лингвистических фигур, связанных с адресацией письма и обозначением его адресанта. Другое дело – что и как адресант использует из этого комплекса, в какой степени сам автор письма владеет указанным комплексом и насколько эффективно, насколько рационально и адекватно он этим комплексом распоряжается. И здесь целый ряд различного рода факторов, обуславливающих выбор адресантом как общепринятого вокатива, так и обращения, носящего ярко выраженный индивидуализированный характер. Это, как уже неоднократно отмечалось, и особенности личности автора писем, и круг его адресатов, и обстоятельства, в которых писалось письмо, и общий объём писем, а соответственно и количество вокативов, и интенсивность переписки какого-то адресанта вообще и с тем или иным конкретным лицом, и многое другое. Любой из указанных факторов и сам по себе может указать на какие-то особенности вокативных образований у каждого из адресантов, но с необходимой степенью адекватности и объективности стилистически персонифицировать вокатив у отдельного автора писем в целом способен, по-видимому, не один какой-либо из подобных факторов, а только весь их комплекс, а равно комплекс и каких-то иных характеристик вокатива, которые могут быть представлены в виде набора своего рода индексов для разных аспектов формализации и субстанционального представления русского эпистолярного вокатива.

Можно, например, обозначить каким-нибудь индексом общее количество вокативов или количество только разных вокативов у того или иного автора писем как некий существенный параметр его переписки (допустим, 100 вокативов и 10 их моделей у одного адресанта и 150 вокативов и 25 моделей у другого). Очевидно, что какой-то один такой индекс (100 и 150 вокативов, а соответственно – 10 и 25 моделей) никакой существенной информации, касающейся персонификации вокативных образований у какого-то одного из этих двух адресантов, нам не предоставляет. Но вместе эти два индекса что-то уже смогут дифференцировать и дадут, например, возможность сделать заключение о средней наполняемости вокативных моделей у разных адресантов, т. е. о среднем количестве обращений, построенных по какой-то одной модели, как в абсолютных величинах (у одного адресанта – $100 : 10 = 10$, у второго – $150 : 25 = 6$), так и в процентах от общего у них количества вокативов (соответственно 10% у одного и 4% у другого), из чего, в свою очередь, следует, что наполнение вокативных моделей у наших адресантов разное и что вокативы у второго адресанта более разнообразны, чем у первого. Степень разнообразия вокативов может быть представлена и в виде соотношения количества разных вокативных образований у одного адресанта и общего количества вокативов у него же, т. е. в этом случае можно говорить о наполнении некоторого массива вокативов разными их моделями.

Это, надо полагать, уже содержательно интерпретируемая информация, которой можно воспользоваться при персонификации вокативных образований. Вместо того чтобы только указывать на общее количество вокативов и количество разных их моделей, мы можем ввести в качестве одного из стилистических параметров письменного обращения соответствующий индекс вокативного ресурса, в данном случае – **индекс наполнения** (ИН) как определённое соотношение вокативов, построенных по разным моделям, и общего количества вокативных образований в том или ином массиве писем. Индекс наполнения выражается в процентах, а теоретически его численное значение может быть от единицы или числа, близкого к нулю, если общее количество вокативов достаточно велико (не меньше ста) и все они построены по одной и той же модели, до 100%, когда все вокативы некоторого письма или некоторого массива писем построены по разным моделям. Ни одно значение из указанных при этом исследователем не может быть исключено, поскольку даже самое минимальное количество писем, в том числе и только одно, может представлять со-

бой научный и практический интерес, объективно оказавшись при этом единственно доступным, а индекс наполнения, конечно же, не единственный параметр, который может в том или ином аспекте персонифицировать вокативные образования. Есть практически у всех адресантов целый ряд таких стилистических особенностей их вокативов, которые, разумеется, могут быть манифестированы и какими-то иными индексами. Систему этих индексов мы предложим несколько ниже.

Обращение автором письменного послания к своему адресату может быть самым различным как в структурном плане, так и в плане наполнения вокативов и соответствующих вокативных конструкций той или иной лексикой, поскольку любой адресант, как уже отмечалось, потенциально располагает практически неограниченным лингвистическим ресурсом, позволяющим ему не только разнообразить форму обращения в зависимости от конкретных условий коммуникации и своего отношения к адресату, но и вообще избежать вокатива. Естественно при этом, что степень разнообразия конструкций с обращением может быть у разных адресантов самой разной и даже не укладываться в какие-то заранее обозначенные рамки. И тем не менее можно получить реальную возможность достаточно объективно, на наш взгляд, охарактеризовать очень важный аспект адресации, а именно – реализованный адресантом лингвистический потенциал способов и средств адресации у любого из авторов некоторого множества писем, если включить в описание типологии русского эпистолярного вокатива не один индексированный параметр вокатива, а определённого рода систему индексов как некий числовой, условно говоря, вектор. Однако подробнее покажем сначала сущность и стилистическую нагрузку первого введенного нами индекса, индекса наполнения.

Итак, любой адресант объективно располагает неограниченным ресурсом вокативных образований, и в принципе каждое письменное обращение может быть представлено у него какой-то новой, ранее не использованной им конструкцией, новой формой вокатива вплоть до, если формализовать или утрировать проблему, простой нумерации своих адресатов, обозначенных только одним обращением (*уважаемый адресат № 1, уважаемый адресат № 2, ..., уважаемый адресат № 67, ..., уважаемый адресат № 2094, ...*). Реально же в такого рода построениях необходимости не возникает, поэтому множество потенциально возможных вокативов гораздо мощнее множества тех, которые уже использованы или ещё только могут быть использованы лю-

бым адресантом в переписке с каким угодно количеством адресатов, а объём лингвистического ресурса для различных форм обращения намного больше объёма использованных некоторым адресантом обращений во всём массиве его писем. И если автор некоторого множества писем в полной мере использует предоставленный в его распоряжение вокативный ресурс, т. е. каждое обращение к своему адресату строит по новой модели, индекс наполнения, о чём уже говорилось, у него будет иметь максимальное значение – 100 %.

Если же модель какого-то вокатива повторяется и построенное по этой модели обращение ранее уже употреблялось, это может означать, что адресант не нашёл или не посчитал нужным употребить что-то ещё из находящегося в его распоряжении материала для очередных вокативных образований и даже та часть этого материала, которая в принципе могла бы быть использована в множестве построенных им конструкций с обращением, реализована не в полной мере. На одну модель адресации в достаточно большом массиве писем приходится обычно более одного обращения, и чем больше массив писем, чем больше использованных в них вокативов, тем больше разрыв между общим количеством вокативов и количеством их моделей. Соответственно и значение индекса наполнения с увеличением потока писем будет уменьшаться и становиться всё меньше и меньше ста процентов, хотя прямой зависимости здесь нет.

Индекс наполнения, как уже отмечалось, представляет собой процентное отношение количества разных форм, т. е. моделей прямого обращения, к общему количеству соответствующих вокативных образований. Указывает этот индекс в соответствии с отведенной ему ролью на то, какая часть языкового потенциала, предоставленная в распоряжение того или иного адресанта, этим адресантом реализована в его речевом творчестве. Это своего рода самый общий индикатор степени разнообразия вокативных образований в их речевой репрезентации. Разными при этом, напоминаем, считаются такие вокативные образования, которые отличаются друг от друга либо в структурном плане (*дорогой Саша* и *дорогой мой Саша*), либо наполняющей их лексикой (*милый Саша* и *дорогой Саша*; *милый друг* и *дорогой наш соседюшка*).

Антропонимы со всеми их лексическими и стилистическими вариантами, том числе и персонифицированные прозвища, дифференцируются при этом только по их общепринятому характеру и зафиксированы нами в шести основных своих ипостасях: 1) имя, 2) фамилия,

3) отчество, 4) имя и отчество, 5) имя и фамилия, 6) имя, отчество и фамилия. Построенными по одной модели считаются конструкции типа *дорогой Саша* и *дорогая Машунька*, а также, например, конструкции *милостивый государь Пётр Сергеевич* и *милостивая государыня Лидочка Сергеевна*. По разным моделям построены соответственно такие вокативные конструкции, как *милый Федя*, *милый Боткин*, *милый Кузьмич*, *милый Иван Ильич*. Не влияют на отнесение тех или иных вокативов к одинаковым или разным их моделям лексические, стилистические и грамматические (включая порядок слов, а также средства синтаксической связи) варианты как самих вокативных фигур, так и входящих в них компонентов во всей системе вокативных апеллятивов. Например: *брат*, *братец*, *браток*, *братан*, *братка*; *господин*, *госпожа*, *господа*; *дорогой мой друг* и *мой дорогой друг*; *дорогой*, *сердечно мною любимый коллега* и *дорогой и сердечно любимый мною коллега* и т. п.

Проиллюстрируем принципы индексации и прежде всего процедуру определения индекса наполнения в двух сопоставимых по объёму небольших и поэтому легко обозримых массивах писем Д. Н. Мамина-Сибиряка и М. Ю. Лермонтова, писателей, живших в разное время и творивших, а соответственно, и писавших свои письма в разных условиях.

В 59 опубликованных письмах Д. Н. Мамина-Сибиряка [Мамин-Сибиряк, т. 10] мы, не конкретизируя употребляемых писателем антропонимов, а обозначая их, как это мы обычно и делали выше, прописными буквами И (любое имя) и ИО (любые имя и отчество), зафиксировали такие обращения: *мама* – 15, *милая мама* – 15, *милая дорогая мама* – 14, И – 14, *папа* – 11, *многоуважаемый ИО* – 7, *милая и дорогая моя мама* – 3, *милая моя мама* – 2, *милый И* – 2, ИО – 2, *дорогой ИО* – 2, *любезные родители* – 2, *мой дорогой (дорогой мой)* – 2, *уважаемый ИО* – 1, *дорогой мой ИО* – 1, *милостивый государь ИО* – 1, *дорогой друг ИО* – 1, *дорогой И* – 1, *миленькая сестричка И* – 1, *милостивый государь* – 1, *голубчик* – 1, *дорогой* – 1, *мой милый* – 1, *господин редактор* – 1, *милостивый государь господин редактор* – 1.

Всего 103 вокатива, из которых разных, т. е. представляющих собой разные конструктивные образования, разные модели, – 25. Средняя наполняемость одной вокативной модели конкретными формами обращения такова: $103 : 25 = 4,1$, но это число, как и любое иное полученное указанным способом, стабильно коррелирует только с общим объёмом фактического материала, никак его по сути дела не

персонифицируя. Значимыми в этом плане могут быть только относительные величины, которые и указываются индексом наполнения. Численное значение этого индекса мы, исходя из данных: 103 – 100%, а 25 – $x\%$, получим, умножив число 25 на 100 и разделив полученное произведение (2500) на 103. Равен этот индекс будет числу **24,3**.

Величину индекса наполнения можно связать с целым рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, с тем, например, что характеризует адресанта как языковую личность, когда каждое его обращение представляет собой особую, ранее не использованную им форму адресации. С другой же стороны, если иметь в виду стилистику и образно-эстетические нюансы послания, можно говорить и о том, что индекс наполнения как компонент вокативного ресурса, как потенциальная возможность при каждом случае обращения к своему адресату найти особый, содержательно или эмоционально более насыщенный вокатив практически не может быть в достаточно большом (скажем, в несколько десятков) массиве писем реализован в полной мере, т. е. на сто процентов. Причина этого, по-видимому, не только в степени лингвистической осведомлённости адресанта или в его естественном стремлении по возможности избегать ненужного многословия, но и в том, что нерационально и даже не всегда этично при длительной переписке какого-либо адресанта с одним и тем же адресатом (родственником, другом, сослуживцем, деловым партнёром и т. п.) обращаться к нему каждый раз по-новому, как к какому-то другому лицу.

В письмах Мамина-Сибиряка, в частности, 44 обращения к матери, и для него вполне достаточным оказалось использовать только три эпитета к слову *мама*: *милая*, *дорогая* и *моя*, – а отсюда и только пять приведенных выше моделей соответствующего вокатива.

У Лермонтова, для сравнения, в 51 опубликованном его письме (включая переводные) [Лермонтов, т. 4, с. 533–632] 92 вокативных образования: *милая бабушка* – 19, *милый друг* – 14, *милая тётя* – 6, *милый И* – 5, *милая кузина* – 5, *любезный друг* – 4, *друг мой* – 3, *любезный ИО* – 3, *любезный друг И* – 3, *милый и добрый друг* – 2, *мой милый И* – 2, *милостивый государь ИО* – 2, по одному разу использованы 24 вокатива (*милая мисс И*; *дражайшая*; *милостивый государь*; *любезный И*; *дорогая*; *дорогой дядя*; *дорогой граф*; *дорогой И*; *дорогая мадемуазель И*; *милый и любезный Ф*; *милый мой друг Ф*; *дорогой Ф*; *брат*; *мой милый*; *любезный дядюшка*; *любезный дядюшка ИО*; *несправедливая и легковёрная женщина*; *милая и жестокая кузина*; *Ва-*

ше императорское высочество; Ваше превосходительство; Ваше превосходительство милостивый государь; Ваше Атмосфераторство! Милостивейшая государыня, София, дочь Александра; любезный Signor Ф; ma chere tante).

Вокативов, построенных по разным моделям, как это нетрудно увидеть, – 36. В среднем в одну модель входит $(92 : 36) = 2,6$ обращения. Индекс же наполнения как один из стилистических параметров лермонтовских писем мы, как и в предыдущем случае, приняв общее количество вокативов за 100%, получим, разделив число 3600 на 92, и равен этот индекс будет числу **39,1**, существенно большему, чем у Мамина-Сибиряка. И это в предлагаемой системе отсчёта вполне естественно, поскольку при прочих равных условиях большее количество разных вокативов у того или иного адресанта уже само по себе увеличивает их функциональный потенциал, а значит, увеличивает и значение индекса наполнения. Однако это не только формальная сторона предлагаемой индексации, поскольку разная величина индекса наполнения у разных адресантов может иметь и свою вполне содержательную, значимую лингвистически интерпретацию такого, например, плана.

В обследованных нами письмах Лермонтова гораздо больше, чем у Мамина-Сибиряка, адресатов, и при обращении почти к каждому из них Лермонтов находит какие-то особые слова, главным образом особые эпитеты к собственным именам и широко используемым традиционным вокативам. Так, например, если у Мамина-Сибиряка апеллатив *друг*, чрезвычайно распространённый во многих письмах самых разных адресантов, функционирует в качестве обращения только один раз и только с одним определением *дорогой*, то Лермонтов формирует с этим апеллативом шесть моделей обращения, наполненных 27-ю вокативными конструкциями, сочетает его с антропонимами и свободно варьирует сопутствующие этому апеллативу детерминанты: *друг мой, милый друг, любезный друг, милый и добрый друг, любезный друг И, милый мой друг Ф* [Лермонтов, с. 540, 612, 592, 607, 597, 591] и т. п. Всё это и определило большее разнообразие вокативных моделей в письмах Лермонтова, а соответственно и более высокий у него индекс наполнения.

Количественное значение индекса наполнения, как это следует из предложенных нами суждений и выкладок, обуславливается двумя варьируемыми величинами: общим числом вокативов в исследуемом множестве писем данного адресанта и количеством вокативных моде-

лей, т. е. разных в том же множестве форм обращения. В приведенных иллюстрациях мы не соотносим то или иное значение индекса с какими-то достоинствами письма или его автора, а равно и с отсутствием таковых, а лишь показываем, как этот индекс определяется и что он может быть разным у различных адресантов. Предельные значения величины индекса наполнения, как уже отмечалось, – от нуля до ста. И то и другое может иметь место в некотором замкнутом множестве писем, ограниченном для изучения в силу тех или иных причин как объективного (больше таких писем вообще не существует), так и субъективного (не оказалось таких писем в поле зрения исследователя) характера. Реальный же, статистически мотивированный диапазон этого индекса гораздо меньше, и при минимальном его значении, как правило, превышающем единицу (в нашей генеральной выборке он не меньше пяти), максимальное его значение ни у кого из адресантов основной выборки не было большим сорока пяти.

Связан индекс наполнения, хотя и опосредованно, и с личностью адресанта, в частности, как отмечалось выше, с уровнем его лингвистической компетенции, и с интенсивностью переписки конкретных коммуникантов, в особенности близких друг другу лиц или родственников, обращение к которым довольно часто представляет собой своего рода клише типа *милая мамочка, дорогие родители*, и с нормами этикета, и с целым рядом других обстоятельств, сопутствующих письменной коммуникации. Однако сам по себе индекс наполнения, если он единственный показатель специфики вокативных образований у какого-либо конкретного адресанта, далеко не всегда может персонализировать вокативные ресурсы разных адресантов, поскольку у целого ряда авторов писем при существенном расхождении большинства и даже всех статистических параметров, определяющих специфику адресации, какое-то соотношение общего количества вокативов и количества вокативов, построенных по разным моделям, может в принципе давать мало чем отличающиеся друг от друга количественные величины рассматриваемого индекса. Например, у Бунина при выборке 1300 вокативов и у Есенина при выборке значительно меньшего объёма – 180 вокативов, индекс наполнения практически совпадает: 21,8 и 21,7 соответственно. В то же время имеют место и такие контрастные значения этого индекса, как 44,8 у Маяковского при сравнительно небольшой выборке 192 вокатива и 5,6 у Островского при выборке в несколько раз большей – 1033 вокатива.

С одной стороны, мы видим, что индекс наполнения никоим образом не зависит от объёма выборки и допускает сопоставление массивов, насчитывающих сколь угодно разное количество вокативных образований. А вот корреляция между индексом наполнения и средней наполняемостью одной вокативной модели существует, и здесь обратно пропорциональная зависимость: чем более разнообразны вокативы у адресанта, тем меньше их приходится на одну используемую модель, и наоборот. Показатели среднего количества реализованных в исследуемом массиве писем вокативов на одну модель таковы: Маяковский – 2,2; Бунин и Есенин – по 4,6; Островский – 17,8. С другой же стороны, очевидно, что только индекс наполнения, если он единственный параметр персонификации средств и способов письменного обращения, не даёт нам, как уже отмечалось выше, возможности сделать сколько-нибудь адекватные заключения ни относительно специфики вокативных образований, ни относительно вокативного ресурса, освоенного тем или иным адресантом. Нужны, по всей вероятности, ещё и иные параметры, индексирующие стилистику русского эпистолярного вокатива, нужны, в частности, индексы, связанные со степенью регулярности используемых в русской эпистолярике форм прямой адресации, а значит, и с введенным нами ранее статистическим порогом (см. главу 3). И вот на этот счёт несколько наших соображений.

Обращение к статистическому порогу при исследовании вокативного ресурса того или иного конкретного адресанта даёт нам возможность, а с установкой на теоретические основания нашего исследования делает даже необходимым введение ещё некоторых индексов, ориентированных на количественные приоритеты регулярных вокативных образований и дополняющих индекс наполнения указанием на соотношение общего количества вокативов, а также общего количества моделей вокативных образований и тех из соответствующих конструкций, которые переходят установленный статистический порог, причём независимо от его величины. В этом плане мы считаем целесообразным актуализировать сразу два индекса, один из которых мы квалифицируем как **индекс включения (ИВ)**, второй – как **индекс стабильности (ИС)**. Индекс включения указывает на объём и характер вокативного материала, включённого в соответствии с установленным статистическим порогом во множество описываемых в нашем исследовании, как, впрочем, и любом ином, вокативов и вокативных конструкций. И если индекс наполнения мы связываем со всем коли-

чеством разных вокативов и их моделей в некотором массиве писем, то индекс включения манифестирует в общем множестве вокативов более или менее регулярные формы обращения, т. е. только те вокативные образования, которые перешли заданный статистический порог. Величина этого индекса определяется процентом вокативов, перешедших статистический порог, от общего количества конструкций с обращением и является показателем границ рабочего множества вокативных образований, в рамках которого рассматривается (либо решается) та или иная поставленная исследователем задача. В приведенных выше массивах писем Мамина-Сибиряка и Лермонтова индекс включения как один из персонифицирующих параметров вокатива при однопроцентном статистическом пороге определяется так.

Мамин-Сибиряк: всего вокативов – 103, запороговых – 91, индекс включения, таким образом, равен $(9100 : 103)$ числу **88,3**. Лермонтов: всего вокативов 92, запороговых вокативных образований 68 (отброшены единичные), индекс включения $(6800 : 92) = 73,9$. Величина индекса включения у Мамина-Сибиряка, как мы видим, несколько больше численного значения этого индекса у Лермонтова, а свидетельствует это о том, что в письмах Лермонтова регулярно используемых им форм обращения меньше (в относительных, разумеется, характеристиках), чем в письмах Мамина-Сибиряка. Аналогичная и даже более контрастно маркированная картина у этих писателей и с индексом стабильности, который демонстрирует относительную частоту употребления предпочитаемых каждым из них вокативных моделей. Ситуация здесь такая.

Мамин-Сибиряк: всего вокативных моделей – 25, однопроцентный статистический порог перешло 13 моделей, что составляет ровно 52% от их общего количества. Лермонтов: всего 36 моделей, перешедших указанный статистический порог – 12, т. е. 33,3%. Соответственно вычисляемые индексы стабильности у этих писателей – **52** и **33,3**. Лермонтов, как мы видим, дублирует, т. е. использует более одного раза, только **треть** образованных им вокативных моделей при индексе наполнения 39,1, Мамин-Сибиряк – **свыше половины** при индексе наполнения, равном числу 24,3. Налицо у наших адресантов опять же разный уровень реализации их вокативного ресурса, но, если речь идёт именно о специфике вокативных образований у того или иного адресанта, касается этот уровень в сущности пока лишь самого общего аспекта авторской адресации письма – собственно множества построенных автором письма вокативных моделей и входящих в эти

модели вокативов как разных способов обращения адресанта к своему адресату. Корреляции возможного и реального при этом чётко не просматриваются. Нужен, как минимум, ещё один индекс, который соотносил бы в системе соответствующих вокативных моделей имеющийся у данного адресанта потенциал с теми конструктами, которые им используются с максимальной степенью регулярности, а значит, и несут максимальную функциональную нагрузку.

Количество реально использованных в качестве обращения лингвистических фигур может у разных адресантов по-разному соотноситься с количеством потенциально возможных при заданных условиях коммуникации вокативных моделей, и для того, чтобы показать этот аспект вокативного ресурса, показать расхождение реального и возможного, мы и вводим **индекс реализации (ИР)**, касающийся ресурса вокативных лингвистических фигур, а соответственно, и стилистики вокативных образований. Указывает этот индекс на отношение количества реализованных запороговых моделей вокатива к максимально возможному в исследуемом массиве писем числу вокативных моделей. Это, пожалуй, самый информативный, самый важный для персонификации вокативных образований индекс. Покажем смысл и функциональное назначение индекса реализации, сопоставив его с соответствующими параметрами трех ему предшествовавших: индексом наполнения, индексом включения и индексом стабильности.

Итак, в письмах Мамина-Сибиряка введенные нами индексы дают нам такую информацию:

Всего 103 вокатива, перешло статистический порог – 91, индекс наполнения без учёта статистического порога – 24,3, указывающий, что все 103 вокатива этого адресанта построены по 25-ти разным моделям. Перешли однопроцентный статистический порог 91 вокатив и 13 вокативных моделей. Индекс включения равен 88,3 Индексом стабильности, равным 52, отмечено, что из общего количества, т. е. 25-ти вокативных моделей, которые были использованы Маминым-Сибиряком, более половины перешло однопроцентный статистический порог.

В письмах Лермонтова всего 92 вокатива и 36 их моделей, перешли статистический порог – 68 вокативов и 12 моделей. Соответствующие индексы у Лермонтова имеют следующие численные значения: индекс наполнения– 39,1; индекс включения –73,9, индекс стабильности – 33,3.

А теперь далее.

Факт использования абсолютного максимума возможного количества моделей как один из показателей вокативного ресурса адресанта имел бы без каких-либо оговорок место только тогда, когда все вокативы в исследуемом массиве писем были бы построены по разным моделям, что вполне реально для одного или даже нескольких посланий, но практически исключено, если соответствующий массив сформирован на реальном фактическом материале, является относительно большим (хотя бы несколько десятков писем) и, разумеется, достаточно репрезентативным. Индекс наполнения при абсолютном максимуме количества моделей будет равен ста процентам, а о каком-либо статистическом пороге и ограничении материала исследования регулярными вокативными образованиями речь в этом случае не могла бы идти, поскольку ни одна модель не имела бы в плане её реализации количественных отличий от остальных моделей.

Если же каким-то адресантом по разным моделям построены не все, а лишь какая-то часть его вокативных образований, то существуют качественные различия между языковыми моделями, многократно реализованными в речевом творчестве адресанта, воспроизведение которых во многих случаях предполагает речевой автоматизм, и вокативами единичными или очень редкими, возникающими спонтанно,okkaзионально, «на случай», нередко в связи с каким-то конкретным событием в жизни адресата или фактом его переписки и утрачивающими свою актуальность после написания данного письма. Для характеристики индивидуального стиля важны и те и другие, и внимание исследователей зачастую привлекают именно единичные, индивидуально-авторские вокативы, которые, как правило, характеризуются яркой образностью, но вряд ли можно дать объективную характеристику идиостилю того или иного адресанта, не учитывая специфики использования им регулярных вокативных моделей, предоставленных в его распоряжение языком. Для изучения такого рода вокативов должны быть обязательно обозначены границы объема соответствующего множества вокативов, подлежащего конкретному научному анализу, что и сделано в нашей монографии введением статистического порога.

Однопроцентный статистический порог, оставляющий в списках вокативов у наших, как и у любых иных адресантов, только те обращения, которые были употреблены ими не менее двух раз (у других адресантов абсолютное значение статистического порога может быть

и гораздо большим), позволяет выделить множество вокативов, построенных по регулярно используемым данным автором моделям. Запороговых вокативов, напомним, у Мамина-Сибиряка окажется только – 91, у Лермонтова – 68. Значит, максимально возможное количество моделей вокатива в выделенном множестве при среднем их наполнении двумя в данном случае обращениями у Мамина-Сибиряка будет равно $(91 : 2)$ числу 45 при 13-ти моделях, перешедших однопроцентный статистический порог, у Лермонтова – $(68 : 2)$ числу 34 при 12-ти запороговых вокативных моделях. Соответственно четвёртый индекс, индекс реализации, как процент запороговых вокативных моделей от максимально возможного их количества в письмах Мамина-Сибиряка мы определим так: 45 – это 100%, 13 – это $x\%$; $x = (13 \times 100) : 45 = 28,9$. Этот же индекс у Лермонтова, вычисленный таким же образом, будет равен числу **35,3**.

Интерпретация рассмотренного индекса реализации в контексте общего толкования понятия вокативного ресурса самым естественным, с нашей точки зрения, образом дополняет приведенную выше формулу функционального назначения и информативности комплекса предыдущих трёх индексов и позволяет представить эту формулу в виде последовательности следующих суждений.

Индекс наполнения указывает на степень разнообразия использованных тем или иным адресантом обращений по всем построенным им вокативным моделям, а также (в обратном пропорциональной зависимости) на среднюю наполняемость этих моделей конкретными лингвистическими фигурами, а отсюда и на их функциональную значимость в соответствующем массиве писем. Этот индекс, разумеется, информативен, но даёт он только общее представление о наполняемости вокативных моделей и сам по себе далеко не всегда может персонафицировать вокативные образования адресанта, поскольку одно и то же численное значение индекса наполнения не исключено при разном соотношении у разных адресатов количества вокативов и количества их моделей. Соотношение это может быть, скажем, таким: 100 и 10, 160 и 16, 1140 и 114 и т. п.

Индекс включения имеет фактически то же, что и индекс наполнения, функциональное назначение, но указывает он на соотношение количества всех вокативов в некотором массиве писем и вокативов, перешедших установленный статистический порог. Дифференцирующие возможности этого индекса тоже не очень значимы, но несколько всё же выше, чем у индекса наполнения, так как даже при абсолютно

пропорциональном соотношении у разных адресантов общего количества вокативных моделей и самих вокативов частота каких-то речевых конструктов и соответствующих вокативных образований может быть самой различной, что обязательно нивелирует негативные последствия показанной пропорции. Индекс включения определяет долю объёма в общей выборке тех вокативов и вокативных конструкций, которые, будучи достаточно стабильными, рассматриваются как реальный фактический материал, на основе которого делаются определённые заключения стилистического характера, в том числе и относительно персонификации средств и способов адресации. Индекс включения косвенным образом также указывает на долю единичных, уникальных или редко используемых данным адресантом вокативов: чем он ниже, тем чаще обращается автор к разного рода окказиональным или нетипичным для его речевого творчества вокативным образованиям. Индекс включения у Мамина-Сибиряка – 88,3, и единичных вокативов в общем их множестве у этого адресанта 12; индекс включения у Лермонтова более низкий – 73,9, а единичных, нерегулярных вокативных образований в его выборке вдвое больше, чем у Мамина-Сибиряка, – 24, в том числе и такие нестандартные, как *несправедливая и легковёрная женщина*; *милая и жестокая кузина* и др.

Индекс стабильности, указывая на отношение количества регулярно используемых тем или иным адресантом, т. е. перешедших у него заданный статистический порог, вокативных моделей к их общей у этого адресанта сумме, в известной степени уже сам по себе персонифицирует особенности вокативных образований в соответствующем массиве писем.

Индекс реализации содержательно суммирует информацию, которая актуализирована тремя предыдущими индексами, и опосредованно манифестирует реальный вокативный ресурс адресанта как количественно взвешенную и вполне определённую часть всего того из обозначенных им форм обращения, что на уровне их моделей он потенциально мог бы более или менее регулярно использовать.

Обследованный нами материал показывает, что прямая зависимость между количеством конкретных вокативов и количеством их моделей, если и может иметь место, то, по-видимому, только в одной какой-то выборке, сплошной по нескольким адресантам или фрагментарной с теми или иными её заранее оговоренными параметрами: одно письмо, один автор, один адресант, какая-то комбинация перечисленного и т. п. Логика здесь простая. Ещё и ещё раз обращаясь к своим

адресатам, а тем более расширяя их круг, автор писем никак не в состоянии сократить количество уже использованных им ранее вокативных моделей, но обратиться к какой-то новой модели, по всей вероятности, всё же может. Вопрос, однако, в том, какое количество вокативов, построенных по уже употреблённым неким адресантом моделям, может или должно предшествовать появлению у него новой вокативной модели. А оказаться это количество может как очень большим при постоянном у некоторого адресанта характере переписки, и в частности при стабильном круге адресатов или форсированной прагматике писем, так и минимальным, когда автор письма обращается к новому, да ещё и чрезвычайно значимому для него лицу, с которым ранее не переписывался, когда адресант меняет установку своих посланий (скажем, информацию или поздравление на просьбу о помощи), следует вновь появившимся или варьируемым этикетным нормам обращения (*милостивый государь, сударь, господин, товарищ* и снова *господин*) и пр. В любом случае есть в системе вокативных образований то, что дано адресанту как носителю русского языка и субъекту эпистолярного творчества, но есть и то, что автор письма в силу тех или иных причин предпочитает и регулярно использует при обращении к своим адресатам. В первом случае это представленный каким-то адресантом русский эпистолярный вокатив или фрагмент такого вокатива вообще. Во втором это вокативные образования, предпочитаемые этим адресантом и, следовательно, стилистически персонифицирующие формы его письменного обращения, но персонифицирующие их не списком, пусть даже так или иначе упорядоченным, конкретных лингвистических фигур, употребляемых каким-то одним или несколькими авторами писем, а опосредованно, в самом общем виде, указанием специфического соотношения потенциального и реализованного во всей системе его вокативов.

Сопоставив численные значения четырёх введенных нами индексов вокативного ресурса, индексов наполнения, включения, стабильности и реализации, мы получаем возможность прийти к вполне определённым и достаточно объективным стилистическим заключениям, выявить и количественно обозначить целый ряд особенностей вокативных образований у самых разных адресантов, особенностей, обусловленных и самими общими вокативными моделями с соответствующим их наполнением, и различного рода спонтанными лингвистическими фигурами.

Сведём вычисленные при однопроцентном статистическом пороге индексы вокативного ресурса у Мамина-Сибиряка и Лермонтова в одну таблицу и сравним эти индексы на предмет их информативности как показателя тех или иных особенностей вокатива у каждого из названных писателей. Вот эта таблица:

Таблица 6

Адресант	Индексы вокативного ресурса			
	Индекс наполнения	Индекс включения	Индекс стабильности	Индекс реализации
Мамин-Сибиряк	24,3	88,3	52	28,9
Лермонтов	39,1	73,9	33,3	35,3

Итак, сопоставив полученные значения приведенных индексов вокативного ресурса и оставаясь в рамках относительных количественных характеристик, мы можем со всей определённостью сделать следующие выводы:

1. Более высокий индекс наполнения у Лермонтова свидетельствует о том, что он по сравнению с Маминым-Сибиряком использует гораздо больше разных моделей персональной адресации, а соответственно, и больше языковых средств письменного обращения.

2. Величина индексов включения, наоборот, свидетельствует о том, что в письмах Лермонтова меньше, чем у Мамина-Сибиряка, запороговых (регулярно используемых) вокативных образований. Значит, при обращении к своим адресатам Лермонтов более разнообразен в своём речетворчестве, в выборе для вокатива конкретных лингвистических фигур, и это, если речь идёт о вокативном ресурсе, в полной мере соотносится с индексом наполнения.

3. Существенно меньше у Лермонтова и значение индекса стабильности, указывающего на соотношение общего количества использованных писателем вокативных моделей и количества вокативных моделей, перешедших однопроцентный статистический порог, а это по существу тоже показатель степени разнообразия соответствующих вокативных построений.

4. Индекс реализации, как и индекс наполнения, у Лермонтова выше, чем у Мамина-Сибиряка, а это уже обусловлено не столько объёмом и разнообразием всего использованного писателями вокативного материала, сколько его функциональной значимостью, тем, какие именно вокативные модели из максимально возможного при установленном статистическом пороге их количества реализованы адресантом. Это не только количественный, но и своего рода качественный параметр стилистики эпистолярного вокатива, репрезентирующий выбор адресанта и определяющий характер множества реализованных тем или иным автором письма вокативных моделей как функционального подмножества всей суммы таких моделей, потенциально возможных в данных условиях коммуникации. В письмах Лермонтова в этом плане вокативный ресурс на четверть выше, чем у Мамина-Сибиряка.

Последовательность индексов наполнения, включения, стабильности и реализации мы квалифицируем как некий числовой вектор, демонстрирующий количественный, условно говоря, вес (числовое значение) нарастающей лингвистической значимости и дифференцирующих возможностей каждого из последующих компонентов этого вектора как одного из параметров персонификации вокативных образований. Соответствующие параметры отражают разные стороны письменного обращения и разные предпочтения авторов писем. Естественно поэтому, что числовое значение одних и тех же индексов у какого-то одного адресанта не может быть постоянно только больше или только меньше их числового значения у другого адресанта. И в нашей таблице, в частности, величина индексов включения, а особенно стабильности, у Мамина-Сибиряка значительно больше, чем у Лермонтова. В отношении же индексов наполнения и реализации противоположная ситуация. Всё, на первый взгляд, спонтанно. И тем не менее каждый из индексов вокативного ресурса в рамках его назначения указывает на что-то специфическое у того или иного автора писем и, как правило, дополняя какими-то деталями постепенно складывающуюся систему предпочтений адресанта, позволяет исследователю получить достаточно полное представление о стилистике основных вокативных образований как у отдельного адресанта, так и в любом ином, каким-то другим способом сформированном множестве писем. При этом вполне объективно обозначается та или иная стилистическая доминанта (скажем, существенное преобладание запороговых вокативных моделей у Мамина-Сибиряка или более высокое численное

значение индекса реализации у Лермонтова), которая не только в том или ином аспекте персонифицирует систему вокативов как лингвистических фигур, но и определяет их речевой статус в общей системе средств адресации какого-либо, в том числе, разумеется, и русского, языка.

Индексы вокативного ресурса обладают определённой степенью дифференцирующих возможностей при описании главным образом тех параметров стилистики русского эпистолярного вокатива, которые касаются количества и разнообразия различного рода вокативных лингвистических фигур, отдельных форм и моделей обращения в эпистолярном наследии того или иного адресанта. У каждого из этих индексов своё назначение и своя сфера компетенции в общей стилистике русского эпистолярного вокатива. Однако мы можем рассматривать эти индексы как некое целое, как комплекс определённых параметров письменного обращения в их единстве. В свою очередь указанный комплекс мы можем представить в виде своего рода числового вектора, который при фиксации в нём всех четырёх введенных в настоящем исследовании индексов будет на метаязыковом уровне иметь такой вид: (ИН, ИВ, ИС, ИР). Конкретно, если обратиться к вычисленным ранее значениям этих индексов и округлить дроби, мы получим два разных вектора: у Мамина-Сибиряка в соответствии с приведенными выше выкладками вектор вокативного ресурса – это последовательность чисел (24, 88, 52, 29), у Лермонтова этот вектор выглядит так: (39, 73, 33, 35).

Функциональное назначение вектора вокативного ресурса, как и отдельно взятого индекса, по сути своей, заключается в том, чтобы выявить и показать определённые аспекты соотношения всего вокативного материала, использованного неким автором писем в качестве обращения к своему адресату, и тех вокативных образований, которые доминируют в его эпистолярном творчестве, формируя вместе с такого же рода образованиями, созданными другими адресантами, общую систему русского эпистолярного вокатива. При этом каждому из обследованных нами авторов письменных посланий ставится в соответствие одинаковый по своему назначению и порядку следования набор указанных индексов, специфику же вокативных образований у отдельного адресанта в отдельных частных характеристиках форм обращения определяют численные значения индексов вокативного ресурса, зачастую и даже в большинстве случаев совершенно различные у разных адресантов.

Процедуру формирования вектора вокативного ресурса в общих чертах мы описали, однако более или менее достоверные и объективные результаты соответствующих вычислений могут быть получены, как и в любом ином статистическом исследовании, лишь при достаточно больших и сопоставимых у отдельных авторов писем объёмах выборки. Попытаемся теперь такие результаты получить.

Обратимся к конкретным адресантам обследованного нами эпистолярного массива, определим в их письмах численные значения введенных индексов вокативного ресурса, сформируем соответствующие векторные системы и сопоставим векторы вокативного ресурса как показатели тех или иных индивидуальных особенностей соответствующих вокативных образований. Проанализируем, однако, на этот счёт уже достаточно большие массивы писем, причём в первую очередь тех адресантов, эпистолярное наследие которых дошло до нас (опубликовано) полностью или почти полностью, но проанализируем их в том объёме, который приемлем в ряду доступного множества писем других адресантов нашей генеральной выборки (не является слишком большим и статистически довлеющим, как это имело бы место, если в нашу выборку мы включили бы, например, все письма Л. Н. Толстого), и не отличается от количества вокативов у других адресантов более чем на порядок. И если не отдавать предпочтения адресанту, жившему в какое-то определённое время или, скажем, творившему (если речь идёт о писателе) в каком-то одном жанре, то логичнее всего, как нам кажется, исходя из обработанного нами материала, рассмотреть в этом плане вокативные фигуры в представленных нашей генеральной выборкой письмах Суворова, Пушкина, Островского, Мусоргского, Горького и Бунина.

Итак, Суворов. Всего вокативов – 861, вокативов, перешедших однопроцентный статистический порог, – 656. Всего вокативных моделей – 119, вокативных моделей, перешедших статистический порог, – 14. Максимально возможное количество моделей при заданном статистическом пороге – 72.

Пушкин. Всего вокативов – 635, вокативов, перешедших однопроцентный статистический порог, – 465, общее количество вокативных моделей – 118, заповоговых – 14. Максимально возможное количество вокативных моделей при однопроцентном статистическом пороге – 66.

Островский. Общее количество вокативов – 1033, запороговых – 980, всего вокативных моделей – 58, запороговых – 8. Максимально возможное количество моделей при указанном пороге – 89.

Мусоргский. Общее количество вокативов – 653, запороговых – 443, всего вокативных моделей – 146, запороговых – 23. Максимально возможное количество моделей при указанном пороге – 63.

Горький. Вокативных образований – 1162, перешло статистический порог – 915. Вокативных моделей – 177, запороговых – 18. Максимально возможное количество запороговых моделей – 76.

Бунин. Общее количество вокативов – 1300, запороговых – 863, всего вокативных моделей – 283, запороговых – 19. Максимально возможное количество моделей при указанном пороге – 66.

Разные языковые эпохи, разные профессиональные предпочтения, разный социальный статус и разный, естественно, круг адресатов, и мы вправе ожидать соответственно и разные количественные показатели вычисляемых индексов вокативного ресурса.

Обратимся сначала к только что приведенным абсолютным величинам, характеризующим актуализированные в настоящем исследовании параметры письма. Разброс этих величин, как мы видим, действительно очень большой, и любая из них сама по себе мало о чём говорит и, с нашей точки зрения, никакой лингвистически или конструктивно значимой информации для выявления особенностей письменного обращения у того или иного конкретного адресанта не даёт. И действительно, числа, скажем, 656 и 14; 465 и 14; 980 и 8; 443 и 23; 915 и 18; 863 и 19 соответственно у Суворова, Пушкина, Островского, Мусоргского, Горького и Бунина, как и выше приведенные числа 91 и 13; 68 и 12, определяющие те же параметры в письмах Мамина-Сибиряка и Лермонтова, лишь фиксируют определённые количественные показатели некоторого массива писем, который в свою очередь тоже может быть самым разным по объёму.

Вычислим теперь у Суворова, Пушкина, Островского, Мусоргского, Горького и Бунина индексы их вокативного ресурса и построим из этих индексов соответствующие числовые векторы, округлив значения входящих в эти векторы компонентов до целых чисел и указав как своего рода норму среднее для этих адресантов значение каждого индекса (Таблица 7). Это уже что-то более определённое, дающее нам возможность сделать относительно специфики вокативных образований в письмах четырёх указанных адресантов целый ряд вполне содержательных и, с нашей точки зрения, очень интересных заключений.

Таблица 7

Адресант	Индексы вокативного ресурса			
	Индекс наполнения	Индекс включения	Индекс стабильности	Индекс реализации
Суворов	14	76	12	19
Пушкин	19	73	12	21
Островский	6	95	14	9
Мусоргский	22	68	16	37
Горький	15	79	10	24
Бунин	22	66	7	29
Среднее значение	16	76	12	23

Первое, на что нам хотелось бы обратить внимание, – это наличие в системе индексов вокативного ресурса разных авторов не только ожидаемого и вполне прогнозируемого контраста (Островский – Мусоргский и Бунин по индексу наполнения, Островский и Мусоргский по индексу реализации), но и мало отличающихся друг от друга величин (Суворов и Горький по индексу наполнения, Мусоргский и Бунин по индексу включения, Суворов и Пушкин по индексу реализации), и даже полного совпадения численных значений некоторых индексов (Суворов и Пушкин по индексу стабильности, Мусоргский и Бунин по индексу наполнения). В целом по вектору можно отметить абсолютно специфические цифровые показатели у Островского (индексы наполнения и реализации у него самые низкие, а индекс включения, напротив, самый высокий) и у Мусоргского (у него самые высокие показатели по трём из четырёх индексов: наполнения, стабильности и реализации).

Главное, от чего зависит величина того или иного индекса вокативного ресурса, – это не столько объём вокативов (он может быть разным, и в наших метаязыковых построениях мы установили его минимум в 100 вокативов, причём только для генеральной статистической выборки), сколько соотношение между общим количеством об-

рашений у того или иного адресанта и количеством обращений, регулярно им используемых, а значит, и соотношение между общим и заповоротным количеством соответствующих вокативных моделей. Это второе.

И третье. Именно относительные характеристики частного и общего, индивидуального и канонизированного, будучи сопоставленными с соответствующими средними значениями индексов вокативного ресурса, персонифицируют систему вокативных лингвистических фигур автора некоторого массива писем и указывают на особенности его вокативной, условно говоря, стилистики. Так, построенные выше векторы дают нам, по всей вероятности, вполне объективную и лингвистически интерпретируемую информацию о вокативном ресурсе каждого адресата, и в частности:

Суворов – индексы включения и стабильности практически полностью соответствуют их средним величинам. Степень разнообразия используемых вокативов (это индекс наполнения) у Суворова несколько меньше их среднего количества, что снизило в его письмах индекс реализации.

Пушкин – индекс наполнения превышает среднюю его величину. Это означает, что для форм эпистолярного обращения Пушкин использует большее в сравнении со среднестатистическим относительное количество вокативных моделей, а значит, его языковой потенциал шире, чем, например, у Суворова. Соответственно выше у него также индекс реализации. А вот индекс включения у Пушкина ниже, чем у Суворова, т. е. на редко используемые вокативы, не перешедшие однопроцентного порога, приходится относительно большее их количество. Однако на уровне моделей эти расхождения нивелируются, о чём свидетельствует одинаковый показатель индекса стабильности, идентичный среднестатистическому.

Островский – абсолютно уникален. Только индекс стабильности у него близок к среднему значению этого параметра вокативного ресурса. Индексы наполнения и реализации самые низкие, эти индексы более чем в два раза меньше их средних величин. Индекс включения, наоборот, существенно превышает и его среднюю величину, и его значение у каждого из наших адресантов. Степень разнообразия как регулярных, так и нерегулярных вокативных образований у Островского минимальна.

Мусоргский – полная противоположность Островскому, а по индексу реализации существенное отличие и от других адресантов. В

письмах Мусоргского максимальное разнообразие как реализованных им вокативов в целом, так и регулярно используемых им вокативных моделей. Это связано, во-первых, с тем, что в его эпистолярии зафиксировано большое количество персонифицированных и спонтанных вокативных образований, а во-вторых, с тем, что в кругу адресатов композитора было несколько постоянных его корреспондентов, в общении с которыми он нередко прибегал к языковому творчеству, при этом регулярный характер могли приобретать и неканонические, и персонифицированные вокативные апеллятивы.

Горький – все показатели близки к среднестатистическим, что свидетельствует, скорее всего, о сбалансированности единичного, уникального и регулярного, постоянного в сфере вокативного творчества. Индекс реализации достаточно высокий, т. е. регулярные вокативы и вокативные конструкции весьма разнообразны, что вполне объяснимо, причём не только чрезвычайно широким кругом его адресатов, но и того времени, в которое Горький жил (последняя треть XIX столетия – первые десятилетия XX-го) и активно занимался как литературным творчеством, так и общественной деятельностью в двух разных социальных и государственных системах с разными же этическими нормами общения, в том числе и общения письменного.

И, наконец, Бунин. Индексы демонстрируют контраст минимальных и максимальных числовых показателей. Индексы включения и стабильности минимальны среди рассматриваемых здесь адресантов, индекс же наполнения максимален, а индекс реализации – второй по величине в таблице 7. Степень разнообразия как регулярных, так и нерегулярных вокативных образований у Бунина очень высока, причём сравнение с Мусоргским, показывающее совпадение индекса наполнения при более высоком у Мусоргского индексе реализации, говорит о существенно большем у Бунина разнообразии именно нерегулярных, допороговых вокативных образований.

Интерпретация того или иного вектора вокативного ресурса может быть, разумеется, различной в зависимости от того, что интересует и на что ориентированы научные или практические изыскания исследователя русского эпистолярного вокатива. При этом могут быть акцентированы и различные аспекты исследования, в качестве лингвистически значимой может квалифицироваться разная информация, содержащаяся в числовых показателях индексов, может также возникнуть необходимость введения в вектор вокативного ресурса ещё каких-нибудь индексов или, напротив, что-то из него убрать. Сам же

этот вектор, безусловно, информативен и, по нашему глубокому убеждению, как некое метаязыковое построение абсолютно необходимо.

5.3. Динамика моделей вокатива

Мы уже отмечали, что теоретически в некотором массиве писем того или иного адресанта, причём независимо от объёма этого массива и даже в том случае, когда соответствующие массивы как множества практически равноможны, может быть самое разное количество как собственно вокативов в той или иной их форме, так и вокативных моделей, по которым построены конкретные обращения. Так, например, 230 вокативов в письмах Пастернака распределены по десяти запороговым моделям, а Фадеев для 219 своих обращений (меньше, чем у Пастернака) использовал в два раза больше таких моделей как моделей эпистолярного вокатива – 19, пять из которых те же, что и у Пастернака, четырнадцать иных. С другой стороны, по тринадцать запороговых вокативных моделей при обращении к своим адресатам использовали Гоголь (всего 108 вокативов), Кони (288 вокативов) и Чехов (762 вокатива). При этом модели **ИО** и **Милостивый государь ИО** использовали все эти писатели, к моделям **Дорогой ИО** и **Многоуважаемый ИО** обратились Кони и Чехов, некоторые из 13 запороговых вокативных моделей употреблены были только одним адресантом.

На практике чаще всего имеет место прямая, хотя иногда и нечётко выраженная корреляция объёма переписки определённого адресанта и количества употребляемых им вокативных фигур. С написанием новых писем, а равно и с появлением новых адресантов, в соответствующих посланиях могут появляться (и довольно часто появляются) и новые формы обращения, а значит, и новые модели самых разных вокативных образований. И здесь есть своя динамика. Проявляют здесь себя не только какие-то аспекты авторского своеобразия адресации писем, но и очень интересные, на наш взгляд, общие закономерности, связанные с вокативным ресурсом русской эпистолярики.

Проанализируем указанную динамику, сопоставив появление в некоторой последовательности писем первых восьми самых частых запороговых моделей в письмах четырёх обследованных в предыдущем параграфе адресантов, исходя из того, что минимальное количество таких моделей у одного адресанта (в частности, у Островского) – именно восемь.

Островский

Любезный друг ИО – 343
Многоуважаемый ИО – 342

Милостивый государь ИО – 147

ИО – 50

Любезнейший ИО – 41

Милый И – 26

Милейший ИО – 17

Любезный друг – 14

Пушкин

Милостивый государь ИО – 122

Милостивый государь – 75

Мой ангел – 43

Душа моя – 37

Мой милый – 34

Жена (жёнка) – 34

Любезный ИО – 31

Мой друг – 21

Суворов

Милостивый государь мой – 170
Милостивый государь мой ИО
– 121

Светлейший князь

милостивый государь – 80

Милостивый государь – 69

ИО – 46

Милостивый государь мой

граф ИО – 33

Светлейший князь – 26

Сиятельнейший граф

милостивый государь – 25

Горький

Дорогой ИО – 300

ИО – 208

Уважаемый ИО – 85

Дорогой друг – 69

Многоуважаемый ИО – 29

Дорогой мой ИО – 28

Дорогой мой друг – 25

И – 19

Дорогой товарищ – 19

Весьма, на наш взгляд, интересная картина. Разные личности, разное время их эпистолярного творчества, а отсюда, естественно, разные комплекты и собственно обращений, и вокативных моделей, по которым эти обращения построены. По логике вещей, однако, в системе адресации всё же должны быть какие-то доминанты, какие-то общепринятые и регулярно используемые в разное время и всеми или, как минимум, большинством авторов писем лингвистические фигуры, функционирующие в качестве вокативных моделей, тем более если речь заходит о наиболее употребительных, о самых частых из таких моделей как языковых конструктах. А вот что мы реально в этом плане получили.

Общей для всех четырёх указанных адресантов запороговой вокативной модели вообще не оказалось. Только одну общую модель **ИО** мы зафиксировали у трёх из четырёх авторов соответствующих письменных посланий (Суворова, Островского и Горького). Ещё две

одинаковые вокативные модели **Милостивый государь** (Суворов, Пушкин) и **Многоуважаемый ИО** (Островский, Горький) были использованы, как мы видим, двумя адресантами. Употребление всех остальных вокативных фигур было связано только с одним адресантом и при установленном однопроцентном статистическом пороге по сути дела уникально, а следовательно, и стилистически значимо. Но вокативных моделей, перешедших однопроцентный статистический порог, существенно меньше, чем допороговых, и если стилистику вокативных образований связывать не только с регулярно используемыми, самыми частыми и этически нормированными формами обращения, но и с персонифицированными вокативными фигурами (что представляется нам вполне логичным), то запороговые модели вокатива должны быть обязательно соотнесены с вокативными моделями, не перешедшими установленный статистический порог, но соотнесены так, чтобы не выходить за рамки принятого в настоящем исследовании уровня обобщения средств и способов адресации и не пытаться перечислить все оригинальные и экзотические вокативные конструкции у отдельных адресантов. Сделать мы это сможем, проследив за динамикой появления новых вокативов и новых моделей при постепенном нарастании общего объёма писем какого-либо адресанта. Покажем эту динамику на фактическом материале адресантов с примерно средним в нашей основной выборке количеством писем: опубликованной переписки Кони и включённых в собрание сочинений Короленко его писем.

Построим таблицу, в первой колонке которой будет указан порядковый номер письма, во второй вокативные модели в этом письме, в третьей номера этих моделей и в четвёртой – количество вокативов с выборочным указанием номеров писем, в которых соответствующие вокативные модели дублируются. Номера писем, в которых вообще нет вокативов или нет новых, ранее не зафиксированных их моделей, опускаются, и в первой колонке номеров какого-то количества писем соответствующего адресанта может не оказаться.

Итак, Кони – 266 писем. Их динамика отражена в следующей таблице.

Таблица 8

№ письма	Вокатив	№ модели	Количество вокативов
1	многоуважаемый ИО	1	33 (6, 11, 16...)

2	милый и дорогой друг мой ИО	2	1
	милый друг	3	3 (38...)
	мой дорогой друг	4	3 (14, 35, 43)
3	любезный друг ИО	5	1
4	глубокоуважаемый ИО	6	105 (7, 15, 21...)
5	милостивый государь ИО	7	6 (8, 12, 26...)
9	дорогой ИО	8	51 (9, 17, 24...)
13	дорогой и душевнолюбимый ИО	9	2 (178)
	мой дорогой ИО	10	2 (150)
14	друг мой хороший	11	1
18	дорогой друг ИО	12	5 (76, 159...)
	голубчик	13	2 (38)
19	дорогой друг	14	1
20	дорогой и сердечный друг мой	15	2 (28)
34	ИО	16	3 (217...)
37	чудесный И	17	1
	милый мой друг	18	1
38	сердечный друг	19	1
	голубчик мой милый	20	1
	мой голубчик	21	2 (45)
39	дорогой сердечный друг	22	1
	милый голубчик	23	1
40	сердечный друг мой	24	3 (44, 45)
	мой дорогой	25	2 (45)
41	добрейший ИО	26	1
42	милый мой ИО	27	1
43	мой старый испытанный друг	28	1
45	старый добрый и честный друг мой	29	1
58	мой друг	30	1
68	дорогой и глубокоуважаемый ИО	31	18 (80, 81...)
71	дорогая моя милушка	32	1
	милая моя	33	1
84	высокоуважаемый ИО	34	1
102	дорогой и многоуважаемый	35	3 (111, 166)

	ИО		
103	душевночтимый мой ИО	36	1
114	дорогой и сердечно любимый ИО	37	6 (153...)
118	глубокочтимый и дорогой ИО	38	2 (250)
136	милостивый государь	39	1
137	глубокоуважаемый граф ИО	40	1
154	дорогой и несравненный ИО	41	1
163	дорогой и сердечно уважаемый ИО	42	1
182	глубокочтимый ИО	43	1
196	душевноуважаемый ИО	44	3 (238, 243)
199	дорогая très fraternelle	45	2 (201)
226	милостивый государь князь ИО	46	1
247	милая И	47	1
248	сердечночтимый и дорогой князь ИО	48	1
253	дорогой и сердечночтимый ИО	49	1
256	дорогие и сердечноуважаемые ИО и ИО	50	1
258	душевночтимый и дорогой ИО	51	1

Всего в письмах Кони мы зафиксировали 51 вокативную модель, по ним построено 288 обращений. 13 моделей перешли однопроцентный статистический порог, по этим моделям образовано 242 вокатива и вокативных конструкции. При этом вполне определённо просматривается общая закономерность нарастания объёма лингвистических вокативных фигур, используемых адресантом. Количество различного рода спонтанных вокативных образований, в том числе и моделей одноразового употребления, возрастает гораздо быстрее, и таких моделей соответственно оказывается существенно больше, чем моделей запороговых, значительная часть которых представлена уже в первой сотне писем, иногда, если мы имеем дело с большими массивами писем, в двух. Не исключено, правда, и появление новых вокативных моделей и в середине, и даже в заключительной стадии переписки того или иного адресанта, но этому есть свои причины экстралингвистического, как правило, характера (изменение социального статуса коммуникантов, появление нового адресанта и др.). В письмах Кони, в

частности, подавляющее большинство запороговых моделей было реализовано в первой половине из его 266 писем и только одна во второй: а **душевноуважаемый ИО** (это последняя из построенных Кони моделей вокатива) – в 196 письме.

Схожая, но всё-таки несколько иная картина в письмах Короленко. Всего из эпистолярного наследия этого писателя нами проанализировано в том же, что и у Кони, аспекте 306 опубликованных его писем, и вот полученные результаты, сведенные, как и у предыдущего адресанта, в соответствующую таблицу.

Таблица 9

№ письма	Вокатив	№ модели	Количество вокативов
1	мои дорогие	1	19 (4, 6, 7, 8...)
	И	2	45 (4, 5, 7, 8...)
2	дорогие мои сестрицы	3	1
	милые дорогие мои	4	1
3	дорогой мой И	5	68 (11, 17, 20...)
	дорогой мой	6	4 (73, 110...)
	мой милый дорогой И	7	4 (50, 52...)
	мой бедный И	8	1
4	мой дорогой хороший И	9	1
	мама (мамаша)	10	8 (5, 6, 8...)
	дорогой И	11	25 (16, 63, 65...)
7	дорогие мои именинницы	12	1
	моя дорогая мамаша	13	3 (99, 128)
11	брат	14	12 (17, 64...)
14	дружище И	15	2 (91)
15	дорогая мамаша (мамахен)	16	4 (122, 128..)
18	многоуважаемый ИО	17	55 (29, 31...)
19	дорогой ИО	18	85 (21, 26...)
23	милый мой И	19	6 (32, 52, 156...)
24	милостивый государь ИО	20	16 (59, 60...)

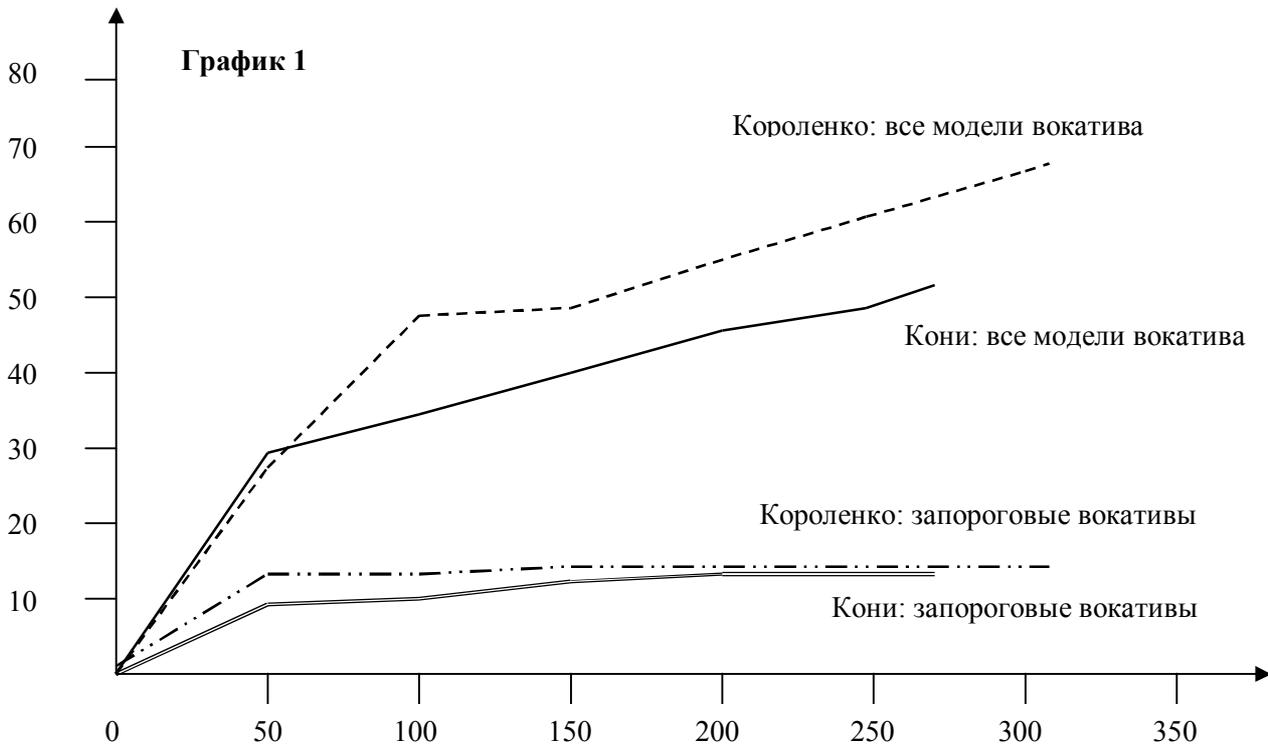
28	дорогие мои И и И	21	1
32	голубушка (голубчик)	22	13 (52, 53...)
33	бабушка ИО	23	1
38	ИО	24	8 (44, 56, 95...)
39	милостивый государь	25	18 (46, 69...)
48	мой И	26	3 (49, 52)
50	голубушка И	27	2 (161)
	моя милая	28	4 (85, 104...)
51	милая моя хорошая И	29	1
	глупая глупая ИО	30	1
	голубушка моя	31	2 (83)
52	глупая	32	1
53	голубушка моя И	33	1
55	дорогая сестра	34	2 (55)
57	дорогой и многоуважаемый ИО	35	1
58	дружище	36	1
	друг ИО	37	1
72	дорогой наш ИО	38	2 (138)
	голубчик дорогой ИО	39	1
77	дорогая моя голубушка И	40	1
80	милые девочки	41	1
	милые мои девочки	42	2 (182)
85	милый И	43	3 (99, 252)
86	мамашенька дорогая моя милая	44	1
	милая мамашенька	45	1
	милые вы мои	46	2 (86)
92	многоуважаемые ИО и ИО	47	1
150	глубокоуважаемый ИО	48	8 (177...)
156	дорогой мой милый мой И	49	1
170	дорогой мой И и девочки	50	1
175	мой дорогой старый друг и брат	51	1
182	дорогие мои девочки	52	3 (230...)
191	моя девочка	53	2 (193)
200	милостивый государь госпо-	54	2 (276)

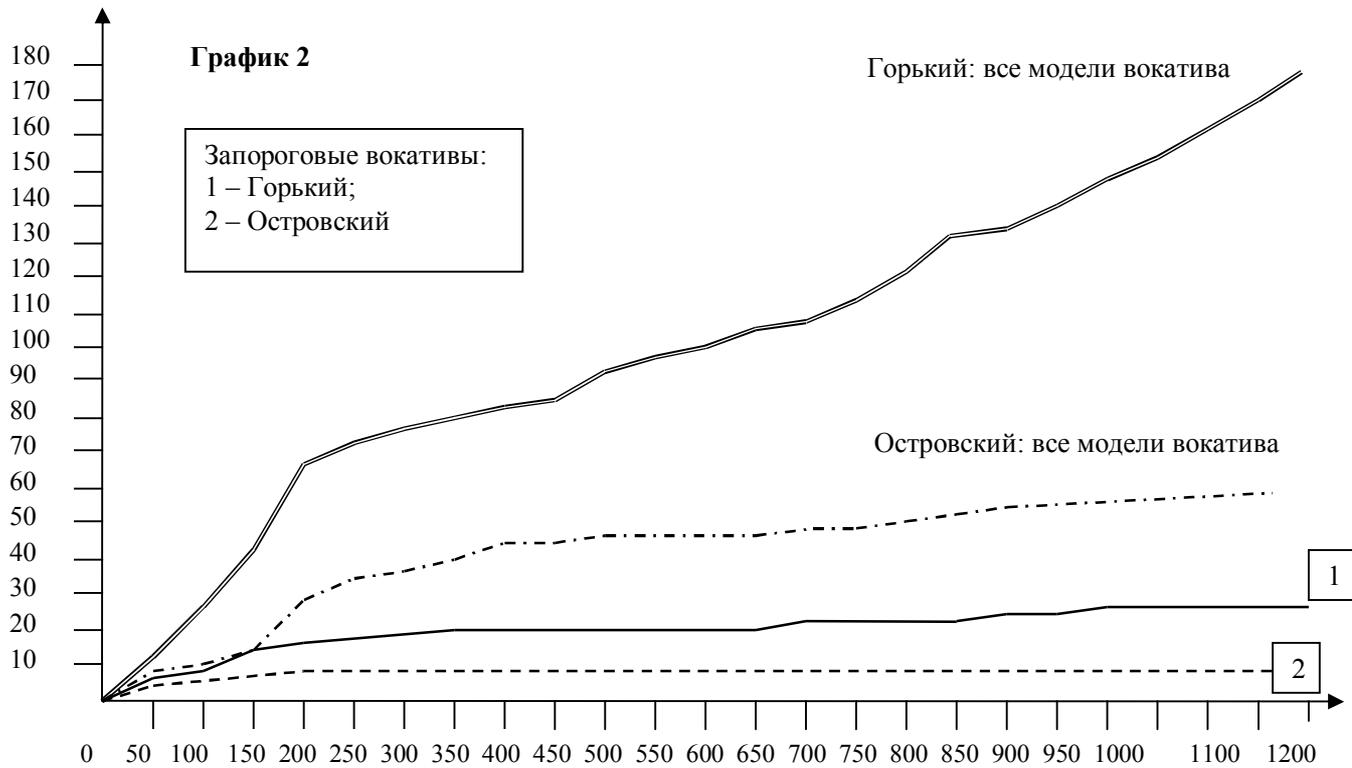
	дин редактор		
208	monsieur	55	1
222	дорогой искренно уважаемый ИО	56	1
241	господа молодые писатели	57	1
245	глубокоуважаемый и дорогой ИО	58	1
249	дорогой, глубокоуважаемый и любимый ИО	59	1
	дорогой мой учитель	60	1
252	дорогая моя милая доченька И моя	61	1
273	многоуважаемый господин Ф	62	2 (284)
287	уважаемый господин председатель	63	1
291	милостивый государь гражданин редактор	64	1
293	дорогой мой милый мой И	65	1
294	дорогая моя, любимая жёнушка, душа моя, милая моя	66	1
303	товарищ	67	1

Общее количество вокативов – 469, вокативных моделей – 67, вокативов, перешедших статистический порог, – 386, запороговых моделей – 14, запороговых вокативов – 386 (в таблице они тоже выделены полужирным шрифтом), причём 13 из соответствующих запороговых моделей были реализованы в первых сорока письмах, а только одна, последняя: **глубокоуважаемый ИО** – в 150-м. В общем та же, но ещё более контрастно выраженная разница в динамике нарастания разных моделей и форм обращения и тех вокативных образований, которые образуют подмножество регулярных, т. е. запороговых, конструкций.

Динамику нарастания моделей, перешедших статистический порог, и моделей допороговых очень наглядно (шаг пятьдесят писем) иллюстрирует график 1 (с. 313). Сначала характер кривых у Кони и Короленко практически идентичен. Все запороговые модели исчерпаны в первых двух сотнях писем. Затем кривые резко расходятся, и у каждого из наших адресантов начинает доминировать что-то своё.

График 1

График 3

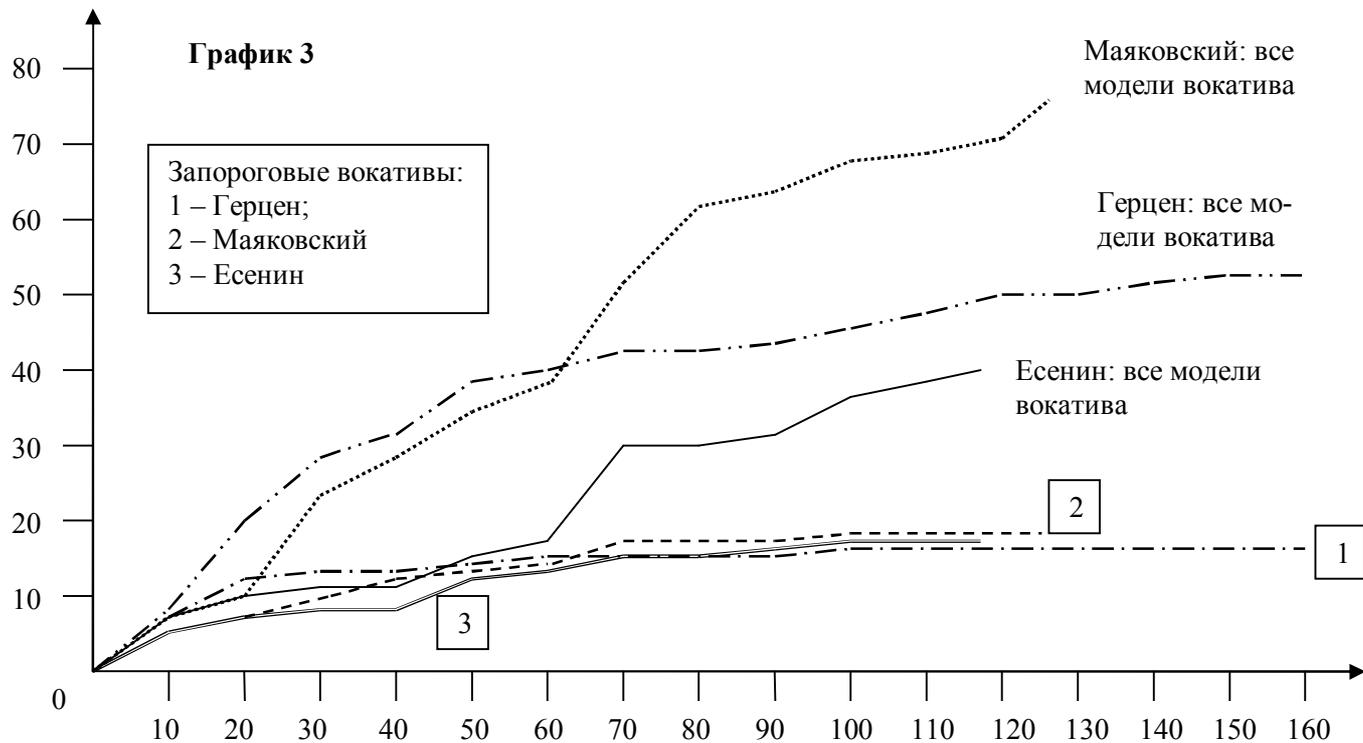

График 2 (с. 314) построен нами на двух большого объёма выборках писем в нашем генеральном массиве: это 1165 писем А. Н. Островского и 1195 писем М. Горького. Такой же, как и на предыдущем графике, шаг – 50 писем. И если кривые, демонстрирующие нарастание разных вокативных моделей в эпистолярном творчестве Горького и Островского, значительно расходятся, отражая специфику стилистики каждого автора, то кривые, фиксирующие динамику заповоженных вокативных моделей, при небольшом расхождении в начале, дальше идут практически параллельно, подтверждая отмеченную нами закономерность: адресант большей частью исчерпывает ресурс регулярных вокативных образований уже на первых двух–трёх сотнях писем, а если в дальнейшем этот ресурс и пополняется новыми моделями, которые становятся продуктивными в эпистолярной данного адресанта, то это происходит редко и, по-видимому, бывает связано с изменившимися условиями общения, включая круг адресатов, с которыми ведётся переписка.

График 3 (с. 315) построен на значительно меньшем объёме переписки Герцена, Есенина и Маяковского (в каждой выборке от 100 до 200 писем), но соответственно и с меньшим шагом их фиксации – в 10 писем. Общая картина здесь аналогична. Слова разные, наполнение моделей разное, разные и сами модели, а закономерности обращения к ним во многом, как это чётко просматривается на обоих построенных нами графиках, общие. Вполне определённо, в частности, можно утверждать, что начало переписки (первые сто–двести писем) практически у всех обследованных нами адресантов сопровождается, как правило, нормативными и общеупотребительными вокативными фигурами, а те или иные индивидуальные формы обращения вводятся в переписку постепенно и проявляют себя в допороговых моделях. При этом образуется по крайней мере два функциональных эшелона эпистолярного вокатива: универсальный с преобладанием в нём общепринятых нормативных обращений и специфический с включением в него произвольных и спонтанных вокативов и вокативных конструкций.

5.4. Лексическое наполнение вокативных конструкций

В шестидесятых годах прошлого столетия в практику лингвистического анализа было введено интересное и, с нашей точки зрения, очень эффективное метаязыковое построение – модель контаминиро-

ванных образов [Меньшиков 1966; 1971; 1972]. Существо этой модели заключается в том, что некое множество тех или иных конструктивных образований (предложений, словосочетаний и даже слов как последовательности морфем или фонем) сводится в одно аналитическое выражение, своего рода общую формулу соответствующей лингвистической единицы. Модель контаминированных образов широко использовалась многими лингвистами и при решении самых разнообразных задач, связанных с исследованием больших массивов текстового материала. Е. Г. Акастёлова, например, описала конструктивный синтаксис русского поэтического языка [Акастёлова 1996], Л. П. Столярова – структуру субстантивного словосочетания [Столярова 1988]. Л. С. Кривош занималась атрибуцией текста и показала, в частности, что есть веские основания считать, что статьи «Русский театр», помещённые в журналах «Молва» за 1833 и 1835 гг. под криптонимом П. Щ., написаны разными авторами: Н. И. Надеждиным (1833 г.) и С. Т. Аксаковым (1835) [Кривош 1991]. И. С. Попова обратилась к аппарату модели контаминированных образов при описании фундаментальных категорий метаязыка украинского синтаксиса [Попова 2009]. Есть и ряд других аспектов приложения модели контаминированных образов, в особенности при жанрово-стилистических изысканиях [Меньшиков 1974; 1982], и думается, что обращение к аппарату этой модели даст и нам возможность при персонификации вокативных образований в письмах разных адресантов ввести определённую конкретизацию в общую систему запороговых вокативных моделей, конкретизацию лексического и сочетаемостного планов.

В модели контаминированных образов две основные операции: операция отображения множества слов на множество классов, т. е. замена некоторого слова символом того класса, к которому это слово относится, и операция контаминирования образов, т. е. сведения их в одно аналитическое выражение так, чтобы компоненты соответствующей конструкции занимали отведенные им позиции и располагались в столбик в порядке убывания их частоты. При этом факультативные, т. е. необязательно присутствующие в данной конструкции классы слов заключаются в круглые скобки, количество которых в свою очередь указывает различную степень факультативности [Меньшиков 1972, с. 27–32].

Пусть, например, в письмах некоторого адресанта мы зафиксировали такую последовательность вокативов:

Милый Федя; Дорогой Иван Иванович; Многоуважаемый Сергей Петрович; милый мой Павлов; Дорогой, глубокоуважаемый Фёдор Михайлович; Моя дорогая, очаровательная Лика.

Поскольку нас интересует лексическое наполнение зафиксированных вокативных моделей, собственно операцию отображения мы, естественно, применим только к антропониму и обозначим класс таких слов символом *A*. Детерминант антропонима мы представим соответствующей лексемой. Получаем шесть следующих конструкций:

милый A; дорогой A; многоуважаемый A; милый мой A; дорогой, глубокоуважаемый A; моя дорогая, очаровательная A.

Стержневой компонент всех этих конструкций антропоним *A*, непосредственно слева от него располагаются адъективы *милый, дорогой, многоуважаемый, мой, глубокоуважаемый* и *очаровательная*. Чаще всего употребляется прилагательное *дорогой*, его мы ставим первым в столбике непосредственно слева от антропонима (позиция “– 1”), под ним все остальные. Получаем:

<i>дорогой</i>	
<i>милый</i>	
<i>мой</i>	<i>A</i>
<i>многоуважаемый</i>	
<i>глубокоуважаемый</i>	
<i>очаровательный</i>	

Этот столбик обязателен, поскольку все антропонимы в нашем примере имеют при себе тот или иной детерминант.

Что касается последующих левых позиций детерминантов (“– 2” и “– 3”), то эти позиции у некоторых вокативов не заняты и, следовательно, факультативны. Весь второй столбик, а это детерминанты *дорогой* и *милый*, заключается в круглые скобки. Наша модель примет такой вид:

(	<i>дорогой</i>	<i>дорогой</i>	
	<i>милый</i>	<i>милый</i>	
	)	<i>мой</i>	<i>A</i>
		<i>многоуважаемый</i>	
		<i>глубокоуважаемый</i>	
		<i>очаровательный</i>	

Наконец, в позиции “– 3” только один детерминант *мой*, который тоже факультативен в наших вокативных конструкциях и тоже заключается в круглые скобки. Окончательно мы получаем:

$$\left(\left[\begin{array}{c} \text{мой} \end{array} \right] \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{милый} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{милый} \\ \text{мой} \\ \text{многоуважаемый} \\ \text{глубокоуважаемый} \\ \text{очаровательный} \end{array} \quad A$$

Это и есть лексически наполненная модель вокатива, построенная на материале приведенных выше шести вокативных фигур. Ещё одна, уже реальная иллюстрация описываемой процедуры:

В письмах А. К. Толстого мы зафиксировали и расположили в порядке убывания их частоты следующие вокативные образования на базе антропонима:

любезный ИО; многоуважаемый ИО; дражайший ИО; мой милый Ф; мой дорогой Ф; любезный и многоуважаемый ИО; милый и добрый ИО; добрый, хороший, милый, любезный ИО [А. К. Толстой, с. 287–389].

Следуя указанным выше правилам контаминирования образов, мы получаем такое аналитическое выражение:

$$\left(\left[\begin{array}{c} \text{добрый, хороший} \end{array} \right] \begin{array}{l} \text{мой} \\ \text{милый} \\ \text{любезный} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{любезный} \\ \text{многоуважаемый} \\ \text{дражайший} \\ \text{милый} \\ \text{дорогой} \\ \text{добрый} \end{array} \quad A$$

Чётко выражены лексические приоритеты при выборе форм письменного обращения.

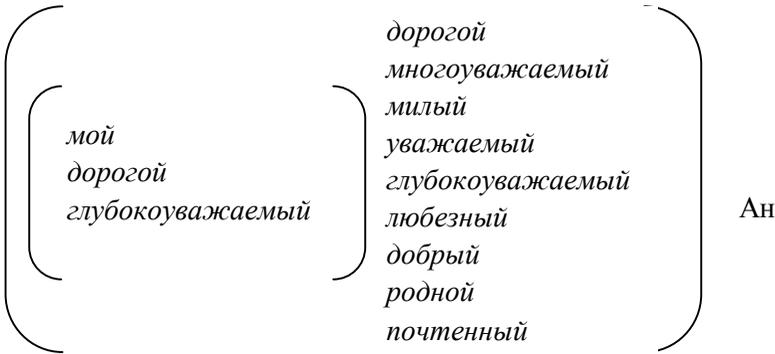
Такого же рода аналитические выражения можно строить для вокативных конструкций и с любым апеллятивом в качестве их стержневых компонентов. Так, два зафиксированных в письмах А. К. Толстого вокативных апеллятива *мой друг* и *любезный друг*

[А. К. Толстой, с. 280, 384, 286] представляются одним очень простым аналитическим выражением

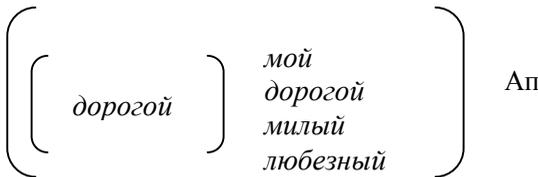
мой
друг
любезный

Описанные в третьей главе вокативные образования, построенные по трём их базовым моделям (список № 4) можно обобщить с помощью модели контаминированных образов соответственно в следующих трёх аналитических выражениях:

Базовая модель 1. Антропоним (Ан)

Базовая модель 2. Апеллятив (Ап)

Базовая модель 3. Антропоним + апеллятив (Ап Ан)

Особенности же построения указанных вокативных образований и в частности их лексического эпитетального наполнения у отдельных адресантов иллюстрируют контаминированные образы моделей вокатива в каждом отдельном множестве писем одного автора.

Построим соответствующие аналитические выражения у адресантов, письма которых были выше уже проанализированы на предмет выявления в них индексов и динамики вокативного ресурса. Вернёмся мы при этом к Суворову, Пушкину, Мусоргскому, Островскому, Горькому, Бунину, Кони и Короленко с установкой на то, чтобы получить возможность при необходимости связать воедино разные аспекты персонификации русского вокатива. Возьмём три основных типа вокативных образований и выборочно построим контаминированные образы для запороговых конструкций с обращением, созданных на базе вокативов-антропонимов, вокативов-апеллятивов и вокативов, представляющих собой некую комбинацию антропонима и апеллятива. Сначала несколько моделей самых частых вокативных образований – обращений-антропонимов.

В письмах Суворова собственно обращений-антропонимов очень мало, и однопроцентный статистический порог перешли только три вокатива: *ИО* – 46; *О* – 14; *И* – 13, ни один из которых не сопровождается какими-либо детерминантами. После операции отображения в системе этих вокативов мы получим такой их обобщённый образ, а соответственно, и такую модель обращения-антропонима

А

В письмах Пушкина обращений-антропонимов ещё меньше, и мы зафиксировали три запороговых образования на базе антропонима: *любезный ИО* – 31; *милый ИО* – 7; *милый Ф* – 7. Контаминированный образ этих моделей, как нетрудно увидеть, имеет такой вид:

любезный

А

милый

Скобок нет, поскольку нет в нашей выборке и антропонимов без сопутствующих им определений.

Островский. Заданный статистический порог перешли следующие вокативы: *многоуважаемый ИО* – 342; *ИО* – 50; *любезнейший ИО* – 41; *милый И* – 26; *милейший ИО* – 17. Вот их контаминированный образ как обобщённая модель соответствующей конструкции:

$$\left(\begin{array}{l} \text{многоуважаемый} \\ \text{любезнейший} \\ \text{милый} \\ \text{милейший} \end{array} \right) A$$

Скобки обязательны, поскольку есть у Островского запороговое обращение по имени и отчеству без детерминанта.

Мусоргский. Однопроцентный статистический порог перешли следующие вокативы с базовым компонентом – антропонимом: ИО – 16; *милейший* ИО – 10; И – 62; *дорогой* И – 33; *мой милый* И – 8. Контаминированный образ этих моделей имеет такой вид:

$$\left(\left(\begin{array}{l} \text{мой} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{милейший} \\ \text{милый} \end{array} \right) A$$

В этом аналитическом выражении уже две пары круглых скобок, указывающих в данном случае на факультативность детерминанта к обращению вообще и второго такого детерминанта в частности.

В письмах Кони мы имеем: *глубокоуважаемый* ИО – 105; *дорогой* ИО – 51; *многоуважаемый* ИО – 33; *дорогой и глубокоуважаемый* ИО – 18; *дорогой и сердечно любимый* ИО – 6; ИО – 3; *душевноуважаемый* ИО – 3; *дорогой и многоуважаемый* ИО – 3. Общая аналитическая модель вокатива-антропонима имеет такой вид:

$$\left(\left(\begin{array}{l} \text{дорогой} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{глубокоуважаемый} \\ \text{дорогой} \\ \text{многоуважаемый} \\ \text{любимый} \\ \text{душевноуважаемый} \end{array} \right) A$$

Короленко. Запороговые вокативы-антропонимы: *дорогой ИО* – 85; *дорогой мой И* – 68; *многоуважаемый ИО* – 55; И – 45; *дорогой И* – 25; ИО – 8; *глубокоуважаемый ИО* – 8; *милый мой И* – 6. Вот контаминированный образ этих вокативов:

$$\left(\left(\begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{милый} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{мой} \\ \text{многоуважаемый} \\ \text{глубокоуважаемый} \end{array} \right) A$$

Горький. Запороговые обращения-антропонимы: *дорогой* ИО – 300; *ИО* – 208; *уважаемый* ИО – 85; *многоуважаемый* ИО – 29; *дорогой мой* ИО – 28; *дорогой Ф* – 18; *И* – 19; *дорогой и уважаемый* ИО – 15; *глубокоуважаемый* ИО – 13; *милый* ИО – 13.

Их гораздо больше, чем у предыдущих адресантов, и после операции отображения мы будем иметь: *дорогой А* – 318; *А* – 227; *уважаемый А* – 85; *многоуважаемый А* – 29; *дорогой мой А* – 28; *дорогой и уважаемый А* – 15; *глубокоуважаемый А* – 13; *милый А* – 13.

А вот что мы получаем после контаминирования приведенных образов:

$$\left(\left(\begin{array}{l} \text{дорогой} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{уважаемый} \\ \text{многоуважаемый} \\ \text{мой} \\ \text{глубокоуважаемый} \\ \text{милый} \end{array} \right) A$$

Бунин. Запороговые обращения-антропонимы: ИО – 33; *дорогой* ИО – 171; *многоуважаемый* ИО – 75; *уважаемый* ИО – 14; *И* – 160; *милый* И – 56; *дорогой* И – 35; *милый и дорогой* И – 20; *дорогой О* – 14.

После операции отображения остаётся: *дорогой А* – 220; *А* – 193; *многоуважаемый А* – 75; *милый А* – 56; *милый и дорогой А* – 20; *уважаемый А* – 14. Контаминированный образ этих моделей имеет такой вид:

$$\left(\left(\begin{array}{l} \text{милый} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{многоуважаемый} \\ \text{милый} \\ \text{уважаемый} \end{array} \right) A$$

Как и у предыдущих четырёх адресантов, две пары скобок и два факультативных столбика с детерминантами в первой и во второй их левых позициях.

У каждого из адресантов что-то своё при наличии, разумеется, и определённого рода атрибутивных универсалий, которые, конечно же, проявляют себя и в вокативных образованиях на базе только антропонима, и в конструкциях с конструктивным центром, представляющим собой апеллятив и комбинацию апеллятива и антропонима. Покажем это на примере самого частого из соответствующих образований – обращения со стержневым компонентом существительным *друг* в письмах только что проанализированных наших восьми адресантов. Различия здесь весьма существенные как в количестве вокативных моделей на базе апеллятива *друг* (у Короленко только две, причём допороговые модели таких обращений, а у Кони – двенадцать, в том числе и три запороговых), так и в характере наполнения этих моделей. Вот их список (вокативы, перешедшие однопроцентный статистический порог, выделены) по адресантам.

Суворов: *почтенный друг; друг мой; любезный друг; любезный и почтенный друг; любезный и верный друг; мой верный друг; милостивый мой друг.*

Пушкин: *мой друг; мой милый друг; милый друг; единственный деятельный друг; мой друг барон; мой друг жёнка; храбрые друзья.*

Островский: *любезный друг; мой друг; друг; дорогой друг мой.*

Мусоргский: *друг (друже, дружок); друг милый / милый друг; мой милый друг; друг, дянька; друг мой; дорогой друг мой; милый мой и дорогой друг.*

Кони: *мой дорогой друг; сердечный друг мой; милый друг; дорогой и сердечный друг мой; друг мой хороший; дорогой друг; милый мой друг; сердечный друг; дорогой сердечный друг; мой старый испытанный друг; мой друг; старый добрый и честный друг мой.*

Короленко: *дружище; мой дорогой старый друг и брат.*

Горький: *дорогой друг; дорогой мой друг; друг мой; дружище; славный мой друг; милый друг мой; старый друг; друг мой добрый и умный; близкий мой друг; милый друг; дорогой старый друг мой; дорогой мой и хороший друг; дорогой и всё более уважаемый мною друг; дорогой чудесный мой друг; дружище Вы мой хороший.*

Бунин: *дорогой друг; дорогой мой друг / дорогой друг мой; милый друг; милый (и) дорогой друг / дорогой (и) милый друг; друг мой; милый друг мой; разлюбезный друг; дорогой, бесценный друг; дорогой*

и уважаемый друг; дорогой и золотой друг мой; дорогой, старый друг; мой ненаглядный друг; мой любезный друг; дорогой, горячо любимый друг; милый, дорогой и единственный друг; мой дорогой, мой единственный друг; дорогой мой, бесценный друг мой; друг мой, дорогой друг моей юности и всей жизни; милый брат и друг; друг мой, друг далёкий; дорогой друг, родной мой; мой дорогой поэт и друг; милая сестрица, дорогой друг; незабвенный и мучительно родной друг; ты, близкий мой, друг мой.

Контаминировать образы запороговых вокативных образований со словом *друг* есть смысл, естественно, только у Кони, Горького и Бунина, и соответственно мы получаем малоинформативные модели:

$$\begin{array}{c}
 \text{(мой)} \quad \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{сердечный} \\ \text{милый} \end{array} \quad \text{друг (мой) ;} \\
 \\
 \left(\begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{мой} \end{array} \right) \quad \text{друг (мой)} \\
 \\
 \text{и} \quad \left(\begin{array}{l} \text{милый} \\ \text{дорогой} \end{array} \right) \quad \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{милый} \end{array} \quad \text{друг}
 \end{array}$$

Если же, приняв во внимание общую высокую частоту рассматриваемого апеллятива как компонента адресации (у Горького более 120-ти обращений со словом *друг*, а в письмах Островского свыше 350-ти), мы объединим в одно аналитическое выражение не только запороговые, но и допороговые конструкции с обращением *друг*, картина получится очень интересная, и в частности:

$$\begin{array}{c}
 \text{Суворов} \\
 \left(\left(\begin{array}{l} \text{любезный} \\ \text{мой} \\ \text{милостивый} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{любезный} \\ \text{почтенный} \\ \text{верный} \\ \text{мой} \end{array} \right) \quad \text{друг (мой)}
 \end{array}$$

Пушкин

*мой
единственный* *мой
милый
деятельный
храбрый* **друг** *барон
жёнка*

Островский

*любезный
мой
дорогой* **друг** (*мой*)

Мусоргский

(милый) мой *милый
дорогой* **друг** *милый
мой
дяинька*

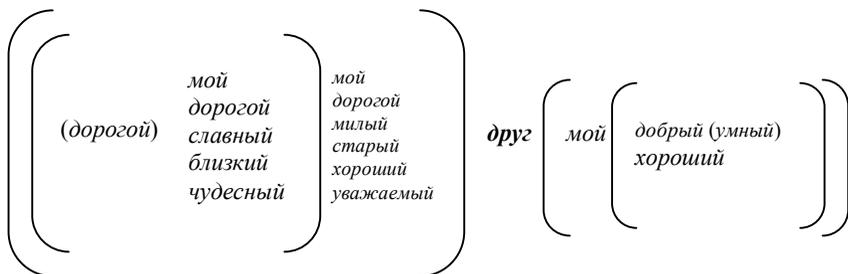
Кони

*мой
старый* *мой
дорогой
милый
старый
добрый* *дорогой
сердечный
милый
мой
испытанный
честный* **друг** (*мой (хороший)*)

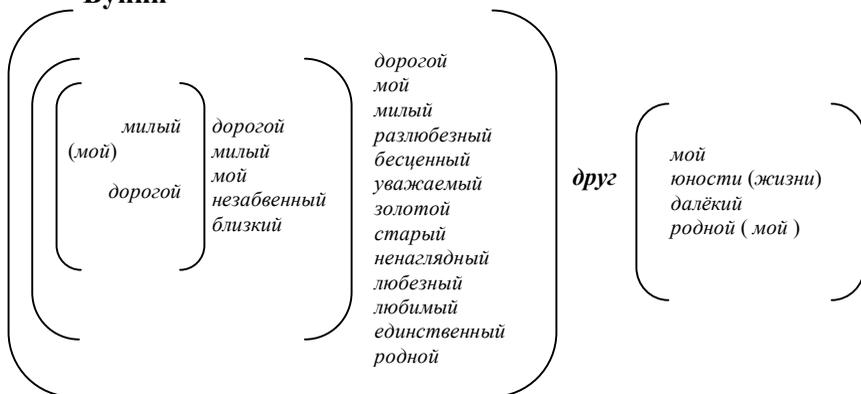
Короленко

(*мой дорогой старый*) **друг**

Горький

Бунин

Чётко просматриваются, с одной стороны, значительное разнообразие детерминантов к собственно обращению *друг*, разумеется, с предпочтением каких-то из них, с другой стороны, их бедность (Островский) и даже почти полное игнорирование (Короленко). Для кого-то из адресантов, надо думать, словом *друг* уже всё сказано, и не нужны ещё определения типа *добрый*, *надёжный*, *хороший*, *сердечный* и т. п., кроме разве что постоянных эпитетов *милый*, *единственный*, *верный* и *мой*. Но есть и такие авторы писем, у которых лиц, причисляемых им к кругу своих друзей, может быть очень много, и тогда адресант так или иначе пытается (возможно, только для себя или следуя установившимся традициям) дифференцировать этот круг и по-разному квалифицировать соответствующих адресатов, как это делают, скажем, Кони, Горький и Бунин. При этом эпитетальная лексика практически одна и та же. В письмах, например, Суворова и Пушкина только по одному, условно говоря, редко употребляемому для слова *друг* эпитету: *милостивый* и *деятельный*, у Кони это эпитет *честный*

(нечестным друг, надо полагать, быть не может), в письмах Горького – эпитеты *чудесный и умный*, у Бунина – *разлюбезный, ненаглядный, золотой, бесценный*.

В построенных контаминированных образах как аналитических моделях русского эпистолярного вокатива стилистически информативны и лингвистически значимы как горизонтальное, так и вертикальное их наполнение. Первое из них указывает на рамки атрибутивного расширения собственно обращения, максимальную, условно говоря, длину используемых тем или иным адресантом вокативных конструкций и их линейную организацию. И здесь у разных адресантов самые разные предпочтения при детерминации и антропонимов, и апеллятивов. Так, в письмах Короленко, как это было зафиксировано выше, антропоним только в запороговых вокативных образованиях может иметь при себе до трёх препозитивных атрибутов (*мой милый дорогой И*), а апеллятив *друг* с каким-либо детерминантом не фигурирует ни в одной из перешедших однопроцентный статистический порог конструкций. В письмах же Суворова прямо противоположная картина: только один атрибут *любезный* к антропонимам и чаще всего по два, причём при наличии и постпозитивных определений, к апеллятиву. И даже одно и то же обращение разные адресанты могут сопровождать разным количеством атрибутов – от одного и двух в препозиции, как это имеет место у Пушкина, до четырёх, как у Кони: *старый, добрый и честный друг мой*, у Бунина: *мой дорогой, мой единственный друг* – или трёх со всеми позиционными вариантами (у Кони: *дорогой мой и хороший друг; друг мой добрый и умный; дорогой старый друг мой*).

Вертикальное наполнение построенных аналитических выражений демонстрирует объём и разнообразие эпитетального материала, наполняющего каждую из позиций, зафиксированных в соответствующих контаминированных образах у того или иного адресанта. Самой наполненной и разнообразной у всех обследованных нами адресантов является, что вполне естественно, позиция непосредственно слева от собственно обращения, позиция “–1”, независимо от того, собственным или нарицательным существительным оно маркировано. В этой позиции (и это показано в построенных выше моделях) представлен, как правило, весь арсенал функционирующих в письмах того или иного адресанта детерминантов. Исключений буквально единицы, и главным образом в позиции “–2”: *милостивый* у Суворова, *единственный* у Пушкина, *глубокочитимый* у Кони, *славный, близкий, чудес-*

ный у Горького, *незабвенный* у Бунина – или “+1”: у Бунина это согласованное определение *далёкий* и несогласованное определение *моей юности и всей жизни*, а также у Пушкина и Мусоргского приложения – имена существительные: *жёнка, барон, дянька*. Все остальные позиции (слева и справа) заполнены уже обозначенными в первой левой позиции лексемами.

Есть своя специфика и в построении вокативных конструкций, представляющих собой комбинацию апеллятива *друг* с антропонимом. В письмах наших восьми адресантов представлены такие конструкции следующим образом.

Суворов: *милостивый государь мой почтенный друг* ИО; *мой друг* И; *мой друг* ИО; *батюшка мой друг* ИО.

Пушкин – не зафиксировано.

Островский: ***любезный друг*** ИО; *любезный друг* И; *милый друг мой* И; *милый друг мой* ИО; *дорогой друг мой* ИО; *любезнейшие друзья мои* ИО и ИО.

Мусоргский: ***мой милый друг*** И; *милый друг* И; *милый друг* ИО; *друг* ИО; *друг* И; *друг* Ф; *дорогой мой друг* И; *мой милый друг* ИО; *мой милый, страждущий друг* И; *наш светлый друг, графиня* ИО.

Кони: ***дорогой друг*** ИО; *любезный друг* ИО; *милый и дорогой друг мой* ИО.

Короленко: *дружнице* И; *друг* ИО.

Горький: *дорогой друг* ИО; *милый друг* ИО; *добрый мой дружнице* ИО; *дружнице* И; *дружнице* ИО; *старый друг* ИО; *милый друг мой* ИО; *милый мой старый друг* ИО; *дорогой мой друг* Ф.

Бунин: *дорогой друг мой, милый мой* И; *милый, дорогой друг мой* И; *дорогой, добрый друг* ИО.

Контаминированные образы соответствующих вокативных конструкций выглядят так:

Суворов

<i>милостивый государь мой батюшка</i>	<i>мой почтенный</i>	<i>друг</i>	<i>А</i>
--	--------------------------	-------------	----------

Островский

<i>любезный</i>	
<i>милый</i>	<i>друг (мой)</i>
<i>дорогой</i>	<i>А</i>

Мусоргский

$\left(\left(\begin{array}{l} \text{(мой)} \\ \text{мой} \\ \text{дорогой} \\ \text{милый} \\ \text{наш} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{милый} \\ \text{мой} \\ \text{страждущий} \\ \text{светлый} \end{array} \right) \text{ друг (графиня) } A$

Кони

$\left(\begin{array}{l} \text{(милый)} \\ \text{дорогой} \\ \text{любезный} \end{array} \right) \text{ друг (мой) } A$

Короленко

$\text{друг } A$

Горький

$\left(\left(\begin{array}{l} \text{(милый)} \\ \text{мой} \\ \text{дорогой} \\ \text{добрый} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{мой} \\ \text{милый} \\ \text{старый} \end{array} \right) \text{ друг (мой) } A$

Бунин

$\left(\begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{милый} \end{array} \right) \begin{array}{l} \text{дорогой} \\ \text{добрый} \end{array} \text{ друг (мой (милый мой)) } A$

Антропоним, как правило, замыкает такие конструкции в силу естественного приоритета и особой как содержательной, так и прагматической значимости собственного имени адресата, что вполне согласуется с общей закономерностью построения высказывания в русском языке, которая, по мнению ряда учёных [Пумпянский 1974, с. 220; Степанов 1965, с. 183–184 и др.], заключается в том, что в естественных условиях общения наиболее существенная и актуализируемая в данной коммуникативной ситуации информация помещается за менее

существенной (ср.: *В Киев уехал декан* и *Декан уехал в Киев*). Отсюда и линейная регулярность таких, скажем, конструкций, как *милый друг Маша* [Толстой, т. 17, с. 91], *моя дорогая дочь Олечка* [ГПГ, с. 195], *мой любимый брат Степан* [ГПГ, с. 196], хотя достаточно часто встречаются и инвертированные в рассматриваемом плане конструкции типа *Таня, милый друг* [Толстой, т. 17, с. 399] или *Соня, дорогая моя сестрёнка* [ГПГ, с. 313]. Но это уже, скорее, повторная номинация, не снимающая функциональную нагрузку и актуализацию собственно антропонима. В целом же здесь проявляют себя те же закономерности адресации, какие выявлены в системе вокативов-антропонимов и вокативов-апеллятивов.

Контаминированные образы вокативных образований – это своего рода дополнение и конкретизация комплекса индексов вокативного ресурса. Соответствующие аналитические выражения дают возможность наглядно представить и осмыслить те аспекты стилистики, а соответственно, и персонификации русского эпистолярного вокатива, которые связаны уже с конкретной лексикой, наполняющей обращение и манифестирующей не только общие лингвистические параметры этой фигуры, как это призваны осуществлять компоненты вектора вокативного ресурса, но и целый ряд индивидуально-авторских её особенностей содержательного характера. Так, например, построенные нами контаминированные образы вполне определённо показывают, что атрибутивная лексика вокативных конструкций при наличии в наших статистических выкладках с однопроцентным статистическим порогом её общего, причём не очень широкого (только четыре адъектива: *мой, милый, дорогой* и *любезный*) пласта для всех трёх основных типов русского вокатива распределяется всё же по-разному не только у отдельных авторов письменных посланий, но и по отношению к основным составляющим вокативных конструкций – антропониму и апеллятиву. Разница в количестве атрибутов, функционирующих при антропониме и при одном лишь апеллятиве *друг* очень заметна, и вполне естественно, что с увеличением числа апеллятивов всё больше и больше будет разрыв в системе определяющих у обращений, выраженных собственным именем и именем нарицательным. И если при этом атрибуты антропонимов можно свести в конечное и легко обозримое множество лексем, то количество и характер потенциальных детерминантов нарицательных существительных, как и самих апеллятивов в функции обращения, не может быть заранее заданным и одно-

значно распределённым в статистически обеспеченном множестве писем.

Только обращение ко всему комплексу лингвистически значимых и в достаточной степени обобщённых характеристик эпистолярного вокатива, таких, в частности, как вектор вокативного ресурса, динамика нарастания регулярных и спонтанных моделей вокатива и обобщённые образы конструкций с эпистолярным обращением, даст, на наш взгляд, возможность в достаточной степени полно, а главное, адекватно описать те аспекты русского эпистолярного вокатива, которые определяют специфику этой лингвистической фигуры в некотором подмножестве писем, принадлежащих, в частности, и какому-то одному адресанту. Вот функциональные приоритеты этого комплекса.

Вектор вокативного ресурса указывает на такие особенности эпистолярного обращения, как наполняемость комплекта вокативов в эпистолярии одного адресанта конкретными вокативными образованиями (индекс наполнения), степень регулярности отдельных вокативных фигур и их моделей (индексы включения и стабильности) и отношение регулярно используемых тем или иным адресантом вокативных моделей к их максимально возможному у него при заданном статистическом пороге количеству. У каждого адресанта свои численные значения этих индексов, указывающие на тот или иной аспект специфики его вокатива.

Динамика нарастания регулярных и спонтанных вокативных моделей, представленная в соответствующих графиках, противопоставляет в системе вокативов общее для всех адресантов (а значит, надо полагать, и для русской эпистолярики в целом) и индивидуально-авторское, используемое только конкретным адресантом.

Контаминированный образ даёт возможность выявить специфику вокативных фигур у каждого из авторов некоторого множества писем с помощью аналитических моделей, демонстрирующих три их основных параметра: 1) возможность развёртывания собственно обращения по горизонтали, указывающая на линейные параметры (максимальное количество позиционно обозначенных компонентов) вокативной модели, 2) наполнение каждой позиции конкретным лексическим материалом и 3) обязательность или факультативность наполнения той или иной позиции.

ВЫВОДЫ

Письмо как некое послание – это уникальное и в то же время самое массовое, самое распространённое средство письменной коммуникации, используемое практически всеми социальными слоями человеческого общества и касающееся всех сфер жизни и деятельности людей. Уникальность письма состоит в том, что оно функционирует и проявляет себя сразу в двух его основных ипостасях: 1) в качестве **речевого произведения**, которое может быть создано адресантом с любым общественным статусом, с какими угодно качествами, свойствами и особенностями его характера, направлено любому конкретному лицу или какому-то коллективу лиц, может иметь самые различные прагматические установки, а соответственно и разные коммуникативные задачи, и заключать в себе ничем не табуированное содержание, 2) в качестве определённого рода **документа** в энциклопедическом, широком толковании этого понятия, т. е. как материального объекта с зафиксированной в нём информацией, предназначенной для её хранения и передачи во времени и пространстве. Отсюда и своеобразная **диалектика** письма. С одной стороны, максимальное разнообразие не только его плана содержания (оно вообще может быть вынесено за скобки), но и плана выражения с его спецификой у каждой отдельной языковой, а тем более творческой личности, с другой же стороны, канонизированный формат письма, который может быть стандартным и расширенным, и довольно жёсткое регламентирование его конструктивных параметров и жанрообразующих характеристик как документа.

К стандартному жанрообразующему комплексу конструктивных параметров письма отнесены 1) его выходные данные (время и место написания), 2) адресация, 3) заключительная формула выхода из письма и 4) подпись. В расширенный комплект этих параметров по воле адресанта могут быть включены: 5) дополнительная адресация, 6) авторское приветствие, 7) сопутствующее предписание адресанта адресату и/или посреднику при доставке письма, 8) постскрипtum, как маркированный, так и немаркированный, 9) авторское указание на характер письма, а также 10) то, что, по мнению адресанта, может быть

существенно для коммуникантов в данных условиях общения. Все указанные параметры могут быть предметом соответствующих научных изысканий. При этом никакой иной из известных нам видов документа, а только письмо (или какой-то его приемлемый аналог) может иметь и довольно часто, во всяком случае если речь идёт о стандартном комплекте, фактически имеет полный набор его конструктивных параметров, и только письму могут сопутствовать в разной степени редуцированные варианты этого набора, вплоть до полного отсутствия всех его компонентов.

Самым устойчивым и наиболее значимым конструктивным параметром письма и как речевого произведения, и как документа является его **адресация**, причём, коль скоро речь идёт о процессе коммуникации, та адресация, которая, как и при устном общении, обозначена самими коммуникантами, а при переписке соответственно – автором послания, и, будучи важнейшей составляющей послания, обозначена она непосредственно в тексте письма. В этом параметре письменного послания прежде всего, причём наиболее чётко, и проявляются уникальность и диалектика письма. К тому же характер адресации в той или иной степени определяет и характер целого ряда остальных конструктивных параметров письма, а зачастую анонсирует и его прагматическую установку.

Адресация может иметь самые разные формы и быть представлена различными лингвистическими фигурами, но функционально и прагматически наиболее значимой, самой типичной и чаще всего употребляемой из таких фигур является обращение автора письма к своему адресату, которое как некий конструкт тоже чрезвычайно разнообразно в способах реализации и формах своего плана выражения, формах, далеко не всегда соотносящихся с метаязыковыми построениями, обычно декларируемыми в качестве нормативных в синтаксисе русского языка применительно к собственно обращению. Поэтому в предлагаемом исследовании введены термины **вокатив**, **эпистолярный вкатив** и **вокативная конструкция**, которыми обозначено обращение именно в письмах и которые включены нами в общий синонимический ряд с этим термином с несколько суженным, однако, ареалом их употребления.

Вокатив и эпистолярный вкатив – это любые формы обращения автора письма к своему адресату. Под вкативной конструкцией понимается собственно обращение со всеми синтаксически зависимыми от него словами, а также вкативное предложение и какое-либо

сочетание разных обращений. Самым распространённым и наиболее значимым в лингвистическом плане типом эпистолярного вокатива является вокативная конструкция, которая выступает в трёх её разновидностях: элементарной (двухкомпонентное обращение), развёрнутой (многокомпонентное обращение, в том числе и с контактивом) и расчленённой (указано несколько адресатов в одном обращении).

Вокатив может быть **прямым**, когда он представляет собой собственно обращение в традиционной его форме именительного падежа, **опосредованным** (косвенным), если он выражен каким-нибудь иным лингвистическим образованием, и в частности каким-либо функционально маркированным членом предложения, в котором в качестве обращения выступает субъект или объект высказывания, а также **совмещённым**, т. е. сочетающим прямое обращение и опосредованный вокатив.

Независимо от типа обращения эпистолярный вокатив может функционировать как **моновокатив**, если он является единственным обращением в данном письме, и как **поливокатив**, когда в одном письме несколько обращений к одному и тому же адресату.

Типология русского эпистолярного вокатива построена в настоящем исследовании на основании в полной мере репрезентативного фактического материала: двадцати тысяч посланий, написанных в XVIII–XX столетиях и объединённых в два подмножества: **генеральный массив**, в котором представлены свыше 10000 писем 26 адресантов с обширной перепиской и соответственно с большим у каждого из них и в общей сумме количеством вокативов, и **массив спонтанный**, включающий в себя около 10000 писем порядка пятисот самых разных адресантов без регламентации количества у каждого из них писем, а соответственно и партнёров по коммуникации. И базируется эта типология на трёх основных принципах:

- 1) системность фактического материала,
- 2) его субстанциональная и функциональная детерминированность,
- 3) маркировка его количественных и качественных параметров.

Указанный эпистолярный материал дал нам возможность выделить три базовые модели русского эпистолярного вокатива, в качестве конструктивных центров которых функционируют: 1) антропоним, 2) апеллатив, 3) комбинация антропонима и апеллатива.

I. Вокатив-антропоним, представляющий собой различные варианты собственного имени адресата (с детерминантами или без них), в том числе и имени, так или иначе адресантом модифицированного. Это в порядке частоты их употребления: имя и отчество; имя; фамилия; имя и фамилия; отчество; имя, отчество и фамилия.

II. Вокатив-апеллятив, т. е. используемое в качестве обращения любое нарицательное имя существительное. В зависимости же от того, как это существительное связано с личностью коммуникантов, вокативный апеллятив подразделяется на следующие его разновидности:

1. **Общий** вокативный апеллятив, непосредственно не связанный с характером личности адресата. Может быть канонизированным (общепринятым) и неканонизированным (авторским).

2. **Избирательный** вокативный апеллятив, используемый адресантом при обращении к какому-то определённом, маркированному, как правило, в социальном плане кругу лиц. Тоже может быть канонизированным и неканонизированным.

3. **Спонтанный** вокативный апеллятив как авторское обращение к какому-то узкому кругу лиц, хорошо знакомых адресанту. Такое обращение может быть объективно мотивированным свойствами личности адресата и субъективно мотивированным отношением к нему автора письма.

4. **Персонифицированный** вокативный апеллятив – это тоже авторское обращение к узкому, довольно близкому кругу лиц, которое, однако, может позволить себе не каждый, а только какой-то конкретный адресант. Здесь тоже имеет место как объективная, так и субъективная мотивация, которая при этом далеко не всегда может просматриваться.

III. Комбинация антропонима и апеллятива как вокативная конструкция, включающая в себя какую-нибудь из приведенных четырёх разновидностей вокатива-апеллятива, сопровождаемого тем или иным конкретным антропонимом в любом его материальном представлении.

Каждая из указанных базовых моделей вокатива даёт возможность генерировать практически неограниченное количество разных обращений двумя, как минимум, способами: наполняя конструктивные центры этих моделей разными лексемами и детерминируя их, т. е. снабжая эти лексемы, а равно и все сопутствующие им компоненты вокативных конструкций различного рода распространителями в том

их количестве и качестве, которые приемлемы этическими нормами письменного общения и в принципе допускаются нормами русского языка.

В нашей генеральной выборке зафиксировано 12561 обращение, в том числе перешедших однопроцентный статистический порог, т. е. встречающихся не менее, чем один раз на сто обращений, – 9869 вокативов. Эти вокативы построены по 131 разным моделям, каждая из которых однозначно соотносится с какой-то одной из трёх приведенных базовых моделей русского эпистолярного вокатива, хотя и может быть наполнена, что вполне естественно, различным набором лексем, который и даёт возможность перейти от соответствующего метаязыкового построения к конкретному факту речи, к конкретным вокативным образованиям, и в частности к тому их множеству, компоненты которого преодолели однопроцентный статистический порог, как минимум, у двух адресантов и являются поэтому вполне репрезентативным материалом для типологических изысканий. Вот список таких образований (в порядке убывания их абсолютной частоты) с указанием количества обратившихся к соответствующим моделям адресантов.

Вокативы-антропонимы: дорогой ИО – 1503 обращения / 17 адресантов, И – 947 / 20, многоуважаемый ИО – 777 / 13, ИО – 747 / 24, дорогой И – 503 / 11, милый И – 418 / 15, милый ИО – 329 / 15, уважаемый ИО – 292 / 9, глубокоуважаемый ИО – 177 / 7, любезный ИО – 131 / 6, дорогой мой И – 85 / 3, добрейший ИО – 73 / 2, мой милый И – 49 / 7, дорогой мой ИО – 36 / 3, родной И – 24 / 2, дорогой и милый И – 24 / 2, глубокоуважаемый и дорогой ИО – 23 / 2, родной мой И – 20 / 2, любезный И – 19 / 2, мой милый ИО – 9 / 2, почтенный ИО – 8 / 2, любезный Ф – 7 / 2.

Вокативные апеллятивы: милостивый государь – 185 / 6, дорогой друг – 145 / 5, голубчик (голубушка) – 136 / 9, мама – 133 / 4, милый – 129 / 8, мой дорогой – 129 / 7, милый друг – 86 / 8, брат – 81 / 7, друг – 60 / 6, мой друг – 58 / 6, душа моя – 58 / 4, милый мой – 51 / 4, дорогой – 48 / 3, ангел мой – 48 / 2, родной – 37 / 4, дорогой мой друг – 32 / 3, деточка – 29 / 2, любезный друг – 27 / 3, товарищ – 23 / 2, милый и дорогой друг – 22 / 2, радость моя – 20 / 2, душа – 18 / 2, дорогая мама – 17 / 2, милая мама – 11 / 2, родной мой – 11 / 2.

Комбинация антропонима и апеллятива: милостивый государь ИО – 408 / 12, любезный друг ИО – 364 / 3, дорогой товарищ Ф – 35 / 4, милостивый государь граф ИО – 30 / 2, милый друг ИО – 26 / 3, милый

друг И – 24 / 2, уважаемый товарищ Ф – 24 / 2, товарищ Ф – 18 / 2, голубчик ИО (голубушка ИО) – 14 / 2.

Именно эти 56 вокативных образований, а соответственно, и их моделей представляют собой, условно говоря, конструктивное ядро эпистолярного вокативного ресурса русского языка, ядро, лексическое наполнение которого может, разумеется, варьироваться в зависимости от коммуникативной ситуации, от тех или иных обстоятельств, условий, стилистики и прагматики письменного общения. Вводиться в текст письма соответствующие вокативные образования могут в разном его месте и в разном количестве.

Если вокатив, в одном и том же или в каком-либо ином его оформлении, входит в текст одного письма неоднократно, он образует особую вокативную фигуру, которая квалифицируется в настоящем исследовании как поливокатив. В сущности поливокатив – это специфическое прежде всего для письменной речи средство поддержания формально уже установившегося контакта автора письма со своим адресатом, а также при необходимости средство переключения внимания адресата с одной проблематики на другую, с одного предмета обсуждения на нечто иное. И если при устном, визуальном общении контакт между коммуникантами может поддерживаться разными, в том числе и невербальными способами (взгляд, мимика, эмоциональная реакция, жест, прикосновение и др.), то при переписке возможен только один универсальный и абсолютно результативный вариант – многократное включение в текст письма той или иной формы обращения, т. е. использование адресантом поливокатива как с одинаковой, так и с разной стилистической окраской его составляющих.

Поливокатив – это продуктивное вокативное образование, к которому адресанты часто прибегают в письмах такого, как правило, рода: 1) в посланиях с подчеркнутым уважением к их адресату, 2) в письмах с повышенной экспрессией, написанных чаще всего в каких-то экстремальных условиях и 3) в больших по объёму посланиях. Подразделяется поливокатив на три основных типа: **рамочный, рассеянный и комбинированный.**

Рамочный поливокатив представляет собой фигуру, состоящую только из двух обращений, первое из которых (оно может находиться в любом месте письма), называя адресата, устанавливает контакт между ним и автором письма, второе служит для того, чтобы адресант выразил ему своё почтение, и завершает послание. Текст письма при этом заключён в своеобразную рамку, ведущая функция заключитель-

ного компонента которой – отключение внимания адресата от содержания послания.

Рассеянный поливокатив включает в себя несколько (два и более) вокативных образований, размещённых в разных местах текста письма и многократно именующих адресата без прямой установки на завершение послания, а значит, и на прекращение контакта. Назначение рассеянного поливокатива – и пролонгация общения с адресатом, создание у него, а равно и у адресанта, какой-то степени эффекта присутствия при общении, и переключение внимания адресата на иной предмет обсуждения.

Комбинированный поливокатив многофункционален, поскольку в нём объективно совмещены функции рамочного и рассеянного поливокатива. Минимум входящих в него компонентов – три, максимум ничем теоретически не ограничен. В сущности же это вокативная рамка, внутри которой размещён текст собственно письма с какими-то входящими в этот текст обращениями, образующими в соответствующем его фрагменте свой рассеянный поливокатив, это, с другой стороны, многокомпонентный рассеянный поливокатив, последнее обращение в котором завершает письмо.

Общая типология русского эпистолярного вокатива строится на основе определённого множества вокативных образований, созданных отдельными, конкретными адресантами, у каждого из которых как некой личности, в том числе и личности языковой, свой речевой потенциал, включающий в себя не только принятые в обществе формы и способы обращения к адресату, регулируемые лингвистическими и этическими нормами письменного общения в заданных условиях коммуникации, но и спонтанные речевые фигуры, такие, в частности, которые могли быть употреблены только в одном письме и только одним каким-то его автором. Причём такого рода спонтанных вокативных образований очень много, и у большинства адресантов их сумма может даже существенно превышать количество моделей, по которым построены заповоротные вокативы и вокативные конструкции. Тем не менее именно на регулярно используемые тем или иным адресантом, а не на уникальные, одноразовые обращения мы прежде всего опираемся и в стилистических изысканиях, в том числе при лингвистической **персонификации вокативного творчества** отдельных адресантов, при характеристике специфики построения и функционирования в их письмах всего комплекса представленных этими адресантами вокативных фигур.

Особенности вокативных образований в письмах какого-либо конкретного адресанта при заданном статистическом пороге вполне объективно проявляют себя при их исследовании по предложенной нами методике, включающей в себя три процедуры: формирование **вектора вокативного ресурса**, определение **динамики развёртывания** вокативных моделей и построение **контаминированных образов** некоторого класса вокативов.

Вектор вокативного ресурса состоит из четырёх ресурсных индексов: **индекса наполнения**, определяющего процентное соотношение вокативов, построенных по разным моделям, и общего количества вокативных образований в том или ином массиве писем, **индекса включения**, указывающего в процентах на объём вокативного материала, перешедшего у данного адресанта установленный статистический порог и включённого в описываемое множество вокативов, **индекса стабильности**, указывающего на процент вокативных моделей, перешедших статистический порог, от общего их количества у данного адресанта, и **индекса реализации**, лингвистически самого значимого, демонстрирующего соотношение количества максимально возможных вокативных моделей в данном массиве писем и количества вокативных моделей, реально в этом массиве представленных, т. е. процент реализованных моделей обращения от потенциально возможного их общего количества. Вектор вокативного ресурса строится соответственно из четырёх величин, последовательно указывающих на численное значение индексов наполнения, включения, стабильности и реализации. Эти индексы характеризуют главным образом количественные параметры вокативных образований в письмах разных адресантов, параметры, указывающие на соотношение общего и специфического в вокативном творчестве отдельных авторов посланий, а отсюда и на предпочитаемые ими способы установления и поддержания дистанционного контакта.

С увеличением объёма переписки, так или иначе обуславливающим количество и характер обращений адресанта к своему адресату, может, естественно, возрасть и количество разных вокативных фигур, используемых каким-либо автором письменных посланий. И в этом плане чётко прослеживается определённая **динамика развёртывания** системы вокативных моделей, при которой подавляющее большинство наиболее регулярных запороговых вокативных образований используется, а зачастую и исчерпывается практически всеми адресантами в начале их переписки, в первых сотнях их писем – от

одной до трёх в зависимости от общего количества генерированных ими посланий и вокативов. В последующих письмах новые запороговые модели обычно появляются только в том случае, когда меняются какие-то значимые условия письменной коммуникации и стереотипы переписки: новый адресат; изменившийся личностный или социальный статус уже известных друг другу коммуникантов; эмоциональное состояние адресанта; обстановка общения; необходимость в конспирации и т. п.

В начале переписки, таким образом, актуализируются практически у всех адресантов, как правило, общепринятые лингвистические и этические нормы письменного обращения, а при её пролонгированном характере начинают проявлять себя в непрекращающемся потоке писем индивидуально-авторские особенности вокативного творчества, и в эпистолярнику могут быть введены и нередко вводятся нестандартные, зачастую весьма оригинальные и даже экзотические вокативные образования, а значит, и их модели. Образуется, как минимум, два функциональных **эшелона эпистолярного вокатива**: универсальный с преобладанием в нём общепринятых нормативных обращений и специфический с включением в него произвольных и спонтанных вокативных фигур.

Особенности **лексического наполнения** моделей вокативных конструкций, построенных разными адресантами, отражаются с той или иной степенью полноты охвата словаря отдельных авторов писем при позиционном суммировании соответствующей лексики в своего рода аналитических выражениях, являющихся контаминированными образами этих конструкций и демонстрирующих, каким лексическим материалом и в какой его позиции по отношению к стержневому компоненту развёрнутого вокатива сопровождается собственно обращение. При этом проявляются как общие для русского эпистолярного вокатива параметры соответствующей лексики, так и индивидуально-авторские предпочтения в отборе лексических средств установления и поддержания письменного контакта, в отборе главным образом их детерминирующей составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Введение. Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. – М. : Наука, 1981. – С. 3–14.

Акастелова О. Г. Конструктивний синтаксис поетичної мови (на матеріалі російської поезії) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 – російська мова / Олена Григорівна Акастелова. – Дніпропетровськ, 1996. – 16 с.

Акимова Т. П. Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания / Т. П. Акимова // Учёные записки ЗабГГПУ. Серия «Филология, история, востоковедение». – № 2(37). – 2011. – С. 7–10.

Акимова Т. П. Тенденции использования эпистолярных формул приветствия и прощания в бытовых письмах русских писателей XIX–XX веков / Т. П. Акимова // Современный русский язык: динамика и функционирование / Всероссийская Интернет-конференция. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://linguaconf2009.flybb.ru/archive/o_t/t_35/start_0/index.html

Акишина А. А. Этикет русского письма / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 1981. – 200 с.

Акопов Г. Л. Правовая информатика: современность и перспективы : Учебное пособие / Г. Л. Акопов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 320 с.

Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении / Н. Д. Андреев – Л. : Наука, 1967. – 404 с.

Античная эпистолография : Очерки. – М. : Наука, 1967. – 286 с.

Антоненко С. В. Структура писем А. С. Пушкина (Лингвостилистика текста) / С. В. Антоненко. – К. : Знання, 2000. – 154 с.

Артемяева Т. В. Утешительные письма / Т. В. Артемяева // Фигуры Танатоса. Вып. 3: Тема смерти в духовном опыте человечества. Материалы I междунар. конф., С.-Петербург, 2–4 ноября 1993 г. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1993. – С. 77–85.

Арутюнова Н. Д. Номинация и текст / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация : Виды наименований / [отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – № 4. – 1981. – С. 356–367.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Атанасова-Соколова Д. «Говоря с тобою чрез письмо...»: Письма М. Н. Муравьева / Д. Атанасова-Соколова // Институт филологии и истории РГГУ: Новый филологический вестник. – 2006. – Ч. 1. – № 1(2); Ч. 2. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ifi.rsu.ru/vestnik_2006_1_3.html

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений / А. Г. Балакай. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 767 с.

Баранов С. Ю. Популярная проза XVIII века / С. Ю. Баранов // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века. – М. : Современник, 1989. – С. 3–28.

Барсукова Е. В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): автореф. дисс. ... канд. культурологии : 24.00.01– теория и история культуры / Елена Викторовна Барсукова. – М., 2007. – 22 с.

Баршт К. А. «Маленькая рама» эпистолярного романа. Ранние письма Ф. М. Достоевского и «Бедные люди» / К. А. Баршт // Литературная учёба. – 1982. – № 4. – С. 172–177.

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – Т. 9 / ред. колл. : А. М. Бабкин [и др.]. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 1482 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров.– 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–296.

Белова А. В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на материале переписки Ал. П. Чехова и А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Анна Владимировна Белова. – СПб, 2005.

Белунова Н. И. Искусство эпистолярия и художественное произведение / Н. И. Белунова // Русский язык в школе. – 1995. – № 5. – С. 77–82.

Белунова Н. И. Дружеское письмо в функционально-стилистическом аспекте / Н. И. Белунова // Русский язык в школе. – 2000а. – № 1. – С. 75–78.

Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000б. – 140 с.

Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Нина Иосифовна Белунова. – СПб., 2000в.

Бетузия Н. Особенности текстов эпистолярного жанра / Н. Бетузия // Русский язык за рубежом. – 1984. – № 3. – С. 81–84.

Билецкая О. П. Письмо как межстилевой тип текста / О. П. Билецкая // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Вып. 250. Номинация и коммуникация. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1985. – С. 93–101.

Блинохватова В. М. Русско-французский билингвизм русского дворянства первой половины XIX века (на материале писем): дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языка / В. М. Блинохватова. – Ставрополь, 2005. – 179 с.

Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.

Братаніч О. В. Лінгвостилістика епістолярію Г. П. Кочура (на матеріалі листування 60–80-х рр. XX століття) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Оксана Василівна Братаніч. – К., 2004. – 215 с.

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). – Изд. 3-е. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Т. 8. – М. : Сов. энцикл., 1972. – 592 с.; Т. 19. – М. : Сов. энцикл., 1975. – 648 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / РАН; Ин-т лингв. исследований; [автор и рук-ль проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

Бубликова О. В. Писательский эпистолярый как вид литературного текста и объект исследования / О. В. Бубликова // Профессор Л. А. Шеляховскаяның 85 жылдығына арналған «Орыс тілі білімі: теория және лингводидактика» атты халықар. ғыл.-теор. конф. жинағы

= «Русское языкознание: теория и лингводидактика»: Труды Междунар. науч.-теорет. конф., посвященной 85-летию проф. Л. А. Шеляховской. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2013. – С. 248–251.

Буланин Д. М. Письмовники / Д. М. Буланин // Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV–XVI вв.). – Л. : Наука, 1989. – Вып. 2. Ч. 2. Л–Я. – С. 188–193.

Булах О. Н. Епістолярний стиль чи епістолярний жанр / О. Н. Булах // Мовознавство. – 1982. – № 1(91). – С. 66–69.

Буравцова Н. Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Надежда Юрьевна Буравцова. – М., 2006. – 182 с.

Бусоргина Н. Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 – германские языки / Наталья Юрьевна Бусоргина. – Самара, 2006. – 20 с.

Бухаркин П. Е. Образ адресата в письмах Д. И. Фонвизина из Франции к П. И. Панину / П. Е. Бухаркин // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. истории, яз., лит. – 1980. – № 20. – Вып. 4. – С. 40–45.

Бухаркин П. Е. Письма русских писателей XVIII века и развитие прозы (1740-ые – 1780-ые годы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература / Пётр Евгеньевич Бухаркин. – Л., 1982. – 21с.

Величко Н. В. Крым в языковом сознании А. П. Чехова (на материале эпистолярного наследия писателя : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02 – русский язык / Наталья Валентиновна Величко. – Симферополь, 2012. – 223 с.

Величко Н. В. Самономинации и самохарактеристики в письмах А. П. Чехова ялтинского периода (сентябрь 1898 – апрель 1899 гг.) / Н. В. Величко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология». – Т. 20(59). – 2007. – № 420–424.

Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности / П. В. Веселов. – 3-е изд., доп. – М. : Изд-во стандартов, 1990. – 160 с.

Ветрова Е. С. Семантика і функціонально-комунікативний аспект етикетних одиниць в епістолярній спадщині українських письменників XIX ст. : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Ельвіра Сабурівна Ветрова. – Донецьк, 2004. – 20 с.

Виноградова Е. М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Елена Михайловна Виноградова. – М., 1991. – 22 с.

Винокур Г. О. Пушкин-прозаик // Г. О. Винокур. О языке художественной литературы / сост. Т. Г. Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 179–194.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий : Варианты речевого поведения / вступ. ст. Л. П. Крысина. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.

ВТС – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь : ВТФ „Перун”, 2005. – 1728 с.

Гайсина Р. М. Средства речевого контакта в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – 10.02.01 – русский язык / Рейда Миргалеевна Гайсина. – Саратов, 1967. – 23 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Изд. 5-е, стереотипное / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Ганжа С. А. Фразеологія епістолярної спадщини (на матеріалі приватного листування українських письменників-класиків XIX – початку XX століття) : навчальний посібник / С. А. Ганжа. – Дніпропетровськ : Пороги, 2010. – 192 с.

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. – Изд. 2-е / А. Н. Гвоздев. – М. : Учпедгиз, 1955. – 463 с.

Гиндин С. И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения / С. И. Гиндин // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 63–77.

Глинкина Л. А. "Весь ваш без церемоний..." : Речевой этикет в частных письмах XIX в. / Л. А. Глинкина // Русская речь. – 1985. – № 1. – С. 39–45.

Глинкина Л. А. Проблема эпистолярного идиостиля в русистике / Л. А. Глинкина // Семантика слова, образа, текста: Тезисы международной конференции / отв. ред. А. А. Камалова. – Архангельск: Изд-во Поморского международного педуниверситета, 1995. – С. 13.

Глинкина Л. А. Языковая личность в зеркале частного письма // Язык, система, личность: Тез. докл. и сообщений межд. симпозиума / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 1996. – С. 12–13.

Глухих Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX вв.: к проблеме квалификации / Н. В. Глухих // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Научный журнал. – Вып. 19. – 2008а. – № 9(110). – С. 19–24.

Глухих Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – 10.02.01 – русский язык / Наталья Владимировна Глухих. – Челябинск, 2008б. – 48 с.

Голікова Н. С. Етикет і культура мовного спілкування у вищій школі: навчально-методичний посібник / Н. С. Голікова, І. С. Попова. – Д. : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2009. – 160 с.

Гольдин В. Е. К изучению этикетной стороны обозначения лиц в говорах русского языка / В. Е. Гольдин // Язык и общество. Межвузовский научный сборник. Вып. 5. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – С. 18–33.

Гольдин В. Е. Регулятивные обозначения лиц в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) / В. Е. Гольдин // Проблемы развития языка: Межвузовский научный сборник. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – С. 78–94.

Гольдин В. Е. Речь и этикет / В. Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.

Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 128 с.

Горнфельд А. Г. Эпистолярная литература / А. Г. Горн-фельд // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/119253/Эпистолярная.

Грамматика русского языка. – Т. 2. – Ч. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 703 с.

Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 768 с.

Гулякова И. Г. Конец жанра // Glossos / The Slavic and East European Language Resource Center. – Issue 2, Winter 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://seelrc.org/glossos>

Гулякова И. Г. Языковая личность в эпистолярном тексте в аспекте категории многоканальности (на материале переписки А. Борщаговского и В. Курбатова) / И. Г. Гулякова // Русская литература в формировании современной языковой личности: Сб. материалов кон-

гресса (Санкт-Петербург, 24–27 октября 2007 г.). В 2-х т. – Т. 2. – СПб, 2007. – С. 29–36.

Гурвич-Лицинер С. Д. Эпистолярные формы в творчестве А. И. Герцена 60-х годов : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / 10.01.01 – русская литература / С. Д. Гурвич-Лицинер. – М., 1964.

Гусева С. В. Перифрастика в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова / С. В. Гусева // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 42–45.

Гусева С. В. Текстобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Светлана Владимировна Гусева. – Йошкар-Ола, 2006. – 156 с.

Деметрий. О стиле // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 237–285.

Дёмин А. С. Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре): автореф. дисс. ... канд. фил. наук: спец. 10.02.01 – русский язык / Анатолий Сергеевич Дёмин. – Л., 1963.

Дёмин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) / А. С. Дёмин // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1964. – С. 90–99.

Дёмин А. С. О литературном значении русских письмовников / А. С. Дёмин // Русская литература. – 1964. – № 4. – С. 165–170.

Доминенко Н. В. Эпистолярные типы и принципы их классификации / Н. В. Доминенко // Вестник СевГТУ. – Севастополь : Изд-во СевГТУ, 2003. – Вып. 45: Филология. – С. 148–154.

Дмитриева Е. Е. Эпистолярный жанр в творчестве А. С. Пушкина: автореф. дисс.... канд. филол. наук / 10.01.01 – русская литература / Е. Е. Дмитриева. – М., 1986. – 16 с.

Елина Е. Г. Эпистолярные формы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина / Е. Г. Елина. – Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1981. – 91 с.

Емельянов В. А. Письмо как форма документально-психологической прозы В. Розанова / В. А. Емельянов // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2010. – № 3(35). – С. 122–128.

Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Иностр. литература, 1958. – 404 с.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – Изд. 2-е, доп. и перераб. / А. И. Ефимов. – М. : Изд-во МГУ, 1961. – 520 с.

Ефимов А. И. Стилистика русского языка / [подгот. к печати А. В. Степанов]. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.

Ефременко Э. Л. Вопросы комментирования эпистолярных текстов / Э. Л. Ефременко // Принципы издания эпистолярных текстов: Вопросы текстологии. – Вып. 3. – М. : Наука, 1964. – С. 138–181.

Желвакова И. А. Литературное наследие М. С. Лунина. Состав издания. Текстология / И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман // Лунин М. С. Письма из Сибири. – М. : Наука, 1988. – С. 353–369. (Литературные памятники).

Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика : Словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2011. – 279 с.

Журавльова Н. М. Індивідуально-авторські та оказіональні гоноративи в епістолярному стилі ХІХ – початку ХХ ст. / Н. М. Журавльова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : Материалы II Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 14–15 апреля 2005 г.). – Д. : Пороги, 2005. – С. 149–153.

Заболотна Т. В. Епістолярна спадщина В. Винниченка : адресування і стиль : Дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 – українська література / Тетяна Валентинівна Заболотна. – К., 2005. – 189 с.

Загнітко А. П. Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни : у 4 т. – Т. 1. А–Й / А. П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 402 с.

Зарецкая Е. Н. Деловое общение : учебник : В 2 т. Т. 2. / Е. Н. Зарецкая. – М. : Дело, 2002. – 720 с.

Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова / В. Е. Захарова // Языковое мастерство А. П. Чехова [отв. ред. Л. В. Баскакова]. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1988. – С. 110–115.

Зензера И. В. Коммуникативно-прагматический подход к изучению обращения в поэтическом тексте / И. В. Зензера // Текст как единица филологической интерпретации: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20 апреля 2012 г., г. Куйбышев). – Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2012. – С. 82–87.

Зуева О. В. Византийские и древнерусские эпистолярные формулы: опыт сопоставления / О. В. Зуева // Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. / БГПУ; отв. ред. В. Д. Стариченок. –

Минск : Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2007а. – С. 36–38.

Зуева О. В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси / О. В. Зуева // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 4–7 мая 2007 года) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007б. – Т. 1. – С. 137–139.

Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – русский язык / Ольга Владимировна Зуева. – Минск, 2009. – 26 с.

Ильинская И. О языке писем Грибоедова // Литературное наследство. – Т. 47–48. А. С. Грибоедов / И. Ильинская. – М. : Изд-во АН СССР, 1946. – С. 285–296.

Истрин В. А. Возникновение и развитие письма / В. А. Истрин. – М. : Наука, 1965. – 600 с.

Исупова М. М. Когнитивное взаимодействие в деловом общении (на материале англоязычных и русских коммерческих писем): дис. ... канд. филол. наук / М. М. Исупова. – Тверь, 2003. – 196 с.

Информатика та обчислювальна техніка : Короткий тлумачний словник / за ред. В. П. Гондюла. – К. : Либідь, 2000. – 320 с.

Кабанова Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (На материале рукописных и опубликованных текстов XX в.) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Т. Н. Кабанова. – Челябинск, 2004 – 210 с.

Калёнова Н. А. Текстология частного письма / Н. А. Калёнова // Текст как единица филологической интерпретации: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20 апреля 2012 г., г. Куйбышев). – Новосибирск : Изд-во ООО «Немо Пресс», 2012. – С. 96–101.

Карасёв П. С. Открытое письмо – публицистический жанр / П. С. Карасев // Проблемы газетных жанров : Сб. статей / [отв. ред. П. Я. Хавин]. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – С. 39–55.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

Карасик В. И. Язык социального статуса [монография] / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 334 с.

Караулов Ю. Н. Вторичные размышления об эксперименте в языкознании / Ю. Н. Караулов // Теория языка. Методы его исследования и преподавания – Л. : Наука, 1981. – С. 135–140.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

Кастлер Л. Негативная и позитивная вежливость / Л. Кастлер // Агрессии в языке и речи. – М. : РГГУ, 2004. – С. 9–18.

Катаржина С. Л. Этикетные формулы в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01 – русский язык / Светлана Леонидовна Катаржина. – Орск, 2001. – 20 с.

Кецба Л. Н. Речевая реализация эпистолярного стиля в литературных письмах Томаса Манна и Райнера Марии Рильке / Л. Н. Кецба // МГПИИЯ имени Мориса Тореза. Сборник научных трудов. Вопросы романо-германской филологии. Вып. 77. – М., 1974. – С. 168–175.

Кимпалу Ж. Русское обращение в деловой письменной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Жюстен Кимпалу. – М., 2009. – 202 с.

Кирсанова М. В. Деловая переписка: Учебно-практ. пособие / М. В. Кирсанова, Ю. М. Аксенов, Н. Н. Анодина. – 3-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 100 с.

Кирьянова А. П. Адресант эпистолярия в аспекте языковой оценки : на материале писем М.И. Цветаевой : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Анна Павловна Кирьянова. – Череповец, 2007а. – 188 с.

Кирьянова А. П. Адресант в аспекте языковой оценки (на материале писем М. И. Цветаевой) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена 2007б. – № 40. – С. 124–129.

Климова Н. В. Неологизмы в «Письмах» И. С. Тургенева / Н. В. Климова // Исследования по русскому языку : Сборник работ кафедры русского языка. – Днепропетровск, 1970а. – С. 120–126.

Климова Н. В. Структура и стилистические функции обращений в письмах И. С. Тургенева / Н. В. Климова // Исследования по русскому языку. – Днепропетровск, 1970б. – С. 127–133.

Ковалёва Н. А. Русское частное письмо XIX века: Коммуникация. Жанр. Речевая структура: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Наталья Анатольевна Ковалёва. – М., 2002. – 52 с.

Кокунина Е. В. Переписка как опосредованный диалог: лингвопрагматический аспект : На материале переписки И.С. Тургенева и его повести «Переписка» : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Елена Владимировна Кокунина. – Череповец, 2005. – 200 с.

Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 100–115.

Комарова С. И. Функционирование перифразы в эпистолярном стиле 2-ой пол. XVIII века: Дисс. ... канд. филол. наук / 10.02.01 – русский язык / Светлана Ивановна Комарова. – Дн-ск, 1990. – 285 с.

Комарова С. И. Перифраза как средство организации смыслового компонента эпистолярного текста / С. И. Комарова // Семантика и грамматика в речевой коммуникации: сб. науч. тр. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1991. – С. 41–47.

Конобеевская И. Н. Парижская трилогия и её автор / И. Н. Конобеевская // Анненков П. В. Парижские письма. – М. : Наука, 1983. – С. 443–463. (Литературные памятники).

Копыленко М. М. Наблюдения над этикетом обращения / М. М. Копыленко // Страноведение и преподавание русского языка как иностранного: Международный симпозиум. М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 76–79.

Коцюбинська М. Х. Листи і люди : Роздуми про епістолярну творчість / М. Х. Коцюбинська. – К. : Дух і літера, 2009. – 584 с.

Кошелев А. В. Письма А. С. Пушкина : Проблемы текстологии : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература / Анатолий Вячеславович Кошелев. – СПб., 2002. – 165 с.

Краткий словарь видов и разновидностей документов / отв. ред. А. С. Малитиков. – М. : ВНИИДАД, 1974. – 80 с.

Кривош Л. С. Синтаксическая атрибуция русского текста : автореф. дисс. ... канд. филол. н. : 10.02.01 – русский язык / Людмила Симоновна Кривош. – Днепропетровск, 1991. – 16 с.

Крюков Д. В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 – Теория языка / Дмитрий Владимирович Крюков. – Волгоград, 2001. – 238 с.

Кузьменко В. І. Дифірама чи епітафія жанрові? Написане лишається / В. І. Кузьменко // Слово і час. – 1997. – № 1. – С.72–77.

Кузьменко В. І. Письменницький епістолярій в українському літературному процесі 20–50-х років ХХ ст. : автореф. дис. ... докт.

філол. наук : 10.01.01 – українська література / Володимир Іванович Кузьменко. – К., 1999. – 36 с.

Курило Л. Епістолярій Олеса Гончара і творча індивідуальність письменника : Дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 – українська література / Л. Курило. – К., 2006. – 200 с.

Курьянович А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Анна Владимировна Курьянович. – Томск, 2001. – 227 с.

Курьянович А. В. Когнитивная сущность речевого жанра *самопрезентация* в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 144–150.

Курьянович А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 2 (76). – С. 44–46.

Курьянович А. В. Способы реализации волюнтаривных коммуникативных установок в современных эпистолярных текстах рекламного характера / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического ун-та. – 2009. – Вып. 4 (82). – С. 107–111.

Курьянович А. В. «Фигура умолчания» в системе функциональной стилистики: к вопросу определения стилистического статуса эпистолярия / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010а. – Вып. 6 (96). – С. 84–88.

Курьянович А. В. Языковая личность ученого – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В. И. Вернадского) / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2010б. – № 1. – С. 188–197.

Курьянович А. В. О коммуникативно-прагматической сущности эпистолярного диалогизма (на материале писем В. С. Высоцкого) / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012а. – Вып. 10 (125). – С. 174–179.

Курьянович А. В. Прагматика графического образа эпистолярного текста (на примере писем представителей русской творческой интеллигенции первой половины XX века) / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012б. – Вып. 1 (116). – С. 223–228.

Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике : монография / А. В. Курьянович. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013а. – 220 с.

Курьянович А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарной речевой культуры (XX–XXI вв.) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык / Анна Владимировна Курьянович. – Томск, 2013б. – 39 с.

Кустова О. Ю. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения: На материале писем Теодора Фонтане : дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 – германские языки / Ольга Юрьевна Кустова. – СПб, 1998 – 225с.

Кушнерук С. Антиномия понятий «документ» – «документный текст» и экспертная практика / С. Кушнерук // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології : MegaLing–2007 : зб. наук. праць / НАН України, Укр. мовно-інформ. фонд, Таврійс. нац. ун-т ім. В. І. Вернадського, Інститут російського мовного ім. В. В. Виноградова РАН; редкол.: Ю. Д. Апресян [та ін.]. – К. : Довіра, 2008. – С. 204–210.

Кыштымова Т. В. Ономастическая игра в письмах А. П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) / Т. В. Кыштымова // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 60. – С. 221–225.

Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра // XVIII век. – Сб. 12. А. И. Радищев и литература его времени. – Л. : АН СССР, 1977. – С. 72–82.

Левкович Я. Л. Письма Пушкина к жене / Я. Л. Левкович // Русская литература. – 1984. – №1. – С. 188–198.

Ленець К. В. Епістолярний стиль / К. В. Ленець // Українська мова: Енциклопедія / [ред. кол.: Русанівський В. М., Тараненко О. О., Зяблюк М. П. та ін.]. – 3-тє вид., зі змінами і доп. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2007. – С. 180–181.

Ленець К. В. Епістолярний стиль в історії нової літературної мови / К. В. Ленець, М. М. Пилинський // Жанри і стилі в історії української літературної мови. – К.: Наукова думка, 1989. – С. 160–198.

Леонтьев А. П. Обращение как компонент высказывания / А. П. Леонтьев // Вопросы грамматики русского языка: Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня : Сб. науч. тр. – Иркутск, 1981. – С. 81–94.

Лёткина Н. В. Теоретические основы анализа эпистолярных текстов / Н. В. Лёткина // Лингвистические и экстралингвистические основы коммуникации : Теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сборник науч. тр. – Вып. 5. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – С. 46–49.

Лёткина Н. В. Эпистолярный текст как объект лингвистического изучения / Н. В. Лёткина // Лингвистические и экстралингвистические основы коммуникации : Теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сборник науч. тр. – Вып. 6. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – С. 20–24.

Литвин Ф. А. Предикативные характеристики в позиции обращения / Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина // Вопросы языка и литературы: Тематический сборник. – Вып. II. Ч. 1. – Новосибирск, 1968. – С. 50–87.

Логунова Н. В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. : автореф дисс. ... канд. филол. наук / Н. В. Логунова. – Ростов-на-Дону. 1999. – 19 с.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89–378.

Лошманова Л. Т. Влияние функции обращения на семантику слова / Л. Т. Лошманова // Вопросы синтаксиса и лексикологии русского языка. – Смоленск, 1975. – С. 48–55.

Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 416 с.

Луцева О. А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох, конец XIX – первая четверть XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – русский язык / Ольга Александровна Луцева. – Таганрог, 1999. – 151 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Мазоха Г. С. Жанрово-стильові модифікації українського письменницького епістолярію другої половини XX століття : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.01.01 – українська література / Галина Степанівна Мазоха. – К., 2007. – 38 с.

Майборода Н. Г. Епістолярій Д. І. Яворницького як відображення його індивідуально-мовної картини світу / Н. Г. Майборода // Наукові праці : Філологія. Мовознавство. – Вип. 106. – Т. № 119 – Миколаїв : РВЦ ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. – С. 26–30.

Маймин Е. А. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики / Е. А. Маймин // Пушкинский сборник. – Псков, 1962. – С. 77–87.

Малахова А. М. Поэтика эпистолярного жанра / А. М. Малахова // В творческой лаборатории Чехова. – М. : Наука, 1977. – С. 310–328.

Малаховский В. А. Язык писем Пушкина. – Известия АН СССР. Отделение общественных наук, – М.– Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – № 2–3. – С. 503–568.

Маринин Ю. Н. Речевой комплекс «поздравление» (на материале текста поздравительной открытки): автореферат дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. – русский язык / Ю. Н. Маринин. – Волгоград, 1996. – 22 с.

Маркелова Т. В. Обращение и оценка / Т. В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – № 6. – С. 76–81.

Мартыненко Г. Я. Стилеметрия / Г. Я. Мартыненко, С. В. Чебанов // Прикладное языкознание : Учебник / отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – С. 420–434.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984: Т. 1. А – Й, 1981. – 698 с. Т. 2. К – О, 1982. – 736 с. Т. 3. П – Р, 1984. – 752 с. Т. 4. С – Я, 1984. – 794 с.

Матвеева О. И. «Переписка Н. В. Станкевича» как явление литературы: автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература / Ольга Ильинична Матвеева. – Самара, 2004. – 24 с.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 563 с.

Мацько Л. І. Культура української фахової мови : навчальний посібник / Л. І. Мацько, Л. В. Кравець. – К. : ВЦ «Академія», 2007. – 360 с. (Альма-матер).

Мацько О. М. Мовні формули у дипломатичних текстах сучасної української мови (функціонально-стилістичний аналіз) : автореф. дис... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Оксана Михайлівна Мацько; НАН України. Ін-т укр. мови. – К., 2001. – 21 с.

Меньшиков И. И. Об одной возможности структурного описания фактов речи / И. И. Меньшиков // Статистичні та структурні лінгвістичні моделі. – К. : Наукова думка, 1966. – С. 70–78.

Меньшиков И. И. Контаминированные образы как способ представления синтаксических структур / И. И. Меньшиков // Автоматизация информационных работ и вопросы прикладной лингвистики. – К. : ИК АН УССР, 1971. – С. 318–330.

Меньшиков И. И. Модель контаминированных образов в синтаксисе. Спецкурс / И. И. Меньшиков. – Д. : ДГУ, 1972. – 140 с.

Меньшиков И. И. Анализ синтаксической структуры предложения в терминах синтагматических классов слов / И. И. Меньшиков. – Д. : ДГУ, 1973. – 42 с.

Меньшиков И. И. К вопросу о жанрово-стилевой обусловленности синтаксической структуры фразы / И. И. Меньшиков // Вопросы статистической стилистики. – К. : Наукова думка, 1974. – С. 138–146.

Меньшиков И. И. Модель предложения и его парадигма : Учеб. пособие / И. И. Меньшиков. – Д. : ДГУ, 1979. – 80 с.

Меньшиков И. И. Методика дифференциации функциональных стилей русского языка с помощью структурных моделей предложения / И. И. Меньшиков // Языковые средства дифференциации функциональных стилей современного русского языка. – Д. : ДГУ, 1982. – С. 7–17.

Меньшиков И. И. Типология респонсивных предложений в современном русском языке (к постановке вопроса) / И. И. Меньшиков // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – Д.: ДНУ, 2010 – № 11. – Т. 18, – вип. 16. – С. 221–230.

Меньшиков И. И. Модель как лингвистическая единица и лингвистическая категория // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 3. – С. 94–98.

Меньшиков И. И. Избранные труды по лингвистике / И. И. Меньшиков. – Днепрпетровск : Новая идеология, 2012. – 400 с.

Меньшиков И. И. Документ как понятие и термин прикладного языкознания / И. И. Меньшиков // Наукові записки. – Вип. 115. – Серія «Філологічні науки (мовознавство)». – Кіровоград : РВВ КДПУ імені В. Винниченка. – 2013а. – С. 361–364.

Меньшиков И. И. Собственное имя и апеллатив как компоненты номинирующей конструкции / И. И. Меньшиков // Мова і культура : науковий журнал. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013б. – Вип. 16. – Т. V (167). – С. 95–100.

Мизин О. А. К морфологии обращения / О. А. Мизин // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 75–77.

Миллер Т. А. Античные теории эпистолярного стиля / Т. А. Миллер // Античная эпистография: Очерки. – М.: Наука, 1967. – С. 5–25.

Михайлов А. Д. Основные типы зарубежных изданий эпистолярного наследия писателей (На материале французских писателей XVIII – XIX вв.) / А. Д. Михайлов // Принципы издания эпистолярных текстов: Вопросы текстологии. – Вып. 3. – М.: Наука, 1964. – 308 с. – С. 245–306.

Модзалевский Л. Б. Эпистолярное наследие Пушкина / Л. Б. Модзалевский // Вестник АН СССР. – 1937. – № 2–3. – С. 230–235.

Морозова Г. В. Выражение просьбы в письмах А. С. Пушкина / Г. В. Морозова // Русский язык в школе. – 1999. – № 3. – С. 81–86.

Морозова Л. І. Письменницький епістолярій у системі літературних жанрів : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06 – теорія літератури / Людмила Іванівна Морозова. – К., 2007. – 24 с.

Мустайоки А. О лингвистических экспериментах / А. Мустайоки // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 155–160.

Назаренко О. Г. Деловой русский язык / О. Г. Назаренко. – Владивосток : Изд-во МГУ им. Г. И. Невельского, 2008. – 41 с.

Найрулін А. О. Епістолярій Михайла Коцюбинського в історії української літературної мови (особливості конотації епістолярію письменника) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Анатолій Олександрович Найрулін. – Луганськ, 2006. – 19 с.

Нгуен Тхи Бик Лан. Лингвостилистические особенности русской коммерческой корреспонденции : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Нгуен Тхи Бик Лан. – М., 2006. – 27 с.

Невська Ю. В. Особистий епістолярій М. Куліша: фокус емпатії / Ю. В. Невська // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64). № 4, ч. 2. – С. 538–544.

Нижникова Л. В. Письмо как тип текста : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 – германские языки / Лариса Викторовна Нижникова. – Одесса, 1991. – 159 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведева; РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Омарова Г. Б. Диалогичность эпистолярной поэтики А. С. Пушкина : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература / Гюльсара Бейсембаевна Омарова. – Омск, 2004. – 178 с.

Павлик Н. В. Специфіка епістолярного жанру як міжстильового явища / Н. В. Павлик // Лінгвістика : зб. наук. праць. – Луганськ : Вид-во ЛНПУ імені Т. Шевченка „Альма-матер”, 2005а. – С. 241–248.

Павлик Н. В. Типологія дискурсивних одиниць в українському епістолярному мовленні : автореф. дисс. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Неля Віленівна Павлик. – Донецьк, 2005б – 20 с.

Пазинич О. М. Фактор адресата у дипломатичному листуванні / О. М. Пазинич // Мовознавство. – 2001а. – № 2. – С. 48–53.

Пазинич О. М. Функціонально-структурні особливості текстів дипломатичного листування : автореф. дисс. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.15 – загальне мовознавство / Оксана Миколаївна Пазинич. – К., 2001б. – 20 с.

Пань Хэй. Вокативная функция речи и её содержание в русском и китайском языках / Хэй Пань // Альманах современной науки и образования. – № 10(41). – Тамбов : Грамота, 2010. – С. 202–204.

Паперно И. А. Переписка как вид текста. Структура письма // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Вып. 1 (5). – Тарту, 1974. – С. 214–215.

Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Вероника Яковлевна Парсамова. – Саратов, 2004.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. Около 2600 имён / Н. А. Петровский. – М. : Сов энцикл., 1966. – 384 с.

Пиотровский Р. Г. Моделирование фонологических систем и методы их сравнения / Р. Г. Пиотровский. – Л. : Наука, 1966. – 300 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.

Половинко Е. А. Практикум по курсу «Русский речевой этикет» / Е. А. Половинко. – Д.: РВВ ДНУ, 2008. – 28 с.

Попов А. С. Обращения-предложения в современном русском языке / А. С. Попов // Русский язык в школе. – 1958. – № 5. – С. 36–39.

Попова І. С. Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) : монографія / І. С. Попова. – Д. : Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.

Попова Т. В. Византийская эпистолография / Т. В. Попова // Византийская литература / отв. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Наука, 1974. – С. 181–230.

Потоцкая Н. П. Стилистика современного французского языка. Теоретический курс : Учебник для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / Н. П. Потоцкая. – М. : Высш. шк., 1974. – 247 с.

Почепцов Г. Г. Фатическая метакоммуникация / Г. Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств: Межвуз. темат. сборник. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1981. – С. 52–59.

Принципы издания эпистолярных текстов : Вопросы текстологии. – Вып. 3. / отв. ред. В. С. Нечаева. – М.: Наука, 1964. – 308 с.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения : Учеб. пос. для филол. спец. вузов / А. Ф. Прияткина. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Проницев В. П. Синтаксис обращения / В. П. Проницев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 88 с.

Протопопова О. В. Эпистолярный жанр / О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, Наука, 2006а. – С. 627–631.

Протопопова О. В. Эпистолярный стиль / О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, Наука, 2006б. – С. 631–634.

Прохоренков В. Значение, функция и коммуникативные особенности вокатива в предложениях с глаголами изъявительного наклонения в старорусском языке / В. Прохоренков // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія “Лінгвістика” : Зб. наук. праць. Вип. XIII. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2011. – С. 79–84.

Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия / Е. И. Прохоров // Принципы издания эпистолярных текстов: Вопросы текстологии. – Вып. 3. – М.: Наука, 1964. – С. 6–72.

Пумпянский А. Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. – М. : Наука, 1974. – 247 с.

Радзієвська Т. В. Текст як засіб комунікації / НАН України; Інститут української мови; відп. ред. М. М. Пешак. – 2-ге вид., стереотипне. – К., 1998. – 194 с.

Райлянова В. Е. Семантичний простір звертання в сучасній російській мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 – російська мова / Вікторія Едуардівна Райлянова. – Дніпропетровськ, 2001. – 17 с.

Реут С. Н. Жанр бытового письма: лингвистический и лингводидактический аспекты / С. Н. Реут // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин : Материалы III Междунар. науч. конф., 12–13 мая 2005 г., г. Мозырь: В 2 ч. Ч. 1. / отв. ред.: С. Б. Кураш и др. – Мозырь: УО МГПУ, 2005, – С. 116–117.

Рогинская О. О. Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе : автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология / О. О. Рогинская. – М., 2002. – 16 с.

Рогожин М. Ю. Современное деловое письмо [пособие] / М. Ю. Рогожин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : ГроссМедиа Ферлаг: РОСБУХ, 2009. – 272 с.

Розанова С. А. Специфика эпистолярных изданий / С. А. Розанова // Вопросы литературы. – 1965. – № 6. – С. 214–218.

Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. – М. : Высшая школа, 1963. – 364 с.

Руднева С. Ф. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / С. Ф. Руднева. – Сургут, 2010.

Русская грамматика. – Т. 2. Синтаксис / АН СССР, Институт русского языка. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : Русский язык, 1990. – 640 с.

Русский язык : Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.

Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств: Межвуз. темат. сборник. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1981. – С. 76–86.

Рыжова Л. П. Обращение: нормы и правила употребления / Л. П. Рыжова // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин, 1984. – С. 114–119.

Самуэльян Н. А. Настольная книга секретаря-референта: контракты, деловая корреспонденция, документация / Н. А. Самуэльян. – М.: Менеджер, 1997. – 223 с.

Седова О. Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка / О. Н. Седова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1985. – № 6(150). – С. 57–62.

Серый Н. П. Структурные типы обращений в украинском эпистолярном стиле (Дооктябрьский период) / Н. П. Серый // Вопросы прикладной лингвистики: сб. науч. ст. – Вып. 6. – Днепропетровск: ДГУ, 1976. – С. 169–174.

Сибирякова С. Н. Реализация коммуникативной стратегии в структуре писем-прошений (на материале немецкоязычных писем-прошений XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / Светлана Николаевна Сибирякова. – Барнаул, 2010. – 18 с.

Синельникова Л. Н. Диалог как способ расширения идентификации // Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 2. – С. 252–259.

Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М.: Высшая школа, 1980. – 141 с.

Скаб М. С. Функціональна сфера апеляції в українській мові (семантика, граматики, прагматика, стилістика): автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Мар'ян Стефанович Скаб. – Чернівці, 2002. – 28 с.

Сметанин В. А. Эпистолография : Метод. разработка к спец. семинару для студентов-заочников исторического факультета / В. А. Сметанин. – Свердловск : Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 1970. – 182 с.

Сметанин В. А. Теоретическая часть эпистолологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – [Вып. 16] : Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 58–93.

Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – [Вып. 17] : Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 5–18.

Смирнова Л. Н. Типы и виды изданий эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов: Вопросы текстологии. – Вып. 3. – М. : Наука, 1964. – С. 182 – 244.

Соломонова В. В. Эпистолярное наследие В. Г. Белинского 30-х годов (становление литературного критика): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1983. – 20 с.

Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 811 с.

Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX века // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики : [сб. статей]. – М. : Худож. лит., 1966а. – С. 66–90.

Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. – М. : Худож. лит., 1966б. – С. 91–100.

Степанов Ю. С. Французская стилистика : Учебное пособие. – М. : Высшая школа, 1965. – 355 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта : Наука, 2006 – 696 с.

Столярова Л. П. Словосочетание и его структурно-функциональные аналоги в современном русском языке / Л. П. Столярова. – Д. : ДГУ, 1988. – 68 с.

Столярова Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во ГАРККИ, 2003. – 192 с.

Стрілець І. В. Способи апеляції в етикеті української і польської мов / І. В. Стрілець // Теорія і практика викладання української мови як іноземної: Зб. наук. праць. – Вип. 4. – Львів : Видав. Центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2009. – С. 273–283.

Стрілець І. В. Детермінація способів апеляції в українській і польській мовах / І. В. Стрілець // Вісник Львівського ун-ту. Серія філологічна. – 2012. – Вип. 56. – Ч. 1. – С. 72–80.

Сулейманова М. А. Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге (М. Цветаева и Б. Пастернак) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Мариям Абдулхакимовна Сулейманова. – Махачкала, 2009. – 20 с.

Супрун В. И. Антропонимы в вокативном употреблении / В. И. Супрун // Известия Уральского государственного университета.

– 2001. – № 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.philology.ru/linguistics2/suprun_v-01.htm

Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 50-е годы): дисс. канд. филол. наук: 10.01.01 – русская литература / Екатерина Владимировна Суровцева. – М., 2006. – 202 с.

Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. С. Сыщиков. – Волгоград, 2000. – 23 с.

Сыщиков О. С. Статусные характеристики коммуникантов в текстах коммерческих писем. / О. С. Сыщиков // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград : Перемена, 2001. – С.141–147.

СЭС – Советский Энциклопедический Словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 2-е. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 1600 с.

Ташлыков С. А. Эпистолярная новелла А. И. Куприна / С. А. Ташлыков // Анализ литературного произведения. Сб. научн. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та. – 2001. – С. 21–31.

Телеки М. М. Соціальні категорії модусу в текстах епістолярного жанру: монографія / М. М. Телеки, В. Д. Шинкарук. – К. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2007. – 172 с.

Ткачівський В. Німецькомовне листування І. Франка як літературознавче джерело : Дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 – українська література / В. Ткачівський. – Івано-Франківськ, 1997. – 198 с.

Тодд III У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / Пер. с англ. – СПб. : Академический проект, 1994. – 207 с. (англ. изд. – 1976).

Томашевский Б. В. Французская орфография Пушкина в письмах к Е. М. Хитрово / Б. В. Томашевский // Пушкин А. С. Письма к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. – Л.: Изд-во. АН СССР, 1927. – С. 362–371. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?PageContentID=18&tabid=131>

Тулузакова О. Г. Актуалізація етикетних мовних формул на позначення звертань / О. Г. Тулузакова // Наукові праці : Філологія. Мовознавство. – Вип. 79. – Т. № 92 – Миколаїв : РВЦ ЧДУ ім. Петра Могили, 2008. – С. 62–67.

Тутаева И. В. Жанрово-стилевое разнообразие писем А. П. Чехова / И. В. Тутаева // Вестник ТвГУ. Серия „Филология”. – Вып. 5. – 2010. – С. 196–200.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 255–269.

Фалина В. А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX – начала XX века / В. А. Фалина // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – 2008. – Вып. 3. – С. 262–266.

Фалина В. А. Традиционное и новое в формуляре зачина неофициального письма владимирского купечества середины XIX – начала XX века / В. А. Фалина // Вестник ИГЭУ, – 2007. – Вып. 1. – С. 68–70.

Фалина В. А. Фразеология эпистолярного жанра :На материале частной переписки купеческого сословия Владимирской губернии середины XIX – начала XX века : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Вера Александровна Фалина. – Иваново, 2000. – 182 с.

Федюрко С. Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Сергей Юрьевич Федюрко. – Воронеж, 2002. – 140 с.

Фесенко О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ольга Петровна Фесенко. – Томск, 2009. – 38 с.

Фесенко О. П. Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры: монография / О. П. Фесенко. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2008а. – 128 с.

Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008б. – № 23 (124). – С. 132–143.

Фонштейн В. М. «Письма – это самая жизнь...». О дружеских письмах П. А. Вяземского / В. М. Фонштейн // Русская литература. – 1983. – № 1. – С. 25–30.

Формановская Н. И. Речевой этикет. Обращение к незнакомому / Н. И. Формановская // Русская речь. – 1980а. – № 3. – С. 67–71.

Формановская Н. И. Речевой этикет. Обращение к знакомому / Н. И. Формановская // Русская речь. – 1980б. – № 5. – С. 55–59.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 1982. – 126 с.

Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.

Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

Фрейберг Л. А. Фиктивное письмо в поздней греческой прозе / Л. А. Фрейберг // Античная эпистолография: Очерки. – М.: Наука, 1967. – С. 162–191.

Фридман Н. В. Письма Батюшкова / Н. В. Фридман // Фридман Н. В. Проза Батюшкова. – М.: Наука, 1965. – С. 143–157.

Фэн Хунмэй. Жанр делового письма и его субжанры : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / 10.02.01 – русский язык. / Фэн Хунмэй. – М., 2006. – 23 с.

Цыцарина О. Ф. О понятии «эпистолярный жанр» в современной лингвостилистической литературе / О. Ф. Цыцарина // Функционально-семантические аспекты языковых явлений (на материале германских языков : межвуз. сб. статей. – Куйбышев : Куйбышевский гос. университет, 1989. – С. 103–110.

Черкез І. Б. Українська мова в епістолярних текстах текстів кінця ХІХ – початку ХХ століття : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Інна Богданівна Черкез. – Чернівці, 2008. – 221 с.

Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Алла Борисовна Черняева. – Санкт-Петербург, 2008. – 187 с.

Чёрный А. И. Введение в теорию информационного поиска / А. И. Чёрный. – М.: Наука, 1975. – 238 с.

Чеснокова И. А. Дифференциальные и интегральные признаки открытых писем / И. А. Чеснокова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 6 (108). – С. 100–103.

Чеснокова И. А. Письмо-исповедь в рамках виртуального дискурса / И. А. Чеснокова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 1 (116). – С. 229–231.

Чигридова Н. Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных : На материале немецкого языка : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Наталья Юрьевна Чигридова. – Ростов н/Д., 1999. – 224 с.

Шевцова Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01– русская литература / Наталья Вячеславовна Шевцова. – Челябинск, 2004. – 228 с.

Шеметова Е. А. Стратегии сближения коммуникантов в жанре английского частного письма: дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.04 – германские языки / Е. А. Шеметова. – Иркутск, 2002 – 188 с.

Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелёва // *Жанры речи* : [сб. науч. трудов]. – Саратов : Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.

Шульга Д. О. Іншомовні слова в письменницькому епістолярії 20–50 років ХХ століття : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Дмитро Олександрович Шульга. – Кіровоград, 2012.– 221 с.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / [ред. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич]. – Л. : Наука, 1974. – С. 24–39.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / [сост. М. И. Матусевич]. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 113–129.

Языковая номинация: Общие вопросы / [отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – М. : Наука, 1977. – 359 с.

Янко-Триницкая Н. А. «Ты» и «Вы» / Н. А. Янко-Триницкая // *Русский язык в школе*. – 1983.– № 1. – С. 63–68.

Patterson K. The "Anna Jameson and her Friends Database" : Mapping Anna Jameson's Associative Links with the Victorian Intellectual Community / Katharine Patterson; [Simon Fraser University, University of British Columbia]. – CHWP A.17, publ. October 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://chwp.arts.ubc.ca/patterson/#3>

Song M. Indications of Emotional Connection: Epistolary Text Mining for Intimate Language / Min Song, Paul Youngman, Stan Ruecker. – Publ. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://yandex.ua/yandsearch?p=1&lr=141&msid=20947.24315.1358631921.32182&text=epistolary+text&tld=ua>

Sykutris J. Epistolographie // *Paulys Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft* / Eds. G. Wissowaand W. Kroll. – Stuttgart: J. B. Metzler, 1931. – S. 185–220.

Winniczuk L. Epistolografia. Lacińskie podręczniki epistolograficzne w Polsce w XV–XVI wieku / Lidia Winniczuk. – Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Szkolnictwa Wyzszego, 1952. – Str. 77.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

- Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849 / издание подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М. : Наука, 1988. – 704 с. (Литературные памятники).
- Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856 / издание подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М. : Наука, 1994. – 654 с. (Литературные памятники).
- Александр Третий:* Воспоминания. Дневники. Письма / [вступ. ст., составление, подготовка текста и примечания В. Г. Чернухи]. – СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. – 400 с. (Государственные деятели России глазами современников).
- Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу : [в 2 кн.] / издание подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. – СПб. : Наука, 2005. – Книга 1. 1852 – 1874. – 532 с. – Книга 2. 1875–1883. – 422 с. (Литературные памятники).
- Анненский И. Ф.* Письма // Анненский И. Ф. Книги отражений / издание подготовили Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. – М. : Наука, 1979. – С. 446–494. (Литературные памятники).
- Астафьев В. П.* Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / [сост., предисл. Г. Сапронова]. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
- Ахматова А. А.* Я – голос ваш... / [вступ. ст. Д. Самойлова; сост. и прим. В. А. Черных]. – М. : Книжная палата, 1989. – 383 с.
- Бабель И.* Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 4. Письма. А. Н. Пирожкова. Семь лет с Исааком Бабелем / [сост., вступ. ст. и примечания И. Н. Сухих]. – М.: Время, 2005. – 636 с.
- Баранцев Р. Г.* Люди в письмах. I. Деловые и дружеские / Рэм Георгиевич Баранцев. – М. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2007. – 398 с.

- Барсковъ Я. Л.* Переписка московских масоновъ XVIII века. 1780–1792 гг. / издание Отделенія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. – Петроград, 1915. – 340 с.
- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. [в 13 т.] / АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский дом); [гл. ред. Н. Ф. Бельчиков]. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. 10. Статьи и рецензии 1846–1848. – М., 1956. – 474 с.; Т. 11. Письма 1829–1840. / [ред. тома Н. Ф. Бельчиков]. – М., 1956. – 718 с.; Т. 12. Письма 1841–1848. / [ред. тома Ю. Г. Оксман]. – М., 1956. – 596 с.
- Блок А. А.* Собрание сочинений в восьми томах / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – Т. 8. Письма. 1898–1921. – М.–Л. : ГИХЛ, 1963. – 772 с.
- Брянчанинов И.* Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в 8 т. – Т. 7. Письма / [сост. О. И. Шафранова]. – М. : Паломник, 2007. – 656 с.
- Булгаков М. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8 : Жизнеописание в документах / [сост., подготовка текста В. И. Лосева]. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 736 с.
- Бунин И. А.* Полн. собр. соч. в 13 т. / [рук. издат. проекта Г. В. Пряхин]. – М.: Воскресенье, 2006–2007 гг. – Т. 11 / [сост., прим. И. И. Жуков]. – 2006. – 515 с.; Т. 12 / [сост., прим. Е. Д. Власкина, Д. Г. Горбунцов, И. И. Жуков]. – 2006. – 580 с.; Т. 13 / [сост., прим. И. И. Жуков]. – 2006. – 495 с.; Т. 14, доп. / [сост., прим. И. И. Жуков]. – 2006. – 596 с.; Т. 15, доп. / [сост., прим. Е. Д. Власкина, Д. Г. Горбунцов]. – 2006. – 519 с.
- Вернадський В. І.* Листування з українськими вченими : у 2-х кн. / НАН України, Коміс. з наук. спадщини акад. В. І. Вернадського, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського, Ін-т історії України [та ін.] ; ред. рада : Б. Є. Патон (голова) [та ін.]. – Кн. 1. А–Г. – К., 2011. – 824 с.; Кн. 2. Листування : Д–Я. – Ч. 1 : Д–Н. – К., 2012. – 742 с.; Кн. 2. Листування : Д–Я. – Ч. 2 : О–Я. – К., 2012. – 692 с. (Вибрані наукові праці акад. В. І. Вернадського. Т. 2).
- Виноградов В. В.* «...сумею преодолеть все препятствия...»: письма Н. М. Виноградовой-Малышевой / сост. и подгот. текста Г. А. Золотовой и В. М. Мальцевой // Новый мир. – 1995. – № 1. – С. 172–220.
- Восстание декабристов.* Материалы. – Т. X / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Госполитиздат, 1953. – 335 с.

- Встреча с эмиграцией* : Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публикация, вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. – М. – Париж : Русский путь – YMCA-Press, 2001. – 400 с.
- Герцен А. И.* Сочинения в 9 т. / [под общ. ред. В. П. Волгина, Б. П. Козьмина, С. А. Макашина и др.]. – Т. 9. Дневник 1842–1845. Письма 1832–1870 / [подгот. текста писем и прим. Л. Р. Ланского]. – М. : ГИХЛ, 1958. – 756 с.
- Год кризиса, 1938–1939*: Документы и материалы. В 2 т. / М-во иностр. дел СССР; редкол.: Бондаренко А. П., Венков И. Н., Дегтярев А. Я. и др. – Т. 1. – М. : Политиздат, 1990. – 557 с.; Т. 2. – М. : Политиздат, 1990. – 432 с.
- Глазунов А. К.* Письма, статьи, воспоминания. Избранное. / [составление, вступ. статья и примечания М. А. Ганиной]. – М. : Гос. муз. изд-во, 1958. – 550 с.
- Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 6 т. / под общ. ред. С. И. Машинского, А. Л. Слонимского, Н. Л. Степанова. – Т. 6. Избр. статьи и письма / [подгот. текста и примеч. А. Н. Дубовикова]. – М. : ГИХЛ, 1959. – 564 с.
- Горбачевский И. И.* Записки. Письма / издание подгот. Б. Е. Сыроечковский, Л. А. Сокольский, И. В. Порох. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 356 с. (Литературные памятники).
- Горький М.* Собр. соч. в 30 т. / [Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР]. – Т. 28. Письма, телеграммы, надписи : 1889–1906. – М. : ГИХЛ, 1954. – 600 с.; Т. 29. Письма, телеграммы, надписи : 1907–1926. – М. : ГИХЛ, 1955. – 672 с.; Т. 30. Письма, телеграммы, надписи : 1927–1936. – М. : ГИХЛ, 1956. – 820 с.
- ГПГ* – Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.) / [сост. В. А. Кондратьев, З. Н. Политов]. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Политиздат, 1973. – 496 с.
- Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. в 3 т. / ред. коллегия: С. А. Фомичев (гл. ред.), А. В. Архипова, В. Э. Вацура, А. Л. Гришунин, Н. Н. Скатов. – Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги / [подгот. текста и коммент.: О. Ф. Акимовский, Н. Л. Дмитриева, А. К. Михайлова и др.]. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2006. – 688 с.

- Григорьев А.* Письма / издание подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. – М. : Наука, 1999. – 474 с. (Литературные памятники).
- Гумилёв Н. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. / [ред. колл.: Н. Н. Скатов, Ю. В. Зобнин, В. П. Муромский]. – Т. 8. Письма / [отв. ред. тома Ю. В. Зобнин]. – М. : Воскресенье, 2007 – 640 с.
- Дзержинский Ф. Э.* Дневник заключённого. Письма / [подготовлено к публикации Н. И. Зубовым]. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 288 с.
- Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка / издание подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов. – Л. : Наука, 1976. – 484 с. (Литературные памятники).
- ЕП – Екатерина II и Г. А. Потемкин:* Личная переписка 1769–1791 / издание подгот. В. С. Лопатин. – М. : Наука, 1997. – 990 с. (Литературные памятники).
- Есенин С. А.* Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. Автобиографии, статьи, письма / [подгот. текста и прим. А. А. Козловского, А. М. Марченко и др.]. – М. : ГИХЛ, 1962. – 456 с.
- Жуковский В. А.* Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма / [подгот. текста и прим. И. Д. Гликмана]. – М.–Л.: ГИХЛ, 1960. – 784 с.
- Каплер А.* Юлии Друниной. Из переписки // Друнина Ю. В. Память сердца. Стихотворения / [сост. Е. Липатникова]. – М. : Эксмо, 2006. – С. 281–291.
- Кони А. Ф.* Собрание сочинений в восьми томах / [под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского]. – Т. 8. Письма 1868–1927 / [ред. тома В. Н. Баскаков]. – М. : Юридическая литература, 1969. – 528 с.
- Корнилович А. О.* Сочинения и письма / издание подгот. А. Г. Грумм-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауз. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 550 с. (Литературные памятники)
- Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 т. / [ред. Г. М. Граник и О. Э. Сафонова]. – Т. 10. Письма 1879–1921 / [подгот. текста и прим. С. В. Короленко]. – М. : ГИХЛ, 1956. – 718 с.
- Лазо С. Г.* Дневники и письма / подгот. к печати О. А. и А. С. Лазо. – Владивосток : Приморское книжное изд-во, 1959. – 180 с.
- Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Издание пятое. – Т. 48. Письма: ноябрь 1910 – июль 1914 / [ред. К. А. Остроухова]. – М. : Изд-во полит. литературы, 1964. – 543 с.; Т. 53. Письма: июнь – ноябрь 1921 /

- [ред. И. А. Гладков]. – М. : Изд-во полит. литературы, 1965. – 546 с.
- Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Проза. Письма. / [ред. Б. М. Эйхенбаум]. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 826 с.
- Лесков Н. С.* Собр. соч. в 11 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. – Т. 10 / [подгот. текста Н. И. Соколова]. – М.: ГИХЛ, 1958. – 599 с.; Т. 11 / [подгот. текста и прим. И. Я. Айзенштока]. – М. : ГИХЛ, 1958. – 862 с.
- ЛН* – Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском / ред. : В. В. Виноградов (гл. ред.), И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 632 с.
- Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. [в 10 т.]. / [гл. ред. акад. С. И. Вавилов]. – Т. 10. Служебные документы. Письма 1734–1765 гг. / [ред. А. И. Андреев, Г. П. Блок, Г. А. Князев]. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 934 с.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч. в 10 т. Т. 10. Легенды. Рассказы и сказки для детей. Автобиографическая записка. Воспоминания. Избранные письма / [под общ. ред. А. И. Груздева]. – М. : Изд-во «Правда», 1958. – 436 с.
- Мандельштам О. Э.* Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. Письма / [сост. и коммент. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко]. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1999. – 607 с.
- Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. в 13 т. – Т. 13: Письма и другие материалы / [подгот. текста и примечания: В. А. Арутчева и др.]. – М. : ГИХЛ, 1961. – 628 с.
- «Мой вечный спутник по жизни».* Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы / [вступ. статья, составление, коммент. и подготовка текста Дж. Малмстада]. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 296 с.
- Мусоргский М. П.* Письма / [ред. Е. Гордеева]. – 2-е изд. – М. : Музыка, 1984. – 446 с.
- Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем в 15 т. / [гл. ред. Н. Н. Скатов]. – СПб: Наука, 1981–2000. – Т. 15 / [ред. О. Б. Алексеева, Б. В. Мельгунов]. – СПб: Наука, 2000.– Кн. 1. Письма 1863–1872 гг. – 352 с.; Кн. 2. Письма 1873–1877 гг. – 640 с.

- Островский А. Н.* Полн. собр. соч. – Т. XIV. Письма. 1842–1872 / [ред. тома А. И. Ревякин]. – М.: ГИХЛ, 1953. – 384 с.; Т. XV. Письма. 1873–1880. / [ред. тома А. И. Ревякин]. – М.: ГИХЛ, 1953. – 328 с. – Т. XVI. Письма. 1881–1886 / [ред. тома А. И. Ревякин]. – М.: ГИХЛ, 1953. – 444 с.
- Островский Н. А.* Письма // Островский Н. А. Сочинения / [ред. С. Трегуб]. – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1947. – С. 347–423.
- Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. с приложениями : В 11 т. / [гл. ред. Д. В. Тевекелян; сост., коммент. Е. В. Пастернак и М. А. Рашковской]. – Т. VII. Письма 1905–1926. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2005. – 824 с.
- Паустовский К. Г.* Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. Письма. 1915–1968 / [сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого]. – М.: Худож. лит., 1986. – 542 с.
- ПГ – Переписка М. Горького* : В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1 / [составление, подгот. текста и комментарий М. А. Семашкиной и Л. А. Евстигнеевой]. – 479 с.; Т. 2 / [составление, подгот. текста и коммент. Л. А. Евстигнеевой и Е. И. Прохорова]. – 447 с. (Переписка русских писателей).
- Переписка А. П. Ермолова с П. Х. Граббе* // Михайлов О. Н. Генерал Ермолов: Исторический роман; Переписка А. П. Ермолова с П. Х. Граббе. / [сост. О. Н. Михайлов]. – М.: ИТРК, 2002. – С. 510–573.
- Переписка Бориса Пастернака* / [сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака]. – М.: Худож. лит., 1990. – 575 с.
- Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 гг.)*. / [печатано по распоряжению Совета Императорского Русского Исторического Общества под наблюдением члена Общества графа С. Д. Шереметева] – СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1879. – 564 с.
- Петр I* – Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 8 (июль–декабрь 1708 г.). – Вып. 1 / [ред. А. И. Андреев]. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 408 с.
- Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману (1907–1944)* / сост. Н. В. Филиппова. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

- Письма героев обороны Киева* / [сост. и авт. коммент. И. Ф. Евдокимов; лит. запись коммент. В. И. Тво-ринского]. – К. : Политиздат Украины, 1984. – 198 с.
- Письма русских государей* и другихъ особъ царскаго семейства, изданныя Археографическою комиссіею. – Т. 1. – М., 1848. – 350 с.; Т. 2. – М., 1861. – 110 с.; Т. 3. – М., 1862. – 164 с.; Т. 4. – М., 1862. – 302 с.; Т. 5. – 1896. – 78 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eknigi.org/istorija/97107-pisma-russkix-gosudarej-i-drugix-osob-carskogo.html>
- Письма царевица Алексея Петровича* къ его родителю Петру Великому. – Одесса: Гор. Типографія, 1849. – 100 с.
- Плеханов Г. В.* Литература и эстетика [в 2 т.] / [подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Б. И. Бурсова]. – М. : ГИХЛ, 1958. – Т. 1. – 615 с.; Т. 2. – 671 с.
- Погорельский А.* Сочинения. Письма / издание подгот. М. А. Турьян. – СПб. : Наука, 2010. – 755 с. (Литературные памятники).
- ППСМ* – Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / [Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР; Председатель Комиссии А. А. Громыко]. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 – ноябрь 1945). – 408 с.; Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 – декабрь 1945). – 296 с.
- Просим освободить из тюремного заключения* (письма в защиту репрессированных) / [сост.: В. Гончаров, В. Нехотин]. – М. : Современный писатель, 1998. – 208 с.
- ПРП* – Письма русских писателей XVIII века : [Сборник] / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [отв. ред. и авт. вступит. статьи Г. П. Макогоненко]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 472 с.
- Пушкин А. С.* Письма к жене / издание подгот. А. Я. Левкович. – Л. : Наука, 1986. – 260 с. (Литературные памятники).
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10 т. – Изд. 2-е. – Т. 10. Письма / [текст проверен и примеч. составлены проф. Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под ред. проф. Б. В. Томашевского]. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 903 с.

- ПХ* – Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову (1856–1869) / [сост. Н. Г. Галкина и М. Н. Григорьева]. – М. : Искусство, 1960. – 372 с.
- Ремизов А. М.* Письма // Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах / Н. Кодрянская. – Париж, 1977. – С. 29–413.
- Севастопольскія письма Н. И. Пирогова 1854–1855* / под ред. и с примечаниями Ю. Г. Малиса. – СПб. : Типографія М. Меркушева, 1907. – 231 с.
- Северянин И.* Царственный паяц : Автобиографические материалы. Письма. Критика [Сборник] / [сост., вступ. ст. и коммент. В. Н. Терёхиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой]. – СПб. : Росток, 2005. – 640 с.
- Серафимович А. С.* Собр. соч. в 7 т. Т. 7 / [подгот. текста и примеч. Р. И. Хигеровича]. – М. : ГИХЛ, 1960. – 728 с.
- Серно-Соловьевич Н. А.* Публицистика. Письма / издание подгот. И. Б. Володарский и Г. А. Кайкова. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 432 с. (Литературные памятники).
- Советское руководство.* Переписка. 1928–1941 гг. / [сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 519 с. (Документы советской истории).
- Сталин и Каганович.* Переписка 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 798 с.
- Суворов А. В.* Письма [Текст] / издание подготовил В. С. Лопатин. – М. : Наука, 1986. – 808 с.
- Толстой А. К.* Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. – М. : Правда, 1969. – 416 с.
- Толстой А. Н.* Собр. соч. в 10 т. / [под ред. А. В. Алпатова, Ю. А. Крестинского, А. С. Мясникова и др.]. – Т. 10. Статьи, выступления, письма, очерки. Рассказы Ивана Сударева / [подгот. текста и коммент. Ю. А. Крестинского]. – М. : ГИХЛ, 1961. – 712 с.
- Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 20 т. / под общ. ред. Н. Н. Акоповой, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, М. Б. Храпченко. – М. : Худож. лит., 1965. – Т. 17. Письма 1845–1886 гг. / [сост., вступ. статья и примеч. С. А. Розановой]. – 624 с.; Т. 18. Письма 1887–1910 / [сост. и прим. С. А. Розановой]. – 616 с.

- Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями / сост., подгот. текста, вступ. статья и примечания С. А. Розановой. – М.: ГИХЛ, 1962. – 720 с.
- Тютчев Ф. И.* Стихотворения, письма / [вступ. статья, подгот. текста и прим. К. В. Пигарева]. – М.: ГИХЛ, 1957. – 626 с.
- Фадеев А. А.* Собр. соч. в пяти томах / под ред. Е. Ф. Книпович, В. М. Озерова, К. А. Федина. – Т. 5. Статьи, рецензии, записные книжки, письма / [ред. К. Платонова]. – М.: ГИХЛ, 1961. – 682 с.
- Фельдмаршал Румянцев.* Документы, письма, воспоминания / сост. А. П. Капитонов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 311 с.
- Хлебников В.* Собрание сочинений : В 6 т. Т. 6. Кн. 2-я : «Доски судьбы». Мысли и заметки. Письма и др. автобиографические материалы. 1897–1922 / [под общ. ред. Р. В. Дуганова. Сост., подгот. текста и примеч. Е. Р. Арэнзона и Р. В. Дуганова]. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – 384 с.
- Цветаева М.* Собр. соч. в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 6. Письма / [вступ. ст. А. Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. – 1995. – 800 с.; Т. 7. Письма / [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. – 1995. – 848 с.
- Цветаева М., Гронский Н.* Несколько ударов сердца. Письма 1928–1933 годов / издание подгот. Ю. И. Бродовская и Е. Б. Коркина. – М.: Вагриус, 2004. – 320 с.
- Чайковский П. И.* Письма к близким. Избранное / [редакция и комментарии В. А. Жданова]. – М.: Гос. музыкальное издательство, 1955. – 672 с.
- Чехов А. П.* Собр. соч. в 12 т. / [под общ. ред. В. В. Ермилова, К. Д. Муратовой и др.]. – Т. 11. – М.: ГИХЛ, 1963. – 696 с.; Т. 12. – М.: ГИХЛ, 1964. – 784 с.
- Чему свидетели мы были.* Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940 гг. : Сборник документов в 2-х книгах / [сост., подгот. текста, прим. Ю. И. Стрижов, В. В. Алдошин, Ю. С. Дедов и др.]. – М.: Гея, 1998. – Книга 1. 1934–1937. – 562 с.; Книга 2. 1937–1940. – 624 с.
- ЧМ – Чайковский П. И.* Переписка с Н. Ф. фон-Мекк : В 3 кн. Кн. 1. 1876–1878 годы / [ред. И. Захаров; предисл. В. А. Жданов, Н. Т. Жегин]. – М.: Захаров, 2004. – 624 с. (Биографии и мемуары).

- ЧТ* – Чайковский П. И., Танеев С. И. Письма / [составитель и редактор В. А. Жданов]. – М. : Госкультпросветиздат, 1951. – 558 с.
- Чуковская Л. К.* – Жирмунский В. М.: Из переписки (1966–1970) [Текст] / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Ж. О. Хавкиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/chukovskaya_zhirmunsky_perepiska.pdf
- Чуковский К. И.* Собрание сочинений: В 15 т. / [вступ. ст. Е. Ивановой; сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская. Общ. ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской]. – 2-е изд., электронное, испр. – М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – Т. 14 : Письма (1903–1925). – 688 с.; Т. 15 : Письма (1926–1969) – 800 с.
- Шмелев И. С. и О. А. Бредиус-Субботина.* Роман в письмах : В 2 т. / [предисл., подгот. текста и комментарий А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартьяновой, Л. В. Хачатурян]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003–2005. – Т. 1. – М., 2003. – 760 с.; Т. 2. – М., 2004. – 856 с.; Т. 3 (дополнительный). Шмелев И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. Ч. 1. – М., 2005. – 792 с.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПИСЬМО КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	23
1.1. Письмо в системе письменных документов	23
1.2. Конструктивные параметры письма, их комбинаторика и функциональная значимость	38
1.3. Редукция конструктивных параметров письма – объективный фактор эпистолярной коммуникации	59
1.3.1. Редукция заключительной этикетной формулы письма	60
1.3.2. Редукция адресации	68
Глава II. ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ВОКАТИВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА	76
2.1. Обращение в системе средств речевого контакта	76
2.2. Эпистолярный вокатив как адресация письма	86
2.2.1. Понятие эпистолярного вокатива	86
2.2.2. Вокативная конструкция	89
2.2.3. Контактив	93
2.2.4. Прямая, опосредованная и совмещённая адресация	97
2.2.5. Моновокатив и поливокатив	106
Глава III. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА	111
3.1. Многоплановость эпистолярной адресации	111
3.2. Общий корпус русских вокативных образований	121
3.2.1. Базовые модели вокатива	121
3.2.2. Антропоним в функции эпистолярного вокатива	125
3.2.3. Вокативный апеллатив	133
3.2.4. Сочетание антропонима и апеллатива в вокативной конструкции	160

3.3. Эпистолярный вокатив в генеральном массиве писем	168
3.3.1. Проблема описания полного корпуса вокативных образований	168
3.3.2. Регулярные вокативные модели в русской эпистолярике	187
Глава IV. ПОЛИВОКАТИВ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ	228
4.1. Поливокатив как фигура с повторной номинацией	228
4.2. Рамочный поливокатив	241
4.3. Рассеянный поливокатив	249
4.4. Комбинированный поливокатив	262
Глава V. СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА	272
5.1. Принципы адресантной персонификации вокативных образований	272
5.2. Индексирование вокативного ресурса адресантов	282
5.3. Динамика моделей вокатива	305
5.4. Лексическое наполнение вокативных конструкций	316
ВЫВОДЫ	333
ЛИТЕРАТУРА	342
ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	368

Научное издание

Елена Константиновна Куварова

**ТИПОЛОГИЯ РУССКОГО
ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА**

Монография

Печатается в авторской редакции

Компьютерная вёрстка, дизайн *М. Б. Вакарчука*

Подписано в печать 27.10.2014. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 22.

Тираж 300 экз. Заказ № 216

Отпечатано в издательстве «Новая идеология»

49044, г. Днепропетровск, пр. Кирова, 103.

Тел. / факс: (056)745-07-07

Свидетельство госрегистрации ДК № 191 от 20.09.2000 г.